D 02
10 702

Проверено 1961 г.
МАЙ 2008
Пров 1948 г.
1286 76г
истор 53096

3225
1858

53096 R ист.пб

N3544
1858

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРОВЕРЕНО
2000г.

Петромъ Рѣдкинымъ,

Докторомъ Правъ и Ординарнымъ Профессоромъ
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Все минется, одна правда остается.
Русская пословица.

53096 к ист-пр

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Петербургский
Педагогический Институт
Библиотека

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 22-го дня 1841 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ наше время начинаютъ уже и у насъ чувствовать потребность въ установленіи такого внѣшняго органа совокупной дѣятельности Русскихъ юристовъ, въ которомъ бы это возникающее сословіе нашло для себя точку соединенія, и посредствомъ котораго оно могло бы общими силами содѣйствовать благимъ видамъ Правительства въ дѣлѣ отечественной юриспруденціи, въ распространеніи юридическихъ познаній въ нашемъ отечествѣ, и въ укорененіи сознательнаго чувства законности и долга.

Знакомый со всѣми трудностями такого важнаго и огромнаго предпріятія, я не могъ однако же отказаться отъ желанія принять въ томъ участіе, по мѣрѣ силъ моихъ и возможности. Не откладывая вдаль, я рѣшился приступить съ нынѣшняго года къ изданію *Юридическихъ записокъ*.

Само собою разумѣется, что первый въ Россіи опытъ сборника юридическихъ статей не можетъ быть свободенъ отъ многихъ недостатковъ и несовершенствъ. Но развѣ не все

такъ начинается и не вездѣ такъ начиналось? Выбравъ для него заглавіе *Юридическихъ записокъ*, тѣмъ самымъ хотѣлъ я выразить отсутствіе всякаго съ моей стороны притязанія на совершенство этого безсрочнаго юридическаго изданія. Простительно мнѣ впрочемъ надѣяться, что его постоянное продолженіе и усовершенствованіе будетъ поддержано дѣятельнымъ въ немъ участіемъ отечественныхъ юристовъ и снисходительнымъ вниманіемъ просвѣщенной публики. Всѣ со мною конечно согласятся, что надлежащее выполненіе задачи юридическаго сборника сопряжено у насъ со множествомъ значительныхъ затрудненій, и отчасти даже непреодолимыхъ препятствій; но да будетъ стыдно Русскому юристу убѣгать такого труда, который вѣроятно теперь мало кѣмъ будетъ замѣченъ и оцѣненъ, но которымъ онъ надѣется достигнуть въ будущемъ полезныхъ результатовъ, награждающихъ его безкорыстную и добросовѣстную дѣятельность.

I. ВЗГЛЯДЪ НА ЛИТОВСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЛИТОВСКІЕ СТАТУТЫ.

1) Управленіе Литвы до XIII столѣтія.

Литовскіе уроженцы, желая возвысить древность, гражданскую образованность и законодательную прозорливость своихъ предковъ, предполагали существованіе Литовскихъ законоположеній уже въ языческія времена до 1386 года. Тѣмъ возбудили они во многихъ потребность повѣрить основательность подобныхъ предположеній.

Многолѣтніе мои труды, тщательное отыскиваніе разсѣянныхъ въ архивахъ, находящихся въ обладаніи многихъ частныхъ лицъ и помѣщенныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ, древнихъ грамотъ и другихъ письменныхъ памятниковъ, накопившихся у меня въ значительномъ количествѣ, убѣдили меня совершенно въ тщетности такаго рода поисковъ. Нынѣ смѣло и съ полною почти достовѣрностію утверждаю, что до принятія Ягелломъ Христіанской Вѣры и возведенія его на Польскій престолъ, не было и даже быть не могло въ Литвѣ писанныхъ законовъ (leges scriptae), по слѣдующимъ причинамъ.

Литва, сдѣлавшаяся подъ этимъ именемъ извѣстною не прежде начала XI столѣтія, раздро-

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

бленная до XIII столѣтія, подобно тогдашней Руси и Польшѣ, на множество мѣлкихъ, независимыхъ удѣловъ, управлялась Удѣльными Князьями по волѣ ихъ и усмотрѣнію безъ всякихъ законовъ (manu regebatur). Эти Князья, на отечественномъ языкѣ вѣроятно называемые *Кунигасами*, именовались въ переводѣ на Латинскій языкъ Reges. Многихъ изъ нихъ имена сохранились въ Волынской лѣтописи у Генриха Лотыша и Альнпека.

2) *Самодержавное государство при Миндовгѣ съ XIII вѣка.*

Въ началѣ XIII столѣтія прославился между Удѣльными Князьями необыкновенный геній своего вѣка, Миндовгъ (Mindowe, Mendolphus, Mendog), упоминаемый въ Волынской лѣтописи подъ 1217 годомъ. Онъ началъ свое царствованіе соединеніемъ многихъ удѣловъ воедино, основаніемъ самодержавія, принужденіемъ ограбленныхъ Князей, своихъ родственниковъ, искать себѣ счастія и вотчинъ на Руси. Для укрѣпленія своего престола среди язычниковъ, онъ искалъ связей и дружескихъ союзовъ съ Христіанскими Державами. По стараніямъ Польскаго Духовенства, онъ принялъ (въ 1252 году) Римско-Католическую Вѣру, и дозволилъ поставить въ Епископы Литвы Краковскаго Священника Вита. Когда вскорѣ за тѣмъ Витъ былъ вытѣсненъ Нѣмецкимъ — Рижскимъ Духовенствомъ, и раненный бѣжалъ въ Краковъ, мѣсто его занялъ Христіанъ, Епископъ изъ Ордена Меченосцевъ (въ 1254 году). Миндовгъ, помазанный на царство и

возведенный въ Королевское достоинство Папою, тщетно и долго дожидался помощи отъ Римскаго Двора противъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи, задобрялъ Меченосцевъ значительными дарами, но не успѣвъ въ своихъ намѣреніяхъ, снова обратился въ язычество, и по проискамъ Нѣмецкаго Ордена, посѣявшаго раздоръ и крамолу въ его семействѣ, былъ убитъ родственниками своими (въ 1263 году). Отъ него сохранились жалованныя грамоты, но нѣтъ и слѣдовъ узаконеній.

3) Феодальное состояніе Литвы при Гедиминѣ.

Основателемъ могущества Литвы былъ собственно Гедиминъ, который хотѣлъ основать въ Литвѣ Литовско-Русское самодержавное государство, независимое отъ владычества Татаръ, а потому именовалъ себя въ грамотахъ къ Папскому Двору Королемъ Литовскимъ и многихъ Русскихъ земель (qui se Regem Lithoviae et Ruthenorum intitulat. 1323.). Этотъ Государь мудрый, дальновидный, лучше всѣхъ предшественниковъ понимавшій и состояніе Литвы, и отношенія ея къ сосѣдамъ, возобновилъ мысль Даніила, Короля Галицкаго. Онъ заключалъ мирные союзы съ Русскими Князьями, женилъ сыновей своихъ на Княжнахъ Русскихъ и получалъ въ приданое цѣлые удѣлы. Переселяющимся въ Литву Князьямъ Русскимъ онъ дарилъ земли подъ феодальными условіями — вѣрности и службы, и основалъ въ Литвѣ феодальную систему. Въ города Псковъ и Великій Новгородъ, прибѣгавшіе подъ его покровительство, онъ отправлялъ военачальниковъ и правителей изъ

среды своего семейства, которые именовались Князьями (Наримундъ 1332). Изъ Княжествъ Полоцкаго, Витебскаго, Минскаго, Туровскаго, Владимірскаго, Луцкаго, Кіевскаго и Черниговскаго, соединенныхъ съ Литвою, онъ образовалъ самостоятельное государство, независимое отъ Татаръ и Московскаго Княжества. Не довольно крѣпкое соединеніе этихъ Княжествъ онъ поддерживалъ мѣрами правосудія и справедливости. При немъ языкъ Русскій сдѣлался языкомъ Двора и дипломатіи; но какъ Князья Литовскіе и Русскіе держались каждый обычаевъ, преданій и законовъ предковъ, то потому Гедиминъ не могъ дать для всей Литвы одного общаго законодательства.

Гедиминъ имѣлъ непоколебимое намѣреніе принять Христіанскую Вѣру, отправилъ въ Римъ посольство, покровительствовалъ монахамъ Доминиканскаго и Францискаскаго Ордена въ Вильнѣ и Новгородкѣ (1323 года); даже Папа прислалъ своихъ легатовъ (1324) въ Литву для крещенія и короованія Гедимина. Но Тевтонической Орденъ въ Пруссіи, учрежденный для покоренія язычниковъ, не желалъ видѣть Литву государствомъ Христіанскимъ, и тѣмъ самымъ отказаться отъ завоеванія ея земель; а потому Нѣмцы умерщвляли присылаемое въ Литву Духовенство посредствомъ подкупленныхъ язычниковъ и препятствовали сообщеніямъ Литвы съ Римскимъ Дворомъ. Раздраженный Гедиминъ окружилъ границы Литвы крѣпостями, и принялъ съ восторгомъ предложеніе Польскаго Короля Локетка, непримиримаго врага Ордена, выдать дочь свою Альдону, названною во Святомъ крещеніи Анною,

за Польскаго наслѣдственнаго Принца Казимира. Это событіе исполнилось въ 1325 году къ обоюдному удовольствію, потому что соединенныя государства могли противостоять всякому врагу, чѣмъ и положено начало соединенія Литвы съ Польшею. Тогда многіе Польскіе обычаи, понятія и узаконенія перешли въ Литву; Поляки переселялись въ Литву и наоборотъ Литовцы въ Польшу; дружескія сношенія сдѣлались частыми; но при развитіи и борьбѣ различныхъ законоположеній Литовскихъ, Русскихъ и Польскихъ, не было возможности помыслить о составленіи стройнаго свода законовъ. Кромѣ того кровопролитныя войны занимали всю дѣятельность Гедимина. Не получивъ со стороны Папы защиты противъ Ордена, Гедиминъ обратился снова въ язычество, а Тевтоническій Орденъ, заключая союзы съ Князьями Русскими, Галицкими и Владиміра Литовскаго, опустошаля Русскихъ Князей отъ Гедимина. Даровавъ городу Вильнѣ Нѣмецкіе законы (1323 г.), Гедиминъ внесъ чрезъ то новый элементъ въ составъ древнихъ обычаевъ; но какъ и эта мѣра была безуспѣшна (Нѣмецкіе ремесленники не переселялись въ Литву), то потому въ Вильнѣ Тевтоническое право не могло вкорениться.

4) Продолженіе феодальной системы при Ольгердѣ.

Гедиминъ раздѣлилъ свое государство между своими сыновьями (въ 1340 году). Ольгердъ, получившій Крево, поселился въ Витебскѣ, приданомъ своей супруги Маріи, управлялъ Полоцкомъ, а чрезъ

сына своего Андрея — Псковомъ. Кейстутій владѣлъ Троками, Гродною, Подляхіею и Самогитіею. Коріяду достался Новгородокъ съ окрестностями. Наримундъ посаженъ былъ въ Великомъ Новгородѣ и Пинскѣ. Любарта принялъ *къ дотцѣ* Князь Волынскій, во Владиміръ и Луческъ. Евнутій остался въ Вильнѣ. Послѣдній, управлявшій слабо своимъ удѣломъ, и неумѣвшій защищать его противъ Нѣмецкаго Ордена, въ 1345 году вытѣсненъ былъ изъ удѣла соединившимися противъ него братьями, Ольгердомъ и Кейстутіемъ. Тогда Ольгердъ былъ признанъ отъ своего брата *верховнымъ* Великимъ Княземъ. Силою оружія, могуществомъ своей державы и общественнымъ мнѣніемъ народа Ольгердъ получилъ перевѣсъ надъ окрестными Князьями. Русскіе охотно становились подъ знамена Литовскія, дабы покорить Татаръ и спасти Русь отъ тягостнаго ига. Литовскіе Князья содѣлались грозою Орды, поразили въ 1363 году Крымцевъ и не разъ являлись спасителями Руси. Трижды грозный Ольгердъ приступалъ даже къ стѣнамъ Москвы, дабы посадить тамъ Тверскаго Князя, своего союзника. Литовскіе Князья находили и въ Восточной Руси многихъ приверженцевъ. Новгородъ, Псковъ, Тверь и Рязань неоднократно склонялись на ихъ сторону, какъ замѣтилъ Г. Устряловъ.

Въ то же время Ольгердъ, необыкновенный политикъ своего времени и правосуднѣйшій изъ государей, съ успѣхомъ защищался противъ Нѣмецкаго Ордена, и съ Королемъ Польскимъ Казимиромъ заключилъ мирные договоры о владѣніи Лембергомъ, Володиміромъ и Луческомъ. Онъ согласился принять,

по предложенію Папы, Римско-Каѳолическую Вѣру, но послѣ, измѣнивъ данному слову, прямо отказался отъ этого предложенія.

При такомъ положеніи Литовскаго государства, составленнаго изъ разнородныхъ частей, изъ различныхъ княжествъ, связанныхъ феодальнымъ союзомъ, и подумать даже не было возможно о единообразномъ, стройномъ и прочномъ законодательствѣ. Каждая страна управлялась собственными обычаями.

5) Узаконенія, издаваемыя послѣ соединенія Литвы съ Польшею и принятія Христіанской Вѣры.

Сынъ Ольгерда и внукъ Гедимина Ягелло женился на Польской Королевѣ Ядвигѣ, и, вмѣстѣ съ ея рукою, получилъ корону Пястовъ и принялъ Римско-Каѳолическое исповѣданіе. Онъ далъ слово (въ 1385 году) соединить Литовское княжество съ коропою Польскою, чего усердно желали Польскіе вельможи и Папскій Дворъ. Тевтоническій Орденъ, съ опасеніемъ и явнымъ ропотомъ смотрѣвшій на тѣсный союзъ Литовцевъ съ Поляками, злѣйшими врагами Ордена, возбудилъ противодѣйствіе въ Ракускомъ (Римско-Нѣмецкомъ) Дворѣ. Римскіе Короли, объявивъ себя врагами Польши, желали сдѣлать Витольда и Свидригелла независимыми отъ Польши Королями, дабы расторгнуть союзъ между Польшею и Литвою. Нѣсколько разъ пытался Тевтоническій Орденъ посѣять раздоръ между Польшею и Литвою, но успѣлъ только въ томъ, что возбудилъ недовѣрчивость между Русскими и Литовцами, въ

слѣдствіе того, что Папа вмѣнилъ Ягеллу въ обязанность (въ 1388 году) воспрещать браки Русскихъ съ Католиками, и не допускать Русскихъ ни къ какимъ должностямъ въ Литвѣ. Такъ потрясено было согласіе между Русскими и Литовскими Князьями, чему радовался Орденъ и Ракускій Дворъ. Соединеніе Литвы съ Польшею не прежде какъ чрезъ 200 почти лѣтъ, при послѣднемъ потомкѣ Ягелловомъ, было прочно приведено въ дѣйствіе (въ 1569 году): княжество Литовское и Польша составили тогда одну *Рѣчь посполитую.*

Первоначальное соединеніе Литвы съ Польшею требовало многихъ приготовленій: устраненія всѣхъ препятствій, сравненія Литовцевъ съ Поляками, пожалованія имъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, укрѣпленія собственности посредствомъ вотчинъ (hacreditates) и уничтоженія помѣстій (possessiones), введенія до тѣхъ поръ небывалаго наслѣдованія, Дворянскаго сословія и Сеймовъ. Литовскіе города должно было преобразовать по образцу Польскихъ, и пожаловать привиллегіи разнымъ землямъ, непрочно соединеннымъ съ Литвою. Всё это впрочемъ дѣлалось исподоволь и со всевозможною осмотрительностію. Святое крещеніе Литвы совершилось въ 1387 году.

Изъ современныхъ грамотъ мы знаемъ достовѣрно о дѣйствіи въ Литвѣ, при Ягеллѣ и его преемникахъ, законоположеній (Leges) *Литовскихъ*, *Польскихъ* и *Русскихъ* (1432 года). Какъ для развитія этихъ узаконеній, такъ и для приготовленія прочнаго соединенія народовъ, издавались въ разныя времена многія привиллегіи, имѣющія ту же цѣль, какъ

и въ Польшѣ. Одне изъ привиллегій были даны: А) *цѣлому государству Литовскому*, другія Б) *нѣкоторымъ его областямъ.*

А. Первыя, обновлявшія и упрочивавшія соединеніе государствъ, чаще всего издавались при возведеніи новаго Князя на Литовскій престолъ. Къ нимъ я причисляю: 1) привиллегію 1387 года Февраля 20го, ввѣряющую управленіе Литвы Великому Князю Скиргеллу и вводящую въ Литву чиновниковъ, бывшихъ въ Польшѣ — Воеводъ и Кастелянов, которымъ дана была судебная власть, по примѣру Польскому, также установляющую военную службу для защиты границъ государства. 2) Привиллегію 1401 года Генваря 12го, или обѣщаніе Литовцевъ давать помощь Польшѣ, и получать ее отъ Польши, если бы того требовала нужда. 3) Постановленіе Польско-Литовскаго Сейма въ Городлѣ 1413 года, по которому Литовскій народъ освобожденъ былъ отъ угнетавшаго его ига, и получилъ многія права и преимущества, какъ-то: Польское Дворянство, гербы, общіе Сеймы, свободу браковъ, укрѣпленіе недвижимой собственности, безпрепятственный выѣздъ за границу и проч. 4) Привиллегію 1438 года Декабря 16го, во время постановленія Сигизмунда Великимъ Княземъ Литовскимъ, которому дарованы были всѣ права его предшественниковъ. 5) Самоважнѣйшую привиллегію 1457 года Маія 2го, именуемую *Земскою привиллегіею Казимира IV*, на Русскомъ языкѣ. Въ ней не только возобновлены всѣ прежнія права и преимущества, но умножены новыми, опредѣлительнѣе выраженными, дабы предупредить отпа-

деніе Литвы отъ Польши. Ученый Чацкій напечаталъ изъ нея извлеченіе, съ обширнымъ комментаріемъ. Она состоитъ изъ 16 статей. 6) Привиллегію 1492 года Августа 6-го, при возведеніи Великаго Князя Александра на Литовскій престолъ, по которой онъ даровалъ много правъ и преимуществъ Польскихъ Литовскому Дворянству и Духовенству, какихъ они до того времени не имѣли. Въ ней 41 статья. При возведеніи на престолъ Литовскій этого Князя, Литовскіе вельможи требовали, чтобы онъ не управлялъ ими по Римскому и Италіанскому закону, какъ ябедническому и крючкотворному, а по тогдашнимъ Литовскимъ обычаямъ. 7) Привиллегію 1499 года, возобновляющую соединеніе Литвы съ Польшею, и описывающую порядокъ избранія Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ. 8) Привиллегію 1501 года, опредѣляющую тотъ же образъ управленія Литвою, какой существовалъ въ Польшѣ, и подкрѣпляющую условія соединенія двухъ народовъ. 9) Привиллегію 1506 года Декабря 8-го Великаго Князя Сигизмунда II, возобновляющую прежнія права и дарующую новыя. Нѣкоторые изъ этихъ привиллегій напечатаны въ Позенѣ Графомъ Дзялынскимъ въ 1829 году, другія помѣщены въ Volumina legum.

Б. Другаго рода привиллегіи, дарованныя нѣкоторымъ землямъ, соединеннымъ съ Литвою, предоставляли имъ тѣ права и преимущества, какихъ онѣ въ прежнія времена не имѣли. Такъ 1) привиллегія 1492 года для Самогитіи, которая между прочимъ свидѣтельствуетъ, что эта страна

никогда не была завоевана Литвою, но присоединилась къ Литвѣ добровольно, по собственному желанію. По этой привиллегіи въ Самогитіи утверждены всѣ ея добрые древніе обычаи; напротивъ уничтожено все то, что спало тягостнымъ. 2) Привиллегія 1529 года, для простаго Самогитскаго народа, облегчающая обременительные работы и налоги. 3) Привиллегія 1501 года для Подляхіи, установляющая порядокъ скораго и недорогаго судопроизводства. 4) Привиллегія 1511 года, для земли Дрогичинской, что въ Подляхіи, о старостинскихъ судахъ. 5) Привиллегія 1509 года Февраля 18 го для Витебской земли.

В. Города Литовскіе получали привиллегіи на Магдебургское право и Нѣмецкое городовое устройство, напр. *Вильна* въ 1387 году, *Полоцкъ* въ 1498 году, *Минскъ* въ 1499 году, *Витебскъ* въ 1503 году, *Смоленскъ* въ 1505 году, и *Кіевъ* въ 1506 году и слѣдующихъ годахъ. Сюда отнести можно привиллегію для Евреевъ, изданную въ 1388 году, жалующую имъ тѣ же права, какими они пользовались въ Польшѣ и въ прочихъ Европейскихъ государствахъ.

Г. Права и преимущества Духовенства излагались при основаніи каѳедръ и въ особыхъ синодальныхъ постановленіяхъ, напр. 1388 года при основаніи Виленскаго Епископства, и 1417 при учрежденіи Мѣдницкаго Епископства въ Симогитіи. Сюда относится также уставъ 1509 года для Духовенства Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія.

Д. Наконецъ много появилось особыхъ уставовъ по отдѣльнымъ предметамъ и надобностямъ.

Сюда отнести должно: 1) уставъ уголовный для Литвы 1492 года, мною отысканный и напечатанный въ Вильнѣ въ 1826 году; 2) постановленіе 1507 года о *Серебщизнѣ*, или денежномъ сборѣ; 3) постановленіе 1509 года о государственной измѣнѣ; 4) наставленіе 1509 года касательно судебныхъ сборовъ и пересудовъ; наконецъ 5) уставъ о ратномъ дѣлѣ и военной службѣ 1512 года, изданный Гетманомъ Княземъ Острожскимъ. — Метрика Литовская содержитъ множество другихъ постановленій и судебныхъ приговоровъ, изъ которыхъ также видно состояніе законовъ, дѣйствовавшихъ тогда въ Литвѣ.

Въ продолженіе болѣе одного столѣтія Литва успѣла познакомиться съ Польскими установленіями и обычаями, испытала ихъ превосходство или же напротивъ неудобство въ исполненіи, позаимствовала всё хорошее, отбросила всё безполезное, развила собственные и Русскіе обычаи. Тогда Король Сигизмундъ I, почувствовавъ возможность привесть Литовскіе законы и обычаи въ одну цѣлость стройнаго свода или *Статута*, велѣлъ приступить къ его составленію.

6) *Первый или древній Литовскій статутъ Сигизмунда I-го.*

Сигизмундъ I, Король Польскій (съ 1506 г.), одаренный великимъ умомъ, твердомъ характерѣ и опытности, пользуясь благопріятными обстоятельствами, создалъ золотой вѣкъ Польской образованности, и съ успѣхомъ довершилъ то, что дол-

го приготовляли его предки, то есть утвердилъ государство на прочныхъ началахъ закона и справедливости. Наученный опытами своихъ предшественниковъ, онъ не хотѣлъ подвести обширное государство подъ единство закона, напротивъ предположилъ издать особые своды для Польши, Литвы, Мазовіи и городскихъ жителей.

Желаніе его было увѣнчано счастливымъ успѣхомъ въ Мазовіи (гдѣ изданъ былъ Статутъ Горнискій 1540 года); городскіе законы пересмотрѣлъ и издалъ Яскеръ (1535), но приготовленный Тарницкимъ Статутъ для Польши (1532) былъ отвергнутъ Сеймомъ. Тѣмъ болѣе обрадовала бдительнаго Монарха наслѣдственная его Литва.

Уже въ 1522 году Король объявилъ всенародно, что какъ въ Литвѣ нѣтъ никакихъ писанныхъ законовъ и Статутовъ, а судопроизводство отправляется по произволу судей рѣдко справедливо и не единообразно, отъ чего возникаютъ несогласія, распри и ябеды, то для водворенія единообразія въ законахъ и въ формѣ суда, также въ знакъ благодарности за приверженность народа къ его несовершеннолѣтнему сыну, внявъ мнѣнію Совѣта, и снисходя на прошеніе подданныхъ, онъ желаетъ даровать Литвѣ Статутъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ вмѣстѣ съ уставомъ для судопроизводства, въ которомъ бы помѣщены были всѣ права и преимущества, пожалованныя его предками (1).

---

(1) Это высказано въ слѣдующемъ, весьма любопытномъ *Эдиктѣ* о составленіи Статута, который нигдѣ еще не былъ напечатанъ.

Должно предполагать, что, по принятому тогда обыкновенію, учреждена была для этого дѣла Королемъ коммиссія изъ ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ законовѣдцевъ, которыхъ имена нынѣ намъ не извѣстны. Уже въ 1525 году Канцлеръ Гаштольдъ подпесъ Королю проэктъ для утвержденія; но какъ онъ найденъ неполнымъ и неудовлетворительнымъ, то и былъ переданъ на разсмотрѣніе, и утвержденъ не прежде 1529 года, съ

Edictum Sigismundi I. regis, ut incolae magni ducatus Lithvaniae, tam spirituales quam seculares, uno scripto iure iudicentur.

In nomine domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Cum rebus tempora vetustatem afferant, quae numero annorum admirabiliores et sanctiores habentur, eas ne ulla unquam obscurare possit oblivio, et praesertim quae a regibus et principibus, ad communem subditorum utilitatem fiunt, par est ut literarum munimentis sempiternae memoriae mandentur, quarum adminiculo ab interitu vindicantur et immortales fiunt. Proinde nos Sigismundus dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithvaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiaeque dominus et haeres. Notum facimus universis praesentibus et futuris, a quorum cognitione praesentium literarum series non erit aliena. Ex quo hactenus in magno ducatu nostro Lithvaniae nullis legum statutis literis deformatis judicia fiebant, alias justitia, sola consvetudine, et juxta uniuscujusque capitis prudentiam atque conscientiam ministrabatur, prout unicuique judicanti justius ac rectius, vel etiam corruptius videbatur, propter quod multae oriebantur querelae ab his, a quibus non rectum acciebatur judicium, et nos ejusmodi querelis et provocationibus saepius ac saepius propter varietatem judiciorum, ex favore, odio, largitione vel amore prodeuntium, impulsabamur: id circo nos ad instantes totius nobilitatis supplicationes, tum etiam miserati, et tam crebris eorum querelis permoti, cupientes ut sub felici regimine nostro, omnes et singuli nobiles, ad unum jus, et unanimem iudiciorum formulam redigantur, quo meliori ordine justitia aequalis unicuique ministretur, pax formidine scriptae legis augeatur, reproborum nequitia compescatur, et in majori tranquilitate ac concordia justitiaque, status totius reipublicae magni ducatus no-

тѣмъ, чтобы онъ воспріялъ свою силу и дѣйствіе съ 1 го Генваря 1530 года. Содержаніе его почерпнуто изъ различныхъ узаконеній, разсѣянныхъ во многихъ книгахъ.

Этотъ Статутъ, обыкновенно называемый первымъ или древнимъ Статутомъ Сигизмунда I, былъ составленъ на простонародномъ Литовско-Русскомъ нарѣчіи, и тогда же переведенъ на Латинскій языкъ Канцлеромъ Гастольдомъ, по уве-

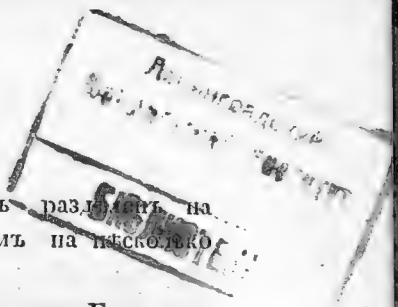
---

stri conservetur, de unanimi consilio et consensu universorum consiliariorum nostrorum tam spiritualium quam secularium, nobiscum in praesenti conventione congregatorum, pariterque baronum, procerum et totius nobilitatis assensu, attenta etiam erga nos et illustrissimum filium nostrum Sigismundum Augustum minorennem, constanti fidelitate, quem unanimi voto in haeredem et magnum ducem feliciter post nos dominaturum, uti aequum erat, receperunt, eique fidelitatis, subiectionis, iuramenta praestiterunt, quod bonum, felix, faustumque sit eidem filio, et magno ducatui nostris. Imo de singulari pietate, innataque benignitate et virtute regia nostra decrevimus, omnibusque et singulis incolis et indigenis, quacunque nobilitate et praeminentia fulgentibus, unum jus scriptum, atque unam legem sub constitutionibus et statutis certis in scripta redactis, communi deliberatione atque consilio ultro citroque communicato, pro celeriore ac aequiore administratione iustitiae unicuique sancitis, laudatis, et omni voto approbatis, dicere dare et largiri in perpetuum. Quo quidem jure omnes et singuli palatinatus, terrae et districtus, quique terrigenae et indigenae, possessiones es haereditates, sive ecclesiasticas sive seculares in magno ducatu nostro habentes, videlicet domini episcopi et eorum capitula, caeterique spirituales, item palatini, castellani consiliarii nostri, item duces, barones, proceres, patricii, et universi nobiles et indigenae magni ducatus nostri Lithvaniae, quacunque, uti praemissum est, dignitate, praeeminentia, statu, sexu et ordine praefulgentes, ejusmodi statutis et constitutionibus in scripta redactis, more hujus patriae judicari omnino debent, aeque pauperi et diviti, aperto libro et perlecto statuto ad causam pro qua orietur lis et controversia, spectante, justitiam ministrando, omnibus amputatis ambagibus et sumptuosis dilationibus, tenore praesentium

ренію Чацкаго, также и на Польскій языкъ неизвѣстнымъ переводчикомъ, но никогда не былъ напечатанъ, вопреки Королевскому повелѣнію. Мнѣ удалось отыскать три Русскихъ рукописи (въ 1820), которыя Чацкій считалъ затерянными, въ Вильнѣ, Варшавѣ и Позенѣ. Латинскій переводъ получилъ Чацкій въ даръ отъ Польскаго Короля Станислава Августа. Польскій переводъ найденъ въ Вильнѣ въ 1826 году Профессоромъ Ярошевичемъ. Графъ Дзялынскій началъ въ 1829 году печатаніе этого памятника законодательства въ Позенѣ изъ монхъ рукописей, но приостановленное его предпріятіе до сихъ поръ не приведено къ окончанію.

---

mediante in perpetuum. Ut autem unusquisque intelligat nos ea in re functos esse boni principis officio et debito, quo celerius praemissa instituta a nobis gratiose subditis nostris concessa executioni demandentur, utque ad notitiam singulorum haec ipsa statuta nostra deveniant, jussimus ea in numerosis voluminibus excudi literis. In cujus rei testimonium sigillum majestatis nostrae magni ducatus Lithvaniae praesentibus est subappensum. Actum Vilnae in conventione generali sabbato in die sancti Nicolai (6 decembr.) anno domini millesimo quingentesimo vigesimo secundo, regni vero nostri anno sedecimo. Praesentibus ibidem reverendis in Christo patribus dominis, Joanne Vilnensi, Paulo Luceoriensi, Nicolao Mednicensi et Joanne Kijowiensi Episcopis. Nec non magnificis et generosis Alberto Martini Gastold Vilnensi palatino et magni ducatus nostri concellario. Constantino duce Ostroviensi palatino Trocensi et supremo exercituum Lithvaniae capitaneo. Stanislao Joannis castellano Vilnensi et capitaneo Samogitiae. Georgio Radziwiłł castellano Trocensi et capitaneo Grodnensi. Petro Stanislao de Ciechonowicze Palatino Polocensi et capitaneo Drohiciensi. Joanne Zabrzeziński palatino Novogrodensi et supremo terrestri mareschalco. Georgio Hlinicz curiae mareschalco et Brestensi, Kownensi, Lidensique capitaneo. Janussio Costewicz palatino Podlacensi, et Joanne Radziwiłł pincerno nostro, et aliis quam plurimis ad praemissa testibus fide dignis sincere nobis dilectis. Sigismundus Rex.



Первый Литовскій Статутъ раздѣленъ на XIII раздѣловъ, а каждый раздѣлъ на нѣсколько артикуловъ, а именно:

Раздѣлъ I (изъ 26 арт.). О персонѣ Господарской.

——— II (изъ 17 арт.). О оборонѣ земской.

——— III (изъ 17 арт.). О размноженю Великаго Княжества Литовскаго и о вольностяхъ Шляхетскихъ.

——— IV (изъ 15 арт.). О оправѣ посагу и о вѣнѣ.

——— V (изъ 18 арт.). Объ опекахъ (2).

——— VI (изъ 26 арт.). О судяхъ и о судехъ.

——— VII (изъ 30 арт.). О квалтехъ, о боехъ и о Шляхетскихъ головщизнахъ.

——— VIII (изъ 20 арт.). О правѣхъ земляныхъ, о границахъ, о межахъ и о копахъ.

——— IX (изъ 11 арт.). О пущу, о ловы, о дерево борпное.

——— X (изъ 9 арт.). О записяхъ и о раздѣлахъ.

——— XI (изъ 12 арт.). О головщизнахъ и о навескахъ людей посполитыхъ.

——— XII (изъ 14 арт.). О грабежахъ и о навескахъ.

——— XIII (изъ 24 арт.). О злодействѣ всякого стану.

5300 ок. нст. пр

(2) Въ этомъ раздѣлѣ говорится также о завѣщаніяхъ, начиная съ 15 го артикула.

7) *Второй Литовскій Статутъ, Сигизмунда Августа.*

Уже при Сигизмундѣ I въ 1544 г. Литовцы просили объ исправленіи и пополненіи Статута. По повелѣнію Монарха избранные 10 человѣкъ Римско-Католическаго и Греческаго вѣроисповѣданія занялись этимъ дѣломъ; но послѣдствіе ихъ труда было безуспѣшно, что видно, между прочимъ, изъ того, что то же желаніе было повторено на Сеймѣ 1547 года.

Слѣдуя по стопамъ своего отца, Сигизмундъ Августъ объявилъ всенародно, что онъ желаетъ исполнить священнѣйшую обязанность Монарха, для водворенія правосудія, для пресѣченія ябедъ и для вознагражденія приверженности подданныхъ къ престолу и постоянной ихъ храбрости на защиту отечества (3).

Тогда Литва прибѣгла къ нему въ 1551 году со всеподданнѣйшею просьбою, дабы Монархъ обратилъ вниманіе на Статутъ своего отца, требующій пересмотра и исправленія, потому что приобрѣтшимъ опытомъ и приложеніемъ Статута къ дѣламъ, открыто много случаевъ непредвидѣнныхъ и неозначенныхъ въ законахъ; во многихъ положеніяхъ видна неясность и неопредѣленность, затрудняющая судей и даже самаго Монарха; наконецъ замѣчены статьи, явно между собою противо-

(3) Привиллегія 1564 г. Іюля 1.: „Officium autem loge maximum omnium Regum ac Principum est: uti jus ex aequo et bono omnibus dicere, ita leges aequas, ac salutares condere.“

рѣчущія (4). Болѣе всего требовало передѣлки судопроизводство, какъ неимѣющее постоянной формы, единообразнаго для всѣхъ судебныхъ мѣстъ порядка, означенія точныхъ судебныхъ сроковъ и постояннаго мѣстопребыванія судей. Кромѣ того Королевскіе чиновники: Воеводы и Кастеляны, добровольно отказались отъ судейской власти и сопряженнаго съ нею значительнаго дохода, передавая право суда чиновникамъ, замѣщаемымъ по выбору; даже самъ Король отрекся отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, представляемыхъ на его разрѣшеніе (1564 г.) Явно обнаружено было также желаніе, чтобы новый Статутъ былъ примѣненъ къ мѣстности и настоящимъ потребностямъ отечества; чтобы въ отношеніи городскаго устройства и управленія оставалось дѣйствующимъ прежнее Нѣмецкое право; чтобы церковныя дѣла, какъ Римско-Католическаго, такъ и Греческаго вѣроисповѣданія, оставались, на прежнемъ основаніи, въ вѣдомствѣ Епископовъ и Архимитрополита (5); чтобы наконецъ если опять встрѣтится надобность въ передѣлкѣ Статута, это важное дѣло необходимо было производимо и утверждаемо Сеймомъ, по примѣру Польши.

Снисходя на эти прошенія, Король повелѣлъ избрать опытнѣйшихъ практиковъ изъ Сенаторовъ

(4) Тамъ же: „Experientia docuit, non omnes casus. ... fuisse comprehensos, quin et plerasque inter se contrarias et dissidentes extitisse leges etc. etc.

(5) Притомъ, въ отмѣну прежняго постановленія Ягеллы, не только исповѣдующимъ Греческую Вѣру дарованы были дворянскіе гербы, но даже они были допущены ко всѣмъ должностямъ (1563 и 1564 г.).

и чиновниковъ, отличившихся при Дворѣ и въ городскихъ судахъ, присоединить къ нимъ нѣсколько ученыхъ Докторовъ Правъ, и всѣмъ заняться неотложно исправленіемъ Статута. Имена этихъ десяти редакторовъ, изъ которыхъ пять было Римско-Католическаго и пять Греческаго вѣроисповѣданія (6), такъ же какъ имена редакторовъ перваго Статута, намъ не извѣстны. Догадки ученаго Чацкаго ничѣмъ не подкрѣпляются.

По вышеизложеннымъ причинамъ, отъ 1551 го по 1563 годъ исправляемый Литовскій Статутъ и приведенный наконецъ въ стройный порядокъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Литовскаго Сейма въ Бѣльскѣ 1564 года. Онъ удостоился Королевскаго одобренія, даже было опредѣлено, чтобы онъ началъ свое законное дѣйствіе со дня праздника Св. Мартына (11 го Ноября 1564 года). Но важныя политическія дѣла и война, начавшаяся съ Россіею, не дозволили Сейму вникнуть во всѣ подробности Статута, передать его статьи на пренія и ревизію, и вытребовать мнѣнія судебныхъ мѣстъ касательно сомнительныхъ случаевъ. Едва только на Сеймѣ въ Вильнѣ 1566 года 11 го Марта все это могло быть приведено въ исполненіе, и притомъ не безъ труда: здѣсь окончательно утвержденъ былъ Статутъ, а потомъ обнародованъ подъ именемъ Статута Сигизмунда Августа или втораго Статута. Дальнѣйшее его усовершенствованіе и пополненіе предоставлено было Сей-

(6) Сравн. постановленіе Литовскаго Сейма 1551 года въ Метрикѣ Литовской, также и за весь 1564 годъ.

мамъ. Сверхъ того положено было къ нему прибавить всѣ права и привиллегіи, пожалованныя Дворянамъ.

Этотъ Статутъ, равно какъ и первый, не былъ напечатанъ. Русскія его рукописи уцѣлѣли: одна въ Румянцевскомъ музеумѣ въ С.-Петербургѣ, другая у Графа Ходкевича, третія въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотекѣ. Я самъ имѣю позднѣйшій списокъ втораго Статута на Русскомъ языкѣ. Латинскихъ переводовъ мнѣ извѣстно два: одинъ и лучшій у Графа Хребтовича въ Щорсахъ, другой, писанный въ 1579 году, хранится у меня. Польскихъ переводовъ сохранилось множество въ разныхъ библіотекахъ; у меня три копіи, изъ которыхъ одна современная, но неполная, другія двѣ съ тѣми исправленіями и прибавленіями, посредствомъ которыхъ Статутъ приготовленъ былъ для новой передѣлки (7).

Второй Статутъ вдвое болѣе перваго. Онъ уже раздѣленъ на XIV раздѣловъ, и въ каждомъ изъ нихъ гораздо болѣе статей, нежели въ первомъ Статутѣ. Извлеченіе изъ обоихъ Статутовъ и сравненіе ихъ сдѣлалъ ученый Чацкій, и издалъ въ 1800 году съ богатымъ комментаріемъ и примѣчаніями (8).

Этотъ же Статутъ, написанный съ немногими перемѣнами и съ опущеніемъ втораго раздѣла, получилъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ наименованіе

(7) Смотр. мое описаніе рукописей Литовскаго Статута, помѣщенное въ Виленскомъ журналѣ (Dziennik) 1823 года.

(8) Смотр. его сочиненіе — О Литовскихъ и Польскихъ законахъ. Варшава, 1800 и 1801. Два тома.

Волынскаго, потому что онъ въ 1569 году былъ распространенъ въ такой формѣ на Волынію, на часть Подоліи и на бывшее Княжество Кіевское.

Второй Литовскій Статутъ раздѣленъ на XIV раздѣловъ, а каждый раздѣлъ на нѣсколько артикуловъ, а именно:

Раздѣлъ I (30 арт.). О персонѣ Господарской.
——— II (29 арт.). О оборонѣ земской.
——— III (40 арт.). О вольностяхъ Шляхетскихъ и о размноженю Великаго Княжества Литовскаго.
——— IV (70 арт.). О судяхъ и о судехъ.
——— V (18 арт.). О оправѣ посагу и о вѣнѣ.
——— VI (13 арт.). О опекахъ.
——— VII (24 арт.). О записяхъ и о продажахъ.
——— VIII (8 арт.). О тестаментахъ.
——— IX (22 арт.). О правахъ земляныхъ, о границахъ, о межахъ и о копахъ.
——— X (17 арт.). О пущу, о ловы, о дерево бортное.
——— XI (35 арт.). О квалпехъ, о боехъ, о головщизнахъ Шляхетскихъ.
——— XII (14 арт.). О головщизнахъ и о навескахъ людей посполитыхъ.
——— XIII (14 арт.). О грабежахъ и о навескахъ.
——— XIV (30 арт.). О злодействѣ всякого стану.

8) Перемѣны въ законоположеніяхъ втораго Статута, въ слѣдствіе соединенія Литвы съ Польшею въ 1569 г.

Вскорѣ послѣ утвержденія втораго Литовскаго Статута воспослѣдовалъ важный переворотъ въ государственномъ правленіи, а въ слѣдствіе того и въ законодательствѣ Литвы: я говорю объ актѣ, заключенномъ въ Люблинѣ въ 1569 году, посредствомъ котораго постоянно соединены подъ одну державу и слиты въ одну республику наслѣдственное Литовское Княжество и избирательное Польское Королевство.

Много трудовъ и усилій стоило Сигизмунду Августу довершить это дѣло, столько разъ безуспѣшно предпринимаемое. Литовскіе вельможи отказывались отправляться въ Польшу, Поляки не хотѣли ѣхать въ Литву для веденія переговоровъ объ этомъ соединеніи, и озабоченный Король долженъ былъ придумывать, какіе бы пограничные города назначить для общаго ихъ съѣзда. Соединеніе Литвы съ Польшею угрожало Литовскимъ и Русскимъ вельможамъ лишеніемъ Княжескихъ и Графскихъ титуловъ, какъ неупотребительныхъ въ Польшѣ, также сеніоральныхъ правъ надъ недостаточнымъ Дворянствомъ. Всего менѣе они хотѣли подчиниться закону Короля Александра (1509 года), который повелѣлъ возвратить пожалованныя безъ согласія Сейма или самовольно похищенныя Королевскія имущества. Съ одной стороны ихъ прельщали Польскія права и преимущества,

они понимали также всю важность соединенія въ отношеніи внѣшней государственной безопасности; но съ другой стороны не довѣряя всему, они чего-то опасались, медлили, выжидали и, подстрекаемые Нѣмецкою внѣшнею политикою, жалѣли объ утратѣ своей самостоятельности, о стѣсненіи Литовскихъ предѣловъ и объ уменьшеніи собственныхъ своихъ чиновъ и должностей. По смерти Николая Радзивила (прозваннаго Чернымъ), главнаго противника соединенія Литвы съ Польшею, этимъ дѣломъ стали заниматься рѣшительнѣе. На общемъ Сеймѣ, при каждомъ почти предложеніи Поляковъ, Литовскіе вельможи вскакивали съ своихъ мѣстъ и угрожали удаленіемъ изъ Сейма. Послѣ продолжительныхъ споровъ и жаркихъ преній, прежде всего присоединилась къ Польшѣ Подляхія (5го Марта 1569 г.). Эта возвращенная Польшѣ отъ Литвы провинція получила тогда облегченіе обременительныхъ налоговъ и государственныхъ повинностей, радовалась утвержденію своей сомнительной собственности и превращенію своихъ помѣстій въ потомственную собственность, подчинилась дѣйствію Польскихъ законовъ и преобразовала свое судопроизводство.

На томъ же основаніи и съ тѣми же выгодами возвращены Польшѣ жители Волынскаго и Брацлавскаго воеводства „какъ вольные къ вольнымъ и ровные къ ровнымъ“; притомъ обѣщано было не стѣснять ихъ предѣловъ, сравнить ихъ съ Польшею въ податяхъ и военной службѣ, и утвердить принадлежащую каждому собственность. Актъ соединенія подписанъ тамошними чиновниками 26го Мая 1569 г.

Въ актѣ же присоединенія къ Польшѣ Кіевскаго Княжества (5 го Іюня 1569 г.) говорится, что ея земли издревле принадлежали Польшѣ, будучи пріобрѣтены частію завоеваніемъ, частію добровольнымъ съ ихъ стороны подчиненіемъ подъ власть Удѣльныхъ Князей, частію же выморочнымъ правомъ, послѣ пресѣченія Княжескихъ родовъ; что нынѣ, съ общаго согласія мѣстныхъ чиновъ, жители этого воеводства присоединяются „какъ ровные къ ровнымъ и вольные къ вольнымъ“, и имъ предоставляются всѣ Польскія права и преимущества. Болѣе прочихъ содѣйствовалъ этому соединенію Князь Острогскій, Кіевскій Воевода.

Тогда лишенная всѣхъ своихъ прежнихъ владѣній собственная Литва по неволѣ должна была послѣдовать ихъ примѣру, и подписала актъ соединенія (1 го Іюля 1569 г.). Княжества Курляндское и Семигальское признаны (3 го Августа 1569 г.) принадлежащими какъ Литвѣ, такъ и Польшѣ. Наконецъ общій актъ, утверждающій соединеніе и всѣ дарованныя права и преимущества, былъ обнародованъ 11 го Августа 1569 года (9).

Съ тѣхъ поръ прекратилось возведеніе на престолъ особаго Князя Литовскаго; Король Польскій, избираемый обоими народами или и одною только Польшею (за неявкою Литовскихъ вельможъ), долженъ былъ одинъ управлять республикою; отмѣнены отдѣльные Литовскіе Сеймы, а назначенъ общій

(9) Всѣ условія актовъ соединенія видѣть можно въ полномъ собраніи Польскихъ законовъ (Volumina legum). Т. 2. стр. 756 и слѣдующія.

главный Сеймъ въ средоточіи государства, въ Мазовецкой Варшавѣ; удержаны только одни предварительные Сеймики (областные Сеймы); учрежденъ также общій Сенатъ, въ которомъ даны мѣста и чинамъ Литовскимъ; воспрещено Литвѣ заключать отдѣльные трактаты съ иностранными державами; отмѣнено изъ законоположеній всё препятствующее соединенію Литвы съ Польшею или его потрясающее; запрещеніе Полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ Литвѣ замѣнено полною свободою пріобрѣтенія; введена однообразная монета; утверждены всѣ пожалованныя Королями безъ согласія Сейма имущества, даже государственныя ленныя имущества обращены въ полную собственность; Литовскіе и Русскіе титулы Князей и Графовъ оставлены на древнемъ положеніи; торжественно обѣщано не уменьшать и не уничтожать чиновъ и должностей Литовскихъ; наконецъ обезпечена свобода всѣхъ вѣроисповѣданій (1573 г.), но съ тѣмъ, чтобы высшее Греческое Духовенство было изъ Дворянъ.

9) Приготовленіе и утвержденіе третьяго Статута, Сигизмунда III, 1588 года.

Не только собственная Литва, но и Кіевское Княжество, Волынское и Брацлавское воеводства, не согласились ни подъ какимъ условіемъ принять Польскихъ законовъ и отказаться отъ употребленія Литовскаго Статута, какъ извлеченнаго изъ народныхъ обычаевъ и тѣсно связаннаго съ частною жизнію Дворянства; а потому, предоставляя употребленіе Статута, актъ соединенія согласился на

желаніе Литовцевъ его пополнить и согласить съ Польскимъ законодательствомъ. Избранное для этого дѣла сословіе законовѣдцевъ еще въ 1568 году, получило утвержденіе общаго Сейма, которымъ, съ немногими перемѣнами въ лицахъ, назначены редакторами, изъ Сената: *Валеріанъ* (Протазевичь), Виленскій Епископъ; Мельхіоръ *Семотъ* (Шеміотъ), Каштелянъ Самогитскій; Королевскій Секретарь, Докторъ Правъ *Августинъ* (Rotundus), Войтъ Виленскій, котораго Коялович называетъ juris divini humanique consultissimus. Дворянство къ нимъ присовокупило по одному депутату отъ каждаго воеводства, а именно: отъ Виленскаго и Троцкаго — Николая *Дорогостайскаго*, Стольника Литовскаго, и Князя Луку *Свирскаго*; отъ воеводства Новогрудскаго — Венедикта *Юраху*, Маршала; отъ Полоцкой земли — Князя Павла *Соколинскаго*, Подкомораго; отъ воеводства Витебскаго — Ивана *Соколку*; отъ воеводства Брестскаго — Судью Кердея *Кричевскаго*; отъ воеводства Мстиславскаго — *Сѣльцкаго;* отъ Минскаго воеводства—Мартына *Волочкевича*. Для письмоводства назначены Писари Суда Виленскаго — Андрей *Мачковичь* и Ошменскаго — Петръ *Станиславовичь*. Этой коммиссіи повелѣно, послѣ праздника Св. Мартына, открыть засѣданіе въ Вильнѣ, а содержаніе получать изъ земскихъ доходовъ (10).

Какія именно исправленія сдѣланы этою коммиссіею, нынѣ не совсѣмъ извѣстно. Что Докторъ Правъ Августинъ внесъ много статей изъ Тевтоническихъ городскихъ законовъ, а посредствомъ ихъ

(10) 1569 г. Тамъ же Т. 2. стр. 793.

даже изъ Римскаго Права, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Какія статьи исправлены и прибавлены къ законоположеніямъ о судопроизводствѣ, объ этомъ есть темный намекъ подъ 1578 годомъ (11).

Послѣ кончины Сигизмунда Августа, Литва требовала отъ Короля Генриха Валоа, и получила утвержденіе и согласіе на продолженіе пересмотра своего Статута. На такое же предложеніе далъ свое согласіе и Король Баторій, который утвердилъ присягою, что Статутъ останется въ своей силѣ. Даже Баторій сдѣлалъ еще болѣе, назначивъ Сеймики для разбора исправленныхъ статей и повелѣвъ собраться, для этого именно только дѣла, Сейму Литовскому въ Новогродкѣ, гдѣ весь Статутъ должно было пересмотрѣть и исправить. Тогда только Король дозволилъ представить Статутъ на общій Сеймъ Варшавскій и велѣлъ поднести себѣ чрезъ Канцлера на утвержденіе (12).

Послѣ изданія (въ 1581 году) Литовскаго Трибунала, или устава судопроизводства для Верховнаго Судилища, новый пересмотръ Статута сдѣлался необходимымъ. Король Баторій въ 1587 году повелѣлъ избрать новыхъ депутатовъ отъ Сената и отъ воеводствъ для окончательной ревизіи Трибунала и законовъ (13); но намъ вовсе не извѣстно, удержаны ли были въ этой коммиссіи прежніе члены, или же взошли новыя лица. Не основательна догадка Чацкаго, будто бы коронные (т. е.

(11) Тамъ же Т. 2. стр. 970.
(12) Тамъ же Т. 2. стр. 969.
(13) Тамъ же Т. 2. стр. 1059.

собственно Польскіе) законовѣдцы (Щербицъ) участвовали въ этомъ дѣлѣ. Къ редакторамъ Статута Чацкій причисляетъ и самого Канцлера Льва Сапѣгу, который былъ только главнымъ блюстителемъ надъ производствомъ труда, написалъ предисловія и подносилъ Статутъ Королю на утвержденіе.

Статутъ, изготовленный въ Литвѣ, былъ представленъ Варшавскому коронаціонному (т. е. бывшему при коронаціи) Сейму въ 1588 году, и удостоился утвержденія со стороны Короля Сигизмунда III, послѣдовавшаго въ привиллегіи отъ 28 го Генваря того же года, контрасигнированной Подканцлеромъ Львомъ *Сапѣгою* и Писаремъ Великаго Княжества Литовскаго Гавріиломъ *Воиною*. Въ этой привиллегіи опредѣлено, что Статутъ начнетъ свое дѣйствіе съ 6 го Генваря 1589 года.

10) Печатаніе Литовскаго Статута въ 1588 году.

Привиллегіею отъ 11 го Февраля 1588 года, изданною въ Краковѣ, Король повелѣлъ напечатать Статутъ Литовскій на *Русскомъ* и *Польскомъ* языкахъ, подъ наблюденіемъ Подканцлера Литовскаго Льва Сапѣги, запрещая всякое его перепечатываніе безъ своего соизволенія, подъ опасеніемъ взысканія 5000 червонцевъ, изъ которыхъ одну половину отдавать въ казну, а другую Сапѣгѣ. Въ этой привиллегіи Король объявляетъ, что Статутъ Литовскій составленъ при его предкахъ, „quam plurimorum doctissimorum virorum *Jurisperitorum* cura, studio,

labore atque diligentia, ad unanimem consensum omnium statuum, ordinum, tam spiritualium, quam secularium .... et *conscriptum* habetur idiomate *Polonico* et *Ruthenico*" и проч. Дѣйствительно, мнѣ случилось видѣть двѣ превосходныя Польскія рукописи этого Статута, съ печатными полупапажными полями, одну въ Публичной ИМПЕРАТОРСКОЙ Библіотекѣ, другую же въ библіотекѣ бывшаго Виленскаго Университета, хотя обѣ неполныя, но такъ красивыя, что Епископъ Залускій выигралъ пари у Лейпцигскаго типографщика, который утверждалъ, что будто онѣ не печатныя. Этотъ переводъ гораздо яснѣе и опредѣлительнѣе всѣхъ Русскихъ подлинниковъ, на испорченномъ Русско-Литовскомъ нарѣчіи составленныхъ.

Сапѣга поручилъ печатаніе Статута Литовскаго на Русскомъ языкѣ зажиточнымъ обывателямъ и чиновникамъ города Вильны—Мамоничамъ, которые особымъ, нарочно для того вылитымъ шрифтомъ, поддѣлывавшимся подъ почеркъ старинныхъ рукописей, напечатали Статутъ въ Вильнѣ въ 1588 году, съ прибавленіемъ подъ конецъ опечатокъ перваго изданія. Никакъ не менѣе двухъ разъ, а можетъ быть и болѣе, этотъ Статутъ былъ напечатанъ Мамоничами, съ удержаніемъ того же 1588 года и числа страницъ, но съ различными заглавными листами и другимъ наборомъ шрифта, въ чемъ удостовѣряетъ различіе буквъ и сокращенія, находимыя во многихъ экземплярахъ.

Вѣроятно, печатаніе Русскихъ экземпляровъ окончено Мамоничами не прежде Ноября 1588 года, потому что Подканцлеръ Сапѣга, поднося Королю

отпечатанный Статутъ, въ письмѣ своемъ изъ Бреста-Литовскаго отъ 1го Декабря 1588 года къ Королю, распространяется о необходимости писанныхъ законовъ въ благоустроенномъ государствѣ и о достоинствѣ хорошихъ узаконеній; а въ отзывѣ своемъ въ то же самое время къ Литовскому Дворянству, объявляя имъ объ окончаніи труда, много говоритъ о благодѣяніи Короля, который имъ даровалъ и утвердилъ ихъ собственные законы.

Всѣ вышеозначенныя привиллегіи и отзывы находятся при Статутѣ.

Въ разныхъ библіотекахъ болѣе 20 экземпляровъ мнѣ случилось видѣть этого весьма рѣдкаго изданія, но они всѣ почти неполные: въ одномъ недостаетъ заглавнаго листа, въ другомъ предисловій и начала, то конца, то оглавленій, чаще всего оторваны указанія на опечатки, также стихи Римши написанные въ похвалу Статуту и Сапѣгѣ, портреты Короля Сигизмунда III, гербы Сапѣговъ и проч.

Тѣ же Мамоничи напечатали въ 1586 году отдѣльно, на Русскомъ же языкѣ, Литовскій Трибуналъ съ 1581 года. Переплетчики часто соединяютъ его со Статутомъ, что ввело въ заблужденіе Г. Сопикова, утверждавшаго, будто бы Статутъ былъ уже напечатанъ въ 1586 году, т. е. прежде времени его утвержденія.

Долго и много спорили о томъ, исполнилъ ли Сапѣга повелѣніе Короля, чтобы тогда же былъ напечатанъ Статутъ и на Польскомъ языкѣ; возродилось неосновательное мнѣніе, что первое печатное изданіе Статута на Польскомъ языкѣ отно-

сится уже къ 1588 году и было сдѣлано въ Краковѣ. Ученый Самуилъ Линде напечаталъ пространное и многорѣчивое сочиненіе въ опроверженіе этой небылицы и вмѣстѣ въ доказательство другой, равномѣрно ложной, собственной догадки, будто бы первое Польское изданіе появилось не прежде 1619 года въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей. Извѣстный Польскій библіографъ Г. Соболевскій доказалъ утвердительно, что первое Польское изданіе явилось въ свѣтъ въ 1614 году въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, и напечатано было готическимъ (Нѣмецкимъ) шрифтомъ. Удивительно, что Г. Линде, имѣя въ рукахъ экземпляръ изданія 1614 года, хотя и безъ заглавнаго листа, не замѣтилъ этой библіографической рѣдкости. Мнѣ случилось видѣть два экземпляра изданія 1614 года: они безъ всякихъ украшеній и безъ раздѣленія текста на параграфы, такъ же какъ и въ Русскихъ подлинникахъ. Раздѣленіе на параграфы сдѣлано не прежде, какъ при второмъ Польскомъ изданіи (напечатанномъ въ Вильнѣ въ 1619 году въ типографіи Мамоничей) практическимъ законовѣдцемъ Гавловицкимъ, которому это было нужно для удобнѣйшаго сведенія и сравненія Польскихъ законовъ съ текстомъ Литовскаго Статута. Первыя только Польскія изданія считаются вѣрными, ясными и опредѣлительными; но странно, что ни одно не перепечатало вышеупомянутыхъ Польскихъ рукописей, а можетъ быть даже ихъ и не видѣло. Всѣ позднѣйшія Польскія печатныя изданія — 1648, 1693, 1744 годовъ, кромѣ типографическихъ погрѣшностей, невѣрностей въ знакахъ препинанія, позволили еще себѣ возобновленіе старин-

наго языка и слога. Вотъ почему переводъ на Русскій языкъ, сдѣланный въ 1811 году, не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ и счастливо свершеннымъ.

Третій Статутъ раздѣленъ на XIV раздѣловъ, каждый раздѣлъ на нѣсколько артикуловъ, а именно:

Раздѣлъ I (35 арт.). О персонѣ нашой Господарской.
——— II (27 арт.). О оборонѣ земской.
——— III (51 арт.). О вольностяхъ Шляхетскихъ и о розмноженю Великаго Княжества Литовского.
——— IV (105 арт.). О судѣхъ.
——— V (22 арт.). О оправѣ посагу и о вѣнцѣ.
——— VI (15 арт.). О опекунѣхъ.
——— VII (31 арт.). О записехъ и о продаю.
——— VIII (9 арт.). О тестаментахъ.
——— IX (32 арт.). О Подкоморыхъ и о правахъ земскихъ.
——— X (18 арт.). О пущу, о ловы, о древо борное и озера, о сѣножати.
——— XI (68 арт.). О квалтехъ, о боехъ и о головщизнахъ Шляхетскихъ.
——— XII (24 арт.). О головщизнахъ и навязкахъ людей простыхъ.
——— XIII (14 арт.). О грабежохъ и навязкахъ.
——— XIV (37 арт.). О злодействѣ всякого стану.

11) Основныя начала Литовскаго Статута.

Медленно совершаются великія предпріятія. Болѣе двухъ сотъ лѣтъ (съ 1386 — 1569 г.) потребно было для преобразованія языческой Литвы въ стройное государство. Около семидесяти лѣтъ (съ 1522 — 1588 г.) было употреблено на составленіе, развитіе и усовершенствованіе Литовскаго Статута по образцу просвѣщенныхъ народовъ. Для соглашенія началъ Христіанскихъ, Римскихъ и Словянскихъ съ мѣстными Литовскими обычаями, были употребляемы не одни только практическіе законовѣдцы, но и призваны образовавшіеся съ 1374 года въ Краковѣ, а съ 1401 года въ Богеміи, теоретическіе законоискусники, свѣтскіе и духовные Доктора Правъ. Данный, весьма богатый матеріалъ слѣдовало привести въ стройную цѣлость, что окончено едва только при Сигизмундѣ III.

Совершенство и несовершенство положительнаго законодательства суть понятія относительныя. Не справедливо было бы смотрѣть на древніе законы съ нынѣшней точки зрѣнія. Литовскій Статутъ, какъ приспособленный къ мѣстной дворянской жизни, къ потребностямъ времени, къ положенію своего края, казался современникамъ болѣе нежели удовлетворительнымъ законодательствомъ. Не желая быть выше своего вѣка, мудрѣе управляемаго имъ прямодушнаго народа, онъ совокупилъ въ себѣ всѣ тогдашнія стремленія и даже, по нынѣшнимъ понятіямъ, всѣ недостатки своего времени. Въ немъ поражаютъ странныя предосторож-

пости пропивъ чародѣйства, удивляютъ безразсудныя вѣрованія черни: такъ по Спанцуну приводится къ трупу убитаго обвиняемый въ убійствѣ, и пораженный ужасомъ, вѣруя въ то, что при его приближеніи выступитъ кровь изъ нанесенныхъ имъ ранъ, онъ невольно сознается въ содѣянномъ преступленіи. Вообще Спанцутъ представляетъ вѣрный отпечатокъ своего времени и народа. Не ищите въ немъ точныхъ опредѣленій и строгаго отдѣленія государственнаго устройства отъ гражданской жизни, судоустройства и судопроизводства отъ прочихъ отраслей законодательства; въ немъ смѣшаны уголовныя дѣла съ гражданскими и государственными; въ немъ нѣтъ подробнаго развитія частностей, опредѣленія мѣлочей; въ немъ не осуществлены пылкія желанія и стремленія, но въ немъ находится всё, что можетъ поощрять и поддерживать земледѣліе и вообще сельское хозяйство: говорится о пчеловодствѣ, звѣриной, птичьей и рыбной ловлѣ, о приманкахъ для птицъ, о бобровыхъ гонахъ, о неистребленіи лисицъ на чужой землѣ и проч.

Если вы хотите судить о Спанцутѣ, взгляните на принятыя имъ начала, на основныя его законоположенія, на послѣдовательность ихъ выводовъ, и тогда приговоръ вашъ будетъ безпристрастенъ.

Не легка была задача составить законы для государства бѣднаго, съ недостаточными средствами, непривыкшаго къ ремесленной промышленности, незнающаго торговли, въ которомъ не было рудниковъ золота, серебра, соли, даже не было

достаточнаго количества желѣза для земледѣльческихъ орудій; — для государства, прибавлю, окруженнаго злѣйшими врагами, бывшаго въ безпрестанной борьбѣ съ суровымъ климатомъ и неблагодарною почвою земли. Одна земледѣльческая промышленность должна была доставлять и защитниковъ отечества, и государственныхъ, и судебныхъ, и полицейскихъ чиновниковъ, безъ всякаго пособія, возмездія и поддержанія со стороны Правительства. Налоги взимались долго зерномъ, и очень поздо явились незначительные денежные сборы (серебщизна). Надобно было вселить въ жителей привязанность къ землѣ (terra), а съ нѣмъ вмѣстѣ утвердить любовь къ отечеству, которого опорою признаваемо было одно Дворянство.

Положено было уничтожить помѣстья (Possessiones) и ленныя владѣнія (Feuda), а вмѣсто того водворить полную, всеобъемлющую, неограниченную и неотъемлемую собственность (Dominium); дать всякому совершенную свободу распоряжать своею вотчиною (Haereditas), отчуждать ее, отдавать, дарить, мѣнять, продавать вполнѣ или по частямъ, по собственному желанію, произволу и усмотрѣнію, не оставляя даже ничего дѣтямъ (Разд. VII. арт. 1); полную собственность удержать въ однихъ дворянскихъ родахъ (terrigenae, ziemianiè), и воспретить ея переходъ къ простолюдимамъ и къ иноплеменнымъ чужеродцамъ.

Одно мужеское или военное колѣно владѣетъ, по Литовскому Статуту, дворянскою землею; иначе бы вышло то, что законодательство не допускало: женскій полъ могъ бы передать какъ приданое дво-

рянскую землю чужеродцамъ. Сколько бы не было у отца дочерей, всѣ вмѣстѣ довольствуются одною четвертою частію его достоянія, получаемаго не землею, а наличнымъ капиталомъ, потому что изъ остальныхъ частей отправляема была военная служба; но заживочный отецъ можетъ при жизни увеличить приданое любимой своей дочери. Дворянка, обезчестившая родъ свой выходомъ за просполюдина, лишалась приданаго: въ бракъ вступали по любви, а не по расчетамъ. Отецъ, недовольный поведеніемъ своей дочери, если при жизни своей не удовлетворилъ зятя приданымъ, то тѣмъ самимъ лишалъ дочь права требовать себѣ приданаго отъ братьевъ. Значительное приданое ограждалось противъ расточительности мужа обезпеченіемъ, состоявшимъ въ одной только трети мужняго имущества, для предохраненія отъ убытка кредиторовъ, получавшихъ себѣ удовлетвореніе изъ остальныхъ частей имущества, принадлежащаго мужу.

Мужьямъ далъ Статутъ возможность различнымъ образомъ награждать привязанность вѣрной и благочестивой супруги и любящей свое семейство матери, не оставляя однако же безъ куска хлѣба даже и несносной мучительницы своей. Мужъ былъ въ правѣ: а) подарить послѣ брака хозяйственной супругѣ произвольную сумму, обезпеченную собственнымъ имѣніемъ (вѣно, dotalitium); б) записать ей, на случай своей смерти, пожизненное владѣніе и доходы изъ всѣхъ своихъ или же только именно означенныхъ имѣній (usus fructus advintalitius); благоприобрѣтенное же во время брака бездѣтными и неимущими супругами имѣніе доставалось по поламъ род-

ственникамъ каждаго супруга, послѣ смерти обоихъ супруговъ; в) жены недостаточныхъ Дворянъ, проживая вмѣстѣ съ дѣтьми до вступленія своего во второй бракъ, получали доходъ съ равной съ сыновьями доли (portio virilis). Выходящая замужъ дѣвица, при вступленіи во второй бракъ, могла требовать себѣ вознагражденія *за отпецъ* (crinile).

Отецъ неблагодарныхъ дѣтей, наказывалъ ихъ отрѣшеніемъ отъ наслѣдства (exheredatio); недовольный всѣми своими дѣтьми, даже отчуждалъ, при жизни своей, всё свое достояніе въ посторонніе руки. За дурное и жестокое съ собою обращеніе сыновей, отецъ передавалъ ихъ старостѣ, для заключенія ихъ въ вежу (въ тюрьму), по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго дальнѣйшаго разбирательства. Законъ не опасался могущихъ отъ того произойти злоупотребленій, потому что вѣрилъ въ чрезмѣрную любовь родителей къ дѣтямъ; но признавая отцевъ главами семейства и домашними судьями, законъ повелѣвалъ, чтобы они вознаграждали нанесенные дѣтьми или женою кому либо изъ посторонихъ лицъ убытки.

Безденежность края и неотчуждаемость имѣній дворянскихъ родовъ заставили, вмѣсто продажи съ публичнаго торга имущества обремененныхъ долгами, придумать эксдивизію, т. е. соразмѣрный выдѣлъ заимодавцамъ имѣній во временное владѣніе до уплаты долга или до выкупа, съ тѣмъ, чтобы они изъ дохода получали себѣ удовлетвореніе, не разоряя должника. Если въ теченіе 10 лѣтъ выкупъ не послѣдуетъ, тогда только заимодавецъ пріобрѣталъ

свой участокъ въ полную собственность по праву давности.

Прямо изъ чужаго, т. е. Римскаго элемента, почерпнуты завѣщанія, но съ примѣненіемъ ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Отъ Римлянъ заимствована также давность (около 1347 года въ Польшѣ). Всѣ Словяне, а по примѣру ихъ и Литовцы, всегда отвергали завѣщанія: они не хотѣли, чтобы изнуренный болѣзнію завѣщатель необдуманно на смертномъ одрѣ отчуждалъ имѣніе, болѣе уже ему ненужное, въ недостойныя руки. Но Римское Духовенство изъ собственной выгоды поощряло и поддерживало завѣщанія, какъ основанныя на каноническомъ правѣ. Послѣ продолжительной борьбы, не прежде 1510 года, Польское законодательство приняло завѣщанія въ угожденіе Римскому Двору; впрочемъ ограничило право распоряженія посредствомъ завѣщанія въ томъ отношеніи, что можно было завѣщать только движимое имущество и наличные капиталы въ пользу церквей и богоугодныхъ заведеній. Хотя Литовскій Статутъ распространилъ право завѣщанія и на недвижимыя имущества, но все только, подобно Русскому законодательству, на одни благопріобрѣтенныя (dorobkowe), а не на наслѣдственныя, и сверхъ того предписывалъ, чтобы завѣщанія не были составляемы на дому, а непремѣнно въ судѣ, или въ полномъ присутствіи приглашенныхъ къ больному всѣхъ членовъ судебнаго мѣста.

Кто при жизни, въ полномъ умѣ и памяти, желалъ принесть даръ церкви или духовенству, тотъ удостовѣрялъ присягою, что онъ вновь (de nova radice) сооружаетъ храмъ необходимо нужный

или строящій госпиталь, а не обогощаетъ уже и безъ того достаточно призрѣнную церковь или монастырь: законъ не хотѣлъ, чтобы имѣнія переходили въ мертвыя руки (manus mortua), дабы чрезъ то не упадала государственная гражданская и воинная служба.

Такъ всѣми возможными способами поддерживались въ Литвѣ неотчуждаемость и нераздробляемость дворянскихъ имѣній, которыя потомъ и названы *ординацкими*. Для поддержанія блеска оказавшихъ заслуги отечеству фамилій — Радзивиловъ и Замойскихъ, уже въ 1589 году учреждены были маіораты или *ординаціи*, подъ условіемъ не раздроблять имѣній.

Въ договорахъ и вообще обязательствахъ законъ основывался на добросовѣстности, руководясь *доброю вѣрою* простаго и прямодушнаго Литовца, избѣгая, по бѣдности края, всѣхъ излишнихъ издержекъ, чуждаясь всѣхъ утонченностей и многочисленныхъ раздѣленій Римскаго права, выдуманныхъ противъ хитрецовъ, которые разрушали священѣйшія обязательства. Въ Литвѣ долго составлялись обязательства и договоры простымъ, естественнымъ и домашнимъ образомъ, при однихъ только свидѣтеляхъ (pieczętarze), безъ участія и посредничества суда и безъ всякой судебному мѣсту платы. Правитель крѣпостныхъ дѣлъ, состоявшій при судебномъ мѣстѣ (Regent aktowy), удостовѣрялъ только о полномъ умѣ и памяти (sanus mente et corpore) вступавшихъ въ обязательство, также о непринужденной ихъ волѣ (actus bonae voluntatis). Для общаго свѣдѣнія онъ записывалъ въ книги всё, что представляли ему

договаривающіяся лица, и что желали записать для памяти или для собственной предосторожности. Два главныя начала служили руководствомъ при сосставленіи всѣхъ актовъ обязательствъ, а именно 1) что всякое изрѣченное слово благороднымъ Дворяниномъ не поколебимо (verbum nobile debet esse stabile); 2) что въ актѣ изложенныя договаривающимися условія должны быть свято сохраняемы и исполняемы по точнымъ ихъ словамъ (iak się kto opisze, tak dotrzymać powinien). Число договоровъ было въ Литвѣ сперва весьма ограничено, а въ послѣдствіи нѣсколько увеличилось. Мѣна и дарственная запись, подъ которую подведена послѣ и продажа, отдача въ наемъ недвижимаго имущества (arenda), запись пожизненнаго владѣнія между супругами совершаемая (inscriptio inter conjuges ad vitae tempora), наконецъ заставное право и залогъ, — вотъ всѣ тѣ договоры, которые были извѣстны до временъ Сигизмунда I. Законъ, зная прямодушіе безграматнаго Дворянства, привыкшаго болѣе къ войнѣ, нежели къ перу и юридическимъ предосторожностямъ, предписалъ особую форму для каждаго акта; договаривающійся же и составляющій потому актъ для собственной предосторожности ограждалъ себя отъ всѣхъ притязаній прибавленіемъ въ актѣ условія, что онъ желаетъ имѣть актъ свой сосставленнымъ по формѣ Статута (sicut latius in forma statuti descriptum est).

Любопытна еще одна особенность Статута, позаимствованная изъ каноническаго права, касательно раздѣловъ. Извѣстно, что по Статуту одни сыновья наслѣдовали въ отцовскомъ имуществѣ,

а въ материнскомъ по равнымъ долямъ или поголовно съ дочерьми. Сыновья могли по собственной волѣ или совсѣмъ не раздѣлять между собою полученнаго въ наслѣдство имѣнія, или раздѣлиться только временно, или же сдѣлать раздѣлъ вѣчный, но всегда безъ участія суда и чиновниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ самый старшій сынъ дѣлилъ имѣніе на равныя части, самый младшій выбиралъ для себя по желанію одну изъ частей, за нимъ выбиралъ другой братъ его старшій, потомъ и этого старшій, такъ что старшему всегда доставался тотъ участокъ, который не выбрали себѣ всѣ прочіе младшіе его братья. Для предотвращенія ссачки самаго старшаго брата съ самымъ младшимъ придумано такое средство, что каждый изъ среднихъ братьевъ могъ предложить большую цѣну за первую долю. Очень рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, разсорившіеся между собою братья прибѣгали къ раздѣлу судебному, совершаемому Подкоморіемъ.

Болѣе всего обнаружилась законодательная прозорливость Литовскаго народа въ судопроизводствѣ. Онъ умѣлъ воспользоваться всѣмъ удобнымъ и хорошимъ изъ Римскаго права, примѣнить полезное къ даннымъ обстоятельствамъ и отбросить всё ненужное, излишнее, вредное, замедляющее ходъ правосудія. Бѣдность края заставляетъ и здѣсь законодателей бороться съ недостатками, но они преодолѣваютъ многія препятствія. У Правительства не было средствъ платить судьямъ и содержать канцелярію, а потому надлежало придумать что нибудь другое, и между тѣмъ однако

же устроить всё къ лучшему. Отъ того, на основаніи Статута, судьи опредѣляются по выборамъ, изъ среды согражданъ; они вмѣстѣ хозяева, чиновники, воины и законоискусники. Они вступаются въ дѣло какъ третейскіе примиряители, какъ судьи присяжные. Не имѣя надъ тяжущимися никакой власти, они не вмѣшиваются въ ходъ тяжебнаго дѣла, не стѣсняютъ истца и даютъ ему полную свободу направленія процесса; сами же слушаютъ пренія и судоговоренія (controversiones), дѣлаютъ свои замѣчанія, разсуждаютъ и тайно совѣщаются между собою (namowa), подводятъ дѣло подъ законъ и объявляютъ рѣшеніе (sententia), не забывая, что тяжущіяся лица могутъ быть со временемъ ихъ собственными судьями. Земледѣльческія занятія судей требовали опредѣленія сроковъ для судебныхъ засѣданій (cadentiae), послѣ окончанія которыхъ судьи могли бы возвращаться къ своему хозяйству; надобно было также означить мѣста судебныхъ засѣданій, дабы тяжущіеся толпами не гнались и не *тягались* за проѣзжающимъ судьею, какъ это прежде было и долго быть не переставало. Судья, не получая ни малѣйшей платы отъ Правительства, исправляетъ безвозмездно обывательскую повинность и довольствуется ничтожнымъ, отъ тяжущихся сторонъ за рѣшеніе даваемымъ, кормомъ (kory sądowe). Предсѣдатель (praeses), опытчающій явку тяжущихся сторонъ и степени дѣлопроизводства, Судья (judex), Подсудокъ (subjudex) и Писарь (notarius)—душа, можно сказать, всего судебнаго мѣста, — образуютъ вмѣстѣ коллегіальное присутствіе. Для составленія простран-

наго рѣшенія (decretum), со всѣми преніями, Писарь имѣетъ при себѣ помощника (podpisek, regent decretowy), который содержитъ себя и Писаря отъ получаемаго дохода. Возный есть блюститель тишины и порядка въ судѣ, исполнитель судебныхъ приказаній; онъ же развозитъ позвы, производитъ всѣ осмотры на грунтѣ (visio) и даже предварительно изслѣдуетъ на мѣстѣ преступленіе (obductio).

Издревле у всѣхъ Словянъ, а съ 1387 года и въ Литвѣ, судопроизводство было одно и то же какъ для гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, но особыя для того и другаго рода дѣлъ судилища (judicium terrestre, castrense). Процессъ былъ всегда Римскій, т. е. обвинительный (processus accusatorius), и притомъ короткій и дешевый; дѣлопроизводство болѣе словесное, нежели письменное. Въ немногихъ случаяхъ (въ Духовныхъ Консисторіяхъ и при отобраніи показаній свидѣтелей) употреблялось слѣдственное производство (processus inquisitorius). Рѣдко гдѣ гласность и публичность всѣхъ судебныхъ дѣйствій доведена до такой высокой степени: всѣ толпятся въ судебную палату (stuba), желаютъ быть предварительными судьями (arbitri), прежде нежели настоящій судъ объявитъ свое рѣшеніе. Истецъ и отвѣтчикъ излагаютъ сами предъ судомъ свое дѣло; но кто не имѣетъ къ тому способности и нужныхъ свѣдѣній, кто по робости или пылкости характера могъ бы испортить свое дѣло, кто занятъ военною или гражданскою службою, отвлеченъ хозяйственными или торговыми дѣлами, тотъ можетъ дѣйствовать посредствомъ адвоката.

Главнымъ, основнымъ, первымъ шагомъ дѣлопроизводства былъ позовъ (citatio). Позовъ пишется, отъ имени Королевскаго, самимъ истцемъ, который потомъ его отправляетъ отвѣтчику чрезъ Возпаго (ministerialis); потому что судъ могъ не имѣть тогда засѣданій, а позовъ за шесть недѣль присланный долженъ былъ предупредить каденцію и дать время отвѣтчику приготовиться къ отвѣту. Всё искуство состоитъ въ написаніи законнаго, всеобъемлющаго, правильнаго позва; что въ немъ вкратцѣ не упомянуто, о томъ и говорить въ судѣ не дозволено; кромѣ того отвѣтчикъ долженъ былъ знать предварительно всѣ притязанія истца, дабы приготовить на нихъ свои опроверженія. Содержаніе позва опредѣлили и выразили практики въ слѣдующихъ стихахъ:

Quis, quid, coram quo, quo jure petat, et a quo,
Recte compositus quisque libellus habet.

Вотъ основныя начала Литовскаго Статута 1588 года. Самые чрезмѣрные обожатели этого памятника, напристрастнѣйшіе любители всего Литовскаго, соглашаются, что Статутъ не есть образецъ совершенства и даже не близокъ къ совершенству. Вскорѣ послѣ его утвержденія замѣтили въ приложеніи многіе его недостатки, видѣли возможность усовершенствованія, дальнѣйшаго развитія, исправленія и перемѣны его началъ, также примѣненія его къ позднѣйшимъ потребностямъ; всего этого домогались на нѣсколькихъ Сеймахъ, но безуспѣшно.

Чувствуя, что въ Статутѣ Литовскомъ находится много Словянскаго и истинно Русскаго, я однако же, при всемъ моемъ желаніи, не въ состояніи опредѣлить, *что* именно и *въ какой мѣрѣ*. Пусть это опредѣлятъ любители и истинные знатоки Русскаго права; я буду ожидать, что скажутъ о томъ Гг. Профессоры Морошкинъ, Орнатскій и Иванищевъ, которыхъ труды по этой части мнѣ уже извѣстны. И для нихъ я набросалъ этотъ очеркъ: можетъ быть не всѣмъ изъ нихъ знакомъ Литовско-Русскій языкъ Статута, преимущественно же юридическая терминологія Западной Руси, отзывающаяся у Богемцевъ, Иллирійскихъ Словянъ и вѣроятно у прочихъ Западныхъ племенъ. Не говоря о любви ко всему отечественному, они уже по самому званію своему должны углубляться въ изученіе мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ пространномъ Россійскомъ государствѣ.

Проф. И. Даниловичъ.

II. О СУДЕБНИКѢ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Бѣдственны были годы малолѣтства Іоаннова для Россіи, управляемой сперва слабой женщиной, потомъ Боярами, которые старались болѣе объ удовлетвореніи своихъ прихотей, нежели о пользѣ отечества. Самъ державный младенецъ, одаренный пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, но окруженный пороками, льстимый хитрыми царедворцами, рано почувствовалъ наклонность къ сластолюбію и жестокости: сперва мучилъ беззащитныхъ животныхъ, потомъ, въ порывахъ гнѣва безумнаго, предавалъ лютой казни людей, веселялся воплемъ невинныхъ жертвъ. Участь Россіи не облегчилась и тогда, когда самъ Іоаннъ принялъ бразды правленія (1543): державный отрокъ явилъ на престолѣ преступныя дѣйствія души ожесточенной; только удивительное происшествіе могло произвесть перемѣну, вожделѣнную для Россіи. Сильный, безпримѣрный доселѣ пожаръ, испепелившій большую часть столицы (1547), вселилъ ужасъ въ омраченную страстями душу Іоанна: онъ счелъ его наказаніемъ Божественнаго правосудія за его легкомысліе и преступленія. Въ это счастливое время явился незабвенный Сильвестръ: возвѣстивъ устрашенному Царю гнѣвъ Божій, предста-

вивъ ему какія-то страшныя видѣнія, онъ покорилъ себѣ его душу, омраченную страстями, — и съ тѣхъ поръ начинается счастливая эпоха правленія Іоаннова! Руководимый Сильвестромъ, подкрѣпляемый совѣтами добродѣтельнаго Адашева, юный Государь въ короткое время пріобрѣлъ любовь подданныхъ, прославился на полѣ ратномъ, *устроилъ государство законами* (1). Судебникъ Іоанна IV имѣлъ великую важность не только для современниковъ, но и для потомства, которое долго руководствовалось имъ въ дѣлахъ судебныхъ: онъ важенъ и для насъ, какъ звено, необходимое для уразумѣнія Исторіи Русскаго законодательства, и на него исключительно обратимъ мы наше вниманіе.

Уложеніе, изданное Іоанномъ III и дополненное законами его сына (2), не могло казаться вполнѣ удовлетворительнымъ въ правленіе Іоанна IV. Съ развитіемъ жизни гражданской, съ уясненіемъ юридическихъ понятій, явилась потребность въ разсмотрѣніи прежнихъ законовъ: надлежало иные дополнить, другіе замѣнить новыми, взятыми изъ обычаевъ жизни, всегда пополняющихъ письменное законодательство. Такую потребность современниковъ

---

(1) Исторія государ. Росс. Карамзина 2е изд. Т. VIII. стрр. 5—110 и Т. IX. стрр. 446—457, съ примѣчч.

(2) Уложеніе Василія Іоанновича, по словамъ издателей Законовъ Іоанна Васильевича и внука его (Калайловича и Строева), было не что иное, какъ законы отца его, имъ исправленные. (См. предисловіе стр. XVII.). Что дѣйствительно *было* Уложеніе Василія Іоанновича, по можно это видѣть изъ дополнительныхъ указовъ къ Судебнику 1557 г. Маія 1, 1559 г. Сент. 1, 1581 г. Генв. (см. Судебникъ, изданный Татищевымъ. Москва. 1786 г.).

не могло не замѣтить мудрое Правительство, дѣйствовавшее именемъ Іоанна, и съ самаго начала своей силы обратило на нее вниманіе. Безъ сомнѣнія по совѣту Сильвестра, Адашева и другихъ приближенныхъ, Іоаннъ, „*благословясь у Духовенства исправить Судебникъ по старинѣ*“ (3), въ 1550 г. Іюня 1 съ своими братьями и Боярами „*уложилъ Судебникъ, какъ судить Боярамъ, и Окольничимъ, и Дворецкимъ, и Казначеемъ, и Дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, и по городамъ Намѣстникамъ, и по волостямъ Волостелямъ, Тіунамъ и всякимъ судьямъ* (4).“

По окончаніи Судебника, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ Собору *слугъ Божіихъ*, и въ 1551 г. Февр. 23 въ Дворцѣ Кремлевскомъ явились, кромѣ Митрополита, девять Святителей, всѣ Архимандриты, Игумены, Бояре и сановники первостепенные. Царь-юноша произнесъ имъ рѣчь, сильную умомъ и краснорѣчіемъ: говорилъ о бѣдствіяхъ претерпѣнныхъ *вдовствующею* Россіею во дни его юности, о неустройствѣ государственномъ, о самосудной власти вельможъ, о презрѣніи законовъ, о превратности древнихъ обычаевъ, о растлѣніи нравовъ, — и ставилъ ихъ причиною побудившею его къ исправленію законовъ, и возстановленію спасительной ихъ власти и благоустройства въ государственномъ управленіи; потомъ Царь предложилъ Святителямъ на разсмотрѣніе Судебникъ съ уставными грамотами — о избраніи Старостъ и Цѣловальни-

(3) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ, Профес. Успенскаго. Харьковъ. 1818 г. стр. 462.

(4) Суд. изд. Татищев. стр. 7.

ковъ, Сотскихъ и Пятидесятниковъ: Соборъ утвердилъ всѣ новыя мудрыя постановленія Іоанновы (5).

Означивъ время и причины составленія Судебника, мы разсмотримъ сперва источники, изъ которыхъ онъ составленъ, потомъ — самое его содержаніе.

А. *Источники Судебника.*

Законодательство нашего отечества развивалось путемъ органическимъ: не зная законовъ, имѣвшихъ дѣйствіе у народовъ Славянскихъ до прибытія въ ихъ страну Варяговъ — Руси, мы имѣемъ ясное указаніе на ихъ существованіе въ лѣтописи Преподобнаго Нестора: „*имяху бо* (племена Славянскія) *обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, и преданья; кождо свой правъ*“ (6), говоритъ онъ; и дѣйствительно въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками, сохраненныхъ намъ любознаніемъ того же лѣтописца, часто упоминается о *законѣ Русскомъ* (7). Нѣкоторыя статьи этихъ договоровъ имѣютъ очевидное сходство со статьями Русской Правды: онѣ могли основываться на правѣ обычномъ, которое, развиваясь постепенно съ расширеніемъ понятій юридическихъ, требовало письменной формы и получило ее при Ярославѣ. Правда Русская носитъ отпечатокъ частнаго труда (8), по крайней мѣрѣ, — если

(5) Истор. госуд. Росс. Т. VIII. стр. 109.

(6) Лѣт. Нестор. изд. Проф: Тимковскимъ. Москва. 1824 стр. 7.

(7) Несторъ, Шлецера. Час. 2 стр. 717. и час. 3 стрр. 139, 140 и 151; а въ лѣт. Нестор. изд. Тимков. стрр. 23 и 24.

(8) Опытъ Ист. Росс. государственныхъ и гражданскихъ за-

бы и было доказано, что она составлена и обнародована отъ имени верховной власти — въ ней не видно слѣдовъ новыхъ узаконеній, ею впервые введенныхъ. Но какъ совокупность обычаевъ, записанныхъ для памяти народной, она очевидно могла быть Правдою общею для всѣхъ земель Славянскихъ, получившихъ имя Россіи. Распространенная узаконеніями дѣтей Ярослава и Владиміра Мономаха, Правда Русская получила дальнѣйшее письменное развитіе съ одной стороны въ договорныхъ грамотахъ Князей и городовъ Русскихъ съ иностранцами: Нѣмецкимъ Орденомъ, Любекомъ, Голландцами, въ духовныхъ и взаимныхъ договорныхъ грамотахъ Князей; съ другой—въ уставныхъ грамотахъ, даваемыхъ Великими и Удѣльными Князьями областямъ имъ подвластнымъ: въ судныхъ грамотахъ Двинской, Новгородской, Псковской и другихъ. Не смотря на раздѣленіе Россіи на удѣлы, на брани междоусобныя, ее раздиравшія, въ памятникахъ юридическихъ различныхъ временъ и мѣстъ видѣнъ характеръ единства: вездѣ глубокое уваженіе къ старинѣ („*судить какъ судили дѣды*," — „*а холопу, рабъ, даному, положоному, заемному, поручному, земль и водъ судъ отъ вѣка*," — и другія подобныя выраженія часто встрѣчаются съ древнихъ памятникахъ); вездѣ коренныя правила судопроизводства выражаются одинаково, — даже часто безъ всякаго измѣненія словъ, — и только незначительныя прибавленія въ той или другой

коновъ Пр. Рейца, изд. Ѳ. Моропкин. Москва. 1836. Прим. издателя стр. 391.

грамотъ проявляютъ характеръ мѣстнаго или временнаго развитія права. Такъ было до Іоанна III.

Іоаннъ, содѣлавшись обладателемъ Россіи, соединенной благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ или силою воли Великихъ Князей подъ скипетромъ Державы Московской, возъимѣлъ намѣреніе единствомъ законодательства прочнѣе соединить прежнія самостоятельныя Княженія, связанныя до него единородствомъ Князей Удѣльныхъ и единствомъ Вѣры Православной: хотѣлъ, на основаніи древнихъ судныхъ грамотъ, издать новое Уложеніе, которымъ могла бы руководствоваться въ дѣлахъ судебныхъ Русь того времени, и его желаніе было удачно исполнено знаменитымъ Дьякомъ Гусевымъ. Въ Сентябрѣ 7006 г. (1497) Уложеніе Іоанна III вступило въ законную силу: безъ сомнѣнія первый письменный кодексъ, обнародованный для всей Россіи отъ имени верховной власти, кодексъ въ высшей степени примѣчательный, какъ памятникъ основанный на прочномъ утвержденіи самодержавія въ нашемъ отечествѣ, какъ краеугольный камень всего послѣдующаго развитія нашего письменнаго законодательства! Судебникъ Іоанна III, сперва бывшій намъ извѣстнымъ только по нѣкоторымъ статьямъ его, переведеннымъ на Латинскій языкъ Герберштейномъ: ordinationes a Ioanne Basilii Magno Duce anno mundi 7006 factae. (Rer. Moscov. comment. p. 38), въ 1817 г. найденъ стараніемъ Графа Румянцева, и помѣщенъ въ трудѣ Калайдовича и Строева, по списку внесенному послѣднимъ въ библіо-

теку Архива Московской Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (9).

На основаніи Судебника Іоанна III составлялись Уложенія или уставныя грамоты, даваемыя Великими Князьями различнымъ областямъ государства для ихъ судебной расправы: въ нихъ проявлялось органическое развитіе нашего законодательства. Мы имѣемъ на это ясное указаніе въ законахъ Іоанна IV (10); имѣемъ нѣкоторыя грамоты въ подлинникѣ, какъ-то: уставную Онежскую грамоту, уставныя грамоты крестьянамъ, рыболовамъ, бобровникамъ и проч. Іоанна III, его сына и внука (11). Съ другой стороны юридическія понятія того времени сохранились намъ въ грамотахъ губныхъ, таможенныхъ, жалованныхъ и грамотахъ частныхъ въ видѣ указовъ: о неотягощеніи крестьянъ работами, объ отводѣ мѣста подъ осадной дворъ, о неподсудности извѣстнымъ лицамъ извѣстнаго мѣста, о невзиманіи подводъ съ селъ и т. п. (12). Въ такомъ состояніи засталъ Іоаннъ IV наше письменное законодательство!

По собственному признанію законодателя, онъ думалъ только дополнить Уложеніе Іоанна III, согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями государства, желая искоренить зло, вкравшее-

(9) Истор. госуд. Росс. Т. VI. стр. 554 и далѣе, равно какъ прим. 609; также Законы В. К. Іоанна Васил. изд. Калайдовичъ. и Строев. Заглавіе къ Законамъ В. К. Іоанна В. стр. 1.

(10) См. выше примѣч. 2.

(11) Акты, собранные Археографическою Экспедиціею Т. I. N, 144, 143, 150, 181, 183, 201, и пр.

(12) Тамъ же N0 169, 173, 182, 206 и др.

ся въ систему судебнаго управленія. Отсюда очевидны источники, которыми пользовались при составленіи Судебника: письменные законы предковъ Іоанновыхъ, пополненные обычнымъ правомъ жизни гражданской и государственной. Такимъ образомъ Судебникъ Іоанна IV представляется намъ какъ плодъ юридической дѣятельности предковъ, какъ вѣрное зерцало древней жизни Русскихъ. Онъ всегда останется памятникомъ драгоцѣннымъ для историка, юриста и филолога, для всякаго просвѣщеннаго и любознательнаго гражданина. Будучи окончательнымъ результатомъ предъидущаго развитія жизни юридической, онъ самъ въ послѣдствіи послужилъ источникомъ для развитія отечественнаго права, потому что Уложеніе, краеугольный камень нынѣ дѣйствующаго законодательства, есть не что иное, какъ Судебникъ Іоанна IV дополненный, исправленный новымъ развитіемъ права: съ одной стороны письменными законами позднѣйшаго времени—указами и боярскими приговорами, законами мѣстными, примѣненными къ системѣ Русскаго законодательства, но ихъ всеобщему юридическому духу (Литовскій Статутъ); съ другой стороны практическими случаями, обычаями присудственныхъ мѣстъ (13).

B. *Содержаніе Судебника.*

Судебникъ, какъ это видно изъ его названія, есть кодексъ, опредѣляющій внѣшнюю (формальную)

(13) Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ Собраніи Московскаго Университета Ординарнымъ Профессоромъ, Докторомъ Правъ Ѳ. Морошкинымъ Іюня 10 дня 1839 г. стрр. 14—23.

сторону права: судопроизводство есть слѣдственно предметъ, разсматриваемый Судебникомъ. Главное вниманіе законодателя было обращено на устройство судовъ: на органы судопроизводства — высшіе и низшіе, на тяжущихся и ихъ повѣренныхъ; на самый порядокъ, соблюдаемый въ судопроизводствѣ — на законы, по которымъ оно движется: на искъ, на зовъ отвѣтчика, на доказательства судебныя, на рѣшеніе и его исполненіе. Очевидно, что всё это относится къ судопроизводству гражданскому, къ *процессуальной сторонѣ* гражданскаго права. Что же касается до части, разсматривающей гражданское право въ его опредѣленіи, то она почти не взошла въ составъ Судебника: право жило въ сознаніи народа, и обычай, еще не обремененія памяти своею массою, ясно вѣщали о понятіяхъ юридическихъ, въ то время слишкомъ немногосложныхъ. Только немногія исключенія были записаны въ кодексѣ законовъ; но и то или по связи того или другаго права (гражданскаго) съ судопроизводствомъ — такъ обращено было вниманіе на погашающую давность, по ея вліянію на начало и окончаніе спорнаго права — или по неясному сознанію законодателемъ различія между судомъ и правомъ (14).

Законодатель обращаетъ вниманіе и на судебно-уголовную часть: на *татьбу, душегубство и всякое лихое дѣло*; назначаетъ даже для уголовныхъ дѣлъ особыхъ судей — *Губныхъ Старостъ*, которые дол-

(14) Тамъ же стрр. 16 и 17.

жны участвовать въ судѣ Намѣстниковъ и Волостелей по дѣламъ *вѣдомыхъ разбойниковъ*, приказывая судить эти дѣла не по Судебнику, *а по губнымъ грамотамъ* (15). Слѣдственно очевидно, что главное вниманіе законодателя обращено было на гражданское судопроизводство; о судѣ же уголовномъ онъ говоритъ только для того, чтобы точнѣе опредѣлить дѣятельность органовъ судопроизводства вообще. Поэтому не только уголовное право въ его опредѣленіи, но даже уголовное судопроизводство остается въ Судебникѣ почти неразвитымъ (16).

Послѣ сказаннаго не нужно, кажется, говорить о томъ, что на публичное право Судебникъ не обращаетъ никакого вниманія. Не смотря на то, дѣлая обзоръ Судебника, мы не можемъ опустить этой важной части права, и постараемся представить ее по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, желая со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть юридическія понятія виновниковъ составленія Судебника и современной имъ Россіи.

---

(15) *„А приведутъ кого въ разбоѣ или на кого доведутъ въ судѣ, что онъ вѣдомой воръ, разбойникъ, и Намѣстнику отдавати тѣхъ Губныхъ Старостамъ, а Старостамъ Губнымъ опричь вѣдомыхъ воровъ, разбойниковъ, у Намѣстниковъ не вступаться ни во что, а воровъ и разбойниковъ судити по Царя и Великаго Князя губнымъ грамотамъ, какъ въ нихъ написано.“* Суд. изд. Татищев. стр. 60.

(16) Хотя, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, въ Судебникѣ упоминается о смертной казни, о сѣченіи кнутомъ и о другихъ уголовныхъ наказаніяхъ, но какъ они приводятся только какъ наказанія за нарушеніе правилъ гражданскаго судопроизводства со стороны судей, повѣренныхъ, свидѣтелей, и за нѣкоторыя только уголовныя преступленія, то очевидно не имѣютъ цѣлію развитіе уголовнаго права.

И такъ мы прежде всего сдѣлаемъ краткій очеркъ государственнаго права, потомъ разсмотримъ гражданское право, сперва въ его опредѣленіи, т. е. какъ понятіе права вещнаго, права личнаго (по обязательствамъ), права семейственнаго и права наслѣдственнаго, такъ и способы ихъ пріобрѣтенія (или установленія) и уничтоженія, и заключимъ взглядомъ на уголовное право.

I. Государственное право.

1. О государственномъ устройствѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что элементы государства Россійскаго существовали въ странахъ Славянскихъ задолго до призванія Варяговъ-Руси. Монархическое правленіе, свойственное землямъ, на которыхъ поселилось пришлое племя, какъ по ихъ физическому положенію, такъ и по характеру народовъ въ нихъ обитавшихъ; незапамятное населеніе этого края племенами Славянскими (17); превосходство элемента Славянскаго, которое видимо проявляется во всей Исторіи Русской, такъ что и мы еще не утратили характера, свойственнаго народамъ Славянскимъ: — всѣ это вмѣстѣ взятое заставляетъ историка начать повѣствованіе о Россіи гораздо прежде прибытія въ землю Славянъ и Финновъ трехъ Князей Варяго-Русскихъ. Но имѣя въ виду лишь краткое начертаніе основныхъ

(17) Славянскія древности соч. Шафарика, переводъ съ Чешскаго, Бодянскаго, особенно Т. I кн. 1. §§ 6 и 7 (стрр. 71—115).

законовъ нашего государства до Іоанна IV и въ его царствованіе, мы начнемъ со времени прибытія Варяговъ-Руси въ землю Чюди, Словянъ (Новогородскихъ) и Кривичей.

Два главные вопроса подлежатъ нашему изслѣдованію: вопросъ о самодержавіи Князей Русскихъ и о порядкѣ престолонаслѣдованія. Начнемъ съ перваго.

Въ 861 г. отъ Р. Х., по извѣстію нашего древнѣйшаго лѣтописца Преподобнаго Нестора, племена Славянскія и Финскія, изгнавъ Варяговъ овладѣвшихъ ихъ землею, начали управляться (*володѣти*) сами собою; но не было между ними согласія („*быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся*"), — и они рѣшились избрать Князя, который бы ими *владѣлъ и судилъ по праву*. Выборъ палъ на Варяговъ-Русь: три брата съ своею дружиною („*съ роды своими, пояша пособь всю Русь*") явились по ихъ приглашенію, и поселились: старшій, Рюрикъ въ Новѣгородѣ (?); другой, Синеусъ въ Бѣлоозерѣ; третій, Труворъ въ Изборскѣ (18). Не входя въ разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о томъ, были ли они Князья или только вожди племени пришлаго; поселились ли въ качествѣ владѣтелей державныхъ или только въ качествѣ оберегателей границъ (какъ думаетъ Миллеръ), мы обратимъ вниманіе на отношенія Рюрика, когда онъ сдѣлался единодержавнымъ, и его

(18) См. Лѣт. Несторъ. по списку иноха Лаврентія, изд. Проф. Тимковск. стр. 12.

преемниковъ къ народу Русскому. Мы знаемъ, что чрезъ два года послѣ пришествія Варяговъ-Руси, Синеусъ и Труворъ умерли, а Рюрикъ *принялъ власть* (можетъ быть противъ воли Новогородцевъ, какъ можно заключать изъ извѣстія о возмущеніи Вадима, о которомъ упоминается въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи), раздалъ *грады мужемъ своимъ*, а предъ смертію передалъ княженіе Олегу, изъ его рода, поручивъ ему малолѣтняго Игоря. Олегъ, названный уже Великимъ Княземъ, и его преемники покоряютъ сосѣднія и дальныя племена Славянскія и Финскія, налагаютъ на нихъ дань, словомъ — ведутъ войны и переговоры какъ государи самодержавные. Святославъ дѣлитъ завоеванныя области между сыновьями, изъ которыхъ, въ слѣдствіе войнъ междоусобныхъ, остается одинъ Св. Владиміръ, утверждающій столицу своего государства въ Кіевѣ — матери городовъ Русскихъ по выраженію Олега, колыбели Христіанства и первомъ центрѣ просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ (19).

Государство Русское утверждается на незыблемомъ основаніи, укрѣпленное внутреннимъ единствомъ религіи и языка, и огражденное доблестями Великихъ Князей отъ враговъ внѣшнихъ; оно становится на ряду съ другими государствами Европы, уже тогда превосходя ихъ своимъ могуществомъ и пространствомъ земли имъ занимаемой. Неограниченный извнѣ Великій Князь былъ не менѣе само-

(19) Тамъ же стр. 18 до конца. Истор. госуд. Росс. Т. I. гл. X.

державнымъ и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ: не видно, чтобы народъ имѣлъ участіе въ правленіи, хотя въ важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ Князь держитъ совѣтъ съ Боярами и старѣйшинами. Также Духовенство принимаетъ участіе въ этихъ совѣщаніяхъ, какъ видно особенно изъ одного мѣста лѣтописи (20).

Самъ Владиміръ дѣлитъ Россію на удѣлы, — и государство, на время соединенное въ рукахъ Ярослава Великаго, снова послѣ его смерти раздробляется на части. Ограниченные въ большей или меньшей степени, смотря по личнымъ свойствамъ Великаго Князя, въ отношеніяхъ къ народамъ чужеземнымъ, Князья Удѣльные являются государями самодержавными въ своихъ удѣлахъ: каждый имѣетъ свой Дворъ; каждый есть верховный судія въ своей области; каждый неограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ Россія раздѣлилась на множество частей, соединенныхъ только внѣшними узами. Подобно удѣльнымъ Княженіямъ, Новгородъ и Псковъ утверждаютъ свою независимость. Избирая Князей, жители этихъ городовъ предписываютъ имъ степень ихъ власти въ особомъ договорѣ, заключаемомъ ими съ каждымъ новымъ Княземъ; шумное вѣче рѣшитъ важнѣйшія дѣла государственныя, и именемъ Господина Великаго Новагорода, гордые республиканцы возвѣщаютъ рѣшеніе народа Князьямъ Великимъ и Удѣльнымъ (21).

(20) См. Исш. госуд. Росс. Т. I. глав. X.

(21) До насъ дошли самыя грамоты и договоры Новгородцевъ съ Князьями Русскими и Литовскими, помѣщенные въ различныхъ собраніяхъ древнихъ памятниковъ.

Долго терпѣла Россія отъ своего внутренняго раздѣленія, отъ войнъ междоусобныхъ; наконецъ благому Провидѣнію было угодно возстановить единство и славу нашего отечества. Татарское владычество, повидимому столько пагубное, замѣнило для Россіи крестовые походы, способствовавшіе на Западѣ къ утвержденію единодержавія государствъ. Покровительствуемые Ханами Князья Московскіе возвышаются надъ прочими Князьями, и переносятъ въ Москву столицу и митрополію, еще прежде изъ Кіева перенесенныхъ во Владиміръ на Клязьмѣ. Почти окончательно утверждено единодержавіе Іоанномъ III, уже именовавшимся Царемъ въ своихъ сношеніяхъ съ чужеземными Державами. Предъ нимъ палъ непокорный Новгородъ, уже обезсиленный его предками; предъ нимъ смиряются Князья Удѣльные, и переходятъ большею частію въ службу Великаго Князя Московскаго (22). Еще болѣе стѣсняются ихъ права при его преемникахъ. Лишенные участія во внѣшнихъ дѣлахъ государства, Удѣльные Князья ограничиваются правомъ суда и взиманіемъ податей въ своихъ областяхъ. Наконецъ Князья лишились даже права продавать свои наслѣдственныя имѣнія безъ вѣдома Царя, подъ описаніемъ конфискаціи. Между тѣмъ, лишаясь мало по малу городовъ и съ нихъ доходовъ, Князья утратили послѣднія преимущества предъ прочими благородными, и низошли на степень подданныхъ *Царя Московскаго*, какъ назывался уже Іоаннъ IV и внутри Россіи (23).

(22) Ист. госуд. Рос. Т. VI. глав. VII.

(23) Суд. изд. Татищев. ст. 123. Собор. узаконеніе 7065 года Мая 1. Также Опытъ Рейца стрр. 241 и 242

Разсмотрѣвъ постепенное утвержденіе единодержавія, мы обратимъ вниманіе на права самодержавія Князей Великихъ и Удѣльныхъ, и въ послѣдствіи Царя Московскаго. Какъ во время Владиміра Великаго, такъ и въ послѣдствіи Князья Великіе и Удѣльные совѣтовались въ важныхъ дѣлахъ съ Боярами, такъ что сдѣлалось обыкновеніемъ упоминать о совѣщаніи съ ними въ письменныхъ грамотахъ: „*Царь указалъ и Бояре приговорили*“, или „*по указу Царя Бояре приговорили.*“ Такое совѣщаніе составляло опору монархической власти; но государь не обязанъ былъ слѣдовать ихъ заключенію, и въ Исторіи встрѣчаемъ примѣры, изъ которыхъ видно, что въ иныхъ случаяхъ онъ поступалъ вопреки совѣту приближенныхъ. Значеніе Бояръ сдѣлалось особенно важнымъ по причинѣ несогласія Великихъ Князей съ Удѣльными, почему естественно оно начало упадать съ развитіемъ единодержавія Великихъ Князей Московскихъ, къ чему присоединилось еще Татарское владычество, пріучившее народъ къ неограниченному повиновенію, и жестокія уголовныя наказанія (24). На совѣщанія приглашались также знатные члены Духовенства: Митрополиты и Епископы; но превосходство свѣтской власти выразилось уже при Ярославѣ, когда онъ повелѣлъ избрать въ Митрополиты всея Россіи Иларіона.

Престолонаслѣдованіе не было опредѣлено закономъ; но по обычаю народовъ древнихъ, престолъ послѣ умершаго принадлежалъ въ началѣ государства старшему въ родѣ. Этотъ обычай древности

(24) Тамъ же стрр. 96, 123 и 46.

ясно сознавали Князья Русскіе, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, разсѣянныхъ въ лѣтописяхъ. Не смотря на то, онъ не могъ быть постояннымъ правиломъ наслѣдованія престола, когда размножились члены царствующей династіи до того, что нельзя было опредѣлить степени ихъ права на престолъ. И дѣйствительно, уже въ самомъ началѣ раздробленія Россіи на удѣлы, этотъ законъ былъ нарушенъ. Изяславъ, старшій сынъ Владиміра Великаго, получивъ удѣлъ въ Полоцкѣ, былъ навсегда съ своимъ потомствомъ отстраненъ отъ престола; потомъ Владиміръ Мономахъ, вступивъ на престолъ, нарушилъ права линіи Святославичей, Черниговскихъ Князей, какъ старшей, нежели линія Всеволода, отъ которой происходилъ Мономахъ. Это нарушеніе и было причиною междоусобныхъ войнъ, которыя продолжались около ста лѣтъ между потомками Святослава и Всеволода — *Ольговичами и Мономаховичами.* Такимъ образомъ это правило о престолонаслѣдованіи, съ размноженіемъ княжескаго рода, послужило только поводомъ къ безпокойствамъ со стороны властолюбцевъ. Но въ то время, какъ право старѣйшинства въ престолонаслѣдованіи было безпрестанно нарушаемо, подъ сѣнію удѣльной системы долженъ былъ естественно образоваться, развиться и наконецъ утвердиться другой порядокъ наслѣдованія, — по первородству. Эта перемѣна произошла слѣдующимъ образомъ. Удѣлы, полученные сыновьями Великаго Князя, считались ихъ неограниченною собственностію; поэтому каждый изъ нихъ имѣлъ полное право опять раздѣлять свой удѣлъ между своими дѣтьми. Но когда столицей Россіи

сдѣлался городъ Удѣльнаго Князя (25) (сперва Владиміръ, потомъ Москва), то по порядку преемственности въ удѣльныхъ княженіяхъ, право ближайшаго наслѣдованія престола Владимірскаго или Московскаго естественно принадлежало уже не старшему въ династіи, или въ родѣ, а старшему сыну Великаго Князя. Но какъ этотъ новый порядокъ не былъ признаваемъ, и подвергался частому нарушенію, то Великіе Князья старались его утверждать грамотами съ своими братьями и другими Удѣльными Князьями, по которымъ они должны были признавать не только его *старѣйшимъ Княземъ*, но часто и старшаго его сына (26).

---

(25) Кіевъ былъ родъ маіората, исключительно не принадлежа ни одному изъ Удѣльныхъ Князей, а лицу Великаго Князя, избираемаго, по понятіямъ древнимъ, изъ старшихъ въ родѣ. Напомнимъ примѣръ того, что въ древнѣйшія времена было сознаваемо право старшаго въ родѣ на престолъ Кіевскій. Когда умеръ Св. Владиміръ, то Борисъ (также сынъ Владиміра, получившій въ удѣлъ Ростовъ по смерти Вышеслава. — См. Лавр. лѣтоп. стр. 85.), получивъ о томъ извѣстіе, и побуждаемый отцовскою дружиною овладѣть Кіевомъ, отвѣчалъ: „*не буди мнѣ взяти руку на брата своего старѣйшаго, аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто.*" Лавр. спис. стр. 94.

(26) Договорная грамота Дмитрія Донскаго и брата его Владиміра Андреевича, помѣщенная въ Древней Росс. Вивл. I. 34. и друг. Здѣсь сказано, что Владиміръ признаетъ Димитрія отцемъ, сына его Василія братомъ *старшимъ*, Георгія Дмитріевича *равнымъ*, а меньшихъ сыновей Великаго Князя *младшими* братьями. Карамзинъ думаетъ, что эта грамота утверждаетъ новый порядокъ наслѣдства въ Великокняжескомъ достоинствѣ, отмѣняя древній, по которому племянники долженствовали уступить наслѣдство дядѣ. Но этотъ актъ былъ только частный, и обязательный только для Владиміра. То же дѣлали и послѣдующіе Великіе Князья, для утвержденія престола за своими дѣтьми, и не смотря на это *дяди*, подтвердившіе такой

Такимъ образомъ подъ формою древняго порядка престолонаслѣдованія скрывалось новое начало, которое долженствовало утвердиться съ уменьшеніемъ членовъ державной династіи, а окончательно съ возвышеніемъ на престолъ новой, нынѣ благополучно царствующей Фамиліи Романовыхъ. Только на время новый порядокъ престолонаслѣдованія былъ измѣненъ Петромъ I. Конечное его возстановленіе и утвержденіе принадлежитъ Императору Павлу I.

Возвращаясь къ эпохѣ Іоанна IV, мы должны сказать, что хотя новое начало было извѣстно и имѣло свое примѣненіе за долго до него, но оно не было утверждено закономъ, и еще Іоаннъ III находился самъ въ затруднительномъ положеніи касательно назначенія наслѣдника, сперва избравъ къ тому своего внука Дмитрія, который долженъ былъ погибнуть невинной жертвой политики, когда въ послѣдствіи Іоаннъ, еще при жизни своей, приобщилъ къ верховной власти и шапкулу сына Василія, который и наслѣдовалъ своему родителю (27).

Въ Исторіи этого времени представляются намъ только два примѣра малолѣтныхъ Государей на престолѣ: Дмитрій Донской и Іоаннъ IV. Во

договоръ, по смерти Великаго Князя воевали съ племянниками о престолѣ. Такъ еще Василій Васильевичъ Темный долженъ былъ выдержать борьбу съ дядею и двоюродными братьями, которые оспоривали у него право на престолъ. Нѣсколько договорныхъ грамотъ, подобныхъ приведенной нами выше, встрѣчаются въ Собр. госуд. грам. и догов. ч. I.

(27) Истор. госуд. Росс. Т. VI. стрр. 275—282.

время малолѣтства перваго управляли Бояре, а втораго — мать его, правительница Елена и Совѣтъ Бояръ.

II. О государственномъ управленіи.

А. 1) Государственныя учрежденія.

Въ началѣ государства, Великій Князь, а въ послѣдствіи Царь, считался владѣльцемъ, отчичемъ земли Русской, — явленіе естественное, встрѣчающееся въ первоначальномъ развитіи государства не только у народовъ древнихъ, но также у новыхъ, восточныхъ и западныхъ! Важнѣйшіе сановники государства являются слугами Государевыми и носятъ соотвѣтственныя тому названія: Ключника, Дворецкаго, Тіуна и проч. Спачала, когда Россія составляла еще нераздѣльное цѣлое, Великій Князь былъ центромъ всего управленія, и посредствомъ своихъ сановниковъ управлялъ всѣмъ государствомъ; но когда оно раздѣлилось на удѣлы, то каждый Удѣльный Князь, будучи неограниченнымъ въ управленіи своей области, имѣлъ своихъ особыхъ чиновниковъ, нисколько независѣвшихъ отъ Великаго Князя. Даже право защитника Россійской Церкви начало быть сознаваемо въ Великомъ Князѣ не ранѣе половины пятнадцатаго вѣка. И такъ до времени утвержденія единодержавія въ Россіи, правительственныя учрежденія являются только *областными* въ отношеніи къ цѣлому государству, хотя они были *главными* въ удѣлѣ того или другаго Князя. *Государственныхъ же учрежденій*, въ

настоящемъ значеніи этого слова, не могло быть, по причинѣ раздробленія Россіи на многія самостоятельныя части. Только тогда, когда Москва сдѣлалась средоточіемъ жизни Русской, и явилась дѣйствительной главой нашего отечества, должны были образоваться въ ней *государственныя учрежденія* для судебныхъ правительственныхъ дѣлъ Княжествъ удѣльныхъ, которыя, тѣмъ или другимъ способомъ, сдѣлались подвластными Великому Князю Московскому, и слѣдовательно сдѣлались областями Московскаго Царства. Такимъ образомъ Московскія областныя учрежденія начали пріобрѣтать мало по малу значеніе высшихъ инстанцій въ то время, какъ учрежденія прежнихъ самостоятельныхъ государствъ, сдѣлавшись подвластными Царю Московскому, теряли прежнее значеніе высшихъ инстанцій, и поступали въ разрядъ низшихъ, т. е. сдѣлались *областными учрежденіями*. Наконецъ малыя удѣльныя Княжества, вошедшія въ составъ владѣній Царя Московскаго, подъ конецъ XVI вѣка вошли въ систему общаго управленія, съ значеніемъ уѣздныхъ и городовыхъ учрежденій. Такимъ образомъ положено начало нынѣшнему управленію Россійской Имперіи (28).

Нѣтъ сомнѣнія, что еще Іоаннъ III устроилъ разныя правительства, для лучшаго дѣйствія самодержавной власти. Кромѣ древней Боярской Думы, въ дѣлахъ этого времени упоминается о Казенномъ Дворѣ и о Приказахъ; но болѣе ничего не знаемъ,

(28) Смот. Рѣчь, произнесенную въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Ординарнымъ Проф. Морошкинымъ 1839 г. стрр. 23—29.

имѣя уже ясныя, достовѣрныя извѣстія о многихъ расправахъ и судебныхъ мѣстахъ, которыя существовали въ Москвѣ при Іоаннѣ IV. Большая часть Приказовъ, о которыхъ упоминается въ его царствованіе и даже въ послѣдующія, были сначала, какъ я уже замѣтилъ, областными Приказами Москвы; но вмѣстѣ съ возвышеніемъ Князей Удѣльныхъ, они пріобрѣтали значеніе государственныхъ, не переставая быть вмѣстѣ и преимущественно областными. Приказы, которые ранѣе другихъ возвысились на степень государственныхъ учрежденій, были: Посольскій, Розрядный, Помѣстный; другіе же, наприм. Земскій Приказъ, остались навсегда областными учрежденіями. Еще долго продолжается это странное смѣшеніе въ предметахъ вѣдомства государственныхъ и областныхъ учрежденій Москвы; даже періодъ Уложенія лежитъ еще въ процессѣ всеобщаго подчиненія Московскимъ вѣнценосцамъ.

Въ духовномъ управленіи, Митрополитъ Кіевскій, а потомъ Московскій, вмѣстѣ съ Соборомъ Духовенства, издревле составлялъ высшую инстанцію въ отношеніи Россіи, подчиняясь однако, относительно Вселенской Церкви, Патріархамъ Вселенскимъ (29).

2) Областныя учрежденія.

Въ древнѣйшія времена существовалъ у насъ обычай, напоминающій отчасти Феодальную систему Запада (хотя у насъ это было явлено совер-

(29) Тамъ же стр. 29.

шенно иного рода, отличное и своимъ началомъ, и послѣдствіями): раздача городовъ Великимъ Княземъ членамъ его дружины. Такъ лѣтописецъ повѣствуетъ, что Рюрикъ, по смерти своихъ братьевъ, роздалъ мужемъ *своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло озеро* (30). Олегъ, завоевавъ городъ, также *сажалъ* въ немъ своего *мужа*: „*и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои. Оттуда поиде внизъ, и взя Любецъ, и посади мужъ свои.*“ (31). Владиміръ и Святославъ раздѣлили землю между сыновьями. Вѣроятно эти *Мужи*, или Намѣстники, имѣли ближайшею цѣлію собираніе податей съ покоренныхъ племенъ, но могли также завѣдывать дѣлами управленія, находясь въ непосредственной зависимости отъ посадившаго ихъ Великаго Князя. Дѣйствительно, въ памятникахъ встрѣчаемъ мы рано имя Намѣстниковъ, которые, съ Волостелями и Тіунами, управляли областями того или другаго Князя. Въ рукахъ этихъ Намѣстниковъ, отправляемыхъ *на кормленіе*, сосредоточивалась вся власть относительно управленія: на нихъ можно было только проспить Государя. Но часто, по особеннымъ привилегіямъ, дѣлаемы были изъятія отъ ихъ власти, въ пользу извѣстныхъ общинъ или лицъ, и иногда управленіе поручалось лучшимъ выборнымъ людямъ („*излюбленымъ людямъ*“), избираемымъ самими общинами, или частному лицу. Іоаннъ IV, безъ сомнѣнія для обузданія злоупотребленій, велѣлъ быть на судѣ, при

(30) Лѣтоп. Несторова изд. Пров. Тимковскаго стр. 12.
(31) Тамъ же стр. 14.

Намѣстникахъ, Волостеляхъ и ихъ Тіунахъ, особымъ Сотскимъ, Десятскимъ и Цѣловальникамъ (32). Такимъ образомъ управленіе какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ, было коллегіальное. Присутствіе, кромѣ членовъ, имѣло также канцелярію, которою завѣдывали въ городахъ Дьяки съ Подьячими, имѣя подчиненныхъ служителей: Недѣльщиковъ, Ѣздоковъ, а въ селеніяхъ письменныя дѣла находились въ рукахъ Земскаго Дьячка. Въ Москвѣ образуются или развиваются Приказы Московскіе, коимъ поручены были дѣла государственныя, по двумъ различнымъ системамъ, и которые по этому дѣлились на два класса. Кажется, что главный характеръ этихъ правительственныхъ мѣстъ былъ *валовый*. Это было естественно: первоначально простота управленія позволяла сосредоточивать всё управленіе извѣстной области въ рукахъ одного Княжескаго Тіуна и Казначея, какъ это было издревле, а въ послѣдствіи, при Великомъ Князѣ или Царѣ Московскомъ, было въ рукахъ одного Приказа. Но различіе между Приказами состояло въ томъ, что 1) *однимъ* были ввѣрены только дѣла той или другой области, того или другаго города, подчиненныхъ Приказамъ, какъ учрежденіямъ *областнымъ* при самомъ Царѣ. Такова была Четь Казанская, которая вѣдала дѣлами Царства Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ. Приказы Посольскій, Розрядный, Помѣстный, занимаясь расправою областныхъ городовъ, въ этомъ отношеніи составляли также вторую инстанцію, откуда дѣла уголовныя и граж-

(32) Суд. Царя Іоанна Васил. стрр. 68—72. и стр. 62.

данскія шли въ Боярскую Думу, такъ что безъ Царскаго утвержденія никого не казнили, никого не лишали достоянія. Только Намѣстники Смоленскій, Псковскій, Новгородскій и Казанскій, почти ежегодно смѣняемые, могли въ чрезвычайныхъ случаяхъ наказывать преступниковъ. 2) *Другаго рода* Приказы завѣдывали дѣлами *цѣлаго сословія, или класса людей во всѣхъ отношеніяхъ*. Таковы были Приказы Стрѣлецкій, Холопій, Патріаршій, Монастырскій и другіе. Въ послѣдствіи должно было необходимо развиться другое начало для управленія, начало *спеціальное*, т. е. по *роду дѣлъ*. Начало развитія этого характера управленія видимъ уже при Іоаннѣ IV, преимущественно въ отношеніи къ дѣламъ судебнымъ, для которыхъ назначены были особые Приказы: Судный, Помѣстный, Губная Изба и др. Въ областяхъ управленіе Намѣстниковъ, еще долго послѣ Іоанна, удержало характеръ валовый (33).

Областная уголовно-судебная часть не была строго отдѣлена отъ гражданской. Дѣлами той и другой завѣдывали Намѣстники и Волостели; только въ дѣлахъ *вѣдомыхъ разбойниковъ* участвовали *Губные Старосты*, которымъ давались для этого особыя *губныя грамоты* (34).

---

(33) См. Рѣчь Г. Морошкина стрр. 30—32. Истор. госуд. Росс. т. IX. стр. 443 и д. Подробное обозрѣніе Приказовъ см. въ Опытѣ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Гавр. Успенскаго. Харьковъ. 1818 г. стрр. 298—332 и 518., въ Указателѣ Росс. зак. Максимовича въ нач. I части, и въ Опытѣ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ Росс. государ. Тимоѳ. Мальгина. Санктпетербургъ. 1803.

(34) Судеб. ст. 60: А „приведутъ кого врозбое, или на кого всуде доведутъ, что онъ вѣдомой розбойникъ; и Намѣстникомъ

Пошлину сбиралъ сперва *Мытникъ* (въ Русской Правдѣ), и виру съ виновнаго, или шпрафъ, вѣроятно взимали первоначально Вирникъ съ Метельникомъ, составлявшіе издревле родъ Полиціи (35); потомъ, съ учрежденіемъ Намѣстниковъ и Волостелей, ипа и другая обязанность перешла къ нимъ (36). *Площадные Подьячіе* въ городахъ и селеніяхъ для маклерскихъ дѣлъ (Земскіе Дьячки), равно какъ и *Пятенщики* для пятнанія покупаемой скотины и лошадей, извѣстны какъ въ Уложеніи Іоанна III, такъ и въ Судебникѣ Іоанна IV, и часто встрѣчаются въ грамотахъ того времени (37).

Въ духовномъ управленіи второю инстанціею составляли Архіепископы и Епископы, низшую—Поповскіе Старосты и Десятскіе, избираемые изъ лучшихъ Іереевъ для надзиранія надъ церковною службою. Духовенство надъ подчиненными ему лицами (свѣтскими) имѣло всю власть, „*опричь убійства, татьбы и розбоя*“, какъ дѣлъ принадлежащихъ исключительно княжескому суду.

Б. *Государственная служба.*

У всѣхъ народовъ древнихъ служба военная, тѣсно связанная съ понятіемъ о мужествѣ, о доб-

---

тѣхъ отдавати Губнымъ Старостамъ, а Старостамъ Губнымъ опричь вѣдомыхъ разбойниковъ у Намѣстниковъ не вступатися ни во что, а татей судити по Царя и Великаго Князя по губнымъ грамотамъ, какъ вышѣ написано.“

(35) Maceiowski Slavische Rechtsgeschichte II. 7. §. 49. стр. 40. Ученыя записки Москов. Унив. 1835. Окт. N. IV. стр. 7.

(36) Рѣчь Проф. Морошкина стр. 30.

(37) Суд. спис. 93 — 96.

лести физической, особенно плѣнительныхъ для народовъ необразованныхъ, является собственно службою отечеству, напротивъ служба гражданская, ограниченная взиманіемъ податей, судебною расправою, и соединенная съ большими удобствами жизни, представляется первопачально какъ награда отставнымъ воинамъ за ихъ ратныя услуги, и въ нашихъ древнихъ памятникахъ называется *кормленіемъ*. Въ такомъ видѣ представляется намъ государственная служба и по понятіямъ народа Русскаго; также является она и въ Уложеніи Іоанна III, и въ Судебникѣ Іоанна IV, хотя послѣдній различными указами старался убѣдить народъ въ томъ, „*что Князи, Бояре и Дѣти Боярскіе посылаются не для покол и прокормленія, но для расправы людемъ и всякаго землямъ устроенія*“, и предписываетъ Намѣстникамъ и Волостелямъ, „*чтобъ они градомъ и волостемъ расправу и устрои дѣлали, и были довольны оброкомъ своимъ и пошлинами указными*“ (38).

Чиносостоянія того времени, въ которыхъ сливалась служба гражданская и военная, были слѣдующія:

Первую и важнѣйшую степень издревле составляли *Бояре*, о которыхъ уже упоминается въ древнѣйшія времена Русской Исторіи. Число ихъ было различно въ различное время, наприм. при В. К. Іоаннѣ Васильевичѣ ихъ было только 5 человѣкъ, потомъ увеличилось до 21, при Василѣ Іоанновичѣ ихъ было до 38, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ до 48.

(38) Тамъ же стр. 132.

Вторую степень составляли *Окольничьи*, — достоинство, которое въ Исторіи Русской въ первый разъ встрѣчается въ 1341 г. въ числѣ чиновниковъ подписавшихся свидѣтелями подъ договорной грамотой В. К. Симеона Іоанновича Гордаго съ братьями.

Третію степень составляли *Думные Дворяне*, называемые такъ по тому, что они были членами *Тайной Государевой Думы*, или Совѣта, въ которомъ присутствовали вмѣстѣ съ Боярами и Окольничими. Этотъ чинъ учрежденъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, и о немъ упоминается въ первый разъ въ 1572 году. Число Думныхъ Дворянъ въ 1572 году по смерть Іоанна IV было 8 человѣкъ.

Четвертую степень составляли *Стольники*, употреблявшіеся для прислуги за столомъ Государя при угощеніи иноземцевъ. Имъ поручались также дѣла посольскія, судебныя и проч.

Пятую степень составляли *Стряпчіе*, назначаемые собственно для услугъ Государевыхъ.

Шестую — *Дворяне*, раздѣлявшіеся на Московскихъ и Городовыхъ. Имъ преимущественно поручались дѣла по службѣ военной.

Седьмая степень была *Жилецкая*. Жильцы, находясь при Царскомъ Дворѣ, были употребляемы для различныхъ посылокъ. Такъ въ 1558 году упоминается, что Жильцы отъ Царя Іоанна Васильевича посланы были съ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Вишневецкимъ въ Кабарду.

Осьмую степень составляли *Дѣти Боярскіе*. Хотя это названіе встрѣчается еще въ 1259 г.;

по какъ объ особенныхъ чиновникахъ, упоминается о Дѣтяхъ Боярскихъ, въ договорной грамотѣ Князей Дмитрія Юрьевича и Василія Васильевича. При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ число ихъ было очень велико: въ 1583 году, для защиты границъ со стороны Лифляндіи, посланъ былъ Князь Елецкій съ 2000 Дѣтей Боярскихъ.

Думные Дьяки, хотя поступившіе въ этотъ чинъ не изъ благородныхъ, но пользуясь великимъ почтеніемъ и властію, были производимы не только въ Думные Бояре, но и въ Окольничьи. Объ нихъ упоминается впервые при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, у котораго были славные Дьяки Андрей и Василій Щелкаловы, почему Татищевъ приписываетъ имъ учрежденіе Іоанну IV.

Эти 8 или 9 (если прибавимъ Думныхъ Дьяковъ) главнѣйшихъ степеней службы оставались въ Россіи неизмѣнными до самаго Петра Великаго.

Въ канцеляріяхъ Дьяки и Подъячіе всѣхъ степеней были рабскаго, а не свободно-военнаго происхожденія, и только переходъ чрезъ званіе Думнаго Дьяка позволялъ имъ пробиваться въ высшіе чины службы Дворянской (39).

Не смотря на немногочисленность чиновныхъ степеней, въ продолженіе всей нашей Средней Исторіи (отъ Іоанна III до Петра Великаго) между государственными чиновниками происходили безпрерывныя распри о *мѣстахъ*. На службѣ, на пирахъ,

(39) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Успенскаго. Стрр. 151, 178, 338 и 339.

въ торжественныхъ собраніяхъ — всегда одинъ чиновникъ находилъ случай какимъ бы то ни было образомъ *утыкать* другаго въ мѣстѣ *по отечеству* или *по розряду*. Эти мѣста очевидно не были чины, потому что чиновъ, какъ мы видѣли, было только 8 или 9, между тѣмъ какъ въ защиту свою приводятъ тяжущіеся мѣстъ 14 и болѣе; не были и классныя должности, потому что одна и таже должность имѣла множество *мѣстъ*; а означали только *старшинство по отечеству или по розряду* (по происхожденію или по службѣ). *Мѣстничество* (споръ о мѣстахъ), котораго начало скрывается еще въ періодѣ удѣловъ, было въ полномъ развитіи при Іоаннѣ IV; только указы: *быть безъ мѣстъ*, которые предписывали Бояре именемъ малолѣтняго Государя, а въ послѣдствіи и самъ Іоаннъ IV, останавливали на время пагубные споры о мѣстахъ. Указомъ 1550 г. Царь повелѣлъ „*въ полкахъ быть Княжатамъ и Дѣтямъ Боярскимъ съ Воеводами безъ мѣстъ, для вмѣщенія людемъ*“ по далѣе говоритъ: *которые впредь будутъ въ Боярехъ — или въ Воеводахъ, и они щитаются въ отечествѣ*,“ и „Воевода Государь *прибираетъ, разсуждая ихъ отечество, и кто того дородился, и кто можетъ ратный обычай содержати*.“ Тутъ же онъ опредѣляетъ и различіе въ мѣстахъ: „*передовой да сторожевой полки меньше одного въ большомъ полку Воеводы*“ и проч. Изъ этого видно, что самъ Іоаннъ способствовалъ развитію мѣстничества (40).

(40) Кромѣ различныхъ дѣлъ по мѣстничеству, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Г. Муханова, въ Полномъ Собраніи Законовъ и дру-

III. Государственныя состоянія.

а) *Высшій свѣтскій классъ народа.* Государство Россійское, развившееся изъ начала патріархальнаго, не могло, по видимому, представлять въ древнія времена различныхъ классовъ народа. Но уваженіе, которымъ должны были пользоваться начальники родовъ, — Бояре (отъ слова *большій*) и Старѣйшины, развѣтвленіе Великокняжескаго дома на многіе знатные роды, которые въ послѣдствіи, при возвышеніи Царя Московскаго надъ Князьями Удѣльными, сами пришли къ нему въ подчиненное отношеніе; военныя обстоятельства государства, которыя привели въ Россію Дворянство иноземное, получившее въ ней тѣ же права, какія имѣло въ своемъ отечествѣ: всѣ это вмѣстѣ рано образовало въ Россіи высшій классъ народа, раздѣленный, какъ мы видѣли, на чиносостоянія. Всѣ знатные роды княжескіе и некняжескіе назывались *родословными*, потому что при Розрядѣ были записаны въ родословную книгу и отличались отъ прочихъ неродословныхъ тѣмъ, что могли между собою мѣстничаться, въ то время

гихъ сборникахъ, наше время можетъ хвалиться драгоцѣннымъ собраніемъ такихъ дѣлъ (которому мы обязаны трудамъ Дѣйств. Члена Москов. Истор. Общества Е. Г. Иванова), напоминающемъ собою Историческій Сборникъ 1838 года. По этому предмету слишкомъ мало обработано. Статья о мѣстничествѣ, болѣе извѣстная, принадлежитъ Г. Карецкому и помѣщена въ Вѣст. Евр. 1815. Т. III. стрр. 184 и 193. Сюда же можно отнести краткое изслѣдованіе Г. Сенат. Д. Бутурлина въ Исторіи смутнаго времени въ Россіи въ нач. XVII вѣка, Ч. 1. Санктпетербургъ, 1839 г. стрр. 16—20, и отдѣлъ въ Рѣчи Проф. Морошкина подъ заглавіемъ *Мѣстничество* стрр. 35—40.

какъ послѣдніе не имѣли этого права, и были даже лишены права суда съ родословными, записанными въ родословныхъ книгахъ подъ именемъ *мужей честныхъ* (41).

Званіе этого высшаго класса составляла собственно *служба*, хотя это нигдѣ не было выражено до Царя Алексѣя Михайловича, который назвалъ его *служилымъ* классомъ; за эту службу получали помѣстья и въ послѣдствіи владѣніе помѣстьями опредѣлило, кого должно причислить къ Дворянскому сословію, когда оно сдѣлалось общимъ названіемъ высшаго сословія (42).

b) *Духовенство.* Духовенство является въ Кіевѣ почти въ одно время съ основаніемъ государства Россійскаго. Можетъ быть, какъ думаютъ нѣкоторые, еще Аскольдъ и Диръ, испытавъ неудачный походъ на Царьградъ, приняли Св. крещеніе, и принесли съ собою первыя сѣмена Христіанства въ Русскую землю. Во всякомъ случаѣ при Игорѣ было въ Кіевѣ уже много Христіанъ, по выраженію Лѣтописца („*мнози бо бѣша Варязи Христіане*“) (43). При Ольгѣ число ихъ должно было еще болѣе увеличиться, а при Владимірѣ и Ярославѣ могло даже образоваться Духовенство какъ особый, немалочисленный классъ, съ особыми преимуществами и судомъ духовнымъ, если бы мы даже должны были согласиться съ тѣмъ, что уставы Владиміра и Ярослa-

(41) Извѣст. о Дворянахъ Росс. Миллера; также Опытъ Успенскаго стрр. 180—185.

(42) Суд. стат. 104, 105, 146, 171 и др.

(43) Лѣт. Несторова изд. Тимковскаго стрр. 25 и 26.

ва суть произведенія позднѣйшаго времени (44). Пользуясь щедростію и набожностію Великихъ Князей, Духовенство освободилось отъ всѣхъ общественныхъ повинностей и получило богатыя помѣстья, въ которыхъ имѣло права суда, опричь *душегубства, татьбы и разбол* (45). Съ развитіемъ самодержавной власти Великихъ Князей Московскихъ, Духовенство должно было естественно утратить часть своихъ преимуществъ. Іоаннъ III, Василій Іоанновичь и Іоаннъ IV постановили, чтобы впредь, безъ воли Государевой, деревень въ монастыри и Архіереямъ не продавать („*впредь Архіепископомъ, и Епископомъ, и монастыремъ, безъ Царскаго вѣдома и безъ доклада, отчинъ не покупати ни у кого*"), а Соборнымъ Уложеніемъ 1581 г. Царь Іоаннъ Васильевичь повелѣлъ исчислить ежегодные оброки Епископовъ и монастырей, и уравнить Архіепископовъ, Владыкъ и Спарцевъ всюду по ихъ числу, а „*избытокъ взять и дать на воинскій чинъ, борющійся съ нечестивыми по Царскому суду*"; но въ этомъ же году утвердилъ за Духовенствомъ принадлежавшія имъ доколѣ имѣнія „*да не исходятъ изъ отчины ни коимъ судомъ;* наконецъ указомъ 15 Генваря (то-

(44) Карамзинъ, предлагая уставъ о церковныхъ судахъ Ярослава болѣе исправный, нежели напечатанный Максимовичемъ въ Указ. Росс. зак., вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ его. См. Истор. госуд. Росс. т. II. прим. 108. Опытъ Росс. Зак. Рейца. Москва 1836 года. стр. 44. особ. въ примѣч. отъ издат. (Проф. Морошкина) стрр. 385 — 388.

(45) См. *Ярлыки Капчакскихъ Царей* Митрополитамъ Россійскимъ, помѣщенные особенно въ Собраніи Государ. Грам. и договоровъ. Москва. 1819. часть 11 стрр. 5, 8—14, и въ другихъ Сборникахъ.

го же года) запретилъ давать опчины по душамъ въ монастыри, а велѣлъ давать „*деньги, которое село чего судитъ*“ (46).

c) *Среднія сословія.* Изъ городскихъ жителей, почти ничѣмъ неотличенныхъ отъ крестьянъ до самаго Уложенія, рано выказывается сословіе *купцевъ*. Многіе слѣды указываютъ на торговые пути, издревле существовавшіе въ Россіи. Эта торговля долженствовала въ нашемъ отечествѣ рано развить торговое сословіе. И дѣйствительно, еще до Судебника мы замѣчаемъ не только его существованіе, но даже дѣленіе на классы, которые различались по степени штрафа и количеству денегъ, взимаемыхъ за обиду *(безчестье)*, причиненную людямъ торговаго званія. Торговое сословіе дѣлилось *на гостей большихъ* (торговцевъ оптовыхъ) *и на торговыхъ среднихъ людей*. Прочіе жители города назывались вѣроятно *черными градскими людьми* (обыкновенные горожане или мѣщане), и въ отношеніи пени, платимой за причиненую имъ обиду, стояли наравнѣ съ поселянами (47).

d) *Низшее сословіе.* Низшее сословіе составляли жители селъ и деревень. Въ разныя времена они носили различныя названія: сперва назывались *смердами*, потомъ, по Татарскому выраженію, вмѣстѣ съ городскими жителями, названы *черными людьми* или *чернью*, изъ которыхъ вѣроятно отдѣлялся классъ извѣстный подъ именемъ *числящихъ*, назначенныхъ для платежа дани Татарамъ; также на-

(46) Суд. спп. 159, 205, 208 и 209.

(47) Суд. сп. 26, также Рейцъ стрр. 131, 140, 262 и 268.

зывались они *земскими людьми*, *сельчанами* и наконецъ *Христіанами*, — имя перешедшее въ *крестьянъ*. Названіе черныхъ людей, исчезнувшее на время, опять встрѣчается въ послѣдствіи *въ черносошныхъ* и *черныхъ волостяхъ*, которыя отличены отъ дворцовыхъ. Кромѣ того крестьяне именовались различно, смотря по владѣтелю земли, на которой они поселились — *дворцовыми* (если были поселены на собственныхъ земляхъ Царя), *оброчными*, обложенными податьми (*черныя оброчныя села*), *помѣщичьими* и *церковными*. Крестьяне, поселившіеся на чужой землѣ по контракту, заключенному ими съ ея владѣтелемъ, имѣли право переходить отъ одного помѣщика къ другому въ означенный для того срокъ, именно за недѣлю до Юрьева дня осенняго и послѣ него чрезъ недѣлю (48), заплативъ владѣльцу земли, на которой переходящій прежде жилъ, за пожилой дворъ, смотря по времени, сколько кто прожилъ. Исключеніе составляли крестьяне, которые съ пашни передавались кому либо въ *полные* (въ холопство): они имѣли право выходить безсрочно, не платя ничего за *пожилое*. Еще ниже крестьянъ стояли *холопи* и *рабы*. Названіе *холопа* встрѣчается уже въ Русской Правдѣ и означаетъ вообще или вступившаго *во временную* личную зависимость отъ другаго (въ кабалу, и въ такомъ случаѣ назывались эти лично зависимые сперва *закупными*, а послѣ *кабальными*), или же означаетъ находящагося въ *полной*

(48) Рейцъ стрр. 140 — 152, также 268 — 274. Опытъ повѣств. Успенскаго стрр. 189 — 210, о купцахъ, о холопахъ, крестьянахъ и одноодворцахъ. Суд. стт. 167, 88, 84 и др.

личной зависимости отъ господина, называемаго также *обѣломъ и полнымъ*, или *докладнымъ* по Судебнику и Уложенію. Такое различіе между холопами *кабальными* и *полными* существовало до XVIII вѣка, т. е. до первой подушной переписи. Полный холопъ назывался собственно *рабомъ*, также *челядинымъ* (челядь). Но ни въ Судебникѣ, ни въ предшествующихъ ему памятникахъ законодательства не говорится ничего о правахъ холопей и рабовъ, напротивъ изъ всего видно, что законодатели смотрѣли на нихъ, какъ на предметъ вещнаго права, а потому въ Судебникѣ есть съ одной стороны указаніе на способы ихъ пріобрѣтенія для господина (рожденіе отъ родителей-рабовъ, бракъ между свободными и рабами — „*по рабѣ холопъ и по холопѣ раба*“ —, добровольный отказъ отъ своей свободы по полной грамотѣ или по сельскому ключу съ докладной), съ другой самое право отыскивать (vindicare) рабовъ (по Судебнику), какъ и всякую движимую вещь указываетъ на ихъ сродство съ нею и на одинаковое значеніе въ системѣ древняго Русскаго права (49). Не смотря на то, были два случая, въ которыхъ холопъ могъ переходить въ свободные: 1) когда онъ возвращался въ отечество изъ непріятельскаго плѣна, и 2) когда господинъ давалъ ему при жизни отпускную грамоту, которая изготовлялась за подписью господина, „*съ Боярскаго доклада*“ въ Москвѣ, Новгородѣ, или Псковѣ (50), или *въ духовномъ завѣщаніи* приказывалъ отпустить его на волю (51). Если же бѣжавъ

(49) Тамъ же.
(50) Суд. ст. 77.
(51) Тамъ же стат. 80 и 79.

съ господиномъ за границу, холопъ возвращался въ отечество (не изъ плѣна), то вступалъ въ прежнее состояніе *по старому холопству*. Исключеніе составлялъ случай, когда самъ Государь жаловалъ кому либо вольную грамоту (52). По этому холопъ могъ отыскивать свободу, и въ случаѣ праваго иска получалъ *правую грамоту* на своего господина, хотя древнѣйшіе памятники указываютъ на то, что холопъ былъ обвиняемъ, если вступивъ въ тяжбу съ своимъ господиномъ, не имѣлъ по себѣ *поруки*; даже судьямъ предписывалось, если холопъ или *раба имѣтъ на осподу* (господину) *вадити*, *то вѣры не имати* (53).

c) *Иностранцы.* Иностранцы селились въ Россіи преимущественно для торговли, а потому встрѣчаемъ ихъ первоначально въ торговыхъ городахъ: Новѣгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ. Права ихъ были опредѣлены особыми договорами, которыми давалась имъ обыкновенно свобода богослуженія, личная независимость, свобода торговли и нѣкоторыя преимущества въ способѣ изслѣдованія и рѣшенія споровъ. Не только Христіане, но и язычники (Магометане) могли селиться въ Россіи (Евреи только въ южной части), и пользовались непарушимостію своихъ правъ, утвержденныхъ обычаемъ.

III. Гражданское право.

Древніе памятники Русскаго законодательства ограничиваются, какъ мы видѣли, почти одною процес-

(52) Тамъ же стр. 80.

(53) Собраніе гос. грам. и догов. Т. I. и Акты Археогр. Экспед. т. I. N 55, 96 и др.

суальною стороною гражданскаго права, супроизводствомъ. На этихъ началахъ основаны и Русская Правда, и уставныя грамоты Великихъ Князей, и Уложеніе Іоанна III, и наконецъ Судебникъ Іоанна IV. Только немногія начала гражданскаго права, по ихъ близкому отношенію къ судопроизводству, обращали на себя вниманіе законодателей. Изъ этого видно, что изложеніе гражданскаго права въ его мирномъ состояніи, т. е. *въ состояніи покоя* (понятіе, исторія, юридическія отношенія того и другаго гражданскаго права), и въ состояніи мирнаго движенія (способы пріобрѣтенія и прекращенія) не можетъ быть подробнымъ, если брать особенно періодъ Судебника за точку для догматическаго развитія гражданскаго права: право жило въ обычаяхъ народныхъ и вѣщателями его были *Цѣловальники*, *люди добрые*, *лучшіе*. Напротивъ процессуальная часть гражданскаго права, на которую законодатели обращали свое вниманіе, можетъ быть изложена подробнѣе, хотя и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя явленія вовсе не подверглись ихъ разсмотрѣнію; а потому и процессуальная часть гражданскаго права этого времени не можетъ быть изложена вполнѣ удовлетворительно. Итакъ мы представимъ сперва, въ краткомъ обзорѣ, начала Русскаго гражданскаго права вещнаго, личнаго (права по обязательствамъ), семейственнаго, наслѣдственнаго, *въ его мирномъ состояніи*, — потомъ обратимся къ *гражданскому судопроизводству*. Разумѣется, что въ томъ и другомъ случаѣ, мы будемъ смотрѣть на Судебникъ, какъ на окончательный результатъ развитія Русскаго гражданскаго права.

A. *Гражданское право въ его мирномъ состояніи.*

1. Право вещей (вещное).

О *владѣніи* не говорятъ источники ничего опредѣленнаго, хотя косвенно указываютъ на то, что *владѣніе* доставляло владѣльцу право на *защиту* отъ Правительства: *о нападѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ судъ* производился отдѣльно отъ суда о *земли* (именно прежде), „*развѣ истецъ похочетъ искать напъзда или грабежа и земли вдругъ, ино другому истцу ему отвѣчать*“ (54). Но какъ въ предшествующихъ источникахъ, такъ и въ Судебникѣ ясно говорится *о давности*, превращавшей владѣніе въ собственность. Эта давность по Судебнику была трехлѣтняя для поземельной собственности Бояръ, монастырей, крестьянъ (*черносельскіе*) и помѣщиковъ; для Царской же земли давность была шесть лѣтъ (55). Впрочемъ законодатель не дѣлаетъ развитія и примѣненія этой поземельной давности ко владѣнію другими недвижимыми и движимыми имуществами.

Что касается до права *собственности*, то *движимая собственность* извѣстна у всякаго народа, въ какомъ бы младенческомъ состояніи онъ не находился: ее потому имѣли издревле не только Русскіе, но и Славяне. По своему свойству движимое имущество (первоначально *товаръ*) должно было

(54) Акты Археогр. Экспедиціи Т. I. N0 92 и др.
(55) Суд. ст. 84 о земляхъ судъ.

принадлежать не обществу (съ нѣкоторыми только исключеніями), а каждому его члену: платье, оружіе, домашнія утвари суть предметы, равно необходимые для каждаго. Но *недвижимая собственность* хотя не могла не быть извѣстной уже племенамъ Славянскимъ, однако первоначально была, кажется, нераздѣльной собственностію родовъ, отдѣленныхъ границами отъ сосѣдственныхъ семействъ и отъ владѣній Князя. Недвижимая собственность дѣлается извѣстною, какъ частное достояніе, не ранѣе, какъ при наслѣдникахъ Ярослава Великаго, и прежде всего открывается собственность *поземельная* (56). Въ періодъ Судебника имѣніе движимое называлось *животы* и *движимыя стяжанія*, а недвижимое — *недвижимыми вещами* или *недвижимыми стяжаніями* (57). *Недвижимыя* имущества составляли села и деревни съ *принадлежностями*, къ которымъ причислялись лѣса, луга, пустоши, пожни, озера, рѣки, болота, хлѣбъ стоячій и молоченый (хлѣбъ земной и рожь), живонные и всё что, что къ тому, или деревнѣ *изстари потягло*, или куда *изстари ходитъ серпъ, и коса, и соха, и топоръ*. Только о домахъ и строеніяхъ не извѣстно, относили ли ихъ къ имуществамъ движимымъ или недвижимымъ. Это раздѣленіе имуществъ (на движимыя и недвижимыя) образовалось подъ вліяніемъ Духовенства, и не очень важно, тѣмъ болѣе, что въ законѣ нѣтъ о немъ особыхъ постановленій. Важнѣе раздѣленіе недви-

(56) Рейцъ стр 68 и далѣе, также 213 прим. 3.
(57) Суд. стат. 73 и 169, также Исторія Карамзина IX. прим. 118.

жимыхъ имуществъ на отеческое наслѣдіе — *отчину*, на благопріобрѣтенное или купленное имѣніе — *куплю*, и на имѣніе пожалованное — *помѣстье*. Вотчину и куплю владѣлецъ имѣлъ право продать, заложить, промѣнять, отдать по душѣ, или завѣщать наслѣдникамъ. Это составляетъ важнѣйшее отличіе владѣнія *вотчиннаго*, равно какъ и владѣнія *благопріобрѣтеннымъ* имѣніемъ отъ владѣнія *помѣстнаго*, которое было собственно *пожизненнымъ*, т. е. давалось только по смерть жалуемаго лица, хотя въ послѣдствіи и оно стало переходить во владѣніе не только *жены* владѣльца, но даже *сына* или *зятя*. Различіе же между *вотчиной* и *куплей* составляло право выкупа, о которомъ мы будемъ говорить въ наслѣдственномъ правѣ.

Способы пріобрѣтенія собственности какъ *естественные* и *гражданскіе*, такъ односторонніе и двусторонніе, были равно извѣстны не только въ это время, но еще ранѣе (въ Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ). Для пріобрѣтенія по способу *гражданскому* двустороннему какъ имѣній недвижимыхъ, такъ даже и движимыхъ, особенно цѣнныхъ, требовалось исполненіе нѣкоторыхъ условій, опредѣленныхъ закономъ. Но какъ всегда пріобрѣтеніе по этому способу предполагаетъ *предварительный договоръ* между пріобрѣтающимъ и отчуждающимъ собственность, то подробнѣйшее изслѣдованіе этого предмета относится къ праву обязательствъ.

Что касается до права *на чужую вещь*, то мы можемъ представить нѣкоторые случаи, сюда относящіеся. Такъ въ Судебникѣ встрѣчается осо-

бая статья о *изгородѣ:* здѣсь сказано, что владѣльцы смежныхъ земель должны *городить изгороды* пополамъ, чьею же *огородою* учинится *протрава* (потрава), тому и платить убытокъ. Если къ *покосу* (пожни) *пришла ораная земля*, то всю изгороду долженъ городить владѣлецъ оранои земли, и если будетъ выправлена пожня, обязанъ за то платить. Другой случай есть право *пользованія*, которое пріобрѣталъ иногда вѣритель на имѣніе, отдаваемое ему должникомъ добровольно, дабы онъ пользовался имъ *на правахъ хозяина*, вмѣсто процентовъ, до уплаты ему долга, и это называлось *за ростъ пахати* (иногда это выражалось такъ: *за ростъ пахати и всякими угодьи владѣти и крестьяне вѣдати*) (58). Сюда же можно отнести право на чужую собственность, пріобрѣтаемое на основаніи такъ называемой *порядной*, или пламеннаго договора, по которому владѣлецъ собственности продавалъ ее на *извѣстное время и на опредѣленныхъ условіяхъ* въ пользованіе другому, напр. землю, мѣсто для рыбной ловли, или даже строеніе, какъ видно изъ того, что крестьяне, переходя отъ одного владѣльца къ другому, платили только прежнему хозяину *за пожилые дворы* (59). Изъ сказаннаго видно, что главные виды *права на чужую вещь* — повинности, залогъ и закладъ, право на землю и на поверхность земли — были уже извѣстны въ періодѣ Судебника.

---

(58) Юрид. Акты N0 232.
(59) Тамъ же N0 177 и др.

2. *Право обязательствъ.*

Право обязательствъ, по своему существу выходящее нѣкоторымъ образомъ изъ области законодательства, не могло получить полнаго развитія въ періодъ Судебника. Здѣсь предполагается анализисъ внутренней стороны нашей воли, и законодатель, не опредѣляя даже внѣшней формы договоровъ, тѣмъ менѣе могъ обращать вниманіе на договаривающіяся между собою лица. Не смотря на то, мы можемъ полагать, что и въ то время для дѣйствительности обязательства требовались необходимо:

1) *Свободная воля* со стороны договаривающихся, тѣмъ болѣе, что въ памятникахъ того времени встрѣчаемъ одинъ случай, который обязавшемуся давалъ право на уничтоженіе обязательства, именно: если кто съ кѣмъ *напьяни попытится* чѣмъ либо или что купитъ, и потомъ *проспятся, и одному истцу не любо будетъ*, то другой обязанъ былъ размѣняться (60).

2) *Извѣстный возрастъ для* договаривающихся. Хотя онъ не былъ опредѣленъ, но изъ памятниковъ, предшествующихъ Судебнику, видно, что для вступленія въ обязательство требовалось 12 и 15 лѣтъ, что и было въ послѣдствіи подтверждено закономъ, какъ это видно изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику. Но уже въ Судебникѣ ясно выражается, что только

---

(60) Акты Археогр Экспед. Т. I. № 103.

3) *Свободные* отъ всякой зависимости могли располагать собою. Такъ никто не могъ принимать въ холопи *Дѣтей Боярскихъ, служилыхъ и ихъ дѣтей*, кромѣ тѣхъ, которыхъ Государь отъ службы отписавшъ (61). Рабъ одного господина не могъ давать на себя *полной* другому. Сынъ свободныхъ отца и матери не могъ продать себя безъ ихъ согласія; въ томъ только случаѣ, когда они были въ холопствѣ, и онъ родился до ихъ холопства, имѣлъ онъ право располагать собою (62).

Вступившіе въ договоръ должны были внѣшнимъ образомъ выразить свое взаимное согласіе на совершеніе обязательства, *словесно* или *письменно*. Въ Исторіи нашего законодательства рано встрѣчается письменная форма для договоровъ. Хотя по Русской Правдѣ еще большая часть изъ нихъ совершалась только при свидѣтеляхъ, безъ употребленія письма; но въ послѣдствіи эта форма совершенія договоровъ, при однихъ свидѣтеляхъ, удержалась только при передачѣ имуществъ движимыхъ немногоцѣнныхъ, и письменная форма, называемая *кабалою*, еще до Судебника была во всеобщемъ употребленіи. При Іоаннѣ IV не только для всѣхъ договоровъ касательно недвижимыхъ имуществъ, но и для движимыхъ болѣе цѣнныхъ была въ употребленіи письменная форма. Призываніе свидѣтелей было общимъ условіемъ при совершеніи всѣхъ договоровъ, такъ что даже на торгу у посящаго или въ лавкѣ нельзя

(61) Суд. стат. 81 и 82.
(62) Тамъ же стат. 79 и 76.

было ничего купить безъ *рядовой поруки* (63). При покупкѣ лошадей договоръ записывался *въ книги*, въ Москвѣ у *Пятнальщиковъ*, по городамъ и волостямъ у *Цѣловалыциковъ*, Земскимъ Дьякомъ, для предупрежденія споровъ. Кромѣ того *Пятнальщикъ* прикладывалъ къ покупаемой лошади *пятно* или *пятналъ*. Образецъ пятна также записывали въ книги (64).

Хотя *письменная* форма для совершенія договоровъ не была опредѣлена закономъ, однако до насъ дошли многіе памятники того времени, которые свидѣтельствуютъ, что для различныхъ договоровъ были введены обычаемъ извѣстныя формы, изъ которыхъ многія сохранились доселѣ въ нашемъ законодательствѣ. Различаясь по предметамъ обязательства, договоры носили и различныя названія. Сюда можно преимущественно отнести *купчія*, *мѣновыя*, *выкупныя*, *заемныя*, *закладныя*, *дѣльныя и отступныя или отказныя* записи. Необходимую принадлежность купчихъ составляли: 1) означеніе лицъ обязывающихся — *продавца и купца* (65), 2) означеніе продаваемаго предмета, 3) цѣна, 4) выраженіе, что продаваемый предметъ *никому не проданъ, ни у кого не заложенъ, никому по душѣ не отданъ, ни въ кабалыныхъ хлѣбныхъ, ни въ денежныхъ ни въ поручныхъ записяхъ, ни въ иныхъ ни въ которыхъ крѣпостяхъ*, и въ слѣдствіе этого 5) со стороны продавца обязательство, что если *выляжетъ* на продаваемый имъ предметъ купчая или

(63) Тамъ же стр. 93.
(64) Тамъ же стрн. 94–96.
(65) Оба выраженія встрѣчаются въ Суд. ст. 95.

кабала и проч., *очищать* его *и убытка* покупщика *не довести никотораго. Мѣновыя* записи совершались въ слѣдствіе мѣны одной недвижимой собственности на другую. Форма ихъ была та же, что и купчихъ, исключая означенія цѣны, вмѣсто которой означался *мѣнимый предметъ. Выкупныя* совершались по случаю выкупа имѣнія его вотчинниками, и не отличались отъ купчихъ. Въ *заемныхъ* записяхъ существенную принадлежность, кромѣ означенія лица заимодавца и заемщика, и занимаемаго предмета, составляло означеніе, *дѣлается ли заемъ* съ *ростомъ* (процентами) (если занимались деньги) и съ *наспомъ* (если кто бралъ въ займы рожь, пшеницу и проч.), или *безъ росту и наспа.* Ростъ взимался въ періодъ Судебника *на пять шестой.* Въ случаѣ неплатежа заимодавца денегъ или хлѣба въ *срокъ* („*а поплгутъ деньги по сроцѣ*"), онъ долженъ былъ или платить проценты (если такъ было напередъ условлено), или, какъ видно изъ позднѣйшихъ узаконеній, послѣ понудительныхъ мѣръ къ уплатѣ долга, заемщикъ, если онъ не находился на службѣ, выдавался заимодавцу *головою* (66). *По закладнымъ* вѣритель получалъ право *пахать за ростъ* имѣніе должника. Иногда же должникъ давалъ на себя *кабалу за ростъ служити*, что однако было запрещено людямъ, находившимся на службѣ, и вообще такого рода заемъ не могъ быть болѣе 15 рублей (67). *Порядныя записи* имѣли предметомъ договоръ, которымъ одинъ обязывался другому па-

(66) Тамъ же стр. 131.

(67) Тамъ же стр. 78, 81 и 82.

хать землю, исправлять извѣстную должность, поставить избу и проч. за опредѣленную плату или на какихъ либо другихъ условіяхъ, которыя и выражались въ записи. Въ Судебникѣ постановлено, что если *наймитъ* не доживетъ у своего господина *урока* своего, и пойдетъ прочь, то лишается найма (68). *Дѣльныя* (раздѣльныя) записи заключали въ себѣ раздѣлъ имѣнія между наслѣдниками, а *разъѣзжія* — полюбовное размежеваніе границъ между смежными владѣльцами. *Въ отступныхъ* и *отказныхъ* записяхъ владѣлецъ собственности отказывался отъ нея въ пользу другихъ на извѣстныхъ условіяхъ или безъ всякихъ условій.

Не только въ періодъ Судебника, но еще ранѣе были извѣстны договоры о *ссудахъ и поклажѣ*, и даже о послѣднемъ говорится особенно въ Русской Правдѣ, изъ которой видно, что онъ имѣлъ силу и безъ свидѣтельства.

Кромѣ способа происхожденія обязательствъ *изъ договоровъ*, и въ то время былъ извѣстенъ также другой способъ ихъ происхожденія — *изъ гражданскихъ преступленій*. За безчестье взималась пеня, которая соразмѣрялась съ доходами получаемыми обиженнымъ на службѣ (69); но касательно платы *за увѣчье* въ Судебникѣ нѣтъ такого точнаго постановленія, какъ это было въ древнѣйшихъ памятникахъ (въ Русской Правдѣ, въ договорѣ Смоленскаго Князя съ Ригою, въ грамотахъ и проч.).

(68) Тамъ же ст. 83.
(69) Тамъ же ст. 26.

Судебникъ (70) запрещаетъ Намѣстникамъ и Волостелямъ полагать пени или наказанія на убійцъ и воровъ безъ доклада, иначе судья долженъ былъ платить *истцовы иски* вдвое. За убытки въ судныхъ дѣлахъ дѣлалось соразмѣрное тому вознагражденіе правому: „*ино всѣ убытки и пропасти взяти на виноватомъ, а пропасти имати на голову по три деньги на день.*“

Что касается до *прекращенія* обязательствъ, то общіе способы прекращенія — исполненіе по договору, истеченіе срока обязательствъ и т. п. — могли быть принимаемы какъ понятія, жившія ясно въ сознаніи народа, и потому непребовавшія санкціи законодателя. Только о прекращеніи займа по *кабалѣ* въ Судебникѣ именно сказано, что *отписи* (платежныя) на кабалы должны быть совершаемы съ Боярскаго доклада, иначе не имѣютъ силы (71).

3. Право семейственное.

Хотя первая форма общежитія есть семейство, но излагая систему гражданскаго права, мы должны семейственное право поставить послѣ права обязательствъ. Семейство включаетъ въ своемъ объемѣ не только права вещныя и права по обязательствамъ, но еще элементы неюридическіе — нравственный и религіозный; а потому, для яснаго изложенія семейственнаго права, необходимо ясное

(70) Тамъ же ст. 71.
(71) Тамъ же ст. 36.

сознаніе всей жизни гражданской, нравственной и религіозной цѣлаго народа, ограничиваясь же юридическою стороною семейственнаго права — понятія о правѣ вещномъ и правѣ обязательствъ. Въ Судебникѣ нѣтъ удовлетворительнаго развитія ни того ни другаго права: очевидно, какъ слабо этотъ памятникъ долженъ былъ коснуться права семейственнаго. Остановимся на главныхъ его началахъ, дополняя недостатки Судебника въ этомъ отношеній указаніями памятниковъ, ему предшествовавшихъ.

а) *Бракъ.* Хотя введеніе Христіанской религіи рано распространило у насъ понятіе Христіанскаго міра объ отношеніи брачащихся лицъ; однако языческіе обычаи еще долго хранили свою силу, и въ Исторіи мы можемъ слѣдить за ихъ постояннымъ уничтоженіемъ, если не силою закона, то увѣщаніями Духовенства. Въ періодъ Судебника эти обычаи болѣе и болѣе уничтожаются, другіе вовсе исчезли: такъ *вено*, которое женихъ платилъ родителю невѣсты (пріобрѣтая ее какъ бы *куплей*) не только не извѣстно въ Судебникѣ, но даже невѣста приноситъ мужу *приданое*, которое опредѣлялось въ особой *рядной грамотѣ*. Мужъ первоначально имѣлъ надъ женою, по видимому, неограниченную власть, такъ что во время голода встрѣчаются примѣры отдачи жены въ неволю другимъ (72). Но уже Русская Правда 13-го столѣтія свидѣтельствуетъ, что жена могла свободно располагать своимъ имуществомъ, а изъ памятниковъ это-

(72) „*Яко мужу свои жены даяху, да прокормятъ себя челядиномъ.*“ Русская лѣтопись по Никонову списку час. 1 стр. 181.

го времени ясно видно, что мужъ не имѣлъ права собственности надъ приданымъ жены, которая могла продавать его по собственной волѣ даже своему мужу (73).

Бракъ *установлялся* по обрядамъ Греческой Церкви. Что касается *до его прекращенія*, то кромѣ естественной смерти одного изъ супруговъ и вступленія въ монастырь, бракъ часто прекращался разводомъ, хотя Духовенство старалось какъ можно болѣе ограничить эти самовольные разводы.

б) *Родительская власть.* Судя по нѣкоторымъ фактамъ древней Русской Исторіи, мы можемъ сказать, что родительская власть была очень строга: кажется, вопреки Рейцу, и Судебникъ косвенно допускаетъ право свободнымъ родителямъ продавать своихъ дѣтей (74). Безъ сомнѣнія однако же Греческое церковное право смягчало строгое отношеніе между родителями и дѣтьми. Касательно установленія родительской власти, законы того времени не говорятъ о томъ, могла ли она, кромѣ *естественнаго рожденія*, установляться также *усыновленіемъ*. Между дѣтьми рожденными отъ законнаго брака и незаконными Судебникъ не полагаетъ различія; но изъ

(73) Юридическіе акты N0 71. XXVIII.

(74) Суд. ст. 75: *„а полному и докладному холопу сына своего свободнаго, который ся у него родилъ до холопства, не продати, продается онъ самъ, кому хочетъ, тому же ли Государю, у кого отецъ его служитъ, или иному, кому хочетъ. А отцу его и матери у полныя не стояти, и исхолопства не взяти, потому что отецъ его и мати въ холопехъ“*..... Здѣсь ясно высказана причина, почему родители не могутъ продавать сына своего свободнаго *„потому что отецъ и мати его въ холопехъ.“*

предшедствующихъ и послѣдующихъ памятниковъ видно, что послѣднія не имѣли права на наслѣдство, хотя (по Русской Правдѣ) по смерти отца вмѣстѣ съ матерью получали свободу. Родительская власть *прекращалась*, и самостоятельность дѣтей, думаетъ Рейцъ, слѣдовала сама собою, когда дочерей отдавали за-мужъ, когда устроивали сыновьямъ особое хозяйство, или когда они вступали въ службу Князя; впрочемъ нѣтъ въ Судебникѣ законнаго положенія касательно освобожденія дѣтей отъ власти родительской. Кромѣ того дѣти дѣлались самостоятельными въ слѣдствіе естественной смерти родителей, или по случаю отрѣченія ихъ отъ своей свободы — поступленіемъ въ рабство или монашество.

c) *Опека.* Еще въ Русской Правдѣ 13го столѣтія было постановлено, что если по смерти отца семейства останутся малолѣтныя дѣти, то мать съ ближайшими родственниками продолжаетъ управлять имѣніемъ. Если же вдова захочетъ опять выдти замужъ, то должна условиться съ родственниками прежняго мужа касательно дѣтей и ихъ имѣнія; однако мать и отчимъ могли также брать къ себѣ дѣтей и управлять ихъ имѣніемъ; иначе отдавались они ближайшему родственнику въ присутствіи *добрыхъ людей*. Опекунъ былъ обязанъ содержать дѣтей, и за то пріобрѣталъ, кажется, всѣ плоды имѣнія въ свою пользу. Но за всё, что онъ проживалъ изъ самаго имѣнія, долженъ былъ вознаградить дѣтямъ. Къ тому же обязывались мать, отчимъ, или его наслѣдники. Эта опека продолжается, какъ сказано въ Русской Правдѣ, до тѣхъ поръ, пока дѣти са-

ми *возмогутъ*, то есть пещись о себѣ (75). Въ періодъ Судебника для совершеннолѣтія требовалось 15 лѣтъ; впрочемъ не сказано ничего объ опекѣ, почему можно полагать, что правила, дѣйствовавшія въ Русской Правдѣ, и въ это время имѣли силу какъ обычай.

4. Право наслѣдственное.

До Судебника не встрѣчаемъ въ памятникахъ закона, касательно наслѣдованія въ имѣніяхъ недвижимыхъ: принадлежа роду, онѣ вѣроятно оставались въ общемъ его пользованіи. Исключеніе составляли домы, которые долженъ былъ имѣть каждый глава семейства; а потому было правило, что по смерти отца дворъ его получаетъ младшій сынъ (ему долѣе всѣхъ другихъ нужна помощь). Движимое имѣніе дѣлили между собою сыновья. Дочери не наслѣдовали, получая приданое отъ отца или братьевъ; но если не оставалось сыновей, то наслѣдовала и дочь (76). Когда нераздѣльное владѣніе землею рода уничтожилось, то первоначально должно было дѣйствовать правило, что въ имѣніяхъ родовыхъ наслѣдуютъ восходящіе родственники, и уже за ними нисходящіе; въ благопріобрѣ-

(75) Древнѣйшее Русское Право въ историческомъ его раскрытіи. Сочиненіе Эверса. Переводъ съ Нѣмецкаго Плаксонова. С.-Петербургъ. 1835. стр. 411—13. Здѣсь же въ статьѣ „*о задницѣ*“ встрѣчается различіе между законными и незаконными дѣтьми, о которомъ въ послѣдствіи не упоминается, именно здѣсь сказано: „*аже будутъ робые дѣти у мужа, то задницѣ имъ не имати, нъ свобода имъ съ матерью.*“

(76) Опытъ Рейца стр. 214—221.

тепныхъ же имѣніяхъ исходящіе должны были имѣть преимущество, а за ними наслѣдовали боковые родственники умершаго. Дочь, по самымъ понятіямъ того времени, какъ выходящая изъ рода, и получавшая пропитаніе и приданое, не могла наслѣдовать. Но постепенно совершился переворотъ въ наслѣдованіи родовыхъ имѣній исходящими, а недвижимаго вообще дочерьми, въ случаѣ недостатка сыновей, и въ Судебникѣ находимъ слѣдующее правило: „*а который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, что статокъ весь и земля взяти дочери; а не будетъ дочери, и ни внучатъ сыновнихъ, ни дочернихъ, что взяти ближнему сего рода*“ (77). Что касается до вотчинъ проданныхъ, заложенныхъ, или отданныхъ по душѣ владѣльцемъ при жизни, то по Судебнику его дѣти и внуки не могутъ ихъ выкупать, что было однако предоставлено его братьямъ и племянникамъ, если они при продажѣ вотчины не были свидѣтелями. Право выкупа продолжалось 40 лѣтъ со времени продажи вотчины, и имѣло силу въ томъ только случаѣ, когда покупщикъ вотчины продавалъ ее добровольно и *полюбовно* пользовавшемуся этимъ правомъ. На куплю же право выкупа распространялось только тогда, когда она переходила къ наслѣдникамъ пріобрѣтшаго ее владѣльца, и слѣдовательно становилась ихъ *вотчинным*ъ владѣніемъ.

Законы этого времени не говорятъ ничего о правѣ *завѣщанія* имѣній вотчинныхъ и благопрі-

(77) Суд. ст 92.

обрѣтенныхъ. Указъ приписанный, по свидѣтельству Татищева, къ одной рукописи о томъ, чтобы владѣльцы не продавали, не закладывали и не отдавали по душѣ болѣе половины своихъ вотчинъ, относится, безъ сомнѣнія, къ позднѣйшему времени. Но изъ дошедшихъ до насъ завѣщаній мы видимъ, что умирающій обыкновенно завѣщевалъ имѣніе свое (*вотчину* и *куплю*) женѣ своей и дѣтямъ, иногда также въ пользу монастырей и церквей *по родительскимъ душамъ* и по *своей душѣ*, приказывая записать ихъ и свое имя въ синодали, поминать ежедневно *докуды монастырь*, или *міръ стоитъ*, *кормить большіе кормы* и проч. Обычаемъ установилась опредѣленная форма для *завѣщаній*. Она была слѣдующая: „*Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Се язъ рабъ Божій ..... пишу сію духовную своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ, кому ми что дати, на комъ ми что взяти.*“ За этимъ слѣдовало назначеніе имѣнія: „*благословляю того-то и тѣмъ-то.*“ Нерѣдко умирающій приказывалъ отпустить на волю людей, коихъ обозначалъ поименно, или даже приказывалъ *роспустить на слободу* всѣхъ (78). Потомъ слѣдовало назначеніе *душеприкащиковъ*: „*а приказываю душу свою такимъ-то.*“ Они должны были означенное въ духовной *собрать* и *роздать*, и женою умирающаго *печаловатися* (79). Затѣмъ означались духовный отецъ и свидѣтели: „*а у духовныя сидѣлъ отецъ мой духовный; а на то послуси.*“ ..... Иногда прибавлялось: „*а кто сію*

(78) Юрид. Акты №0 418, 419 и др.
(79) Тамъ же №0 420, 421 и др

духовную грамоту нарушитъ послѣ меня, и имѣ съ нимъ судъ предъ Богомъ,“ или: *„кто се рукописаніе мое преступитъ, сужуся съ нимъ предъ Богомъ.“* Въ концѣ означалось, кто писалъ духовную и родъ, и прикладывалась печать отъ всѣхъ свидѣтелей.

Духовную при жизни завѣщателя, или по его смерти, должно было *явить Митрополиту*. Отецъ духовный и послухи подтверждали, что *та духовная писана передъ ними при животѣ* завѣщателя, и руки у духовной ихъ; Дьякъ, писавшій духовную, подтверждалъ также, что онъ точно писалъ ее. Митрополитъ, *выслушавъ духовную*, прикладывалъ къ ней руку и печать, и сверхъ того завѣщаніе подписывалъ его Дьякъ.

B. *Гражданское судопроизводство.*

Желая представить главныя начала Русскаго древняго судопроизводства, мы разсмотримъ сперва *органы*, потомъ *законы* судопроизводства.

1) Объ органахъ судопроизводства.

Здѣсь изложимъ понятіе: a) о судахъ, b) о тяжущихся сторонахъ и c) объ ихъ представителяхъ.

a) *О судахъ.*

Понятіе о судахъ олицетворяется въ физическихъ лицахъ, которымъ ввѣрена судебная власть; далѣе въ тѣхъ, которые занимаются письмоводствомъ, и наконецъ въ тѣхъ, которымъ поручена исполнительная часть. Примѣняя это раздѣленіе къ

періоду Судебника, мы находимъ, что эти лица были: α) Судьи, β) Дьяки и Подьячіе, γ) Приставы, Недѣльщики, Ѣздоки и проч.

α) *О судьяхъ.*

Почти во всемъ древнемъ періодѣ Русскаго судопроизводства (до Петра I) мы встрѣчаемъ одни и тѣ же названія лицъ, облеченныхъ судебною властію, хотя замѣчаемъ постепенность въ развитіи ихъ обязанностей, видимъ между ними различіе по сферѣ ихъ дѣятельности и по ихъ взаимной подчиненности. Немногія только имена судебныхъ лицъ, которыхъ значеніе въ Русскомъ судопроизводствѣ еще не опредѣлено, довольно ясно мелькаютъ въ древнихъ памятникахъ, вызывая трудолюбивыхъ дѣятелей на поприще Русскихъ древностей къ трудному объясненію ихъ происхожденія и круга ихъ занятій. Къ такимъ лицамъ должно безспорно отнести: Вирника, Метельника, Дѣтскаго, Оброка, Ябедника. Простой намекъ на 12 мужей, въ первоначальномъ спискѣ Русской Правды, очевидно не можетъ казаться удовлетворительнымъ для того, кто замѣчая аналогію между этимъ явленіемъ въ древней Россіи и подобнымъ не только у сѣверныхъ и вообще Германскихъ народовъ, но и у Славянъ, хотѣлъ бы вывести отсюда результаты, болѣе опредѣленные. Но еще въ то время, когда Россія находилась въ періодѣ младенчества, мы встрѣчаемъ многія имена тѣхъ лицъ, которымъ, по валовому характеру управленія того времени, принадлежала и судебная власть. Такимъ образомъ Намѣстники, Волостели, Тіуны, Бояре, Окольничьи, Казначеи, Дьяки

и *всякіе приказные люди*, имѣя въ рукахъ управленіе ввѣренной имъ области, города или волости, являются въ то же время и судьями. Эти названія лицъ, облеченныхъ судебною властію, удержались, какъ мы сказали выше, во всемъ древнемъ періодѣ нашего законодательства; исчезли весьма немногіе — 12 мужей, Вирникъ, Мечельникъ и Ябедникъ, который, утративъ свое должностное названіе, является лицемъ ненавистнымъ для правосудія. Значеніе Великаго Князя, какъ верховнаго судьи въ дѣлахъ гражданскихъ, постепенно возрастаетъ, укрѣпляется, и наконецъ Царь, въ законѣ для всея Россіи составленномъ, объявляетъ себя верховнымъ судьею (80). Останавливаясь на Судебникѣ, мы разсмотримъ судебныя лица въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ исчислены въ этомъ памятникѣ. Одни изъ нихъ присутствовали въ Приказахъ (Бояре, Казначеи), другіе въ городахъ (Намѣстники), третьи въ волостяхъ (Волостели, Тіуны и *всякіе судьи*)..

Бояре. Имя Бояръ, въ значеніи судебныхъ лицъ, является рано въ Исторіи. Оно означаетъ участниковъ Князя въ гражданскомъ судѣ. Въ послѣдствіи, съ развитіемъ монархической власти и увеличеніемъ числа Бояръ, они получаютъ различныя судебныя должности: одни вмѣстѣ съ Окольничими и Думными Дворянами засѣдаютъ въ *Большой Думѣ*, и называются *Думными людьми*; другіе исправляютъ должность судей въ Приказахъ, третьи посылаются Намѣстниками въ города, гдѣ вмѣстѣ съ управленіемъ имъ ввѣрялась также судебная расправа.

(80) Это видно изъ многихъ статей Судебника.

Окольничьи. Въ отношеніи къ судопроизводству, Окольничьи имѣли прямую дѣятельность. Вопервыхъ такъ назывались тѣ, которые должны были присутствовать при судебныхъ поединкахъ, на такъ называемомъ *полевомъ бою*, для опредѣленія кто одержитъ побѣду, за что получали *полевыя* пошлины. Но такъ какъ *поле* запрещено было уже Іоанномъ Васильевичемъ IV, то Окольничьи въ его время удержали только слѣдующія двѣ должности: 1) подобно Боярамъ, были они главными судьями въ Приказахъ, равно какъ въ большихъ и пограничныхъ городахъ были Воеводами; 2) съ Боярами и прочими Палатными и Думными людьми засѣдали въ Палатѣ, или *Государевой Думѣ*, что въ послѣдствіи, когда число ихъ умножилось, сочлалось ихъ главною должностью.

Дворецкіе издревле, по словамъ Татищева, „*были во всѣхъ Княженіяхъ, и имѣли въ вѣдомствѣ дворцовыя волости и всѣхъ дворцовыхъ людей Княженія.*“ Въ отношеніи къ судопроизводству, они были судьями въ области подчиненной ихъ управленію (т. е. дворцовыхъ людей) (81). Но Іоаннъ IV, учредя чинъ „*Боярина и Дворецкій*“ прочихъ Дворецкихъ отставилъ: они сдѣлались ненужными при утвержденіи единодержавія (82). По этому должность *Боярина*

(81) Татищева прим. 4 къ Судебнику стр. 9. подъ буквою В.

(82) Хотя такъ полагаетъ Татищевъ въ приведенномъ выше примѣчаніи, но Успенскій (въ его Опытѣ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ) справедливо замѣчаетъ, что при Іоаннѣ Васильевичѣ Дворецкіе удержали свои должности, и писались по званіямъ прежнихъ Княжествъ, какъ то: Новогородскій, Тверскій, Рязанскій, Нижегородскій и проч., которые состояли въ

и Дворецкаго осталась та же, какую имѣли *Дворецкіе:* они управляли дворцовыми волостями, завѣдывали всѣми нижними придворными служителями, и въ Приказѣ, называемомъ *Дворецъ* или *Большой Дворецъ*, были главными судьями, и имѣли право сами избирать себѣ подчиненныхъ.

Казначеи. Хотя настоящая должность Казначея состояла въ храненіи казны Государевой, *для* чего онъ имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ Казенный Приказъ (*большой казны*), но также, какъ думаетъ Татищевъ, Казначеи имѣли въ своемъ завѣдываніи таможни, а изъ Судебника видно, что имъ предоставлено было рѣшать судныя дѣла въ денежныхъ искахъ (83).

Дьяки и всякіе приказные люди. Такъ какъ они при судьяхъ составляли родъ канцеляріи, занимаясь письмоводствомъ (собственно приказные люди); то мы объ нихъ будемъ говорить особо. Здѣсь подъ именемъ Дьяковъ и приказныхъ людей разумѣются также люди, исправлявшіе должность судей (84), по причинѣ ввѣреннаго имъ управленія

повелѣніяхъ Московскаго, и существовали до Царя Михаила Ѳеодоровича, когда всѣ Княжескіе Дворцы соединены съ Московскимъ Большимъ Дворцемъ (стрр. 298 и 229).

(83) Суд. стр. 9 прим. подъ буквою е, и стр. 149. (Указъ 1558 года Сент. 1 го).

(84) Что Дьяки и Подъячіе издревле исправляли должность судей, это видно изъ многихъ дошедшихъ до насъ актовъ. Такъ въ жалованной грамотѣ 1530 г. (стр. 436 Собр. государственн. грамотъ и договоровъ Час. 1.) сказано: *„изъстари судили ихъ* (Лопарей) *въ нашей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ Дьяки наши во всякихъ дѣлехъ, и дань мою Великаго Князя брати посылали Дьяки наши Подъячихъ.“* Особенно такая

извѣстной области, или въ слѣдствіе порученія какого либо судебнаго дѣла.

Намѣстники. Кажется, что Намѣстникъ былъ верховнымъ судьею не только въ городѣ, куда отправленъ былъ на кормленіе, но и во всемъ его округѣ. Впрочемъ и на него можно было жаловаться, въ случаѣ обиды имъ причиненной, когда онъ ѣхалъ на жалованье, или съѣзжалъ, или во время самаго кормленія. Если кто жаловался на Намѣстника во время его кормленія, то онъ долженъ былъ къ отвѣту посылать людей своихъ (85). Но искъ на Намѣстникѣ и его людяхъ былъ позволенъ только до году. Въ Судебникѣ дѣлается различіе между Намѣстникомъ *съ Болрскимъ судомъ* и *безъ Болрскаго суда*, состоявшее въ томъ, что первый могъ *безъ доклада* давать грамоты *полныя и докладныя*, хотя ни тотъ, ни другой не имѣлъ права давать безъ доклада грамотъ *правыхъ и бѣглыхъ* (86).

Волостели. По самому значенію *волости* (область, земля, въ противоположность городу), имя *Волостеля* означаетъ начальника земскаго округа.

должность Дьяковъ и Подъячихъ очевидна во многихъ грамотахъ, помѣщенныхъ въ Собраніи подъ названіемъ древнихъ государ. грамотъ, собранныхъ въ Пермской Губерніи (№ 22, 23, 36, 45 и др.). Но слово *приказный* выражаетъ здѣсь вообще всякаго, кто исправлялъ должность судейскую, кромѣ исчисленныхъ выше чиновниковъ (Намѣстниковъ, Окольничихъ и проч.); а потому Татищевъ и говоритъ, что законодатель подъ приказными людьми разумѣетъ всѣхъ гражданскихъ правителей. Также объясняютъ это слово Рейцъ и Успенскій.

(85) Суд. ст. 74.

(86) Тамъ же ст. 34, 63, 65—67, 69 и 72

На судебную власть Волостеля указываютъ не только памятники, предшествующіе Судебнику, но и въ немъ они поставлены въ спискѣ судей, и велѣно имъ „*по волостемъ судити черныхъ людей по ихъ по жалобницамъ, и управу имъ чинити безволокитно.*“ Не знаемъ впрочемъ, въ какомъ отношеніи они находились къ Намѣстникамъ. Судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, можно полагать, что они отъ нихъ вовсе не зависѣли (87).

Тіуны. Кажется, что они были избираемы произвольно, не менѣе однако какъ на годъ, Намѣстниками и Волостелями, мѣсто которыхъ они заступали какъ въ дѣлахъ управленія вообще, такъ и въ дѣлахъ судебныхъ тамъ, гдѣ Намѣстникъ или Волостель не могъ самъ лично присутствовать.

Всякіе судьи. Подъ этимъ разумѣются люди разныхъ именованій, которымъ поручаема была временно или постоянно судебная власть. Таковы были *Дѣти Боярскіе*, *Дьяки* (когда они заступали мѣсто судей, что нерѣдко случалось) и др.; по преимущественно сюда должно отнести *Старостъ и Цѣловальниковъ*, и лица, которыя по привилегіямъ, дарованнымъ Государемъ извѣстному сословію города, волости, или цѣлому селенію, или имъ самимъ, получали право суда. Въ Судебникѣ и уставныхъ грамотахъ того времени велѣно на судѣ „у *Намѣстни-*

(87) Тамъ же стр. 51: „*а пересудчикомъ пересудъ имати на виноватомъ 2 гривны, а менши рубля пересуда нѣтъ, а споля со всякаго пересудъ. А списокъ, кто оболживитъ, да шлетца на правду, и въ томъ пересудъ; а по двойскимъ праваго десятка 4 гривны, а имати на виноватомъ же.*“

ковъ, *у Волостелей и у ихъ Тіуновъ быть*" тѣхъ, Волостелей *Старостамъ и Цѣловальникамъ*, изъ которой волости кто ищетъ или отвѣчаетъ. Изъ Судебника видно, что Старосты и Цѣловальники введены для предупрежденія со стороны Бояръ злоупотребленія ихъ власти. Такъ въ Судебникѣ говорится о судномъ спискѣ присылаемомъ Намѣстникамъ къ докладу, если истецъ или отвѣтчикъ *его оболживитъ*, въ такомъ случаѣ, для узнанія истины, призываются *Дворскій Староста* и *Цѣловальники*, которые *сидѣли у дѣла, съ противнемъ* суднаго дѣла за скрѣпою Дьяка и печатью Намѣстника. Если они скажутъ, что судъ былъ таковъ, и противень съ судным списком земскаго дѣла сойдется, то виновенъ тотъ, кто списокъ оболживилъ. Также въ Судебникѣ говорится, что если по комъ не будетъ поруки (въ томъ, что онъ въ извѣстный срокъ станетъ на судъ), то волостелины или намѣстничьи люди не могутъ свести ихъ къ себѣ и сковать, но должны явить ихъ Старостамъ и Цѣловальникамъ (88). Наконецъ Цѣловальники употреблялись для обыска *съ лучшими людьми*. Намѣстникъ не имѣлъ права судить Цѣловальника ни въ чемъ „*опричь душегубства, и разбоя, и татьбы съ поличнымъ*," пока онъ исправлялъ эту должность (89).

По привилегіямъ иногда сословіе извѣстнаго города или селенія (Ловчіе, Сокольничьи, Дворецкіе и др.) получали право избирать для суда и распра-

(88) Тамъ же стат. 69 и 70.
(89) Тамъ же стат. 62, 64, 68, 74 и др.

вы изъ своей среды *излюбленныхъ*, *выборныхъ головъ* или *лутчихъ людей*. Преимущественно этимъ правомъ пользовались промышленныя селенія, и въ такомъ случаѣ Княжескіе Намѣстники и Волостели не имѣли права суда въ этихъ селеніяхъ, и *выборные судьи* сперва прямо подчинялись Государю, потомъ Боярину Московскому въ извѣстномъ Приказѣ. Нѣкоторыя волости откупали право имѣть собственныхъ судей. Наконецъ часто одно лице, въ вознагражденіе заслугъ или по другимъ причинамъ, получало право суда въ своихъ помѣстьяхъ (90).

Но всѣ исчисленныя лица въ отношеніи судопроизводства зависѣли отъ *Царя*, какъ отъ верховнаго судьи. Древнѣйшіе памятники нашей Исторіи свидѣтельствуютъ, что Великій Князь, еще во время слабаго развитія монархической власти, пользовался правомъ опредѣлять за преступленія виру, которая взималась въ его пользу. Также частныя сказанія лѣтописцевъ и примѣры указываютъ на судебную власть Государей. По раздѣленіи государства на удѣлы, Великій Князь, пользуясь правомъ верховнаго суда, какъ и всѣ Удѣльные Князья въ своей области, удержалъ только тѣнь верховной судебной власти надъ прочими Князьями; осуществленіе же этой власти зависѣло отъ его личнаго характера и обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился. Такъ Ярославъ велѣлъ заключить въ темницу брата своего Судислава „*оклеветанъ бо бѣ къ нему*.“ Иногда право

(90) Такія грамоты, подъ названіемъ *уставныхъ и жалованныхъ*, въ большомъ числѣ находятся въ Актахъ Археограф. Экспедиціи, въ Собр. госуд. грам. и договор. и проч.

верховнаго суда проявляли вмѣстѣ всѣ Князья надъ однимъ изъ своихъ собратовъ на Княжескомъ съѣздѣ: такъ судили Давида за ослѣпленіе Василька, отнявъ у него Княжество и назначивъ ему извѣстные доходы. Когда развилось понятіе о монархической власти, когда утверждалось единодержавіе, и для судебныхъ дѣлъ были назначены различныя лица съ различною властію, Князь сталъ во главѣ всего судопроизводства, какъ высшая инстанція суда. Въ такомъ случаѣ Князь судилъ съ своими Боярами и приближенными. По Судебнику Царь и Великій Князь судилъ самъ, или предоставлялъ судъ сыновьямъ, получая пошлины какъ съ Боярскаго суда, съ рубля по 11 денегъ; но печать прикладывалъ не самъ, а имѣлъ особаго Печатника (91).

Бросивъ взглядъ на судебныя лица, какъ они исчислены въ Судебникѣ, и замѣчая различіе въ кругѣ ихъ дѣйствій, въ ихъ правахъ и въ степени ихъ власти, мы приходимъ естественно къ слѣдующимъ вопросамъ: какое было отношеніе между различными органами судопроизводства? кому изъ многочисленныхъ судей государства принадлежитъ право суда надъ извѣстнымъ лицемъ въ извѣстномъ случаѣ? Желая разрѣшить эти вопросы, мы обратимъ вниманіе на *инстанціи* судовъ, на *подсудимость* и на *виды судовъ* въ періодѣ Судебника.

Инстанціи. Понятіе объ инстанціяхъ этого времени выражается съ одной стороны въ *ревизіи* суда (въ слѣдствіе доклада) однихъ лицъ другими, съ другой стороны *въ пересудѣ*.

(91) Суд. стт. 7, 2, 3, 37 и др.

Что касается до ревизіи, то мы уже говорили о томъ, что Намѣстники съ Боярскимъ судомъ не могли давать *правыхъ* и *бѣглыхъ* безъ доклада (вѣроятно) тѣмъ Боярамъ, Дворецкимъ, Казначеямъ и Дьякамъ, у кого который городъ находился въ Приказѣ, какъ сказано въ Судебникѣ; Намѣстники же и Волостели безъ Боярскаго суда, такъ же какъ Тіуны ихъ, не могли вовсе давать грамотъ безъ доклада. Касательно пересуда было правило, что меньше рубля *пересуда нѣтъ, а съ поля со всякаго пересудъ* (92). Кто имѣлъ право пересуда, не извѣстно: можно думать, что право это имѣли судьи, которымъ принадлежала ревизія тѣхъ судей, которые не могли давать извѣстныхъ грамотъ безъ доклада имъ. Высшую инстанцію составлялъ Царь, или его дѣти, или Боярская Дума: здѣсь производился ревизіонный судъ по жалобамъ на судей, кромѣ того тѣ дѣла, которыя судьи, не будучи въ состояніи рѣшить сами, представляли Царю (93).

Безъ сомнѣнія жалоба подавалась въ низшую инстанцію — Волостелю и его Тіуну въ волости, Намѣстнику и его Тіуну въ городѣ; потомъ дѣло шло въ высшую инстанцію на ревизію, или пересудъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было подавать жалобу и въ высшую инстанцію: такъ въ Приказы Московскіе можно было подавать жалобу на городскихъ Намѣстниковъ, или когда отвѣтчикъ (бывъ жителемъ другой городской волости, нежели

(92) См. выше примѣчаніе 87.
(93) Суд. ст. 7.

истецъ) находился въ Москвѣ (94). Даже иногда Царь судилъ въ первой инстанціи дѣла нѣкоторыхъ привилегированныхъ лицъ, которыя не подлежали ни чьему суду, кромѣ его. Впрочемъ подобныя освобожденія (*тарханныя грамоты*) запрещено было впредь давать, даже существовавшія были уничтожены закономъ (95).

Яснаго понятія объ инстанціяхъ нельзя однако дать ни на основаніи Судебника, ни на предшествующихъ ему памятникахъ.

О по судности (*присудъ* по Судебнику). Лица одного города или волости подлежали суду Намѣстника этого города или Волостелю этой волости; но если истецъ и отвѣтчикъ были разныхъ мѣстъ, то подсудность опредѣлялась лицемъ отвѣтчика; „*а случится судъ смѣстной, ищел или отвѣтчикъ судимъ будетъ и одному судья, и кто на кого возметъ Пристава въ какомъ дѣлѣ ни буди, и тотъ ищел да возметъ у своего судьи за собою сторожа, да идетъ къ тому судьѣ просити Пристава у кого въ присудѣ тотъ, на комъ ему искати, да предъ тѣмъ судьею и ищетъ*“ (96). Но изъ этого были слѣдующія исключенія: 1) жалоба на Намѣстниковъ подавалась въ Приказъ (въ которомъ вѣдался городъ, гдѣ на кормленіи жилъ Намѣстникъ) Московскій, и Намѣстникъ въ свое оправданіе долженъ былъ послать слугу, или по съѣздѣ съ кормленія самъ отправиться (для оправданія себя); здѣсь под-

(94) Тамъ же стр. 148.

(95) Тамъ же стр. 20 и 43, и прим.

(96) Тамъ же стр. 30.

судность опредѣляется *не мѣстомъ жительства* отвѣтчика, а его подчиненностію, потому что въ его городѣ Намѣстника никто судить не могъ; 2) въ судѣ встрѣчномъ: „*а будетъ тотъ отвѣтчикъ, не сходя съ суда, да противъ на немъ взыщетъ, и ему предъ тѣмъ судьею и отвѣчати*“; 3) когда Царь освобождалъ извѣстное лице отъ подсудности мѣстной, какъ мы это видѣли; 4) подсудность по мѣсту жительства лица видоизмѣнялась въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстомъ преступленія: „*а тати, и душегубца, и разбойника, и грабежника гдѣ имутъ, тутъ судятъ; а имать просити на изводъ, ино его на изводъ пустити*“ (97); 5) люди пріѣзжіе въ Москву, если были по жительству различныхъ городовъ, могли жаловаться другъ на друга въ Москвѣ: „*и Казначеемъ тѣхъ людей въ тѣхъ дѣлѣхъ судити, и управу имъ давати по суду*“ (98).

Въ судахъ *смѣстныхъ* (когда истецъ и отвѣтчикъ имѣли различную подсудность) участвовали судьи со стороны обоихъ тяжущихся: въ судахъ свѣтскихъ они, кажется, оба не судили лично, а только „*пошлины дѣлили по половинамъ*“; но въ случаѣ жалобы лицъ духовныхъ на свѣтскихъ, въ судѣ участвовали какъ свѣтскіе, такъ и духовные судьи — Десятники, Тіуны и проч.; равно при жалобахъ свѣтскихъ на духовныхъ, дѣло рѣшалъ судья отвѣтчика, но въ судѣ принимали участіе Старосты и Присяжные съ Земскимъ Писцемъ, и съ рѣшенія получали копіи.

(97) Тамъ же стр. 91.
(98) Тамъ же стр. 148.

Виды судовъ. По *различію классовъ*, бывшихъ въ Россіи, суды того времени можно раздѣлить: 1) на *свѣтскіе суды тузмицевъ*, 2) *на суды духовные* и 3) *на суды иностранцевъ.*

1) Въ древнемъ періодѣ вѣдомство судовъ *свѣтскихъ* гражданскихъ было съ одной стороны обширнѣе, съ другой тѣснѣе, нежели это должно быть по ихъ существу: они завѣдывали нѣкоторыя дѣла собственно уголовныя; но за то нѣкоторыя дѣла свѣтскія не были имъ подчинены, а были отнесены къ вѣдомству суда духовнаго. Впрочемъ при Іоаннѣ разбой и воровство подлежали уже уголовному суду Губныхъ Старостъ, и съ теченіемъ времени для этого рода дѣлъ всё болѣе дѣлается употребительнымъ процессъ слѣдственный, особенно чрезъ обыскъ на мѣстѣ преступленія.

2) *Духовенство* въ нѣкоторыхъ дѣлахъ не имѣло права суда: убійство, разбой, воровство подлежали суду свѣтскому: — „*и судъ мой Великаго Князя надъ владычными людми въ душегубствѣ, и разбоѣ, и въ татьбѣ*“ — выраженіе, которое часто встрѣчается въ древнихъ грамотахъ. Съ другой стороны вѣдомство судовъ духовныхъ было обширнѣе, нежели слѣдовало бы заключить по ихъ понятію: сюда входили духовныя дѣла лицъ подлежащихъ вѣдомству свѣтскаго суда, дѣла брачныя, разводы, отношенія между родителями и дѣтьми, плотскія преступленія, даже нѣкоторыя дѣла, которыя въ настоящее время отнесены къ суду свѣтскому: завѣщанія, мѣры и вѣсы. Къ духовнымъ лицамъ причислены были бѣдныя вдовы, нищіе и проч.;

по этому они также подлежали вѣдомству духовныхъ судовъ (99).

3) *Суды иностранцевъ.* Иностранцы для суда имѣли своихъ старшинъ. Если одно лице, принадлежащее къ тому или другому вѣдомству суда по классу, искало на другомъ того же вѣдомства, и имѣло съ нимъ *одинакое мѣсто жительство*, то они судились судьею класса, къ которому причислялись (свѣтскіе, духовные), и притомъ судилъ ихъ *судья общій* по мѣсту ихъ жительства. Если же тяжущіеся были одного класса, но имѣли различное мѣсто жительства, то былъ для нихъ судъ *смѣстный*, т. е. судилъ судья отвѣтчика, а судья истца принималъ въ судѣ участіе. Если тяжба происходила между лицами различныхъ званій или классовъ, то она рѣшалась судомъ *общимъ (вопчемъ, вопчимъ)*, т. е. сходились судьи истца и отвѣтчика, всё равно, были ли они различныхъ городовъ и волостей, или имѣли одно и то же мѣсто жительства. Такъ какъ кромѣ различія въ классахъ Россія, до конечнаго утвержденія единодержавія, была раздѣлена на территоріи болѣе или менѣе самостоятельныя, то люди различныхъ территорій были также судимы судомъ общимъ. Эти территоріи были Удѣльныя Княжества и вольные города. Отсюда слѣдуетъ раздѣленіе *общихъ судовъ*: 1) по различію классовъ, на суды *между духовны-*

(99) Сюда относятся мнимые уставы Владиміра и Ярослава, Ханскіе ярлыки Митрополитамъ и уставы жалованные Святителямъ Церкви Литовскими Князьями на основаніи устава Ярославова.

ми и свѣтскими, и суды между *иностранцами и Русскими*, которые можно дѣлить на суды между иностранцами и Русскими духовными людьми, и на суды между иностранцами и Русскими свѣтскими людьми; 2) по различію территорій, на суды *между людьми различныхъ Удѣльныхъ Князей*, и на суды *между людьми Князей и вольныхъ городовъ*.

Кромѣ того, какъ виды судовъ для лицъ всѣхъ классовъ и территорій, были извѣстны суды *третейскіе* и *встрѣчные*.

Третейскіе суды составляли какъ бы высшую инстанцію судовъ общихъ: преимущественно въ тяжбахъ между людьми Удѣльныхъ Князей, если Бояре того и другаго въ общемъ судѣ не могли согласиться въ постановленіи рѣшенія („*а что сопрутся судьи о которыхъ дѣлѣхъ*“), то они отдавались на третейскій судъ Великаго Князя, или Митрополита, или кого другаго („*а третей волной*“).

Встрѣчные („*искать встрѣчно*“) суды были тѣ, когда судья отвѣтчика судилъ искъ поданный имъ на его истца.

Наконецъ *по предмету вѣдомства*, суды дѣлились на суды *о земляхъ помѣстныхъ*, *о вотчинахъ*, *о холопствѣ* и проч.

β) *О лицахъ, занимающихся судебнымъ письмоводствомъ.*

О Дьякахъ и Подьячихъ.

Первоначально имя *Дьяка* означало чиновника, принявшаго опредѣленной должности, и посылаема-

го Великимъ Княземъ то для судебной расправы, то въ качествѣ помощниковъ при Боярахъ, Окольничьихъ, Стольникахъ и др. для различныхъ должностей. Но преимущественно должность Дьяковъ составляла письмоводство, и съ подчиненными имъ Подъячими они составляли родъ канцеляріи Намѣстника, Волостеля, или Тіуна. Въ Судебникѣ ясно выражена и опредѣлена эта должность Дьяка и Подьячаго: „*а которыя дѣла ..... оставятъ въ обговорѣ, и Дьяку истцовы и отвѣтчиковы рѣчи велѣти записати предъ собою, или о чемъ ся пошлютъ на послушство, и Дьяку то велѣти заносити предъ собою же; а тѣ ему дѣла держати у себя, за своею печатью, докол дѣло кончится; а которые Дьяки дадутъ Подьячему съ черна на чисто переписати, и Дьякомъ тѣмъ къ жалобницамъ и къ дѣламъ поставомъ* (по составамъ) *рука своя прикладывати; а какъ Подьячій на чисто дѣло перепищетъ, и Дьяку тѣ дѣла всѣ исправить самому, да къ тѣмъ дѣламъ Дьяку руки своя приложити, и держати тѣ дѣла Дьяку у себя за своею печатью; а Подьячему у себя дѣлъ ни которыхъ не держати*“ (100). Далѣе, Дьякъ записываетъ или велитъ записывать рѣшеніе Бояръ: „*а которыя будетъ дѣла судить Боляре, и тотъ судъ велѣти Дьякомъ записывати предъ собою, а истцомъ у записки не стоятн .....; а какъ дѣло Дьякъ напишетъ, и того дѣла предъ истцы не честн, а прочести Боярамъ*“ (101). Отъ записи суднаго дѣла Дьякъ получалъ пошлину: съ рубля 10 денегъ

(100) Суд. ст. 29.
(101) Тамъ же ст. 29.

а Подьячій, который правую грамоту напишетъ, съ рубля по 3 деньги. Когда дѣло не могло быть окончательно рѣшено, или рѣшеніе не могло быть исполнено *безъ докладу*, то Дьякъ составлялъ *докладной списокъ*, а Подьячій его подписывалъ. Отъ *докладной записи* Дьякъ получалъ съ рубля 4 деньги, а Подьячій 2 деньги. Вообще Дьякъ скрѣплялъ грамоты, а Подьячій переписывалъ ихъ набѣло, и за это получали они опредѣленную пошлину (102).

Въ волостяхъ лица, завѣдывавшія судебнымъ письмоводствомъ, назывались *Земскими Дьяками* или *Дьячками*. Вѣроятно тамъ, гдѣ были Волостели или Тіуны, Дьячки были избираемы ими самими; тамъ же, гдѣ судьями были *излюбленные головы*, выбранные самими поселянами изъ ихъ среды, Дьячки избирались всѣмъ міромъ особенной записью или условіемъ, письменно, ими заключаемымъ съ лицемъ избираемымъ: „*къ Церкви Божіи приходить всегда безъ лѣности, и пьянства не держатца, жить въ смиреніи, и у властей всегда быть въ покорствѣ и въ послушаніи, и гордости и величанія не имѣть, и насъ мірскихъ людей такожде во всемъ слушать, и въ письмѣ у всякаго Государева дѣла, и у монастырскаго, и у приказныхъ людей, и у насъ мірскихъ людей, такожде всегда быть готову, и писемъ никакихъ царядныхъ по заочью, и безъ нашего мірскаго совѣту и вѣдома не писать, и жить во всемъ правдою, другу не дружить, а недругу не мстить*“ (103).

---

(102) Тамъ же стп. 34.

(103) Юрид. Акты N0 286. стпр. 291.

γ) *Недѣльщики и Ѣздоки.*

Для призыва тяжущихся въ судъ употреблялись такъ называемые *Приставы.* Кажется, что названіе Приставовъ было родовое, которое въ различныя времена подраздѣлялось на различныя видовыя названія: такъ до Судебника были извѣстны Гонцы, Дворяне, Подвойскіе, Позовники, Доводчики, а въ Новгородѣ Подвойскіе, Софьяны, Биричи. Въ Судебникѣ встрѣчаются Недѣльщики и Ѣздоки или Заговорщики. Недѣльщики назывались такъ потому, что состояли на службѣ поочередно, каждый по недѣлѣ. Они были опредѣляемы Дьякомъ съ *поручной записью* (въ которой опредѣлялись ихъ обязанности), и имѣли надъ собою Заговорщиковъ или Ѣздоковъ. Для призыва давалась Недѣльщику *приставная* или *зазывная грамота:* онъ долженъ былъ показать ее отвѣтчику, въ удостовѣреніе того, что посланъ отъ суда. *За хоженое и ѣздѣ* онъ получалъ пошлину: за хоженое въ городѣ 10 денегъ, а *на правду* (съ отвѣтчика) вдвое; за ѣздъ по деньгѣ за версту, а на правду вдвое. Въ Судебникѣ означены важнѣйшіе города, и опредѣлено, сколько за ѣздъ въ тотъ или другой городъ долженъ получить Недѣльщикъ. Кромѣ того Недѣльщики получали пошлину отъ суднаго дѣла, и особо за *вязчее* (вящее). Но если *обыщется*, что Недѣльщикъ взялъ *лишекъ* противъ положеннаго, то на немъ *взять втрое* (вязчее было 4 алтына безъ двухъ денегъ). *Приставная*, которую получалъ Недѣльщикъ, подписывалась Дьякомъ въ его присутствіи; въ ней нельзя было означать болѣе 20 *сытей* (дѣлъ), притомъ такъ, чтобы

приставный искъ былъ больше *пзду*. Съ приставными Недѣльщикъ могъ ѣздить самъ, или посылать Ѣздоковъ, но только не въ томъ городѣ, гдѣ онъ жилъ. Каждый Недѣльщикъ могъ имѣть до 7 Ѣздоковъ; было однако запрещено вмѣсто ихъ посылать своихъ людей. Для избѣжанія обмана, Недѣльщикъ долженъ былъ избранныхъ имъ Заговорщиковъ представлять Дьяку, который былъ *у кормленья*, и записывать ихъ въ книги. Кто не записанъ въ книгу, того казнили торговою казнію Каждый Недѣльщикъ долженъ былъ имѣть своего Ѣздока, и Ѣздокъ одного не могъ ѣздить отъ другаго.

Получивъ *приставную* въ судѣ, Недѣльщикъ или Ѣздокъ ѣхалъ въ назначенное мѣсто — въ городъ или волость, — и долженъ былъ по пріѣздѣ *явить* приставную Намѣстнику или Волостелю, и если истецъ и отвѣтчикъ одного города, то онъ долженъ былъ *поставить* ихъ предъ Намѣстника или Тіуна, а въ волости предъ Волостеля или его Тіуна, иначе лишался *пзду*. Если тяжущіеся имѣли различное мѣсто жительства, то отвѣтчикъ *отдавался на поруку*, что онъ явится въ назначенный срокъ къ суду; но *отъ поруки* ни Недѣльщикъ, ни Ѣздокъ не должны были брать ничего *поклоннаго* или *поминокъ*. За обиду или *за продажу* Ѣздока, брали искъ на его Недѣльщикѣ, а Ѣздока казнили *торговою казнію*, и *протори* брали на его порукахъ (104).

---

(104) Тамъ же стат. 44—51.

b) *О тяжущихся.*

Въ древнемъ Русскомъ судопроизводствѣ тяжущіеся, какъ и вездѣ, суть лица *физическія* или *нравственныя.* Въ послѣднемъ случаѣ всегда дѣйствуютъ ихъ представители. Такъ за монастырскую землю или имѣніе, ихъ Игумены и Старцы. Тяжущіеся называются *истцами* — это имя для нихъ было общее („*оба истца*“); но въ Судебникѣ встрѣчаются также ихъ различныя названія: одинъ называется *ищея*, *истецъ*, *жалобникъ*, другой *отвѣтчикъ.* Дѣло начиналось истцемъ, который *искалъ* или *клепалъ.* Иногда одна изъ тяжущихся сторонъ или обѣ могли состоять изъ нѣсколькихъ лицъ; но это не нарушало понятія о томъ, что въ тяжбѣ должны быть только двѣ стороны — истецъ и отвѣтчикъ. Поэтому опредѣлено было въ Судебникѣ, что если *два или три за себя и за иныхъ товарищевъ* отвѣчаютъ ..... тѣхъ въ ихъ *жеребьяхъ и судити* (105). Иногда за многихъ отвѣчалъ одинъ, именно Намѣстники и Волостели отвѣчали по Судебнику за своихъ людей (106).

Изъ Судебника нельзя сдѣлать заключенія о томъ, всѣ ли вообще имѣли право вчинать искъ, или были исключенія; видно однако, что это право имѣли даже рабы, которые могли быть также повѣренными своихъ господъ (107).

---

(105) Тамъ же стт. 48, 15, 20 и 21.
(106) Тамъ же ст. 22.
(107) Опытъ Рейца стр. 320 § 155. Суд. стт. 162 и 163.

c) *О представителяхъ тяжущихся.*

Въ Исторіи законодательства Русскаго рано являются оба вида представителей: *необходимые* и *свободные*; но нѣтъ ни точнаго ихъ исчисленія, ни опредѣленія ихъ обязанностей ни въ Судебникѣ, ни въ предшествующихъ ему памятникахъ. Въ послѣднихъ встрѣчаются только слѣдующіе виды *необходимыхъ* представителей: мужъ отвѣчалъ или искалъ въ судѣ за свою жену; сынъ присягалъ вмѣсто матери въ тяжебныхъ дѣлахъ (если не было ни мужа, ни сына, женщина могла присягать сама дома) (108); господинъ отвѣчалъ за раба (древнее правило — если рабъ укралъ, то Князю виры не платишь, а господинъ платитъ вдвое обиженному, даже за напятаго работника: или онъ долженъ выдать его головою, или продавъ заплатить; рабъ безъ господина не могъ быть судимымъ) (109).

Свободные представители, называемые *раскащиками* и *доводчиками*, были весьма обыкновенны. Не только люди всѣхъ сословій могли быть повѣренными по дѣламъ, но и съ рабами (съ позволенія ихъ господъ) заключались подобные договоры; равно какъ и своимъ рабамъ господинъ могъ поручать *стоять за него* въ судѣ. Въ Судебникѣ нѣтъ никакихъ особыхъ постановленій касательно повѣренныхъ:

---

(108) Судная грамота Новогор. и Псковск. въ Истор. Карамзина. Т. V. примѣч. 404.

(109) „*А Старостъ ни холопа, ни рабы безъ господаря твоимъ судьямъ не судити.*“ Договор. грам. 1305 г.; также Опытъ Рейца стр. 229.

запрещеніе *ябедникомъ* принимать это званіе выражено уже въ послѣдствіи, въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику.

2) О законахъ процесса гражданскаго.

а) *Объ искѣ.*

Искъ вчиналъ истецъ, подавая въ судъ прошеніе. Хотя не было опредѣлено формы прошенія закономъ, но изъ многихъ примѣровъ видно, что практикой была введена общая форма, именно слѣдующая: „*Государю Царю и Великому Князю.... бьетъ челомъ*“ (такой-то); потомъ слѣдовали самыя обстоятельства дѣла: излагалось содержаніе иска, приводилось его основаніе и проч.; за тѣмъ: „*Царь Государь, смилуйся, пожалуй вели*“ (то и то)“, и на концѣ: „*Царь Государь смилуйся.*“ Называя себя по имени, приводя въ прошеніи названія деревень, упоминая о людяхъ, земляхъ и проч., *челобитчики* употребляли самыя унизительныя выраженія: *нищихъ*, *людишекъ*, а въ собственныхъ именахъ: *Митька*, *Мелешка*, *Морозко*, *Лавришка*, и т. п. Обычаемъ даже были введены нѣкоторыя выраженія, которыя челобитчики неоднократно повторяли въ своихъ жалобахъ, напр. „*бьетъ челомъ и плачется* (такой-то); *смилуйся пожалуй Государь*, *вели* (то и то) *учинить*, *чтобы мы нищіе* (отъ такого-то) *великаго утѣсненья въ конецъ не загибли*; *чтобы намъ голодною смертію не умереть*“ и проч. (110).

---

(110) Примѣры такихъ челобитень можно читать въ правыхъ грамотахъ, разсѣянныхъ въ различныхъ сборникахъ, гдѣ также

Иски были различны по ихъ предмету: иски о *земль помѣстной*, о *вотчинѣ*, о *безчестьи*, о *боѣ* и *грабежѣ*, о *татьбѣ*, *увѣтьи* и проч. Кромѣ того были извѣстны *иски встрѣчные* (111).

Къ прошеніямъ относятся еще два ихъ вида, извѣстные въ это время, именно: *явочные* (*явка*) и *мировые*. Всѣ виды прошеній имѣли общія названія *челобитья* и *жалобницъ* (112).

Судья имѣлъ право отказать челобитчику, когда онъ „*бьетъ челомъ не по дѣлу*.“ Въ случаѣ несправедливаго отказа, истецъ могъ обратиться къ Царю; но если жаловался *не по дѣлу* и *докучалъ* Государю, то его заключали въ тюрьму (113).

b) *О вызовѣ отвѣтчика.*

Въ то время, когда самоуправство имѣло большую силу въ дѣлахъ тяжебныхъ, нѣтъ сомнѣнія, какъ ясно свидѣтельствуютъ древніе памятники, что истецъ имѣлъ право самъ вызывать и вести отвѣтчика къ суду. Такъ по Русской Правдѣ, если вещь не могла быть возвращена самоуправствомъ (въ своемъ миру), истецъ могъ требовать, чтобы тотъ, у кого онъ находилъ свою вещь, доказалъ ему способъ ея пріобрѣтенія (*„поиди на сводъ гдѣ еси взялъ“*), пока не найдется человѣкъ, неправо при-

---

помѣщены отдѣльныя нѣкоторыя челобитныя. Такъ въ Юрид. Актахъ онѣ занимаютъ особый, вмѣстѣ съ докладными явками и другими актами N. 31—44.

(111) Суд. стат. 54 — 58, — 26, 76 и др.

(112) Суд. ст. 20.

(113) Суд. ст. 7.

своившій себѣ эту вещь. И въ послѣдствіи этотъ способъ отыскивать слѣды вора былъ въ большомъ употребленіи: въ памятникахъ того времени часто встрѣчаемъ выраженіе — „*а кто у кого что познаетъ татебное и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ полны съ чеклого* (вѣдомаго) *татя* (114). Кто, бывъ обвиняемъ, не хотѣлъ тотчасъ итти на судъ, тотъ долженъ былъ представить порукъ на 5 дней (115). Но уже рано видимъ лица, назначенныя для зова отвѣтчика. По Судебнику, какъ мы видѣли, это Недѣльщики и Ѣздоки. Первая обязанность истца, по вринятіи его просьбы, состояла въ томъ, чтобы взялъ у судьи *Пристава* на *отвѣтчика*. Если отвѣтчикъ имѣлъ съ нимъ различное мѣсто жительства, то истецъ долженъ былъ прежде у своего судьи взять *сторожа* (за собою), и съ нимъ итти къ судьѣ отвѣтчика, который и давалъ ему Пристава (116). Приставъ получалъ *заповѣдную* (приставную), которая называлась также *срочною*, потому что въ ней объяснялась жалоба и назначался *срокъ для* явки отвѣтчика въ судъ. Часто срокъ назначался закономъ, какъ общій для всѣхъ исковъ (одинъ или два раза въ году): это дѣлалось для того, чтобы безвременными тяжбами не отвлекать отвѣтчика отъ работы сельской или промышленной, или отъ должности. Для Намѣстниковъ такимъ срокомъ было оставленіе должности („*какъ съѣдетъ съ жалованья*“). Но до этого срока можно

(114) Акты Арх. Эксп. Т. 1. N. 13 и далѣе.
(115) Русская Правда ст. 13.
(116) Суд. ст. 30.

было посылать Пристава на Намѣстниковъ, Волостелей и ихъ Тіуновъ, только въ случаѣ „*впдомыхъ разбойныхъ дѣлъ*“, и въ случаѣ „*приказныхъ дѣлъ, въ которыхъ дѣлехъ велитъ Государь дати запись.*“ Притомъ такую *запись* могли давать Бояре, только „*поговоря вмѣстѣ*“ („*одному Боярину и Дьяку записи не дати*“) (117). При дачѣ поверстнаго срока, на сто верстъ полагалось шесть дней („*за сто верстъ седьмымъ днемъ*“) (118). Приставъ или Бздокъ, отыскавъ отвѣтчика, *наметывалъ* на него срокъ. Отвѣтчикъ долженъ былъ представить *поручителей*, что онъ явится въ назначенный срокъ, и имъ отдавали его на поруку люди намѣстничьи или волостелины; а если кто не могъ представить по себѣ поруки („*и по опыхъ поруки не будетъ*“), то намѣстничьи люди должны были явить его въ городѣ „*Прикащикомъ Городскимъ, да Дворскому, и Старостѣ, и Цѣловальникамъ, которые у Намѣстника, и у Волостеля, и у ихъ Тіуновъ въ судѣ сидятъ*“, и явивъ имъ, заключали его въ тюрьму. Впрочемъ опредѣленный судомъ срокъ могли истецъ и отвѣтчикъ, по взаимному согласію, отсрочить, и для этого получали изъ суда *отсрочную отпись* („*а похотятъ оба истца, ищея и отвѣтчикъ, срокъ отписати*“). Если же тяжущійся, не получивъ такой отсрочной отписи, не являлся по *зазывной* (въ опредѣленный срокъ), или получивъ отсрочную, не являлся въ срокъ въ ней назначенный, то противникъ его безъ суда получалъ *безсудную*, въ которой неявившійся

(117) Суд. ст. 24.
(118) Тамъ же ст. 42.

въ срокъ обвинялся въ пользу противника, получившаго такимъ образомъ право везде его поймать и поставить къ суду *для правежа* или показанія. Въ Судебникѣ назначено и правило, *какъ давать безсудныя*, именно: Дьякъ долженъ былъ *снести срочныя* въ одно мѣсто, да *разобравъ* ихъ *по срокомъ*, давать безсудныя. Безсудная выдавалась за печатью судьи и за *подписью* Дьяка, и объявлялась обвиненному (119).

c) *Объ отепть (возраженіи).*

Когда въ назначенный срокъ тяжущіеся являлись въ судъ (*поставлены*), то судья, выслушавъ искъ истца („*велитъ предъ собою челобитную чести*"), допрашивалъ отвѣтчика („*отвѣчайте*"). Возраженія, которыя могъ представить отвѣтчикъ, были двоякаго рода: онъ говорилъ, что истецъ на него *возводитъ, клеплетъ;* но это могло быть въ томъ только случаѣ, когда истецъ не представлялъ доказательства на свой искъ; если же были представлены имъ доказательства (акты, свидѣтели и проч.), то отвѣтчикъ опровергалъ ихъ или ими самими (ссылаясь также на нихъ), или представлялъ новыя доказательства. *Общая ссылка* на одно и то же доказательство особенно употреблялась въ томъ случаѣ, когда истецъ не могъ представить доказательства налице („*послались обои исцы на одного*"): когда это были письменные акты, которые находились въ третьихъ рукахъ, то судья приказывалъ чрезъ Пристава этому третьему лицу или его повѣрен-

(119) Тамъ же стт. 41 и 70.

пому, *положить* ихъ на срокъ (представить въ судъ); если это были свидѣтели, то Приставъ получалъ приказаніе *поставить* ихъ на срокъ; если нуженъ былъ обыскъ, то судья посылалъ *обыскивать* по истцовымъ рѣчамъ или по отвѣтчиковымъ *„тѣми людьми, на которыхъ на многихъ людей ищел слался или отвѣтчикъ“ („опричь ихъ родовъ и заговоровъ“) Старостъ и Цѣловальниковъ;* наконецъ иногда приказывалъ *досмотрѣть* на мѣстѣ. Самый судъ производился нерѣдко на спорной землѣ. Разумѣется, что эти же способы для полученія доказательства употреблялись и въ томъ случаѣ, когда истецъ и отвѣтчикъ слались на различныя доказательства (120).

На отвѣтъ, или возраженіе отвѣтчика истецъ могъ представлять свои возраженія; на нихъ отвѣтчикъ опять свои и т. д. Не видно, чтобы было опредѣлено закономъ число возраженій, и какъ ясно изъ многихъ правыхъ грамотъ, судебныхъ дѣлъ и дѣлъ по мѣстничеству, они продолжались такъ долго, пока одинъ изъ тяжущихся не отказывался отвѣчать на возраженія противника.

d) *О доказательствахъ.*

Вчинаніе иска и представленіе возраженій условливается преимущественно *доказательствами:* безъ нихъ ничто не уполномочиваетъ судью вѣрить въ справедливость словъ истца или отвѣтчика. По это-

(120) См. дѣла по мѣстничеству въ Истор. Сборникѣ 1838 г., правыя грамоты, особенно въ Юридич. Актахъ, также Правую грамоту по вотчинному дѣлу въ 1559 г. производившемуся. Москва, 1830 и проч.

му доказательства суть процессуальныя дѣйствія, которыми тяжущіеся стараются произвести въ судьѣ убѣжденіе въ справедливости своего спорнаго права. Будучи средствами необходимыми во всякомъ судопроизводствѣ, они извѣстны и въ древнемъ Русскомъ процессѣ. Мы представимъ ихъ, основываясь на древнѣйшихъ памятникахъ и на Судебникѣ.

1) О признаніи.

Еще въ то время, когда частная расправа имѣла силу въ дѣлахъ тяжебныхъ, признаніе считалось доказательствомъ. Добровольное возвращеніе похищенной вещи считалось достаточнымъ для того, чтобы взялъ ее назадъ истецъ; только въ томъ случаѣ, когда отыскиваемую вещь не возвращалъ добровольно тотъ, въ чьихъ рукахъ она находилась, прибѣгали къ болѣе искусственнымъ средствамъ: своду и 12 мужамъ. По Судебнику, для рѣшенія дѣла не требовалось суда, когда обвиняемый признавался (*„хто вчемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти; а виски что Государь укажетъ, посмотря по человѣку; а вдостали судъ, и правда, и крестное цѣлованье; . . . . . а хто у кого возметъ деньги взаймы безкабально, безъ памяти, или хто возметъ на судѣ, что нибуди и на судѣ того не запрется; ино тѣ деньги съ суда велѣти правити сполна“*) (121).

---

(121) Суд. стат. 25 и 141.

2) Объ увѣчьи.

Въ древнѣйшемъ Русскомъ процессѣ *увѣчье* (раны, пятна, выбитый зубъ, вырванный клокъ бороды и проч.) считалось однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ, и если было ясно, то не требовалось для обвиненія отвѣтчика никакаго дополнительнаго доказательства (*„или будетъ кровавъ, или синь надъраженъ, то не искать ему видока человѣку тому. Аще не будетъ на немъ знаменiи никотораго же, то ли прiидетъ видокъ, аще ли не можетъ, ту тому конецъ“*) (122). Это доказательство имѣло силу и въ періодѣ Судебника, какъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ: *а за увѣчье указывати крестьянину, посмотря по увѣчью и по безчестью; и вспять указывати за увѣчье, посмотря по человѣку и по увѣчью* (123).

3) О свидѣтеляхъ.

Уже въ Русской Правдѣ являются свидѣтели, какъ важнѣйшее доказательство въ томъ случаѣ, когда истецъ въ учиненной ему обидѣ не могъ сослаться на ясное увѣчье (*„аще не будетъ на немъ знаменiя никотораго же, то ли прiидетъ видокъ; . . . аще ли ранетъ мужъ мужа любо отъ себе, любо къ себе 3 гривнѣ, а видока два выведетъ“*). Свидѣтели въ древнихъ памятникахъ дѣлятся на *видоковъ* и *послуховъ*. Подъ именемъ *видока* разумѣется свидѣтель, бывшій *очевидцемъ* извѣстнаго происше-

(122) Русск. Правд. ст. 3.
(123) Суд. ст. 23.

ствія; *послухъ* тотъ, который только слышалъ о извѣстномъ происшествіи. Но въ послѣдствіи названіе *видокъ* исчезло, и свидѣтель — очевидецъ, подписывался уже на крѣпости *послухомъ*, откуда и слово *послушествовать* (свидѣтельствовать), извѣстное въ Судебникѣ. Также издревле раздѣлялось свидѣтельство на *полное* и *неполное*. *Для полнаго* свидѣтельства требовалось по крайней мѣрѣ свидѣтельство *двухъ свободныхъ*, которые однако были достаточны только для доказательства маловажныхъ преступленій, а въ болѣе важныхъ какъ преимущество предоставлялось иностранцамъ („*Русскому не супирати Латинина однемъ послухомъ, оже не будѣте двою послуху, одиного Немчича а другого Русина добрыхъ людии: тако Латинину имъ прети Русина, а другаго Немчина у Ризѣ и на Госком бердѣ*“) (124). Въ договорѣ Гопландцевъ и Нѣмцевъ съ Новымгородомъ (заключенномъ вѣроятно (въ 1230 г.) сказано: во всякой тяжбѣ гостя съ Россіянином должны быть свидѣтелями два гостя и два Россіянина. Если Россіянинъ и гости не согласны въ свидѣтельствѣ, то жребій рѣшитъ, на чьей сторонѣ истина (125). Но по Русской же Правдѣ, для доказательства преступленій болѣе тяжкихъ, требуется 7 свидѣтелей: такъ при *покленной вирѣ* (обвиненіе въ смертоубійствѣ); также по договору Новгородцевъ съ Гопландцами при обвиненіи въ насильствѣ, когда кто ворвался

(124) Собран. догов. и грамотъ. Час. 2. N0 1: договоръ Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г.

(125) Испор. Госуд. Росс. т. III. прим. 244.

въ Нѣмецкій гостинный дворъ. По Судебнику, свидѣтели дѣлятся на *достовѣрнѣйшихъ и менѣе достовѣрныхъ*. Первыми считались Бояре, Дьяки и приказные люди, и свидѣтели приводимые обѣими сторонами. Различіе между тѣми и другими свидѣтелями состояло въ томъ, что противъ первыхъ нельзя было ни сражаться, ни присягать (126). Былъ также извѣстенъ *общій свидѣтель*, на котораго ссылались тяжущіеся (*„послались обои исцы на одного“*). Что касается до одного свидѣтеля, то онъ, кажется, могъ считаться полнымъ свидѣтельствомъ только въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ *вырванія бороды* (*„кто у кого бороду вырветъ, а послухъ опослушествуетъ, что ему крестъ цѣловати и битися на поль; а послухъ изможетъ, что за бороду присужати 2 рубля, и за бой, а послуху быти одному“*) (127).

Свидѣтели должны быть *свободные* (*свободный или мѣстникъ*, сказано въ Русской Правдѣ); поэтому раба во свидѣтели нельзя призывать, только въ случаѣ нужды можно было, въ дѣлахъ маловажныхъ, сослаться на Боярскаго Тіуна) (128). По Новгородской судной грамотѣ, рабъ могъ только свидѣтельствовать противъ раба (129). Не всякій могъ сослаться на свидѣтельство раба, и принудить противника къ испытанію желѣзомъ.

---

(126) Суд. спш. 114 и 115.

(127) Акты Археогр. Экспед. Ч. I. N0 103, прежде 1477: запись Новгородская о церковномъ судѣ.

(128) Древн. Русск. Пр. Эверса спрр. 381 и 388.

(129) Истор. Госуд. Росс. т. V. прим. 404.

Если на сторонѣ одного изъ тяжущихся былъ одинъ свидѣтель, а на сторонѣ другаго ни одного, то послѣднему позволено было присягнуть въ правости своего дѣла и вступить съ противникомъ въ поединокъ (130).

Свидѣтели вообще должны подтверждать слова свои присягою (*„идти видокомъ на торгу на роту“*). Если свидѣтельства съ той и другой стороны полныя, и между тѣмъ другъ другу противорѣчатъ, то жребій рѣшаетъ, чьи свидѣтели говорятъ правду (именно по договору Новогородцевъ съ Готландцами) (131). По Новгородской судной грамотѣ, нельзя было приводить свидѣтеля противъ свидѣтеля (132); по Судебнику, если послухи, *ставъ* между собою, *поразнятся* (*„иные молвятъ въ истцовы рѣчи, а иные въ истцовы рѣчи не молвятъ“*), то имъ въ томъ *присудити поле*. Если послухъ свидѣтельствовалъ въ бою и въ грабежѣ, или въ займахъ, то отдавалось на волю отвѣтчика, хочетъ *„съ послухомъ на поле лѣзетъ или, ставъ у поля, креста на цѣлованіе, или безъ цѣлованія дастъ“*; въ такомъ случаѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, отвѣтчикъ могъ вмѣсто себя нанимать бойца; *„а послуху наймита нѣтъ“*, развѣ въ томъ случаѣ *„который послухъ безъ хитрости будетъ увѣченъ, или будетъ въ послусѣхъ попъ, черецъ, черница, или жонка, и тѣмъ наймита нанять вольножъ“* (133).

---

(130) Тамъ же.

(131) Тамъ же ст. III. прим. 244.

(132) Тамъ же ст. V. прим. 404.

(133) Суд. спис. 19, 15, 16 и др

По Новгородской судной грамотѣ, можно было ссылаться на свидѣтелей, живущихъ въ ста верстахъ отъ Новгорода; но если далѣе, — нужно было согласіе противной стороны. Въ теченіе двухъ недѣль свидѣтель долженъ быть далъ свое показаніе, иначе свидѣтельство было недѣйствительно и противникъ оправдывался. По Судебнику, свидѣтели должны были *притти предъ судью* въ опредѣленный срокъ; „*если же послухъ не придетъ, есть ли за нимъ рѣчи или нѣтъ, не скажетъ, что на томъ послусѣ истцовы убытки и пошлины взяти.*“ Свидѣтелямъ (по Судебнику) запрещено было не видавъ *послушествовати*, и они были обязаны *видѣвъ сказати правду* („*а послухъ опослушествуетъ не видѣвъ лживо, а обыщется послѣ, что на виноватомъ послусѣ гибель истцова и убытки всѣ взяти, а въ вину казнити его торговою казнію*“) (134).

4) О повальномъ обыскѣ.

Подъ именемъ *повальнаго обыска* разумѣется допросъ всѣмъ или многимъ жителямъ извѣстнаго мѣста о происшествіи, могущемъ имъ быть извѣстнымъ, или по ссылкѣ на нихъ тяжущихся („*посылати обыскивати по истцовымъ или отвѣтчиковымъ рѣчамъ тѣми людьми, на которыхъ на многихъ людей слался ищея или отвѣтчикъ, опроче ихъ родовъ и заговоровъ*“ (135). Хотя въ Судебникѣ не сказано ничего касательно повальнаго обыска, но объ немъ постановлены подробныя правила въ указѣ

(134) Тамъ же ст. 99.
(135) Тамъ же ст. 108.

1556 г. Августа 21. Изъ этого указа видно, что повальный обыскъ предпочитается полю и крестному цѣлованію (136). Когда открывалось нужнымъ сдѣлать обыскъ (*„а шлются въ обыскъ на многіе люди безъ имени“*), то Бояре изъ *Москвы* посылаютъ (обыскивать) къ старостамъ и цѣловальникамъ *грамоты* съ Недѣльщиками, *запечатавъ*. Къ обыскамъ велѣно ѣздить *„многимъ людемъ и лучшимъ всѣмъ, Княземъ, Дѣтемъ Боярскимъ, ихъ Прикащикомъ и крестьяномъ, Архимандритомъ, Игуменомъ, Попомъ и Діакономъ; а изъ градовъ со посадовъ лучшими людьми обыскивати съ лица на лицо, а за очи обыскныхъ людей не писати.“* *Рѣчи свои обыскные люди* должны писать сами, а къ нимъ тѣ, которые писать умѣютъ, *прикладывали бы руки*, а за неумѣющихъ писать *отцы ихъ духовные*. Истцу, и отвѣтчику и ихъ людямъ и пріятелямъ, *у обысковъ не быть, и обыскныхъ людей не объѣзжать и не уговаривать*. Если *обыскные люди* не согласны въ рѣчахъ, то *истецъ* или *отвѣтчикъ* оправдываются *по большому числу*, а *по меньшему* обвиняется; если же въ рѣчахъ обыскные люди раздѣлятся *по ровну*, то дѣлается вторичный обыскъ (*„а посылати въ другіе на обыскъ“*), такъ что сверхъ прежнихъ людей допрашиваются *иные многіе люди про то, которая половина солгала*. На которую половину доведутъ, что они солгали, и *изъ тѣхъ людей выбравъ изъ ста человѣкъ прикащиковъ и крестьянъ лучшихъ человѣкъ 5 или 6 бити кнутомъ*; Игуменовъ, Поповъ и Діаконовъ описывать къ Святѣйшему; а ѣздъ, прогоны,

(136) Тамъ же.

проѣсти и волокиты, и *что будетъ инаго убытка въ дѣлѣ*, кромѣ истцовыхъ исковъ, взять на тѣхъ, на кого ложь доведутъ; которые же были пытаны по ложному обыску, получаютъ съ нихъ *безчестіе вдвое*. То же сказано о тѣхъ, которые въ одномъ дѣлѣ показываютъ двояко (*„двои рѣчи говорятъ“*).

Если одинъ изъ тяжущихся ссылается въ обыскъ человѣкъ на 5 или 6 по именамъ, а другой ссылается на нихъ же какъ на свидѣтелей, то дѣлается различіе, можно ли тѣмъ свидѣтелямъ вѣрить или нѣтъ: если нельзя, то дѣло вершить по суду, если же кому можно вѣрить *посмотря по дѣлу*, то вершить дѣло *какъ скажетъ, безъ поля и цѣлованія*.

Если при обыскѣ Старосты замѣтятъ, что обыскные люди говорятъ *семьями и заговорами стакавая*, то они должны о томъ писать къ Государю, откуда *память пришла* (откуда присланъ Недѣльщикъ), и вообще всё, о чемъ узнаютъ *мимо обыскныхъ людей*, *отписывать Государю вправду*.

Сыскавъ правду всякими сыски, Старосты должны ее написать, и всѣ приложить къ грамотѣ свои руки; а кто грамотѣ не умѣетъ, вмѣсто тѣхъ прикладывать руку отцамъ духовнымъ; потомъ запечатать ее печатью, и отослать въ судъ съ тѣмъ, кто къ нимъ грамоту привезетъ. Старосты должны именно означить, кто какую печать приложилъ. Касательно Недѣльщика было особенно предписано, чтобы онъ со Старостою не обыскивалъ (137).

---

(137) Тамъ же стат. 107 — 119 и указъ 1556 Авг. 21.

5) О поединкѣ.

Въ первый разъ упоминается ясно о поединкѣ *(полѣ)* въ договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича съ Ригою 1229 г. Здѣсь сказано въ статьѣ 11: „*Русину же нелзѣ позвати Нѣмчица на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмчичю въ Ригѣ и на Готѣскомъ березѣ, или Нѣмечный гость битися въ Руси межи собою мечи или сулицами, Князю то не подобѣ и никакому Русину, а правятся сами по своему суду*“ (138). Кажется, что поединокъ, какъ доказательство судебное, стоялъ на ряду съ присягой, и мало по малу устранилъ доказательство желѣзомъ и водою. Поле *присуживали* судьи, по просьбѣ истца или отвѣтчика (*„а попросятъ ..... поля .... ино въ томъ имъ и присудити поле“*); но, кажется, такъ, что для этого достаточно было просьбы одной стороны, а другая должна была принять вызовъ (*„и которые*, т. е. послухи, *молвятъ во истцовы рѣчи, а попросятъ съ ними тѣ послуси поля, которые въ исцовы рѣчи не молвятъ, ино въ томъ имъ и присудити поле; .... ино судити на отвѣтчикову волю хочетъ .... на поле лѣзетъ*“ (139). Но указомъ 1556 г. предписано, что если которая сторона будетъ биться челомъ, что *у поля стояти* не можетъ, *чтобы присудити крѣстное цѣлованіе*; но поле оставляется и дается на волю просящему, *хочетъ самъ цѣлуетъ* или даетъ противнику. Прежде тяжущіеся не могли нанимать вмѣсто себя бой-

(138) Собр. догов. и грам. Ч. 2. N0 1. стр. 11.

(139) Суд. стр. 16.

ца, а въ Псковѣ женщина дралась съ женщиной (*„женка съ женкой присужати поле, а наймиту отъ женки не быти ни съ одну сторону“*) (140). По Судебнику было позволено нанимать вмѣсто себя, но только въ извѣстныхъ случаяхъ, именно: *„на комъ взыщетъ жонка, или дѣтина малъ, или старъ, или немощенъ, или чимъ увѣченъ, или Попъ, или чернецъ, или черница“*; но въ такомъ случаѣ и противникъ имѣлъ право нанять вмѣсто себя бойца, потому что было правило биться на полѣ бойцу съ бойцомъ, а небойцу съ небойцомъ, развѣ *похочетъ небоецъ съ бойцемъ битися*. Но *биться* могли не только тяжущіеся, но и послухи, такъ что *бились* послухи истца и послухи отвѣтчика другъ противъ друга, или послухи истца *бились* съ самимъ отвѣтчикомъ (*„а кого послуси опослушествуютъ въ бой, или въ грабежѣ или въ займахъ, ино судити на отвѣтчикову волю, хочетъ съ послухомъ на поле лѣзетъ, или ставъ у поля креста на цѣлованіе, или безъ цѣлованія дастъ“*). Въ послѣднемъ случаѣ, если отвѣтчикъ былъ старъ, или малъ, или увѣченъ, или Попъ, или чернецъ, или черница, или женка, онъ могъ противъ послуха нанять другаго; но послухъ не могъ имѣть *наймита*. Когда послухи бились другъ противъ друга, то побѣдителями считаются тѣ, которые *убьютъ* на полѣ другихъ, и съ побѣжденныхъ послуховъ и тяжущагося, на сторонѣ котораго они были, берутся *пошлины* (*„истцовы пошлины имати по списку на отвѣтчикѣ, и на тѣхъ послусѣхъ, которые въ истцовы рѣчи не*

(140) Истор. госуд. Росс. т. V. прим. 404.

послушествовали"). Когда послухи бились съ отвѣтчикомъ, то *пошлины губныя и полевыя* взимались также на убитомъ.

Поединокъ производился въ присутствіи Окольничаго и Дьяка. Пріѣхавъ къ полю, они должны были спрашивать истцевъ и отвѣтчиковъ, кто за ними стряпчіе и поруки: шѣмъ, кого *они за собою скажутъ*, *приказывали стоять у поля.*

Стряпчимъ и поручникамъ запрещено было держать у себя доспѣхи, дубины и ослопы. Окольничьи и Дьяки должны были смотрѣть за шѣмъ, чтобы бой былъ равный („*а бой польникамъ дати равенъ*"); опричныхъ людей отъ поля отсылали; непослушныхъ заключали въ тюрьму.

Окольничій, Дьякъ и Недѣльщикъ получали за свое участіе пошлину: если тяжущіеся, *ставъ у поля*, помирятся, то Окольничій получалъ полевыхъ пошлинъ четверть рубля, Дьякъ четыре алтына, Подьячій деньгу, а Недѣльщикъ четверть рубля, *да вящего* два алтына; если же *побьются на полѣ* (въ заемномъ дѣлѣ или въ бою), то Окольничій получалъ полтину, да за доспѣхъ убитаго 3 рубля; Дьякъ четверть рубля, Подъячій двѣ деньги, Недѣльщикъ полтину, да вящего 11 коп. То же было предписано, когда побьются въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татьбѣ.

Убитаго (побѣжденнаго) отдавали на поруки, *какъ его Государь попытаетъ*, или ставили на судъ; если же не было по немъ поруки, то заключали (*вкинути*) въ тюрму, пока будетъ порука. Наконецъ если кто не являлся (*не станетъ*) къ полю,

или *отъ поля сбѣжитъ*, то Окольничій, Дьякъ и Недѣльщикъ получали ту же пошлину, какъ и съ мироваго дѣла (141).

6) *О испытаніи желѣзомъ.*

Кажется, что этотъ родъ доказательства былъ въ Россіи извѣстенъ прежде судебнаго поединка; по крайней мѣрѣ о немъ уже упоминается въ прибавленіи къ Правдѣ: „*искавше ли послуха и не налѣзутъ, а истьца начнетъ головою клепати, то ти имъ правду желѣзо; такожде и во всѣхъ тяжахъ, и въ татбѣ, и въ поклепѣ, оже не будетъ лица, тъ тогда дать ему желѣзо изиъволѣ до полугривны золота; а жели мынь, то на воду, оли до двою гривну, аже мынь, то ротъ ити ему по своѣ куны*“ (142). Здѣсь рѣчь идетъ объ истцѣ: онъ долженъ подвергнуться испытанію желѣзомъ. Но иногда отвѣтчикъ подвергался этому испытанію, когда истецъ, ссылаясь на свидѣтельство раба, требовалъ того отъ отвѣтчика: „*по сеи рѣчи емлю тя (въ) язъ емлю тя, а не холопъ и тъмете и на желѣзо.*“ Если отвѣтчикъ оправдывался, то получалъ отъ истца одну гривну за боль *и желѣзное* (пошлину за желѣзо); но это относилось именно къ этому случаю. Иностранцы не подвергались испытанію желѣзомъ. Въ Судебникѣ о немъ не упоминается: вѣроятно, уже вышло въ то время изъ употребленія.

---

(141) Суд. стат. 9—20.

(142) Древнѣйш. Русс. Право Эверса стр. 373.

7) Объ испытаніи водою.

Изъ приведеннаго выше мѣста изъ Русской Правды видно, что испытаніе водою считалось легче, нежели испытаніе желѣзомъ, и допускалось въ тяжбахъ до двухъ гривенъ, если не было свидѣтелей, и какъ доказательство, оно употреблялось, вѣроятно, со стороны истца. Въ Судебникѣ нѣтъ также намека на этотъ родъ доказательства.

8) О жеребьи.

Жеребій принимался особенно какъ доказательство судебное въ дѣлахъ тяжебныхъ между иностранцами: въ тяжбахъ другъ съ другомъ и въ спорахъ между ними и Русскими. Вообще при спорахъ иностранныхъ гостей съ Русскими требовалось по два земляка, и въ случаѣ несогласія *жеребій* рѣшалъ, чьи свидѣтели говорили правду. По Судебнику, жеребій рѣшалъ, кому присягать: „*а который человѣкъ здѣшняго государства, взыщетъ на чужеземцѣ на здѣшнемъ, и въ томъ дати жеребій, чей ся жеребій выметъ, то поцѣловавъ возметъ свое, или отцѣлуется*“ (143).

9) О письменныхъ доказательствахъ.

Говоря о письменныхъ договорахъ, мы исчисляли важнѣйшіе ихъ виды: въ случаѣ спора, возникшаго изъ обязательства, они естественно должны были служить судебнымъ доказательствомъ.

---

(143) Суд. ст. 27.

По причинѣ бывшей продолжительности своего существованія, и большой трудности сдѣлать подлогъ въ этомъ родѣ доказательствъ, письменные акты принимаются важнымъ судебнымъ доказательствомъ у всѣхъ народовъ. Такое же пристрастіе къ письменнымъ актамъ замѣчаемъ и въ Русскомъ законодательствѣ, которое всегда обращало на нихъ большое вниманіе, и какъ можно точнѣе старалось ихъ опредѣлить. Хотя въ періодъ Судебника не было еще опредѣленной закономъ формы для различныхъ договоровъ, но она установилась постепенно обычаемъ. Акты совершались въ присутственномъ мѣстѣ, за печатью Боярина и за подписью Дьяка. Если они, относясь къ одному и тому же предмету, другъ другу противорѣчили, то по Судебнику, въ отношеніи къ полнымъ и докладнымъ, отдавалось преимущество той, которая старѣе (*„а деньги по новой полной и по докладной у того пропали; а сносъ взяти на томже, кто положитъ новую полную или докладную, а тотъ ся вѣдаетъ съ своимъ знахоремъ самъ“* (144).

10) О присягѣ.

По нашимъ понятіямъ, присяга употребляется какъ крайнее доказательство, или только въ дѣлахъ маловажныхъ. Не такъ было у народовъ древнихъ: присяга была въ большомъ употребленіи, и

(144) Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей Россійскихъ Ч. V. 1830 г. стр. XIV; истор. обозрѣніе актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россіи Иларіона Васильева; также Суд. стр. 78 и др.

иногда стояла наравнѣ съ свидѣтельствомъ. Въ договорѣ Олега съ Греками присяга дается и Грекамъ, и Русскимъ. Въ Русской Правдѣ она допускается какъ дополнительное доказательство къ увѣчью. Это относится собственно къ иностранцамъ (*„или будетъ Варягъ или Колбягъ“*), а для туземцевъ требовалось въ такомъ случаѣ свидѣтельство двухъ очевидцевъ. Купецъ, давшій кому либо въ займы деньги, при жалобѣ утверждалъ клятвою, сколько давалъ; взявшій вещи подъ сохраненіе, въ случаѣ жалобы, клятвою утверждалъ, сколько получилъ; также истецъ по займу до 3 гривенъ. Спорныя дѣла съ иностранцами рѣшались обыкновенно присягой отвѣтчика: *„а взыщетъ Ноугородецъ на Нѣмцинѣ, и досудятъ до цѣлованія, ино цѣловати отвѣтчику“* (145). Изъ этого видно, какую силу имѣла въ то время присяга какъ доказательство судебное. По нашимъ понятіямъ, такое значеніе присяги можетъ часто вести къ злоупотребленіямъ, но, какъ справедливо думаетъ Эверсъ, опасеніе такого злоупотребленія не могло имѣть мѣста у народовъ древнихъ. Причина этого была опасность, которой подвергался ложно присягнувшій отъ своего округа, потому что древніе народы легче могли знать и ближе брали къ сердцу такія злоупотребленія; съ другой стороны онъ долженъ былъ опасаться мести несправедливо обвиненнаго. Но когда было уничтожено право мести, когда сдѣлались извѣстными и утвердились другія доказательства, присяга утратила прежнюю свою силу, и сдѣлалась пре-

(145) Истор. госуд. Росс. т. III. прим. 244.

имущественно доказательствомъ въ дѣлахъ маловажныхъ, хотя, какъ видно изъ Судебника, она стоитъ наравнѣ съ поединкомъ („*хочетъ съ послухомъ на поле лѣзетъ или ставь у поля у креста на цѣлованье ему или безъ цѣлованья ему дастъ*“). Когда за истца и отвѣтчика въ поединкѣ бились *наймиты*, то тяжущіеся цѣловали крестъ (146).

Въ приведенныхъ выше случаяхъ видно, что присяга, какъ доказательство, была предоставляема какъ истцу, такъ и отвѣтчику; кажется даже, что, въ иныхъ случаяхъ, тотъ и другой имѣли равное право на присягу, и потому для предупрежденія спора о томъ, кому *цѣловать крестъ (отцѣловываться)*, бросали о томъ *жребій:* отсюда *цѣлованье съ жеребья.* По Судебнику, это употреблялось между чужеземцами и Русскими, въ то время, какъ между чужеземцами въ ихъ взаимныхъ тяжбахъ употреблялось просто *цѣлованье*, такъ что истецъ могъ присягнуть самъ или предоставить отвѣтчику (147).

c) *О докладной запискѣ.*

Изъ многихъ дошедшихъ до насъ *правыхъ грамотъ* мы можемъ заключить, что споръ между тяжущимися производился предъ судьею словесно; но какъ съ одной стороны тяжущіеся приводили часто доказательства, которыхъ не было на лицо, а съ другой стороны многія тяжбы не могли быть

(146) Суд. ст. 19.
(147) Тамъ же ст. 27.

рѣшаемы въ низшей инстанціи безъ доклада высшей, то не только въ періодъ Судебника, но еще ранѣе, были извѣстны докладныя записки, которыя, какъ сказано въ Судебникѣ, допускались въ томъ случаѣ, когда судъ *не окончится*, когда *оставятъ его въ обговорѣ*. По объясненію Татищева подъ этими выраженіями должно разумѣть тотъ случай, „когда дѣло имѣетъ недостатокъ и повелятъ его *дополнить*, или когда во мнѣніяхъ не согласятся и оставятъ лучше разсудить.“ Сюда относится также случай неокончанія суда, который часто встрѣчается въ памятникахъ, и на который указываетъ Судебникъ, именно тотъ, когда судьи не могли сами постановить окончательно рѣшенія, а потому докладывали дѣло Царю (148), или его дѣтямъ и Боярамъ. Когда судьи приказывали дѣло *дополнить*, то это значило не что иное какъ собрать справки о извѣстномъ обстоятельствѣ, приводимомъ истцемъ или отвѣтчикомъ какъ доказательство. Эти справки лежали, какъ мы видѣли, на канцеляріи, которая для этого посылала Недѣльщика въ то мѣсто, гдѣ должно было взять такую справку. Между тѣмъ *истцовы* и *отвѣтчиковы рѣчи* не могли запомнить судьи до тѣхъ поръ, пока получена будетъ справка. Въ такомъ случаѣ Дьякъ долженъ былъ *записать* эти рѣчи, равно какъ и то *послушество*, на которое *пошлются* тяжущіеся. Записанное дѣло Дьякъ долженъ былъ держать у себя, за своей печатью, до тѣхъ поръ, пока оно кончится. Въ случаѣ нужды Дьяки давали эти дѣла Подьячимъ *переписывать*

(148) Тамъ же ст. 7.

изчерна на чисто, но должны были сами „*къ тѣмъ жалобницамъ и кдьломъ по составомъ руки свои прикладывати; и когда Подьячій дѣло перепишетъ, то Дьяку тѣ дѣла всѣ исправити самому, приложить къ нимъ свою руку и держать за печатью*“ (149). Въ томъ случаѣ, когда судьи не могли рѣшать дѣло безъ доклада высшей инстанціи, составлялся *докладной списокъ*, къ которому судья прилагалъ печать (*печаталъ*), за что получалъ пошлину (съ рубля 6 денегъ). Дьякъ и Подьячій, подписавшіе списокъ, получали также: первый 4 деньги съ рубля, а послѣдній 2 (150).

d) *О судебномъ рѣшеніи.*

На основаніи доказательствъ, представленныхъ тяжущимися, судьи полагали рѣшеніе „*вершили судъ или дѣло*“, или давали *приговоръ* (*слушали и приговаривали*), который записывался предъ ними Дьякомъ. Тяжущіеся не должны были стоять у записки. Только въ томъ случаѣ, когда нужно было ихъ о чемъ либо *спросить*, призывали ихъ судьи къ себѣ и, *выпрошавъ*, опять отсылали отъ *записки*. Записавъ судъ, Дьякъ долженъ былъ прочесть его Боярамъ, „*а предъ истцы не чести*“ (151). На основаніи приговора, судьи выдавали тяжущемуся оправданному *правую грамоту*, въ которой изображенъ былъ вкратцѣ весь ходъ дѣла, и въ концѣ вносился приговоръ или рѣшеніе. По свидѣтельству Татищева, такія правыя грамоты давались обвиненнымъ,

(149) Тамъ же стр. 28.
(150) Тамъ же стр. 34.
(151) Тамъ же стр. 29.

если кто, не бывъ доволенъ судомъ; хотѣлъ просить о пересудѣ. Также Татищевъ, основываясь на ст. 42 Судебника, выводитъ заключеніе, что присутственное мѣсто давало правую или безсудную грамоту не только тѣмъ, которые являлись къ суду, но также посылали обвиненному заочно правую грамоту или безсудную объявлять, „*чтобы вдалъ.*“ Правая грамота, какъ и другія, выдавалась за печатью судьи и скрѣпою Секретаря, за что бралась пошлина (*„отъ печати съ головы 9 денегъ, а Дьяку 6 денегъ, а подьячему, который грамоту или отпускную напишетъ, съ головы по 3 деньги*“ (152).

Съ обвиненнаго взыскивались *исцовы иски*, т. е. онъ долженъ былъ вознаградить истца оправданнаго. Подъ вознагражденіемъ должно здѣсь разумѣть не только возстановленіе ущерба, причиненнаго виновнымъ оправданному, но еще извѣстный штрафъ, соразмѣрно причиненной обидѣ, налагаемъ былъ на осужденнаго. Ученіе о вознагражденіи должно приложить: 1) къ искамъ вещнымъ, 2) къ искамъ личнымъ.

1) *Въ искахъ вещныхъ* если кто похитилъ чужую вещь или присвоилъ се себѣ инымъ образомъ. Возвращеніе вещи, въ случаѣ ея похищенія (если воръ не сопротивлялся), и тройная за нее плата (*„да вспятить тройче“*), если что либо взято явно силою, было уже опредѣлено въ договорѣ Олега съ Греками (153). Также по Русской Правдѣ положено было не только возвращеніе похищенной вещи, но еще пеня за ея похищеніе или

(152) Тамъ же ст. 42 и пр.

(153) Несторъ изд. Шлецера ч. II стр. 719.

даже пользованіе ею (*„аще кто попдетъ на чужомъ конь, не прошавъ его, то положити 3 гривны; аще поиметь кто чужь конь, любо оружіе, либо портъ; а познаетъ въ своемъ миру; то взяти ему свое, и три гривны за обиду“*). Если самой вещи уже не было, то возвращалась цѣна ея (*„а иже изломитъ копье, любо щитъ, любо портъ, а начнетъ хотѣти его держяти у себе, то пріати скота у него. А иже есть изломилъ, аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ будетъ на немъ“*) (154). То же самое предписано было и въ Судебникѣ: въ случаѣ воровства воръ въ первый разъ наказывался *„доправивъ истцевъ искъ,“* во второй наказывался смертію, а истецъ удовлетворялся изъ имѣнія (*„въ исцову гибель“*). То же самое предписано въ памятникахъ касательно рабовъ: господинъ (по Судебнику) требовалъ раба своего отъ всякаго, къ кому онъ поступалъ въ услуженіе, и съ нимъ всё имъ покраденное (*сносъ*). Если рабъ былъ убитъ, то, по Правдѣ, хозяину платилась цѣна его (*урокъ*). Если рабъ что либо укралъ, то господинъ вдвое платилъ обиженному, впрочемъ могъ также выдать его головою (155). По Судебнику, кто вытравилъ какія жита или пожню, то долженъ ихъ платить тому, чья огорода. Кто взоретъ межу, или грань ссѣчетъ, то бить кнутомъ, *да истцу на немъ доправить рубль.* Крестьяне межъ собою въ одной волости, гдѣ кто у кого межу переоретъ или перекоситъ, платитъ Волостелю или Посельскому

(154) Русс. Правд. стт. 4, 5, 6 и 17; Суд. ст. 55.
(155) Древнѣйш. Русс. Право Эверса стр. 414.

заборомъ (?) 12 денегъ. И такъ въ вещныхъ искахъ обвиненный, кромѣ убытковъ (*„а истцу убытки подойметь“*), платилъ еще въ пользу оправданнаго опредѣленную пеню (156).

2) *Въ личныхъ искахъ.* Въ первоначальномъ процессѣ, гдѣ въ частной расправѣ законъ позволялъ смѣшивать и уголовное, и гражданское вознагражденіе, за убійство виновный подвергался мести родственника убитаго. Такое самоуправство дозволяется еще Русской Правдой (*„убьетъ мужъ мужа, то мьстить брату брата, или сыновй отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови“*). Даже за отсѣченіе члена — ноги или руки — дозволено мщеніе (*„оже ли утнеть руку и опнадеть рука, любо изсохнеть, то 40 гривенъ; еще ли будеть нога цѣла, или начнеть хромати, тогда чада смирять“* (157). Когда же обиженный не хотѣлъ мстить, то съ виновнаго бралась *вира*. Если вира, опредѣленная въ Правдѣ за убитаго, взималась въ пользу Князя, то всё-таки нѣтъ сомнѣнія, что обиженный получалъ также вознагражденіе, какъ именно опредѣлено въ договорѣ Олега съ Греками (*„аще убѣжить сотворивый убійство, да аще есть домовить, да часть его, сирѣчь оже его будеть по закону, да возметь ближній убіеннаго, а и жена убившаго да имѣеть толицемже пребудеть по закону; аще ли есть наймовитъ сотворивый убой, и убѣжавъ да держится тяжи, дондеже обрящется, да умреть“* (158). То

(156) Суд. ст. 85 и др.
(157) Русс. Правда ст. 7.
(158) Несторъ изд. Шлецера ч. II стр. 711.

же встрѣчаемъ въ Судебникѣ (.... „*и подметчику, и зажигалыцику вѣдомому лихому человѣку, живота не дати, казнити его смертною казнію, а статокъ его истцамъ и въ прогоны*“ (159). За увѣчье виновный платилъ виру, о которой уже упоминается въ договорахъ съ Греками (въ договорѣ Олега — 5, въ договорѣ Игоря — 10 литръ) (160). Русская Правда, кромѣ платы различной по различію увѣчья (*„аще кто ударитъ мечемъ не вынезъ его или рукоятью, то 12 гривне продаже за обиду; ожели вынезъ мечь, а не утнетъ, то гривну кунъ; аже кто кого ударитъ битогомъ, — ....., то 12 ..... гривнъ*“ и проч.), въ нѣкоторыхъ случаяхъ налагаетъ еще на виновнаго въ увѣчьѣ плату лекарю за леченье (*„а лѣтицу мзда*“) (161). Кромѣ пени, еще было вознагражденіе за убытокъ, которое опредѣлялось произвольнымъ соглашеніемъ и условіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законы особенно упоминаютъ объ этомъ. Также въ Русской Правдѣ уже извѣстна различная вира, по различію состоянія обиженнаго (*„аже въ княжи, отроць, или въ конюсь, или въ поварь, то 40 гривенъ; а за Тіунъ за Огнищныи, и за конюшни, то 80 гривенъ, а въ сельскомъ Тіунь въ княжи, или в ратаиныхъ, то 12 гривнъ; а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за боляскъ*“ (162). По Судебнику обиды наказывались денежными пенями. За *безчестье*,

(159) Суд. стат. 59—61.
(160) Древнѣйш. Русск. Право Эверса стрр. 165 и 205.
(161) Русск. Правд. ст. 4.
(162) Древнѣйш. Русс. Право Эверса стрр. 374, 375 и 360.

смотря по состоянію обиженнаго *(по человьку)* и по увѣчью, платилось дѣтямъ Боярскимъ противъ дохода по книгамъ, а которые Дѣти Боярскіе на жалованьѣ, то противъ жалованья; Дьякамъ, что Государь укажетъ, гостямъ большимъ 50 руб.; торговымъ людямъ среднимъ 5 руб., Боярскому человѣку доброму также 5, кромѣ Тіуновъ и доводниковъ, которые получали противъ дохода; крестьянину пахотному и испашенному рубль; боярскому человѣку молодшему, и черному градскому человѣку также рубль Жены за безчестіе получали вдвое противъ того, что получали ихъ мужья (163).

Въ случаѣ неисполненія обязательства, прежде всего истецъ обращался съ требованіемъ на имущество должника. Такъ если долгъ, обезпеченный залогомъ, не былъ въ срокъ выплаченъ, то спустя 1, 2 или 3 мѣсяца по истеченіи срока, заимодавецъ посылалъ двухъ или трехъ человѣкъ къ закладчику объявить ему, что если онъ въ двѣ недѣли не заплатитъ долгъ съ процентами, то залогъ будетъ проданъ. Въ случаѣ неплатежа, залогъ продавался публично Старостами и Присяжными. Изъ проданнаго удовлетворяли заимодавца, а остальное отдавали должнику. Если же при продажѣ выручили менѣе, нежели сколько требовалось для уплаты долга, то заимодавецъ продолжалъ свой искъ противъ должника. Кто не имѣлъ никакого имѣнія, тотъ могъ служить за свой долгъ (напр. за проценты по займу: „*кабала за ростъ служити*“). Заимодавцу можно было также давать поль-

(163) Суд. ст. 26.

зованіе имѣніемъ въ обезпеченіе долга („*за ростъ пахати*“) (164). Подробнѣе разсмотримъ мы способы взыскивать вознагражденіе въ пользу оправданнаго по рѣшенію суда, говоря объ исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Кромѣ вознагражденія истца, обвиненный долженъ былъ заплатить *судебныя издержки*. Въ Русской Правдѣ уже упоминается *о судныхъ пошлинахъ* (онѣ имѣютъ различныя названія: *продажа*, *поклонъ*, *урокъ*, напр. вирнику, мечнику; мостникамъ и проч.) (165). По Судебнику, какъ мы уже видѣли, судебныя издержки были многочисленны. У Рейца онѣ собраны и исчислены въ слѣдующемъ порядкѣ: съ вызова (12 денегъ съ рубля на проѣздъ Приставу, изъ которыхъ половина принадлежала Дьяку и Печатнику); на проѣздъ Недѣльщику — *хоженое* (въ городѣ 10 денегъ, а на каждую версту по одной деньгѣ и вдвое *на правду*); съ отсрочныхъ отписей (съ рубля 3 деньги Дьяку и 2 деньги Подьячему); съ докладнаго списка (печатной подачи Судьѣ съ рубля по 6 денегъ, Дьяку 4 деньги, Подьячему 2 деньги, а съ докладнаго списка Царю и дѣтямъ его Печатнику съ рубля по 9 денегъ, Дьяку 6, а Подьячему 2); съ поединка (Окольничему 1 полтину, *да за доспѣхъ убитаго* 3 рубля, Дьяку $\frac{1}{4}$ рубля, Приставу 1 полтину, *вящщаго* 11 коп., Подьячему 2 деньги; если же они *ставъ у поля* помирятся, тогда былъ особый расчетъ); съ рѣшенія (Судьѣ съ рубля 11 денегъ, Дьяку

(164) Тамъ же стр. 142.

(165) Русс. Правда стат. 34, 35 и др.

7 денегъ, Подьячему 2 деньги); за пересудъ (съ рубля 20 коп.) (166). Къ этому можно прибавить еще пошлину, которая взималась за приложеніе печати (Боярин получалъ за то 10 денегъ съ рубля, Дьякъ *отъ подписки* 6, а Подьячій, который писалъ правую грамоту, 3 деньги; но съ холопа и раба судья получалъ только 9 денегъ; Печатникъ Государевъ за приложеніе печати къ правой грамотѣ во всякомъ случаѣ получалъ только 9 денегъ (167). Но строго было запрещено судьямъ брать болѣе опредѣленной пошлины, и если *обыскивалось въ правду*, что судья взялъ въ судѣ *посулъ*, и обвинилъ кого не по суду, то на немъ брался *исцовъ искъ*, пошлины на Царя, ѣздъ, правда, пересудъ, хоженое, правой десятокъ *втрое*, *а въ пенъ*, *что Государь укажетъ* (168).

Виновный долженъ былъ еще вознаградить оправданнаго *за убытки и пропасти* („*и правому тѣ убытки всѣ и провесть взяти на виноватомъ*“): проѣзди брались на человѣка на день по 3 деньги (169).

Наконецъ виновный подвергался въ нѣкоторыхъ случаяхъ уголовному наказанію: сначала оно состояло въ *вирѣ*, взимаемой *на Князя*, потомъ, съ развитіемъ монархической власти, образовались разные виды наказанія для преступниковъ. Мы будемъ говорить объ нихъ въ уголовномъ правѣ.

---

(166) Опытъ Рейца стрр. 331 — 38.
(167) Суд. стт. 33, 35, 38 и 40.
(168) Тамъ же ст. 8.
(169) Тамъ же ст. 7.

е) *Исполненіе судебныхъ рѣшеній.*

Когда начало патріархальное преобладало надъ началомъ монархическимъ, то вѣроятно община (собраніе начальниковъ и отцевъ семейства) принуждала къ исполненію судебнаго рѣшенія главы семейства. Въ Русской Правдѣ не говорится ясно объ этомъ предметѣ; вѣроятно, однако же, что *Вирникъ*, означающій, по своему названію, чиновника опредѣленнаго *для* взиманія *вирь*, исправлялъ должность исполнителя судебныхъ рѣшеній, сперва, можетъ быть, двѣнадцати судей, потомъ Великаго Князя, Намѣстниковъ, Волостелей и Тіуновъ. Въ послѣдствіи имя *Вирника* исчезаетъ; вѣроятно, что его замѣнилъ *Ябедникъ*, которому, по своей должности и ея злоупотребленіямъ, не трудно было навлечь всеобщее негодованіе, такъ что въ Судебникѣ имя *Ябедника* означаетъ повѣреннаго, который *затѣйно* чинитъ неправый искъ. Во всякомъ случаѣ мы можемъ думать, что какъ Вирникъ, такъ и Ябедникъ были назначаемы только *для* исполненія судебнаго рѣшенія относительно пунктовъ, которые касались до казеннаго интереса; исполненіе же судебнаго рѣшенія по пунктамъ, относящимся къ интересу частному, предоставлялось на произволъ тяжущихся, и только въ случаѣ сопротивленія обвиненнаго требованіямъ оправданнаго, послѣдній могъ просить на виновнаго судей, которые и давали ему Пристава, *для* принужденія непокорнаго къ исполненію возложенной на него обязанности. Это подтверждается слѣдующими словами судной грамоты Новгородской: „*а кто на кого возметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи или до истца, што ему перега-*

вариваться съ ними мѣсяцъ; а не почнетъ переговариваться въ тотъ мѣсяцъ, ино взять на него Приставы съ вѣча, да имать его въ городѣ и въ селѣ съ тѣми Приставы; а почнетъ хорониться отъ Приставовъ, ино его казнить всимъ Великимъ Новымгородомъ“ (170). Въ Судебникѣ не встрѣчаемъ ни одного постановленія касательно исполненія судебныхъ рѣшеній.

Мы видѣли выше, что въ случаѣ неисполненія добровольнаго со стороны обвиненнаго рѣшенія суда, оправданный имѣетъ право наложить руку на имущество противника. Иногда, для удовлетворенія истца, виновный могъ самъ обязываться служить ему за долгъ (если онъ не былъ Боярскій сынъ и, разумѣется, рабъ). Но если истецъ не имѣлъ въ рукахъ имущества (залога или заклада), которымъ бы онъ могъ удовлетворить себя въ требованіи на обвиненномъ отвѣтчикѣ, то употреблялась понудительная мѣра, чтобы заставить уплатить долгъ, именно побои на площади — битье палками по ногамъ — предъ суднымъ Приказомъ (*правежъ*), что должникъ за сто рублей терпѣлъ цѣлый мѣсяцъ. Если онъ и тогда не платилъ („*а на которыхъ людехъ въ мѣсяцъ истцова иска доправити не можно*“); то выдавали *истцу головою* (*до искупа*). Послѣ правежа только на мѣсяцъ давалась отсрочка, или *переводъ* уплаты. Служащіе („*а на комъ долгъ будетъ на служивомъ человѣкѣ*“) за сто рублей стояли на правежѣ 2 мѣсяца (171). Рейцъ думаетъ, что

(170) Истор. Росс. госуд. т. V. примѣч. 404.
(171) Суд. стат. 131—136.

для служащихъ взысканіе долга правежомъ и прекращалось, потому что ихъ нельзя было выдавать головою (172).

Какія права имѣлъ истецъ на отданнаго ему головою, этого не видно изъ узаконеній. Татищевъ дѣлаетъ вопросъ, отдача головою какую разность въ холопствѣ съ другими крѣпостьми дѣлала, и отвѣчаетъ, что это не извѣстно; но что она была не мала, это видно изъ указа 1561 года Октября 15, гдѣ Царь Іоаннъ Васильевичь приказалъ Казначеямъ: кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ, или *за ростъ служити*, или *скосовъ*, и они *въ томъ вины*, а платишь имъ *пѣшимъ*, и порукъ и *переводовъ* по нихъ въ пѣхъ искахъ нѣтъ; тѣхъ отвѣтчиковъ *выдавать въ искъ головою, а въ полные и докладныя тѣмъ отвѣтчикамъ истцамъ своимъ не продаватись* (173).

Изъ этого указа Іоанна Васильевича видно, что отвѣтчикъ, прежде нежели выдавался истцу головою, могъ обезпечивать *поручительствомъ (поруки и переводъ)*. Можно по этому думать, что представившій поручителей освобождался (по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ истцу, по прошенію котораго онъ былъ обвиненъ) отъ выдачи головою: какое же право имѣлъ порука въ требованіи учиненной имъ уплаты съ своего должника, объ этомъ не говорятъ законы. Что порука, обязавшійся за отвѣтчика, дѣйствительно подвергался взысканію судебному, въ случаѣ неисполненія обязательства со сто-

(172) Опытъ Рейца стр. 324.

(173) Суд. сп. 158. (Указъ 15 окт. 7069 г.).

роны отвѣтчика, это видно изъ указа 1559 года 30 Ноября, гдѣ сказано, что если кто „*холопей съ суда выручитъ* (возметъ на поруки), *когда холопи предъ судьею учнутъ отъ того холопства отпягиватись* (отпираться), *и если за того порукою тотъ холопъ сбѣжитъ, и въ томъ дѣлѣ искъ ищетъ весь и пошлины имати на порутчикахъ*." Даже тогда, когда господинъ холопа отыскивалъ его, то имѣлъ право взять къ себѣ назадъ (*изымаетъ и въ холопи*) безъ Пристава, и не былъ обязанъ возвращать денегъ взятыхъ имъ съ порукъ (174).

Кромѣ исчисленныхъ способовъ взысканія, въ Исторіи законодательства до Судебника встрѣчаются еще другіе. Въ договорѣ Олега съ Греками, съ виновнаго, если онъ не могъ вполнѣ удовлетворить искъ, взыскивалось всё, что онъ могъ дать („*аще ли неимоватъ тако сотворивый, да вдастъ елико можетъ, да сойметъ себѣ и тыя самыя порты, въ нихъ же ходитъ*"); если же отвѣтчикъ не могъ, не смотря на то, выплатить всего, то онъ долженъ былъ клясться по своей вѣрѣ, что никто изъ посторонныхъ не помогаетъ ему, и съ того времени прекращалось всякое взысканіе по дѣлу (175). Въ послѣдствіи должника, который не могъ платить, выводили на рынокъ (*на торгъ*), и продавали съ женою и дѣтьми, или самъ заимодавецъ бралъ его въ рабство. Послѣ начали должника только отдавать въ работу, причемъ онъ могъ выкупиться своею работою, или родственники выкупа-

(174) Тамъ же стр. 146.

(175) Несторъ изд. Шлец. час. II стр. 716.

ли его, и такимъ образомъ установилась *отдача головою* отвѣтчика.

Не смотря однако на строгость взысканія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ давалась льгота виновному по суду отвѣтчику. Такъ въ продолженіе Русской Правды постановлено о купцѣ, котораго вѣритель не въ правѣ былъ продать въ рабство, когда онъ, взявъ чужіе товары или деньги, потерпитъ кораблекрушеніе, или подвергнется пожару, или будетъ ограбленъ непріятелемъ (*„истопится, любо рать возметъ, любо огнь“*): онъ долженъ былъ позволить ему разсрочку платежа погодно (*„за неже нагуби отъ Бога іесть, а невиноватъ іесть“*) (176). Почти то же сказано въ Судебникѣ: если купецъ, идя на торговлю, возьметъ у кого либо деньги или товаръ, и на пути учинится ему гибель, *утратится тотъ товаръ безъ хитрости, истонетъ, или сгоритъ, или рать или разбой возметъ*, то выдавалась ему *полътняя грамота* (разсрочка платежа по годамъ); *съ Царя и Великаго Князя печатью*, смотря *по животамъ*, причемъ испецъ не могъ брать *роста* (процентовъ). Въ такомъ только случаѣ *полътняя грамота* уничтожалась, когда купецъ *дошуется своего разбоя, или въ его иску разбойниковъ поймаютъ* (177). Если же купецъ самъ былъ причиною своего несчастія (*„пропьетъ, или инымъ какимъ безуміемъ тотъ товаръ изгубитъ“*), то какъ по Русской Правдѣ, такъ и по Судебнику, онъ обвинялся, и по первой опидавался въ пол-

(176) Древ. Русск. Пр. Эверса стр. 400.
(177) Суд. ст. 90.

ную волю вѣрителей, которые могли продать его, а по второму выдавался истцу *до искупа*. Такъ полѣтнія грамоты, по указу 1558 года, даны были всѣмъ служащимъ людямъ, съ оставленіемъ процентовъ, и съ позволеніемъ выплачивать ежегодно по пятой долѣ долга (*„расчитал на пять жеребьеѣ, сколько на комъ какова долгу ни буди“*), впредъ на пять лѣтъ (*„съ Рожества Христова 7066 до лѣта 7071 Рожества Христова“*). То же было предписано касательно заложенныхъ имѣній (*закладныхъ отчинъ*): кто отдалъ свои отчины *за ростъ пахати*, и заплатилъ за первый годъ *по расчету пятой жеребей*, тотъ получалъ обратно свою отчину, и если впредь платилъ по годамъ *до урочныхъ лѣтъ безпереводно ежегодъ*, то удерживалъ за собою закладную отчину. Когда *заемщикъ* хотѣлъ продать это имѣніе, то долженъ *былъ править долгъ по кобалъ весь сполна*. Въ случаѣ его несостоятельности, деньги взыскивались съ покупщика отчины; даже она отнималась и возвращалась тому, у кого *въ закладѣ была за ростъ пахати*, когда покупщикъ не могъ выкупить требуемыхъ денегъ, за что онъ получалъ *правежъ* на того, у кого онъ купилъ, и виновнаго выдавали ему даже головою.

Мы видѣли выше, что по рѣшенію отвѣтчикъ обвиненный подвергался различнымъ взысканіямъ въ пользу судей и въ пользу частныхъ лицъ: спрашивается, если отвѣтчикъ оказывался неспособнымъ заплатить по рѣшенію, то какому порядку слѣдовали во взысканіяхъ при исполненіи рѣшенія? Изъ Судебника видно, что онъ былъ обратный тому

порядку, какому слѣдовали въ конкурсѣ при удовлетвореніи кредиторовъ. Послѣдній (по Правдѣ 13 стол.) былъ установленъ на слѣдующихъ правилахъ. Если кто многимъ долженъ, а купецъ, пріѣхавшій изъ другаго города или изъ другой земли, не зная про то, повѣритъ ему товаръ свой, и онъ окажется послѣ не въ состояніи платить этому вѣрителю за товаръ, по причинѣ требованій со стороны первыхъ заимодавцевъ; въ такомъ случаѣ вести должника на торгъ, и продать, и удовлетворить требованіямъ гостя, а остальное раздѣлить между прочими заимодавцами. Если онъ долженъ будетъ въ казну (*„Княже куны“*), то очистить напередъ казенныя требованія, потомъ требованія другихъ вѣрителей (*„Княже куне переже взяти, и прокъ вѣ дѣлѣ“*) (178). По Судебнику именно предписано, если отвѣтчикъ подвергался смертной казни, то истецъ *вельти заплатити изъ его статка*; а что останется за *истцовымъ*, то отдать *въ прогоны* (убытки и расходы приказные); также что останется за *истцовымъ*, *и Намѣстнику или Волостелю, и Тіуну, то имати по собѣ*. Слѣдовательно прежде удовлетворяемъ былъ истецъ, потомъ уже взыскивались расходы казенные; ежлиже на ихъ недоставало имѣнія, то *судьямъ отъ того не имати ничего (по собѣ)* (179).

Изложеніе уголовнаго права по Судебнику будетъ сообщено въ послѣдствіи времени.

Кандидатъ Правъ Н. Калачевъ.

---

(178) Древн. Русск. Пр. Эверса стрр. 400 и 401.

(179) Суд. спис. 59, 60 и 61.

III. О КАЗЕННЫХЪ ПОДРЯДАХЪ И ПОСТАВКАХЪ ВЪ РОССІИ, ДО ПЕРВАГО ИХЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ.

По различію предмета договоровъ, Сводъ Законовъ Россійской Имперіи раздѣляетъ ихъ на два рода. Къ *договорамъ на имущества* относитъ тѣ, которые имѣютъ предметомъ *имущества въ собственномъ смыслѣ*, или то, что обыкновенно называется *вещами:* ими установляются *обязательства по имуществамъ. Личныя же обязательства* произтекаютъ изъ тѣхъ договоровъ, которыхъ непосредственнымъ предметомъ бываютъ *дѣйствія лицъ* (1). Къ послѣдняго рода договорамъ принадлежатъ только *личный наемъ* и *довѣренность* (2). Къ договорамъ же на имущества причислены: *запродажа, наемъ имуществъ и отдача ихъ въ содержаніе, подряды и поставки, заемъ, ссуда имуществъ, отдача и пріемъ на сохраненіе, или поклажа, товарищество и страхованіе* (3).

Въ системѣ всѣхъ договоровъ *подряды и поставки* занимаютъ важное мѣсто. Это такой договоръ на имущества, по которому одна изъ дого-

(1) Ст. 966, и заглавія книги IV, раздѣл. III и IV, Свода граждан. закон. т. X.

(2) Тамъ же ст. 1396 — 1471.

(3) Тамъ же ст. 1083 — 1395.

варивающихся сторонъ принимаетъ на себя обязанность исполнить своимъ иждивеніемъ какое либо предпріятіе *(подрядъ въ собственномъ смыслѣ)*, или поставить извѣстнаго рода вещи *(поставка)*, а другая сторона, въ пользу которой то производится, учинить за то денежный платежъ (4).

Этотъ договоръ можетъ быть заключаемъ: 1) между частными лицами, 2) между казною и дворянскими обществами и 3) между казною и частными лицами (5).

Подряды и поставки, заключаемые между казною и дворянскими обществами, называются *подрядами дворянскихъ обществъ*; между казною и частными лицами — *казенными подрядами и поставками* (6), а заключаемые между частными лицами можно, по аналогіи, назвать *частными подрядами и поставками.*

Историко-догматическое изложеніе постановленій о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ заслуживаетъ особенное вниманіе Русскихъ юристовъ потому, что не только законодательство наше по этому предмету само по себѣ весьма развито, но что въ немъ содержатся многія общія начала ученія о договорахъ.

Причина особаго развитія этой части нашего законодательства преимущественно заключается въ необходимости охраненія казенныхъ интересовъ

(4) Тамъ же ст. 1102.
(5) Тамъ же стат. 1103 — 1326.
(6) Тамъ же заглавія книги IV, раздѣла III, гл. III, отдѣленія II и гл. IV.

отъ тѣхъ упущеній и злоупотребленій, которыя здѣсь, по свойству самаго договора, всего чаще могутъ встрѣчаться.

Когда частныя лица сами между собою заключаютъ договоръ, то можно предполагать, что они, наблюдая собственныя свои выгоды, сами же заботятся о предотвращеніи всего того, что можетъ причинить имъ какой либо ущербъ. Законопостановленія о договорахъ, между частными лицами заключаемыхъ, имѣютъ потому большею частію только дополнительный характеръ: онѣ прилагаются въ пополненіе той опредѣленности соглашеній, для установленія которой предписывается соблюденіе извѣстныхъ формъ при совершеніи договоровъ. Казенные же подряды и поставки заключаются казною чрезъ посредство лицъ и мѣстъ, непаходящихъ въ томъ никакой для себя матеріальной выгоды. Если бы законодательство оставило эти договоры недостаточно опредѣленными, то одна личность исполнителей служила бы обезпеченіемъ противъ могущихъ воспослѣдовать, во вредъ казны, разнаго рода безпорядковъ. При такихъ договорахъ настоитъ потому особенная потребность въ строгомъ выборѣ лицъ, облекаемыхъ отъ Правительства довѣренностію, и въ установленіи самимъ законодательствомъ твердыхъ положительныхъ и опредѣлительныхъ правилъ, которыми были бы обязаны руководствоваться, безъ всякаго участія собственнаго произвола, мѣста и лица, заключающія именемъ казны договоръ съ частными людьми.

Вотъ почему въ нашемъ законодательствѣ такъ опредѣлительны правила о совершеніи казенныхъ подрядовъ и поставокъ, что они служатъ какъ бы образцомъ для всѣхъ договоровъ вообще. Изъ этого не должно выводить однако же того слѣдствія, что будто бы заключеніе казенныхъ подрядовъ и поставокъ предшествуетъ во времени заключенію подобныхъ договоровъ между частными лицами. Стройность государственнаго хозяйственнаго управленія, служащая основою системы казенныхъ подрядовъ и поставокъ, является во всякомъ государствѣ гораздо позже подобнаго рода сдѣлокъ между частными людьми: частное хозяйство всегда предшествуетъ государственному. Частные подряды и поставки встрѣчаются потому у насъ и ранѣе, и чаще, нежели казенные, которые начали быть заключаемы уже по примѣру частныхъ, какъ и всё государственное хозяйство долго ведено было по примѣру частнаго.

Археографическая Коммиссія, въ числѣ прочихъ юридическихъ актовъ, сообщила нѣсколько такъ называемыхъ *порядныхъ* или *подрядныхъ грамотъ*, *писемъ* или *записей* (7); но ни одна изъ

(7) Акты юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства, изданные Археографическою Коммиссіею. Санктъ-Петербургъ 1838 NO 176—270, стрр. 195—218. Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографическою Экспедиціею Императорской Академіи Наукъ. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Коммиссіею. Санктъ-Петербургъ 1836, 4 тома. См. Т. IV, NO 319, стр. 471. *Порядныя*, здѣсь помѣщенныя, суть договоры о наймѣ личномъ и имуществъ. Даже въ нихъ слова *наемъ*, *наняться* и т. п. ча-

нихъ не содержитъ въ себѣ казеннаго подряда и поставки, а всѣ только частные, начинающіеся уже съ 1547 года. Казенный же подрядъ встрѣчаемъ мы въ первый разъ при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, въ поручной записи 26-го Ноября 1629 года (8). Два посадскіе ручаются за двухъ кузнецовъ, такъ же посадскихъ людей, что они поставятъ въ казну *къ розпымъ пищалемъ ..... розныхъ статей ядра 17,500*, и что *съ Устюжны имъ никуда не сбѣжать*. Въ случаѣ неисполненія договора *на поручникахъ пеня ..... а пеня, что Государь укажетъ*, и .... *поручиковы головы за ихъ* (т. е. за кого они ручаются) *головъ мѣсто, и Государево ядерное дѣло, по розводу на кого сколько ядеръ доведетца, дѣлать; а которой ..... по сей записи въ лицѣхъ, на томъ Государева пеня и порука.*

Что это не первый случай заключенія казенныхъ подрядовъ и поставокъ, это доказывается сколько общимъ ходомъ историческаго развитія договорныхъ соглашеній, столько же и особенною потребностію государства въ такого рода сдѣлкахъ.

Сперва всѣ договоры тождественны въ своихъ юридическихъ послѣдствіяхъ, а потому безразличны. Простота и однообразіе первоначальныхъ отношеній между людьми, составляющими общество, не могутъ породить договоровъ сложныхъ и разнообразныхъ. Только съ расширеніемъ жизненной дѣятель-

---

сто упоминаются, потому что сперва подряды и поставки были тѣ же наймы.

(8) Акты юридическіе N0 305, I, стрр. 319 и 320.

пости, съ умноженіемъ и вмѣстѣ дробленіемъ потребностей, трудовъ и оборотовъ, возникаетъ то разнообразіе въ предметахъ взаимныхъ сношеній гражданъ, которымъ полагается начало различія между договорами. Каждый договоръ съ одной стороны, по своимъ особеннымъ качествамъ, становится отличнымъ отъ всѣхъ прочихъ, а чрезъ то необходимо отъ нихъ отдѣляется; съ другой же стороны общими чертами соединяется съ договорами болѣе или менѣе сходными въ одинъ разрядъ, родъ или даже видъ договоровъ. Тогда обычаи выражаютъ непосредственно, въ самой жизни, такое единство и различіе договоровъ, законодательство это устанавливаетъ, а дѣятельность юристовъ возводитъ къ полному сознанію.

Многое изъ того, что нынѣ составляетъ предметъ казенныхъ подрядовъ и поставокъ, было издавна у насъ цѣлію договорныхъ соглашеній. И прежде государство имѣло надобность въ разнаго рода матеріалахъ и работахъ. Этимъ надобностямъ могло оно удовлетворять или посредствомъ добровольныхъ со стороны гражданъ приношеній и трудовъ, превратившихся потомъ въ постоянную ихъ обязанность, или хозяйственнымъ образомъ — своими людьми, личнымъ наймомъ посторонннихъ, изъ собственныхъ своихъ имуществъ, покупкою и т. п., или же тою мѣрою, которая въ послѣдствіи стала называться подрядомъ и поставкою. Каждый изъ этихъ способовъ представляетъ свои особенныя выгоды и невыгоды, а потому, при различныхъ обстоятельствахъ, съ большею или меньшею пользою мо-

жетъ быть употребляемъ. Относительное ихъ достоинство не можетъ быть взвѣшено въ то время, когда государственное хозяйство отъ частнаго разнится только количественно, и когда оба не имѣютъ той правильности, которая исключаетъ всякую случайность въ выборѣ способовъ къ удовлетворенію различныхъ потребностей.

Впрочемъ и при такомъ состояніи хозяйственнаго управленія, частные люди и государство придерживаются обыкновенно нѣкоторыхъ правилъ, которымъ научаетъ ихъ наглядное удобство. Такъ государство для исправленія своихъ нуждъ употребляетъ прежде всего ближайшія средства — береетъ матеріалы изъ своихъ владѣній и производитъ работы своими людьми. Въ томъ помогаютъ ему граждане добровольными своими трудами и приношеніями, которые въ послѣдствіи обращаются въ государственныя повинности, подати, налоги. Средствами приведенія въ исполненіе различныхъ предпріятій служатъ далѣе государству покупка вещей и личный наемъ людей. Наконецъ, съ возрастаніемъ нуждъ, съ развитіемъ дѣятельности и стройности государственнаго управленія, часто государство начинаетъ имѣть потребность въ пріобрѣтеніи значительнаго количества матеріаловъ и въ работахъ многосложныхъ. Тогда оно прибѣгаетъ къ такимъ личнымъ наймамъ и покупкамъ, которые, по обширности и важности соединяемой съ ними хозяйственной операціи, отдѣляются отъ обыкновенныхъ покупокъ и наймовъ, и становясь предметомъ особенныхъ договорныхъ соглашеній, получая особенную формаль-

ную и матеріальную опредѣлительность, образуютъ тотъ видъ договора, который у насъ получилъ названіе казеннаго подряда и поставки.

Справедливо потому предполагать: 1) что заключеніе казенныхъ подрядовъ и поставокъ есть явленіе позднѣйшее, и 2) что этотъ договоръ не отличался сперва ни сущностію, ни названіемъ отъ прочихъ подобныхъ договоровъ, въ особенности отъ купли-продажи и личнаго найма, какъ ему ближайшихъ (9); прибавлю къ этому 3), что казенные подряды и поставки были у насъ въ обычаяхъ прежде, нежели законодательство начало обращать на нихъ особенное свое вниманіе.

Для подтвержденія послѣдняго пункта достаточно и одного историческаго свидѣтельства, содержащагося въ вышеприведенной поручной записи. Въ ней предполагается заключеніе казеннаго подряда и поставки (10), а до этого времени о подобнаго рода договорахъ ничего не встрѣчается въ памятникахъ.

Конечно существо этого акта есть поручительство; но для насъ главное — фактъ заключенія такого договора, къ которому можетъ быть приложено позднѣйшее названіе казеннаго подряда и поставки и который здѣсь лежитъ въ основаніи самой поручной записи. Послѣднее обстоятельство объясняетъ нѣкоторымъ образомъ причину того, почему заключеніе подряда и поставки здѣсь такъ

(9) Тамъ же сравн. I со II актомъ N0 305.
(10) Тамъ же N0 305. I.

неопрѣдѣлительно. Поручная запись, предполагая его заключеннымъ, не можетъ распространяться о томъ, что для нея совершенно дѣло постороннее. Поручительство относится только къ подрядчику, а не къ казнѣ, а потому въ поручной записи сообщается только то, что касается до подрядчика и поручителей вмѣстѣ; всё же прочее, безъ чего подрядъ однако же не могъ быть заключенъ, совершенно умалчивается. Такъ здѣсь упоминается о лицахъ заключившихъ казенный подрядъ, о предметѣ подряда, о мѣстѣ его исполненія и обезпеченіи, но ничего не говорится, съ кѣмъ именно, т. е. какія лица были представителями казны при заключеніи договора, за какую цѣну и какъ (т. е. словесно или письменно и т. п.) подрядчики заключили договоръ, въ какой срокъ они должны его выполнить, какъ долженъ имъ производиться изъ казны платежъ, какъ поступать съ самимъ подрядчикомъ, если онъ окажется неисправнымъ, въ какомъ случаѣ прекращается договоръ и проч. Всѣ эти условія такъ существенны, что, при заключеніи подряда, они не могли быть совершенно упущены изъ виду. Многое конечно при заключеніи договоровъ могло быть тогда предполагаемо, какъ опредѣленное обычаями, и потому не всякій разъ включаемо въ условія, иное даже часто было оставляемо не вполнѣ опредѣленнымъ потому, что нельзя же ожидать точной опредѣлительности отъ того времени, когда вся хозяйственная дѣятельность не имѣла еще надлежащей правильности. — Что касается до обезпеченія договора, то оно достаточно опредѣлено въ вышеприведенномъ актѣ, и состоитъ въ поручительствѣ. Въ слу-

чаѣ неисправности подрядчиковъ, наличные ихъ поручители — люди, какъ видно, благонадежные — совершенно заступаютъ ихъ мѣсто, обязываясь сами за нихъ выполнить условія договора, и сверхъ того подвергаясь тому штрафу, который будетъ назначенъ самимъ Государемъ. Поручительство, какъ обезпеченіе договоровъ, вообще было издавна у насъ въ употребленіи, издавна также были извѣстны различныя слѣдствія поручительства, какъ то: переходъ обязательства на поручителей съ тѣхъ, за кого они ручались въ случаѣ неисправности послѣднихъ, удовлетвореніе убытковъ отъ этой неисправности происшедшихъ, и даже подчиненіе особеннымъ условнымъ штрафамъ, постановленнымъ, за невыполненіе обязательства, при заключеніи договора.

И послѣ этого акта до самого Уложенія въ нашихъ юридическихъ памятникахъ ни слова не упоминается о томъ договорѣ, изъ котораго въ послѣдствіи развился казенный подрядъ и поставка. Въ этомъ случаѣ, какъ обыкновенно, законодательство застало уже приготовленнымъ въ жизни то, на чемъ оно могло основать свою дѣятельность. Сперва оно довольствовалось однимъ предположеніемъ существующаго въ употребленіи, давая на то свое безмолвное согласіе, и потому не прибѣгая еще къ особеннымъ законнымъ постановленіямъ. Въ особенности это должно сказать объ Уложеніи, какъ первомъ памятникѣ дѣйствующаго законодательства. Занимая среднее мѣсто между сборникомъ обычнаго права и собственнымъ законодательствомъ, Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича не

всё записало изъ обычнаго права, тѣмъ менѣе содержитъ въ себѣ новыхъ постановленій. Многое изъ того, что не вошло въ его составъ, продолжаетъ существовать и развиваться въ юридическихъ обычаяхъ. Эту жизнь обычнаго права Уложеніе не только допускаетъ, но и предполагаетъ, даже поддерживаетъ.

Понятно теперь, почему во всемъ Уложеніи встрѣчается одно только мѣсто, относящееся къ предмету нашего изслѣдованія, да и то только по поводу особеннаго финансоваго распоряженія: *которые Государевы грамоты даны будутъ для Государева хлѣбнаго промыслу уговорщикомъ, которые уговорщики подъ Государевъ хлѣбъ наймутся на Москвѣ и въ городѣхъ везти къ Архангельскому городу и въ понизовые городы и въ Сибирь, въ своихъ судѣхъ и съ своими людьми; и съ тѣхъ уговорщиковъ печатные пошлины имати* (11).

Перевозка частными людьми въ опредѣленныя мѣста казеннаго хлѣба, которымъ производилась *торговля Царская* (12), объ которой здѣсь упо-

(11) Уложеніе гл. XVIII ст. 67 (№ 1 перваго Полнаго собранія законовъ).

(12) Смотр. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, современное сочиненіе Григорія Кошихина. Спб. 1840 стр. 116: „*у Архангельскаго города торговля хлѣбомъ ..... А собираютъ тотъ хлѣбъ въ поморскихъ и понизовыхъ городахъ съ уѣздныхъ черныхъ слободъ съ крестьянъ; и закупаютъ тотъ хлѣбъ и пеньку во многихъ городѣхъ, на Царскіе казенные денги изъ приказу Большого Приходу, и съ прівозжими иноземцы мѣняютъ на всякіе товары, и продаютъ на денги ..... И тѣ товары, хлѣбъ, пеньку, смолчюгу, проводятъ къ Архангельскому городу на Царскихъ ямскихъ подводахъ, и наймуютъ.*“

минается, есть только одинъ изъ многихъ предметовъ договора, называемаго нынѣ казённымъ подрядомъ и поставкою, и притомъ представленнаго здѣсь въ видѣ совершенно частнаго случая. Самый договоръ отнесенъ, по прежнему, къ найму, и его заключеніе только предполагается. Вообще объ немъ говорится мимоходомъ, по поводу взысканія съ грамотъ, даваемыхъ на проѣздъ подрядчикамъ, печатныхъ пошлинъ, въ чемъ и заключается существо всей статьи. Отъ того объ условіяхъ договора ни слова здѣсь не могло быть упомянуто.

Всѣ эти выводы изъ немногихъ словъ Уложенія, относящихся къ казенному подряду, подтверждаютъ то, что я выше сказалъ объ отличительномъ характерѣ этого основнаго источника дѣйствующаго права. — Договоръ о казенномъ подрядѣ и поставкѣ былъ уже въ употребленіи до Уложенія, хотя и входилъ въ составъ найма. Предметы казеннаго подряда и поставки были также многоразличны, какъ и предметы найма. Опредѣляемъ былъ договоръ о казенномъ подрядѣ и поставкѣ, какъ и всѣ договоры, общими обычаями и особенными условіями, при самомъ заключеніи договоровъ постановляемыми. Всё это застало Уложеніе и оставило такъ, какъ оно нашло: даже не записало того, что продолжало существовать и развиваться въ самой жизни.

Въ одной поручной записи, составленной 1-го Сент. 1651 г., не много спустя послѣ изданія Уложенія, и сообщенной также въ Юридическихъ Ак-

тахъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею (13), находимъ мы прямое и достаточное подтвержденіе вышесказаннаго.

Десять человѣкъ благонадежныхъ разнаго званія ручаются за *иноземца Давыда Бахерахта*, который *договорился* въ Пушкарскомъ Приказѣ съ Боярином Княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ и съ Дьяками Андреемъ Одинцовымъ и Андреемъ Галкинымъ, *что дѣлать ему Давыду ..... въ Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, казну, пистольное и мушкетное и пушечное зелье, нынѣшняго 160 году Сентября съ 1-го дня на пять лѣтъ по 166 годъ Сентября по то жъ число, на всякой годъ по дѣсять тысячи пудъ; а дѣлать ему зелье поровну, по третямъ, на своихъ мельницахъ и на проторяхъ; . . . а изъ тѣхъ трехъ зелей дѣлать ему Давыду опытъ и нынѣшней опытъ въ Приказѣ записать, и впредь по всягодъ отдавать ему Давыду зелье въ Государеву казну противъ записки нынѣшняго опыту. А на то пороховое дѣло ему Давыду селитра имать изъ казны изъ Пушкарскаго Приказу . . . . селитра отвозить съ Москвы на мельницу ему Давыду на Государевыхъ подводахъ; а какъ Давыдъ селитру переплавитъ и что изъ сколькихъ пудъ селитры выварится песку, и про тотъ песокъ ему Давыду объявить въ Пушкарскомъ Приказѣ, а что будетъ чистые селитры и ему Давыду противъ того и*

(13) Смотр. NO 317 стрр. 338 и 339.

зелье отдавать; въ то зелейное дѣло спру и уголье класть ему Давыду . . . . и всякой мелничной заводъ и мастерство и работа его Давыдово. А зелье . . . . принимать у него Давыда на . . . . . на тѣ жо терези и гири, въ которые онъ учнетъ изъ Государевы казны селитру имати. А за спру и за уголье и за всякой мелничной заводъ, и за мастерство и за работу, имать изъ Государевы казны ему Давыду за всякой пудъ зелья по двадцати алтынъ; а на всякой годъ для мелничнаго заводу и на снасти и на работу имати ему Давыду, за нашею порукою, изъ Государевы казны напередъ по шти сотъ рублевъ. А будетъ ему Давыду сверхъ уговорныхъ дву тысечь пудъ селитры передѣлать мочно, и ему и сверхъ двутысечь пудъ изъ Государевы казны селитра имать, сколько ему мочно будетъ сдѣлать. А имать ему тѣ двѣ тысячи пудъ селитры по срокамъ, пудъ по двѣсти или по триста, а что возметъ и ему Давыду въ Пушкарскомъ Приказѣ въ той селитрѣ, сколко возметъ, давать отписи. А что Давыдъ сколко въ Государеву казну отдастъ зелья, и ему въ томъ Давыду давать отписи изъ Пушкарского Приказу за дьячьею рукою, а всякое зелье въ Государеву казну отдавать по третямъ, а за пудъ имать по тому же по двадцати алтынъ. А будетъ онъ Давыдъ, за нашею порукою, изъ Государевы казны взявъ деньги и селитру зелья дѣлать не учнетъ, или надъ Государевою казною надъ селитрою какую поруху учинитъ, и на насъ на поручикахъ Государевы деньги, которые онъ Давыдъ изъ Государевы казны возметъ, а за селитру которая будетъ ему дана, по его

отписемъ, сколко онъ возметъ взяти за пудъ по два рубля; а кто изъ насъ порутчиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ въ Государеву казну, и денги солна и за селитру за пудъ по два рублц.

Хотя и въ этой записи поручительство составляетъ существенное содержаніе; однако же и здѣсь оно предполагаетъ заключеніе договора, названнаго въ послѣдствіи казеннымъ подрядомъ и поставкою, и притомъ съ гораздо бо́льшею противъ прежняго опредѣленностію, а именно:

1) Означено, въ какомъ присудственномъ мѣстѣ и съ какими именно лицами заключенъ былъ договоръ;

2) Установленъ съ точностію срокъ дѣйствія договора;

3) Опредѣленъ съ бо́льшею противъ прежняго полнотою предметъ договора и условія его исполненія, и притомъ со стороны обѣихъ договарившихся сторонъ;

4) Даны нѣкоторыя правила въ руководство самому присутственному мѣсту, какъ въ отношеніи къ предшествующимъ договору, такъ и къ послѣдующимъ дѣйствіямъ, сопровождающимъ исполненіе договора; наконецъ

5) Съ бо́льшею опредѣленностію означены слѣдствія самого поручительства.

Вообще уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича казенные подряды и поставки были въ частомъ употребленіи, по крайней мѣрѣ многое было

предметомъ казенныхъ подрядовъ и поставокъ: это подтверждается извѣстіями, сообщенными Кошихинымъ (14).

Впрочемъ вскорѣ послѣ Уложенія, даже въ памятникахъ законодательства, иногда упоминается о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ; но большею частію по поводамъ посторонним и въ видѣ частныхъ случаевъ.

---

(14) Стр. 62: „А всякіе съѣстные запасы, про Царской обиходъ и въ роздачу, мяса живые и битые всякіе животины, и птицы живые жъ и битые всякіе, и сыры и яица, и масло коровье и льняное и конопляное и орѣховое, и крупы гречневые и просяные, и иные запасы, которы годятся, уговариваются ставить уговорщики водворцѣхъ, противъ тогожъ что и винные, тысечь на 30 и на 40 рублевъ и болши, кромѣ того что приходитъ съ дворцовыхъ волостей съ крестьянъ. И тѣхъ запасовъ котораго году на Царскомъ дворѣ не достаетъ, и такіе запасы покупаютъ изъ Царскіе казны въ рядѣхъ.“ Стрр. 60 и 61: „А вино (т. е. для Двора) подряжаются поставить уговорщики на дворцѣ, дворовые люди и кабацкіе откупщики, на годъ по 30,000 рублей и больши, и даютъ имъ изъ дворца на покупку и на заводъ деньги, кто на сколько рублевъ подрядится поставить; а по нихъ собираютъ поручные записи, въ томъ что имъ поставить на срокъ, противъ уговору, всё сполна, виномъ добрымъ, пѣнымъ, а не пригорѣлымъ. А кто по договору своему не поставитъ, и тѣ деньги, что даются имъ на покупку и на заводъ изъ казны, доправятъ на поручникахъ; а за вину уговорщика, которой уговорится поставить, а не поставитъ, и у него возмутъ на Царя домъ и животы, да ему же учинятъ наказаніе, бьютъ кнутомъ, чтобъ инымъ неповадно было обманство чинить. А подражаются всякое ведро поставить на Царскомъ дворѣ на Москвѣ по 8 алтынъ, ... а когда бываетъ хлѣбу недородъ и дороговь, и тогда ведро бываетъ по 10 алтынъ.“ Стр. 84: „А иные пушки подряжаются дѣлать Голанцы и Любченя и Амбурцы, и привозятъ къ Архангельскому городу.“

Такой частный случай, по поводу финансоваго распоряженія, уже представленъ, какъ мы видѣли, въ Уложеніи. Кромѣ того подобный частный случай, но по другому поводу, встрѣчается въ Именномъ указѣ 7 Іюня 1654 г. (15). Когда, въ слѣдствіе добровольнаго подчиненія Малороссіи Царю Алексѣю Михайловичу, возгорѣлась война между Польшею и Россіею, и когда главный отрядъ нашихъ войскъ, подъ личнымъ начальствомъ Государя, подступилъ къ Смоленску, и сталъ осаждать этотъ городъ, то Государь повелѣлъ предписать въ Москвѣ Боярамъ, а въ прочихъ городахъ Воеводамъ и Приказнымъ людямъ, чтобы они объявили всѣмъ, не пожелаетъ ли кто поставить къ Смоленску для войска провіанту, и если кто вызвется, то договориться съ нимъ за цѣну назначаемую въ этомъ указѣ, и притомъ объявить, что съ такаго *подряднаго хлѣба* пошлинъ нигдѣ не возмутъ.

Къ Смоленску войско шло, между прочимъ, чрезъ Вязьму и Брянскъ. И къ этимъ городамъ *подрядчики* также поставляли провіанты (16). По сдачѣ же Смоленска (10 Сентября 1654 года) и по вшествіи туда нашего войска (17), Государь назначилъ общій сборъ провіанта, въ видѣ государственнаго налога, повелѣвъ его доставлять въ Смоленскъ для продовольствія войска, какъ тѣмъ, на кого наложена была эта повинность, такъ и *подрядчикамъ*, вновь

(15) N0 132 перваго Полнаго собранія законовъ.
(16) Именный Указъ 22 Ноября 1654 г. N0 139.
(17) Указъ 23 Сентября 1654. N0 138.

договарившимся и прежнимъ недоставившимъ по уговору хлѣбъ въ Вязьму и Брянскъ.

Для предупрежденія такого нарушенія договора, Государь постановилъ правиломъ то, что было, какъ мы видѣли, уже прежде въ обыкновеніи, чтобы и прежніе неисправные подрядчики, и вновь договарившіеся представляли за себя, въ обезпеченіе подряда и поставки, вѣрныхъ поручителей (18).

Впрочемъ личность самихъ подрядчиковъ считалась иногда достаточнымъ обезпеченіемъ договора. Высочайшею грамотою, данною на имя Брянскаго Воеводы Волконскаго (19), велѣно ему *подрядить Брянчанъ посадскихъ и уѣздныхъ торговыхъ добрыхъ и пожиточныхъ людей, кому вѣрить мочно*, чтобы они поставили въ Смоленскъ хлѣбъ для продовольствія войска. О представленіи ими за себя поручителей ничего не говорится; но или это такъ было въ обыкновеніи, что и ненужно было всякой разъ объ этомъ особенно упоминать, или, что слова грамоты дѣлаютъ болѣе вѣроятнымъ, личность считалась въ этомъ случаѣ достаточною порукою, а потому совсѣмъ не требовалось поручительство.

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и послѣ Іоанна и Петра Алексѣевичей въ хозяйственномъ управленіи Россіи не сдѣлано никакихъ существенныхъ измѣненій.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ было иногда въ употребленіи забирать въ казну *по подряду* и всѣ

(18) Именный указъ 22 Нояб. 1654. N0 139: „поруки крѣпкія, добрыхъ и знатныхъ людей, кому бъ вѣрить мочно было.“

(19) 18 Декабря 1654 г. N0 141.

нужное для винокуренія, пиво-и медоваренія (20). Хлѣбное вино поставляемо было въ казну также иногда по подряду. Въ Именномъ указѣ (21) прямо повелѣвается *уговариваться ставить вино* по прежнему на кружечные дворы въ Москвѣ и въ прочихъ городахъ, брать съ вызвавшихся подрядчиковъ *поручныя записи, за доброю порукою, кому бъ мочно было въ подрядѣ вѣрить*, а въ случаѣ неисправности подрядчиковъ, взыскивать съ ихъ поручителей вдвое противъ цѣны подряда.

Даже по случаю уничтоженія винныхъ откуповъ и введенія продажи вина только отъ казны, возникъ общій вопросъ о томъ, какъ обойдется казнѣ дешевлѣ вино, когда ли, если она сама станетъ производить винокуреніе, или же если ей вино доставляемо будетъ по подряду (22). Хотя казна стала тогда сама готовить вино хозяйственнымъ распоряженіемъ, однако же и по подряду продолжали въ казну ставить вино, что видно изъ указа Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (23). Здѣсь въ первый разъ упоминается о *подрядныхъ*, т. е. грамотахъ, крѣпостяхъ или запискахъ, какъ о письменномъ актѣ. Сперва всѣ крѣпости, а слѣд. и подрядныя, писались площадными подьячими, неприписанными

---

(20) Высочайшая грамота Царя Ѳеодора Алексѣевича Новогородскому Воеводѣ Боярину Василію Семеновичу Волынскому 23 Іюля 1681 года N0 882.

(21) 18 Іюля 1681 г. N0 879, стп. 16.

(22) Высочайшая грамота Царя Ѳеодора Алексѣевича 23 Іюля 1681 г. N0 882.

(23) Указъ 8 Февраля 1688 г. N0 1276 стп. 16.

ни къ какому присутственному мѣсту (24); Петръ Первый повелѣлъ (25), чтобы впредъ крѣпости писались по принадлежности *добрыми подъячими*, приписанными къ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, и съ вѣдома начальства своего присутственнаго мѣста.

Но скоро Розрядный Приказъ увидѣлъ неудобства такого распоряженія, и заботясь о томъ, чтобы исполненіе договоровъ было болѣе обезпечено, равно какъ и о пріумноженіи государственной казны, представилъ на Высочайшее утвержденіе проэктъ объ обрядѣ совершенія всякаго рода крѣпостныхъ актовъ, испрашивая на нѣкоторые пункты Высочайшаго разрѣшенія. Петръ I утвердилъ поднесенный ему проэктъ, и вмѣстѣ разрѣшилъ предложенные ему вопросы въ Именномъ указѣ, данномъ Розряду (26). На основаніи этого указа:

1) Всѣ крѣпости раздѣлены были на три разряда, или *статьи*. Къ *крѣпостямъ третей статьи* между прочимъ отнесены *подрядныя записи на всякія дѣла*, и притомъ исчислены многіе предметы подрядовъ и поставокъ (27). Обо всѣхъ крѣпостяхъ этого

---

(24) Уложеніе X. 246 и 250.

(25) Им. указъ 9 Дек. 1699 г. N0 1738.

(26) 30 го Генв. 1701 г. N0 1833.

(27) Какъ-то: „Его Великаго Государя оружейной казны, и всякихъ воинскихъ и корабельныхъ припасовъ, и хлѣбныхъ, и винныхъ, и съѣстныхъ запасовъ, и на житные дворы, и въ городы подъ хлѣбные запасы, и на отдаточной дворъ (состоявшій въ Москвѣ, гдѣ продавались отъ казны крѣпкіе напит-

разряда сказано притомъ: „*которыя* (т. е. крѣпости) *прежъ сего въ книгу не записывались, нынѣ ихъ, для спору и вѣдома и справки, и для сбору Великаго Государя денежной казны, доведется въ книгу записывать, у крѣпостныхъ же дѣлъ перечнемъ безъ пошлинъ, только отъ записки имать, противъ крѣпостей первой статьи* (т. е. такъ какъ за перваго разряда крѣпости)“ (28).

2) Постановлены правила, какимъ образомъ поступать въ томъ случаѣ, когда тому, кто спа-

---

ки), и въ городы на вино, и изъ приказовъ подъ всякія Государевы строельныя дѣла, и на припасыжъ, на порохъ, на селитру, на уголья, на сѣно, на дрова, и на кирпичь, и каменнаго и деревяннаго, и иконостаснаго церковнаго, палапнаго и хоромнаго, и всякаго строенья, и всякихъ чиновъ людямъ, подрядныя жъ записи на всякіяжъ дѣла и на пеньку, и на поташъ, и на смольчюгъ, и на кожи, и на сало.“

(28) За записку крѣпостей перваго разряда назначено этимъ указомъ сбирать — *сверхъ указнаго числа съ большихъ по гривнѣ, а съ среднихъ и меньшихъ по 10 и по 6 денегъ, усмотря крѣпостей и гербовъ* (т. е. смотря по роду крѣпостей и употребленной на нихъ бумаги). Упоминаемое здѣсь *указное число* относится къ особенному въ этомъ указѣ распоряженію, по которому всѣ крѣпости раздѣлены, по оцѣнкѣ заключаемаго въ нихъ дѣла, на три рода: на большія, среднія и меньшія. Большими называются крѣпости свыше 100 р., среднія отъ 50 до 100 включительно, меньшія ниже 50 р. Если эти крѣпости будутъ написаны *на одномъ столбцѣ*; то за письмо съ большихъ повелѣно брать въ казну съ каждой сотни рублей по одной гривнѣ, съ среднихъ 5 алтынъ, а съ меньшихъ по одной гривнѣ. Если же крѣпость будетъ написана больше, нежели на одномъ столбцѣ, то за то излишнее письмо, за каждый излишній столбецъ сбирать, за полтинный листъ гербовой бумаги по 2 гривны, за полуполтинный по одной гривнѣ, за гривенный по 10 денегъ, за двуденежный по 6 денегъ.

нетъ совершать крѣпость, не возможно будетъ самому лично явиться къ *крѣпостнымъ дѣламъ*.

3) Сдѣланы распоряженія о содержаніи книгъ у крѣпостныхъ дѣлъ и храненіи собираемыхъ за письмо денегъ.

4) Назначены 4 человѣка присяжныхъ подьячихъ для надзора надъ денежнымъ сборомъ и надъ совершеніемъ крѣпостей; также, на первый разъ, 20 человѣкъ присяжныхъ подьячихъ же для письма самыхъ крѣпостей, причемъ опредѣлены ихъ обязанности и права.

5) Приняты мѣры для того, чтобы всѣмъ, совершающимъ крѣпости, были извѣстны означенныя въ этомъ указѣ постановленія.

6) Запрещено впредь писать крѣпости не у крѣпостныхъ дѣлъ.

7) Повелѣно въ Москвѣ свершать крѣпости, или *быть крѣпостнымъ дѣламъ*, не въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, не по приказамъ и не въ ратушѣ, а въ одномъ мѣстѣ — *въ палаткѣ Ивановскія площади*. Главный надзоръ надъ мѣстомъ крѣпостныхъ дѣлъ порученъ вѣдомству Оружейной палаты, а именно Боярину Головину *съ товарищи*.

8) Постановлены правила о свидѣтеляхъ, при совершеніи крѣпостей допускаемыхъ.

9) Наконецъ повелѣно *во всѣхъ городахъ державы государствія своего чинить о всемъ по семуже своему Великаго Государя указу*.

Оружейная палата, принявъ въ главное свое завѣдываніе всѣ крѣпостныя дѣла, дала *Наказъ крѣ-*

постныхъ дѣлъ подячимъ (29), въ которомъ къ существующимъ узаконеніямъ о писаніи крѣпостей прибавила еще правила объ ихъ переписываніи.

Не смотря на всѣ эти распоряженія, во многихъ мѣстахъ не соблюдались постановленія о томъ, чтобы подрядныя крѣпости писались у крѣпостныхъ дѣлъ, и чтобы, какъ было издавна въ обычаѣ, съ подрядчиковъ требовать вѣрнаго поручительства. Это побудило издать нѣсколько побудительныхъ указовъ (30).

Вообще о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ до перваго ихъ преобразованія, т. е. до установленія Петромъ Великимъ особеннаго вѣдомства подрядныхъ дѣлъ, дѣйствовали слѣдующія правила:

1) Не только съ писанія подрядной крѣпости у крѣпостныхъ дѣлъ, но иногда и съ самой подрядной цѣны взимались пошлины (31).

2) Самый договоръ заключаемъ былъ не у крѣпостныхъ дѣлъ, а всегда въ томъ мѣстѣ, для котораго производился подрядъ или поставка (32). При заключеніи договора о подрядахъ и поставкахъ ввелись сами собою торги. Въ мѣсто, гдѣ заключал-

---

(29) 7 Марта 1701 г. N0 1838.

(30) Имен. ук. Декаб. 7, 1704 г. N0 2006, 15 Окт. 1707 г. N0 2160 и 22 Окт. 1707 г. N0 2162, также приговоръ Министровъ Ближней Канцеляріи 26 Апр. 1710 г. N0 2266.

(31) Именные указы 1701 г. б. м. и б. ч. N0 1888 и 19 Ноября 1703 г. N0 1952. Приговоръ Министровъ Ближней Канцеляріи 25 Іюля 1710 г. N0 2283, 5 Ноября 1714 г. N0 2857, Сен. ук. 16 Февр. 1715 г. N0 2886.

(32) Имен. ук. 4 Іюля 1701 г. N0 1861, Сен. ук. 12 Марш. N0 2500, Акты юридич. N0 317.

ся подрядъ, являлись обыкновенно желавшіе принять на себя подрядъ или поставку, и старались за собою удержать это право, а потому одинъ предъ другимъ дѣлали уступку въ подрядной цѣнѣ, если только не было между ними *стачки* и *подставы* (33). Иногда былъ назначаемъ срокъ для явки къ такимъ торгамъ (34). Иногда подрядчики, явившись къ торгамъ, записывали, кто сколько можетъ чего поставить и по какой цѣнѣ (35). Собственно о торгахъ при подрядѣ упоминается въ первый разъ въ Сен. ук. 12 Марта 1712 г. N0 2500. На основаніи этого постановленія, содержащаго въ себѣ уже нѣкоторыя общія правила о заключеніи казенныхъ подрядовъ и поставокъ, предписано, когда подрядчики явятся въ мѣсто, гдѣ заключается подрядъ, и запишутъ *свои уговоры, и по тѣмъ ихъ уговорамъ Судьямъ* (т. е. въ Москвѣ въ Приказахъ), *Губернаторамъ,Ландрихтерамъ и Оберъ-Коммендантамъ* (т. е. въ Губерніяхъ) *давать торгъ при себѣ съ запискою, и за кѣмъ по какой цѣнѣ что съ торга состоится, тѣ подряды, взявъ у подрядчиковъ образцы за руками и за печатьми ихъ почему что надлежитъ у нихъ принимать, закрѣплять ихъ своими руками ..... А принимать у подрядчиковъ ..... что подряжено будетъ и свидѣтельствовать противъ взятыхъ у нихъ образцовъ самимъ, и въ приличныхъ росписяхъ подписывать имъ своими руками, что всѣ*

(33) Имен. ук. 1701 г. б. м. и б. ч. N0 1888, 15 Марта 1715 г. N0 2894.

(34) Сенат. ук. 31 Маія 1711 г. N0 2366.

(35) Сен. ук. 19 Іюня 1711 г. N0 2379.

принято противъ образцовъ. А буде изъ того что явится въ пріемѣ противъ образцовъ хуже, и въ томъ повинны они (т. е. судьи и пр.) *отвѣтъ давати сами.*

3) Всѣ могли вступать въ казенные подряды и поставки, кромѣ тѣхъ, кому вообще законами запрещено было заключать обязательство. Въ отношеніи патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ сдѣлано было нѣкоторое, впрочемъ незначительное, ограниченіе (36). Всякій могъ заключать подрядъ отъ своего имени или отъ имени другаго (37).

4) За неисполненіе договора со стороны подрядчиковъ, не было постановлено опредѣленнаго общаго взысканія: иногда, кромѣ выполненія по самому договору, полагаемъ былъ штрафъ съ подрядчиковъ и ихъ поручителей, назначаемый самимъ Государемъ; иногда же съ нихъ взыскивалась двойная цѣна подряда (38).

5) Не было также постановлено общаго правила касательно уплаты подрядной цѣны подрядчикамъ со стороны казны. Въ одномъ случаѣ велѣно тотчасъ по заключеніи подряда выдавать подрядчикамъ отъ четверти до половины, но не болѣе, подрядной суммы, а остальныя деньги уплачивать не прежде, какъ по совершенномъ выполненіи договора со

(36) См. всѣ вышеприведенныя узаконенія и въ особенности Им. ук. 13 Іюля 1704 г. N0 1984.

(37) Им. ук. 27 Дек. 1714 г. N0 2872.

(38) Им. ук. 3 Сен. 1702 г. N0 1917, повторенный въ Боярскомъ приговорѣ 1 Марта 1703 г. N0 1927. Акты юрид. NN0 305 и 317.

стороны подрядчиковъ (39). Въ другомъ случаѣ предписано выдавать понедѣльно за всё то, что подрядчики исполнятъ въ теченіи недѣли по подряду (40), или же безсрочно по часпямъ за всё то, что подрядчики поспавятъ (41). Иногда казна вызывалась платить напередъ, въ началѣ каждаго года, извѣстную сумму (42). Всё зависѣло отъ особенныхъ условій, при заключеніи договора постановленныхъ. Въ томъ, что подрядчикъ уже поспавилъ, повелѣно выдавать изъ того мѣста, которое съ нимъ заключило подрядъ, *отписи*, или росписки (43).

6) Въ обезпеченіе исполненія договора со стороны подрядчиковъ требовалось представленіе вѣрнаго письменнаго поручительства, какъ объ этомъ уже сказано выше. Число поручителей не было постоянно опредѣлено, а въ этомъ отношеніи сообразовались съ обстоятельствами такъ, что иногда даже велѣно было подрядчикамъ представлять за себя двойное поручительство (44).

7) Вызовъ желающихъ принять на себя подрядъ или поставку предписано было вездѣ дѣлать такимъ образомъ: „*по градскимъ воротамъ прибивать листы, а по торжкамъ и перекресткамъ кликать бирючемъ, чтобъ подрядчики, кто что похо-*

(39) Им. ук. 1 Генв. 1705 г. N0 2009.

(40) Сен. указъ 30 Августа. 1711 г. N0 2419.

(41) Сен. ук. 23 Ноябр. 1711 г. N0 2452

(42) Акты юрид. N0 317.

(43) Акты юрид. N0 317. Им. ук. 27 Дек. 1714 г. N0 2872.

(44) Сен. ук. 30 Авг. 1711 г. N0 2419. Акт. юрид. NN0 305 и 317.

чет *ставить подрядомъ*, *въ Приказахъ и въ Канцеляріяхъ являлись*, *и уговоры свои записывали*, *гдѣ что подряжать будуть*, *свободно безъ опасенія*“ (45). Въ послѣдствіи повелѣно было о всѣхъ подрядахъ *писать со объявленіемъ публично указами* (46). Это называлось *вольнымъ и свободнымъ съ публикованнаго торга подрядомъ* (47).

(45) Сен. ук. 12 Марш. 1712 г. N0 2500.
(46) Ук. 3 Іюня 1714 г. N0 2822.
(47) Ук. 18 Августа 1714 г. N0 2841.

IV. О СОСТОЯНІИ ВОПРОСА О СМЕРТНОЙ КАЗНИ ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.

Вопросъ, должна ли быть удержана въ законахъ смертная казнь, или не могутъ ли государства обойтись и безъ нея, становится со дня на день важнѣе. Если нѣтъ еще ни одного законодательства, въ которомъ бы она была уничтожена совершенно, то покрайней мѣрѣ всѣ онѣ: 1) стараются какъ можно болѣе ограничить случаи ея употребленія; 2) почти никогда не употребляютъ, т. п. *квалифицированной* смертной казни; 3) многіе угрожаютъ ею нерѣшительно, такъ что предоставляютъ судьѣ назначать или ее, или же вмѣсто ея другую, точно обозначенную; 4) позволяютъ наказывать смертію только тамъ, гдѣ лѣпа преступника не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что преступленіе совершено имъ съ полнымъ сознаніемъ о его важности; 5) требуютъ, чтобы смертные приговоры были изрѣкаемы большимъ, противъ обыкновеннаго, числомъ судей; наконецъ 6) запрещаютъ приговаривать къ смертной казни на основаніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ доказательствъ. Но еще сильно вооружаются противъ смертной казни писатели, которые боль-

шею частію пребуютъ совершеннаго ея уничтоженія.

1. Сравнивая число преступленій, за которыя не болѣе какъ тому назадъ 30 лѣтъ законы угрожали смертною казнію, съ числомъ преступленій, за которыя они угрожаютъ теперь, нельзя не видѣть, что смертная казнь уже не имѣетъ такого кредита, какимъ она вездѣ пользовалась прежде. Это всего замѣтнѣе въ Англіи, гдѣ смертная казнь прежде такъ часто была употребляема, а теперь служитъ предметомъ почти непрерывныхъ, жаркихъ нападеній. Почти за каждымъ новымъ засѣданіемъ Парламента слѣдуетъ новый законъ объ отмѣнѣ смертной казни для нѣкоторыхъ преступленій. Если еще въ 1812—18 г. въ Англіи были казнены смертію 636 человѣкъ, въ 1826—32—414, а теперь въ 1837 только 8, въ 1838 — 6 и въ 1839— 11; то это ясно показываетъ, какъ измѣнилось Англійское законодательство. Есть правда люди, которымъ крѣпко не нравится эта излишняя снисходительность и чувствительность, какъ они величаютъ этотъ образъ дѣйствованія законодателей, и которые предсказываютъ самыя вредныя послѣдствія такого преобразованія, въ отношеніи къ умноженію числа преступленій; но къ счастію это предсказаніе и въ самой Англіи не оправдывается опытомъ. Изъ статистическихъ таблицъ этого государства видно напротивъ, что именно тѣ преступленія становятся рѣже, за которыя смертная казнь уничтожена новѣйшими законами, между тѣмъ какъ тѣ, которыя еще наказываются смертію, замѣтно умножаются. Что

вышеупомянутое мнѣніе не есть мнѣніе большинства, это открывается изъ того, что въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ, прежде, когда надобно было приговаривать преступниковъ къ смертной казни, гораздо чаще былъ даваемъ очистительный приговоръ, нежели теперь. Присяжные уже не имѣютъ никакой причины упорствовать въ томъ, чтобы изрѣкать „*виноватъ*“, когда видятъ, что наказаніе, которое должно за тѣмъ послѣдовать, не соразмѣрно преступленію. Извѣстно, что съ 1832 г. Англійское законодательство почти ежегодно отмѣняетъ смертную казнь то *для* тѣхъ, то *для* другихъ преступленій. Такимъ образомъ отъ нея избавлены: въ 1832 г. кража скота, воровство въ домахъ, подлогъ съ немногими исключеніями, подлогъ въ монетѣ; въ 1833 г. воровство насильственное; въ 1834 г. самовольное возвращеніе ссыльнаго; въ 1835 г. святотатство и кража писемъ. Но самый замѣчательный годъ въ Англійскомъ законодательствѣ былъ 1837. Въ теченіе этого года приготовлены Правительствомъ, съ достойною подражанія тщательностію, проэкты законовъ *для* предложенія Парламенту, и наряжена коммиссія, которая должна была отобрать мнѣнія о смертной казни отъ людей различныхъ классовъ. Ихъ отвѣты были обнародованы, допрошены были лица, которыя, по ихъ званію, болѣе другихъ имѣли случай наглядѣться, какое вліяніе на народъ имѣетъ смертная казнь, или въ какой мѣрѣ преступники удерживаются ею отъ преступленій, какія невыгоды происходили тогда, когда народъ считалъ смертную казнь несоразмѣрною съ извѣст-

нымъ преступленіемъ. Ихъ наблюденія важны для всякаго законодательства. Коммиссія предложила Министру оставить смертную казнь для государственныхъ преступленій и для тѣхъ, которыя состоятъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ лицъ, или отягчаются ими, или же прямо угрожаютъ опасностію жизни другаго. Такимъ образомъ былъ подготовленъ законъ 1837 г. Имъ уничтожена смертная казнь для многихъ изъ тѣхъ преступленій, за которыя она прежде назначалась. Теперь ею наказываются уже только слѣдующія: 1) государственная измѣна (treason); 2) felonies, куда относятся: а) утайка чиновникомъ при Англійскомъ Банкѣ ввѣреннаго ему банковаго билета или денегъ; б) злонамѣренное зажигательство или и другое разрушеніе Королевскихъ военныхъ кораблей; в) нарушеніе земскаго мира возмущеніемъ, соединенное съ разрушеніемъ церкви или дома, также торговаго или ремесленнаго строенія, или и машины на мануфактурахъ; д) смертоубійство; е) содомія; ж) насилованіе; з) покушеніе къ смертоубійству съ нанесеніемъ смертельной раны; и) нападеніе на домъ или лице съ намѣреніемъ убить; і) разбой съ личнымъ поврежденіемъ другаго прежде или послѣ разбоя; к) морской разбой; л) намѣренное зажигательство дома, когда въ немъ находится кто нибудь; м) намѣренное зажигательство корабля съ убійственною цѣлію или такъ, что отъ этого приводится въ опасность жизнь другаго; н) намѣренная выставка ложныхъ маяковъ или подача сигналовъ съ цѣлію привести въ опасность корабль. Особенно любопытны Англійскія статис-

стическія таблицы о приговоренныхъ къ смерти и дѣйствительно казненныхъ. Приговорено въ 1833 г. 931, казнено 33; въ 1834—480—34; въ 1835—523—34; въ 1836—494,—17; въ 1837—438—8; въ 1838—116—6; въ 1839—54—11. Въ 1833 г. между осужденными на смерть находилось еще 15 осужденныхъ за зажигательство, 68 за burglary (вторженіе въ домъ со взломомъ), 515 за насильственное воровство въ домахъ, 9 за смертоубійство, 240 за разбой и 7 за содомію; между ними 9 за зажигательство, 6 за смертоубійство, 8 за разбой и 3 за содомію казнены. Въ 1836 изъ числа 17 казненныхъ были казнены 8 за убійство, 1 за покушеніе къ убійству, 1 за насилованіе, 1 за насильственное воровство въ домѣ, 4 за разбой и 2 за зажигательство. Въ 1837 г. всѣ казнены: 8 приговорены къ смерти за убійство. Изъ 233 осужденныхъ за насильственное воровство въ домахъ наказаны 126 ссылкою на всю жизнь, 29 на 14, 7 на 10 и 17 на 7 лѣтъ. За зажигательство 7 осуждены на смерть, но никто не наказанъ. Въ 1838 г. были осуждены на смерть 25 за смертоубійство, 11 за покушеніе къ нему, 3 за содомію, 7 за насилованіе, 30 за *burglary*, 35 за разбой и одинъ за зажигательство; наказаны всѣ 6 за смертоубійство. Наконецъ въ 1839 г. приговорены къ смерти 54: 12 за смертоубійство, 12 за покушеніе къ нему, 5 за содомію, 17 за насилованіе, 1 за насильственное воровство въ домѣ въ соединеніи съ личнымъ насиліемъ, 1 за разбой, 2 за зажигательство, 4 за возмущеніе и разрушеніе зданій. Казнены 10 за убійство и 1 за покушеніе къ отравленію собственной жены. — Во Франціи Code pénal (уголовное уложеніе),

вѣрный началу устрашенія, можно сказать съ величайшею расточительностію угрожаетъ смертною казнію за весьма различныя преступленія. Въ 1832 г. хотя и сдѣланъ большой шагъ впередъ къ лучшему (смертная казнь уничтожена въ это время для многихъ преступленій, за которыя угрожаетъ ею code pénal, какъ напр. подлогъ въ монетѣ, воровство и частію государственная измѣна); но законодательство остановилось на половинѣ пути: вмѣсто того, чтобы замѣнить смертную казнь другою, въ преступленіяхъ, гдѣ она имъ не соразмѣрна, оно дозволило присяжнымъ прибавлять къ нхъ „*виноватъ*“ объявленіе о существованіи причинъ къ смягченію наказанія (circonstances attenuantes), послѣ котораго судъ можетъ понижать опредѣленное въ законѣ наказаніе на одну или двѣ степени. Мы не будемъ говорить, хороша ли эта мѣра, и не лучше ли бы поступило законодательство, если бы само исправило замѣченные имъ недостатки въ дѣйствующихъ законахъ. Французское уголовное уложеніе остается по этому и теперь однимъ изъ тѣхъ законодательствъ, которыя наиболѣе угрожаютъ смертною казнію. Въ немъ она опредѣляется въ 15 случаяхъ: за преступленія противъ Государя, за преступленія противъ государства, за междоусобную войну и грабежъ, за смертоубійство, дѣтоубійство, убійство при извѣстныхъ отягчающихъ обстоятельствахъ, *лживую* присягу, когда въ слѣдствіе того и осужденъ невинный, и за зажигательство. Не смотря на то, число не только казнимыхъ смертію, но и приговариваемыхъ къ ней, во Франціи также не значительно. Въ 1833 г. приговорено къ смерти 50, наказано 34;

въ 1834—21—15; въ 1835—54—39; въ 1836—30—21; въ 1837—33—25; въ 1838—44—34. Самое большее число казнено за смертоубійство: въ 1833 г. 25; въ 1834—10; въ 1835—27; въ 1836—17; въ 1838—18. За дѣтоубійство наказано: въ 1833—0; въ 1834—1; въ 1835—1; въ 1836—0; въ 1837—1; въ 1838—2. За зажигательство: въ 1833—2; въ 1834, 1835 и 1836—0; въ 1837—1; въ 1838—3. Особенно важна пропорція, въ которой присяжные принимали существованіе причинъ къ смягченію наказанія. Въ 1834 г. они приняли ихъ существованіе вообще въ 1875 случаяхъ, а въ особенности, гдѣ законъ угрожалъ смертною казнію въ 111; въ 1835 — въ 2049 и 124; въ 1836 — въ 2472 и 142; въ 1837—въ 2673 и 150; въ 1838—въ 2775—204. Изъ таблицы 1838 г. открывается, что присяжные приняли существованіе причинъ къ смягченію наказанія: въ 83 смертоубійствахъ, въ 24 ядоотравленіяхъ, 27 дѣтоубійствахъ, 23 зажигательствахъ и 14 убійствахъ. Эти наблюденія доказываютъ, что во Франціи общій голосъ признаетъ угрожаемыя въ законахъ наказанія несоразмѣрно строгими, и чрезъ то вызываетъ законодательство на то, чтобы оно лучше само смягчило ихъ, а не предоставляло бы это присяжнымъ, къ явному ихъ вреду. Замѣчательна разница въ употребленіи, какое дѣлаютъ присяжные изъ предоставленнаго имъ права въ разныхъ департаментахъ. Присяжные Парижскіе изъ числа 646 преступниковъ признали незаслуживающимъ полнаго наказанія 286; Нижне-Рейнскіе изъ 138—62, другіе же напротивъ слишкомъ рѣдко это дѣлаютъ. Уже въ 1837 г. Англійскій Министръ Руссель вы-

сказалъ въ Парламентѣ свое убѣжденіе, что эта новая Французская система не цѣлесообразна; это же самое высказываютъ многіе и во Франціи. И дѣйствительно, ее никакъ нельзя одобрить. Присяжные присоединяютъ часто и въ преступленіяхъ самыхъ возмутительныхъ, которыя по судебнымъ преніямъ никакъ не могутъ быть извинены, къ ихъ приговору: il y a des circonstances attenuantes (что въ этомъ случаѣ существуютъ причины къ смягченію наказанія). Есть примѣры, что они принимали причины къ смягченію наказанія даже въ *квалифицированныхъ* видахъ отцеубійства. Это происходило или отъ того, что между присяжными находились многіе, которые вообще осуждали смертную казнь, а потому объявляли откровенно, что они только тамъ будутъ изрѣкать „*виноватъ*“, гдѣ послѣдствіе осужденія не есть смертная казнь; или же отъ безвременнаго состраданія и сантиментальности. Въ большей же части случаевъ приговоръ присяжныхъ, что существуютъ причины къ смягченію, есть нѣкоторый родъ juste milieu, къ которому они прибѣгаютъ, когда, по причинѣ противорѣчущихъ доказательствъ, находятся въ недоумѣніи, что имъ дѣлать, освободить или осудить, а потому прибѣгаютъ къ такому извороту, чѣмъ они думаютъ успокоить свою совѣсть. Безъ всякаго сомнѣнія, и въ новѣйшемъ процессѣ г-жи Лафаржъ, присяжные отъ того только прибѣгли къ этому извороту, что они были сбиты съ толку противорѣчущими показаніями врачей. Такимъ образомъ система *circonstances attenuantes* весьма часто производитъ всеобщій соблазнъ. Ни интересъ государственный, ни интересъ подсудимаго ею не обез-

печивается. Два совершенно одинаковые случая рѣшаются часто совершенно различно отъ того, что въ одномъ мѣстѣ присяжные строже исполняютъ свою обязанность, нежели въ другихъ, гдѣ между присяжными находятся или противники смертной казни, или люди, которые охотно ищутъ своего спасенія въ *золотой серединѣ*. — Особеннаго вниманія заслуживаютъ препія объ уничтоженіи смертной казни въ Бельгіи, равно и статистическія таблицы этой страны. Съ отдѣленіемъ ея въ 1830 г. отъ Голландіи здѣсь распространились новыя понятія объ уголовной юстиціи; политическая смерть уничтожена; обращено вниманіе на улучшеніе мѣстъ содержанія подъ стражею, и представлены на разсужденіе Палаты представителей многія предложенія объ уничтоженіи смертной казни, преимущественно въ 1832 г. Бруккеромъ. Хотя онѣ и не были приняты Палатою, однако же имѣли вліяніе на Правительство, послѣдствіемъ чего было фактическое уничтоженіе смертной казни, по причинѣ неутвержденія ни одного смертнаго приговора съ 1830 г. Въ 1834 г. предложенъ Камерамъ проэктъ объ улучшеніи уголовнаго законодательства; при объясненіи мотивовъ Министръ говорилъ, что смертная казнь представляется справедливою, когда она необходима, и что это наказаніе имѣетъ цѣлію, частію посредствомъ ужаса, который она распространяетъ, противодѣйствовать совершенію тяжкихъ преступленій, и частію служитъ такимъ возданіемъ для виновныхъ, которое общій голосъ признаетъ праведнымъ. Министръ превозносилъ послѣдовавшее между тѣмъ уменьшеніе смертной казни; объяв-

лялъ, что въ проэктѣ, вмѣсто 32 случаевъ, въ которыхъ угрожаетъ смертною казнію Французское уголовное уложеніе, она удержана только въ 18. За политическія преступленія смертною казнію угрожается только, когда преступленіе есть *crime politique complexe*; присяжные должны имѣть власть судить о существованіи смягчающихъ обстоятельствъ, и ихъ утвердительному отвѣту принадлежитъ сила смягчать обыкновенное наказаніе. Къ проэкту присоединена была таблица приговоровъ къ смертной казни, данныхъ въ теченіи 38 лѣтъ. Эта таблица объемлетъ два періода: 1) отъ IV до 1814 г. (слѣдовательно періодъ Французскаго владычества) и 2) отъ 1815 до 1831 (Бельгійскій). Въ первомъ періодѣ число смертныхъ приговоровъ ужасно велико, напр. въ VI г. 60, въ VII г. 50, въ IX г. 76, въ X г. 52; менѣе жестокою сдѣлалась уголовная юстиція съ 1808 г. Въ 1808 г. дано смертныхъ приговоровъ 19, исполнено 8; въ 1809—17—14; въ 1810—18—15; въ 1811—23—14; въ 1812—19—16; въ 1813—28 23; въ 1814—6—3. Еще человѣколюбивѣе второй періодъ. Въ 1815 г. дано 4, исполнено 2; въ 1816—8—3; въ 1817—8—7; въ 1818—8—5; въ 1819—11—9; въ 1820—2—2; въ 1821—17—11; въ 1822—6—2; въ 1823—5—2; въ 1824—10—6; въ 1825—16—5; въ 1826—9—2; въ 1827—14—1; въ 1828—17—11; въ 1829—9—3; въ 1830—2; въ 1831—8; въ 1832—10; въ 1833—7. Съ 1830 года не исполнено ни одного смертнаго приговора. Между осужденными особенно много смертоубійцъ, и притомъ часто въ ужасномъ количествѣ, напр. въ

VII г. 38, въ X—37, въ XI—44, въ 1807—25; напротивъ въ позднѣйшихъ годахъ оно безпрестанно уменьшается, напр. въ 1815 г.—1, въ 1818—4, въ 1821—3, въ 1826—5, въ 1827—3, въ 1824—4. Во время Французскаго правленія осуждено за смертоубійство 379, а во время Бельгійскаго 113; при первомъ за отцеубійство 8, а при послѣднемъ 4. Съ 1834 до 1835 г. дано смертныхъ приговоровъ: въ 1834 г. 28, въ 1835—17; не исполнено ни одного. Любопытно сравнить число преступленій за 5 лѣтъ до 1830 г. съ числомъ послѣ этого года. Отъ 1826 до 1830 г. совершено: убійствъ 185, ядоотправленій 28, зажигательствъ 35, дѣтоубійствъ, насилованій и вообще насильственныхъ нападеній на тѣлесную чистоту 108, подлоговъ въ монетѣ 39, тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій 490, покражъ 2471; отъ 1831 до 1834 напротивъ: 169 убійствъ, 17 ядоотправленій, 65 дѣтоубійствъ и проч., 49 подлоговъ въ монетѣ, 351 тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій и 1530 покражъ. Такъ какъ съ 1831 г. въ Бельгіи опять введены присяжные, то не безполезно сравнить теперешнее число очистительныхъ приговоровъ съ прежнимъ. Между тѣмъ какъ при судьяхъ — законовѣдцахъ изъ 100 были освобождаемы 16, присяжными были освобождены въ 1832 г. изъ 100—41, въ 1833—40, въ 1834—39. Понятно, что это фактическое уничтоженіе смертной казни въ Бельгіи должно было обратить на себя вниманіе публики, и что эта система помилованія нашла нѣкоторыхъ противниковъ. Въ Палатѣ представителей въ 1835 г. было замѣчено,

что помилованіе дѣлается слишкомъ часто, что фактическое уничтоженіе смертной казни безпокоитъ народъ. Министръ объявилъ тогда, что мнѣніе, которое считаетъ смертную казнь уничтоженною въ глазахъ Правительства, есть ложное. Вскорѣ объ этомъ было вновь разсуждаемо; нѣкоторые замѣтили, что недавно въ Остъ-Фландріи дано было 7 смертныхъ приговоровъ, и что преступники тѣмъ не менѣе считаютъ смертную казнь уничтоженною, противъ чего Бруккеръ защищалъ помилованіе, и старался доказать, таблицею покражъ совершенныхъ въ Брюсселѣ, уменьшеніе числа преступленій. Также и въ другомъ засѣданіи (31-го Генв.) многіе голоса въ Сенатѣ возстали противъ частаго употребленія помилованія и уничтоженія смертной казни. Министръ объявилъ, что онъ никогда не будетъ предлагать о помилованіи смертоубійцъ. Голоса Камеръ, повидимому, подѣйствовали на Правительство, и когда ассизный судъ въ Куртре приговорилъ смертоубійца къ смерти, то онъ не былъ помилованъ. Новые споры произошли потомъ въ Камерѣ 3-го Февраля. Бруккеръ повторилъ свое предложеніе о смертной казни, которую онъ хотѣлъ замѣнить пожизненнымъ лишеніемъ свободы. — Въ Голландіи съ 1831 до 1835 г. включительно осуждено на смерть 35, изъ которыхъ 5 наказано, а прочіе помилованы. Смертные приговоры даны за слѣдующія преступленія: за смертоубійство 6, за дѣтоубійство 7, отравленіе 1, подлогъ въ монетѣ 7, зажигательство 3, покушеніе къ смертоубійству 2, воровство съ отягчающими обстоятельствами 2,

воровство и покушеніе къ смертоубійству 2, измѣну 1, смертоубійство съ зажигательствомъ 1. Наказаны одни смертоубійцы. — Изъ Итальянскихъ государствъ мы можемъ сообщить нѣкоторыя свѣденія только о двухъ, о Неаполѣ и Тосканѣ. Въ Неаполитанскомъ Королевствѣ приговорено къ смерти въ 1831 г. 79, въ 1832—109,—1 за отцеубійство, 20 за супругоубійство, 4 за убійство другихъ родственниковъ, 3 за отравленіе, 39 за смертоубійство, 1 за насилованіе въ соединеніи съ убійствомъ и 41 за воровство съ тѣлеснымъ поврежденіемъ. Изъ нихъ казнено въ 1831 г. 29, въ 1832—23,—10 за смертоубійство и 13 за воровство. Въ 1833 г. осуждено на смерть 95,—1 за отцеубійство, 28 за супругоубійство и убійство родственное, 37 за убійство вообще, 1 за зажигательство, 25 за *квалифицированное* воровство. Казнено 8,—7 за убійство и 1 за воровство въ соединеніи съ убійствомъ. Въ 1834 г. осуждено 30,—15 за смертоубійство, 7 за воровство съ убійствомъ, 1 за отравленіе, 6 за супругоубійство и 1 за убійство родственное. Изъ нихъ казнено 9. Въ Тосканѣ отъ 1814 до 1816 г. не дано ни одного смертнаго приговора; отъ 1816 до 1824—26, отъ 1825 до 1831—9. Изъ нихъ исполнено 10. Наказаны 6 за смертоубійство — разбой, 2 за смертоубійство, 1 за супругоубійство и 1 за тайное убійство. Но съ 1831 года не дано ни одного смертнаго приговора. Президентъ Пунчини замѣтилъ, что въ это время не было никакихъ особенно тяжкихъ преступленій, что число преступленій не увеличилось, и что такимъ образомъ под-

готовленъ тотъ періодъ, который ведетъ къ совершенному уничтоженію смертной казни, и которому уже положено начало законодательствомъ 1838 г. — Въ Швеціи приговорено къ смерти въ 1830 г. 20, въ 1831—21, въ 1832—17, въ 1833—17, въ 1834—16, въ 1835—16, въ 1836—21, въ 1837—15. — Въ Даніи — въ 1830 г.—4, въ 1831—9, въ 1831—2, въ 1833—2, въ 1834—5, въ 1835—2, въ 1836—8. — Что касается наконецъ до Германскихъ законодательствъ, то вонервыхъ Вюртембергское угрожаетъ смертною казнію: за преступленіе государственной измѣны въ случаѣ измѣнническаго нападенія; за оскорбленіе Величества, когда Государю дѣлается вещественное оскорбленіе; за бунтъ въ соединеніи съ убійствомъ, насилованіемъ, разбоемъ, зажигательствомъ; за лживую присягу, если отъ нея погибаетъ невинный; за смертоубійство, отправленіе людей, колодцевъ и другихъ вещей, отъ котораго причиняется другимъ вредъ или смерть; за убійство, если оно совершается, чтобы подготовить, облегчить или выполнить другое преступленіе; за зажигательство въ важныхъ случаяхъ; наконецъ за намѣренно несправедливый приговоръ къ смертной казни, отъ котораго гибнетъ невинный. Въ Саксонскомъ законодательствѣ смертію угрожается за государственную измѣну въ соединеніи съ насиліемъ, за смертоубійство, за разбой въ важныхъ случаяхъ, за зажигательство и лживую присягу подъ тѣмъ же условіемъ. Ганноверское законодательство (8 Авг. 1840) подвергаетъ смертной казни: государственную измѣну въ обширномъ смыслѣ, даже простой заговоръ; измѣну противъ отe-

чества, предоставляя впрочемъ судьѣ замѣнять другимъ наказаніемъ; оскорбленіе Величества; дуэль, когда кто нибудь убитъ по предварительному условію, съ вышеупомянутымъ впрочемъ ограниченіемъ въ случаѣ смягчающихъ обстоятельствъ; зажигательство въ 11 случаяхъ; кораблекрушеніе, затопленіе, отравленіе, смертоубійство, намѣренное убійство, повторенное дѣтоубійство, разбой въ высшей степени. Только въ трехъ случаяхъ предписываетъ наказывать смертію Брауншвейгское законодательство: въ случаѣ измѣны противъ Государя, лживой присяги и смертоубійства. Напротивъ такъ же расточительно на смертную казнь, какъ и Ганноверское, законодательство Баденское. Въ Вюртембергѣ съ 1836 до 1839 г. дано: въ 1836 г. 2 смертныхъ приговора — за дѣтоубійство, въ 1837—1 за убійство и 3 за дѣтоубійство, въ 1838 также 3 за дѣтоубійство. Ни одинъ приговоръ не исполненъ. Также незначительно число смертныхъ приговоровъ и въ Саксоніи. Въ 1830 г. дано—1, исполнено—0, въ 1832—5—1, въ 1833—7—0, въ 1834—5—0, въ 1835—9—2, въ 1836—5, въ 1837—10, въ 1838—2,—не исполнено ни одного. Всѣ эти приговоры даны по преступленію зажигательства. За другія преступленія приговорено къ смерти съ 1815 по 1838 г. 96; изъ нихъ наказаны 30,—всѣ за смертоубійство. Преступленія, по которымъ даны смертные приговоры, были слѣдующія: смертоубійство въ 15 случаяхъ, смертоубійство — разбой въ 11, отравленіе въ 4, убійство въ 2, дѣтоубійство въ 2, насильственное воровство шайками въ 10, вооруженное воровство въ 10, святотатство въ 2, насилованіе въ

одномъ. Въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ съ 1833 по 1838 даны слѣдующіе смертные приговоры: въ 1833 г. 1 по дѣтоубійству, 5 по убійству, 1 по разбою съ убійствомъ, не исполненъ ни одинъ; въ 1834 г. 3 за дѣтоубійство, 1 за смертоубійство, 4 за убійство, исполненъ 1; въ 1835 г. 2 за дѣтоубійство и 8 за убійство, не исполненъ ни одинъ; въ 1836 г. 8 за убійство и 1 за смертоубійство, исполненъ одинъ; въ 1837 г. 2 за смертоубійство и 5 за убійство; наконецъ въ 1838 г. 1 за смертоубійство и 3 за дѣтоубійство, исполнено въ обоихъ годахъ по одному. Въ Баваріи, гдѣ дѣйствуетъ уголовное уложеніе 1813 г., слѣдовательно въ ея сіпаринныхъ округахъ, отъ 1834 до 1839 г. даны слѣдующіе смертные приговоры: 15 по *квалифицированнымъ* видамъ смертоубійства, изъ нихъ исполнено только 6; 1 по разбою четвертой степени, не исполненъ; 3 по зажигательству первой степени, также не исполнено ни одного. Такое малое число ихъ особенно замѣчательно потому, что въ законодательствѣ смертная казнь назначается за весьма многія преступленія. Въ Рейнскихъ же провинціяхъ, гдѣ дѣйствуетъ Французское уголовное уложеніе, отъ 1834 до 1839 г. приговорено къ смерти 34: за тайное убійство 5, за дѣтоубійство 6, за отравленіе 2, за зажигательство 2. Никто не наказанъ. Въ Пруссіи отъ 1818 до 1838 г. приговорено къ смерти 484, круглымъ числомъ по 28 въ годъ; замѣчательна разница нѣкоторыхъ годовъ, напр. въ 1825 г. дано только 15 приговоровъ, напротивъ въ 1835—36. Казнено 147, слѣдовательно помиловано 337. Смертные приговоры, которые были даваe-

мы по дѣламъ о дѣтоубійствѣ, подлогѣ въ монетѣ, дуэляхъ и разбоѣ, никогда не были утверждаемы Королемъ. Самое большее число смертныхъ приговоровъ дано по смертоубійству—137, изъ нихъ 70 утверждено. Всего чаще утверждаемы были приговоры по дѣламъ о смертоубійствѣ – разбоѣ;—изъ 62 случаевъ въ 49. Всего болѣе дано смертныхъ приговоровъ въ Рейнскихъ провинціяхъ, гдѣ дѣйствуетъ Французское уголовное уложеніе. Въ Австріи въ послѣднія 10 лѣтъ дано: въ 1829 г. 24 смертныхъ приговора, исполнено 11; въ 1830—28—13, въ 1831—27—8, въ 1832—46—14, въ 1833—24—8, въ 1834—48—45, въ 1835—42—13, въ 1836—38—16, въ 1837—36—12, въ 1838—22—17. — Въ Американскихъ государствахъ господствующее мнѣніе требуетъ, чтобы смертію наказывались одни только смертоубійцы, — требованіе, которое въ Пенсильваніи уже 1799 г. утверждено закономъ; но и другія законодательства стараются по крайней мѣрѣ ограничить употребленіе смертной казни. Отъ этого она назначается здѣсь большею частію только за слѣдующія преступленія: за государственную измѣну, смертоубійство и зажигательство. Что же касается до числа осужденныхъ и казненныхъ, то мы, къ сожалѣнію, не можемъ сообщить никакихъ подробныхъ о томъ свѣденій, отъ того что Американскія таблицы чрезвычайно неполны; замѣтимъ только, что оно и здѣсь годъ отъ году менѣе.

2. Если всѣ положительныя законодательства нашего времени стараются вообще сократить число случаевъ употребленія смертной казни, то само собою разумѣется, что *о квалицифированной*

смертной казни теперь уже не можетъ быть и слова. И дѣйствительно, ее не знаетъ ни одно новѣйшее законодательство, кромѣ Ганноверскаго.

3. Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ нововведеній въ области уголовнаго законодательства состоитъ въ томъ, что смертная казнь угрожается перѣшительно, но вмѣстѣ съ другими наказаніями, между которыми судья имѣетъ право выбирать. Такъ назначаютъ новѣйшія Швейцарскія законодательства. Въ Базельскомъ уголовномъ законодательствѣ смертною казнію весьма часто угрожается, однако же съ дополненіемъ, что при обстоятельствахъ существенно смягчающихъ судья имѣетъ право приговаривать къ заключенію въ смирительный домъ на 20 лѣтъ. Также и Цюрихское уголовное законодательство угрожаетъ смертною казнію перѣшительно, но вмѣстѣ съ лишеніемъ свободы, предписывая назначать первую только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Даже новое Сардинское законодательство, которое весьма часто угрожаетъ смертію, предоставляетъ иногда судьѣ замѣнять ее другою казнію. Но всѣхъ послѣдовательнѣе Брауншвейгское законодательство, которое угрожаетъ смертію только за смертоубійство и государственную измѣну, и по отношенію къ послѣдней присоединяетъ: если бы однако же преступленіе ограничивалось только неоконченнымъ покушеніемъ, то должно назначать или пожизненное, или и временное цѣпное наказаніе. То же самое дозволяетъ оно и по отношенію къ смертоубійству, если оно не совершено для разбоя, изъ платы, коварнымъ образомъ, или посредствомъ яда, зажига-

тельства, мучительнымъ образомъ, или не есть родственное. И въ Баденѣ во второй Палатѣ было предложено угрожать смертною казнію неотрѣшенно, но вмѣстѣ съ пожизненнымъ лишеніемъ свободы; это предложеніе однако же было отвергнуто большинствомъ голосовъ. Вопросъ о цѣлесообразности такого перѣшительнаго угроженія состоитъ въ связи съ требованіемъ, чтобы законодательство вообще не назначало никакихъ отрѣшенно-опредѣленныхъ наказаній, отъ того что данный случай никогда совершенно не походитъ на законно-опредѣленный, а слѣдовательно отрѣшенно-опредѣленное наказаніе всегда несправедливо. Наши законодательства уже дошли до того, что онѣ не угрожаютъ отрѣшенно пожизненнымъ лишеніемъ свободы; весьма правильно спрашиваютъ слѣдовательно, не имѣютъ ли силы и по отношенію къ смертной казни тѣ же самыя причины? По отношенію къ послѣдней говорятъ однако же, что ею угрожаютъ только за такія преступленія, которыя такъ тяжки, что именно заслуживаютъ эту, а не другую казнь. Кромѣ того перѣшительное угроженіе смертною казнію можетъ легко уничтожить устрашающую силу закона, и всегда приводитъ судью въ затруднительное положеніе, возлагая на него всю отвѣтственность при назначеніи смертной казни, отъ чего онъ и будетъ рѣдко назначать ее. Тамъ, гдѣ законодательство угрожаетъ смертію, преступленіе должно быть всегда таково, чтобы оно въ самомъ легкомъ видѣ заслуживало смертную казнь. Сила этихъ доказательствъ очевидна, но онѣ доказываютъ слишкомъ

много, отъ того что послѣдовательно могутъ быть приложены ко всѣмъ законамъ, которые назначаютъ неотрѣшенныя наказанія. И тамъ, гдѣ угрожается пожизненнымъ лишеніемъ свободы вмѣстѣ съ временнымъ, судья поставляется въ затруднительное положеніе; и здѣсь онъ беретъ на себя большую отвѣтственность отъ того, что пожизненное лишеніе свободы такъ тяжко, что оно непосредственно граничитъ съ смертною казнію, нѣкоторыми считается даже ея ужаснѣе. Всё зависитъ здѣсь отъ того, не заключается ли въ самой смертной казни чего нибудь такого, чтобы препятствовало ею угрожать перѣшительно. Безспорно, что внутреннее чувство не возстаетъ такъ сильно ни противъ какой другой казни. Только съ большимъ насиліемъ судья изрѣкаетъ ужасный приговоръ о лишеніи жизни; но если опасаются, что судьи, когда отдано будетъ на ихъ волю изрѣкать или не изрѣкать эти приговоры, никогда не будетъ изрѣкать ихъ; то это опасеніе опровергается опытомъ. Кто знакомъ съ общимъ Германскимъ правомъ, тому извѣстно, что въ немъ смертные приговоры большею частію зависятъ отъ воли судьи. Не смотря на это, они не рѣдки и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ дѣйствуетъ это право. Ложно также, что преступленія, за которыя угрожается смертію, ея достойны и въ самомъ легкомъ видѣ. Возьмемъ напр. смертоубійство. Легко доказать, что какъ бы не тѣсно оно было опредѣлено въ законѣ, всё возможны случаи, въ которыхъ оно не заслуживаетъ смерти, какъ напр. въ слѣдующемъ. Одинъ почтенный человѣкъ

узналъ, что его жена обольщена другомъ его дѣтства. Мужъ застаетъ ихъ въ несомнительномъ положеніи, вызываетъ обольстителя на дуэль, тотъ отказывается съ насмѣшкою; мужъ приходитъ на другой день въ спальню обольстителя и убиваетъ его выстрѣломъ изъ пистолета, послѣ чего онъ самъ приходитъ въ судъ и доноситъ, что именно съ тѣмъ и пошелъ въ домъ убитаго, чтобы убить обольстителя. Неужели въ этомъ случаѣ убійца долженъ быть наказанъ смертію? Законодательство должно, кажется, держаться здѣсь слѣдующихъ правилъ: 1) вообще должно угрожать смертною казнію отрѣшенно тогда, когда законодательство взвѣсило совершенно, что преступленіе, за которое оно хочетъ угрожать ею, точно есть самое тяжкое, и что если угроженіе относится къ особенному роду преступленій, то онѣ такъ точно обозначены и строго разграничены, что и послѣ этого представляются достойными смерти; 2) гдѣ же законодательство не надѣется точно опредѣлить самую высшую степень преступленія, тамъ оно должно или совсѣмъ отказаться отъ угроженія смертною казнію, или угрожать не одною ею; 3) гдѣ законодательство вообще дозволяетъ судьѣ смягчать, изъ уваженія къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, обыкновенное наказаніе, тамъ не нужно угрожать двумя наказаніями.

4. Новѣйшія законодательства содержатъ предписанія, что смертная казнь не должна быть назначаема преступникамъ, недостигшимъ 18, 20 и даже 21-лѣтняго возраста. Это предписаніе оправдывается тѣмъ, что законъ не предполагаетъ въ

несовершеннолѣтнихъ полной способности ко вмѣненію; что о неисправимости юныхъ преступниковъ нельзя говорить, и что общій голосъ обыкновенно не одобряетъ осужденіе на смерть такихъ преступниковъ, которыхъ законъ не признаетъ самостоятельными въ дѣлахъ гражданскихъ.

5. Многія законодательства думаютъ обезпечить правильное употребленіе смертной казни и тѣмъ, что требуютъ для смертныхъ приговоровъ или единства голосовъ, или большее противъ обыкновеннаго большинство. Перваго требуютъ напр. въ Тосканѣ, а послѣдняго въ Фрейбургѣ. Противъ единства говорятъ, что чрезъ то дается возможность одному члену суда останавливать смертные приговоры. Но на это замѣчаютъ другіе, что смертная казнь тогда только можетъ быть вполнѣ дѣйствительна, когда никто не сомнѣвается, что она присуждена справедливо; но что эта увѣренность исчезаетъ, какъ скоро извѣстно, что хоть одинъ судья говорилъ противъ нея, изъ чего слѣдуетъ, что судьи сами не увѣрены были въ ея справедливости.

6. Наконецъ скажемъ о послѣднемъ постановленіи законовъ, относящемся къ уликамъ. Въ наше время почти всѣ увѣрены, что должно дозволять судьѣ осуждать на основаніи уликъ; однако же опасеніе, что этотъ родъ доказательства, какъ слишкомъ обманчивый, легко можетъ довесть до осужденія невиннаго, что особенно важно по отношенію къ невозвратимой смертной казни, заставило Нѣмецкія законодательства или предписать,

чтобы на немъ никогда не были основываемы смертные приговоры, или же изрѣчь, что въ этихъ случаяхъ судья имѣетъ право замѣнять смертную казнь пожизненнымъ лишеніемъ свободы. Что первое предписаніе не послѣдовательно и раждаетъ сомнѣніе о силѣ того самого доказательства, которое хочетъ утвердить законодательство, это очевидно. Оно можетъ быть оправдано развѣ только крайнею предусмотрительностію, которая должна быть наблюдаема тамъ, гдѣ идетъ дѣло о назначеніи такого важнаго и притомъ сомнительнаго наказанія, какова смертная казнь.

Во всѣхъ новѣйшихъ законодательствахъ смертная казнь считается слѣдовательно необходимою главнымъ образомъ тамъ, гдѣ преступленіе состоитъ или въ государственной измѣнѣ, которая не ограничивается впрочемъ однимъ заговоромъ, или же въ смертоубійствѣ. Эти преступленія дѣйствительно такъ важны, что онѣ вполнѣ оправдываютъ самое тяжкое наказаніе. Но нельзя сказать, что смертная казнь вполнѣ справедлива и тогда, когда: 1) вмѣстѣ съ другими преступленіями, которыя не заслуживаютъ смерти, совершается простое убійство, или 2) изъ подобныхъ преступленій, напр. изъ преступленія зажигательства и проч. смерть возникаетъ сама собою, безъ намѣренія виновнаго, или же 3) преступленіе становится отъ того только болѣе тяжкимъ, что употребляются притомъ наиболѣе опасныя средства. Простое убійство, которое не заслуживаетъ смерти само въ себѣ, не можетъ сдѣлаться ея достойнымъ отъ того только, что оно совершается вмѣстѣ съ

другими преступленіями. Равно и то убійство, которое само собою возникаетъ изъ другихъ преступленій, не становится чрезъ это болѣе тяжкимъ. Напротивъ, гораздо скорѣе оно, какъ совершенно неумышленное, должно быть наказано легче, нежели тогда, когда совершается съ прямымъ намѣреніемъ. Вообще должно принять за правило, что смертію должно угрожать только тамъ, гдѣ это угроженіе всегда можетъ быть утверждаемо Государемъ; вездѣ же, гдѣ напротивъ всегда дѣлается помилованіе, его никогда не должно и угрожать.

Между тѣмъ, какъ законодательства стараются въ наше время ограничить употребленіе смертной казни, писатели требуютъ большею частію совершеннаго ея уничтоженія, хотя и тѣхъ недостаетъ и въ такихъ, которые берутъ ее подъ свое покровительство.

Въ Англіи большая часть писателей требуетъ уничтоженія смертной казни. Особеннаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе Вульрича (The history and results of the present capital punishments in England to which are added full tables of convictions etc. by *Woolrich*. London. 1832). Сочинитель имѣетъ въ виду показать, въ какой мѣрѣ было успѣшно въ Англіи угроженіе смертною казнію за тяжкія преступленія, и ея исполненіе. Съ этою цѣлію онъ начертываетъ исторію уголовнаго законодательства, и изслѣдываетъ при каждомъ преступленіи причины, отъ которыхъ оно происходитъ, для того, чтобы показать, что смертная казнь никогда ни къ чему не вела. Хотя во многомъ нельзя согласиться съ сочи-

нителемъ, можно однако же воспользоваться его историческими изысканіями, и съ любопытствомъ остановиться на его статистическихъ таблицахъ казней, совершенныхъ въ разное время. Любопытны напр. изслѣдованія о тайномъ провозѣ товаровъ. Не смотря на строгіе законы, это преступленіе становится безпрестанно болѣе и болѣе обыкновеннымъ. Замѣчательна также исторія законовъ о смертоубійствѣ, къ которой прибавлены таблицы совершенныхъ въ разное время казней за это преступленіе. Сочинитель признается, что голосъ народа находится здѣсь на сторонѣ смертной казни. По отношенію къ наслѣдованію онъ замѣчаетъ, что присяжные такъ предубѣждены здѣсь противъ смертной казни, что почти всегда даютъ очистительные приговоры; такимъ образомъ изъ числа 471 обвиненныхъ въ этомъ преступленіи отъ 1821 до 1830 г. освобождено или 383. Англійское законодательство удерживаетъ, какъ мы видѣли, еще и теперь смертную казнь для содоміи. Сочинитель показываетъ, откуда произошла такая строгость, и думаетъ, что главнымъ образомъ отъ вліянія религіи. Изъ сообщенныхъ имъ таблицъ открывается, что съ 1756 до 1830 г. въ Лондонѣ и Мидлессексѣ дано по преступленію садоміи 26 смертныхъ приговоровъ и казнено 18. Весьма справедливо то, что говоритъ сочинитель о воровствѣ, разбоѣ, зажигательствѣ и подлогѣ въ монетѣ. По таблицамъ обвиненія и обвинительные приговоры по преступленію зажигательства сравнительно не такъ многочисленны, напр. въ 1828 г. осуждены 2 и освобождены 12, въ 1829—8—29, въ 1830—15—30. —

Въ другихъ сочиненіяхъ повторяются большею частію извѣстныя причины противъ смертной казни. Въ одномъ изъ нихъ (The inexpediency of capital punishment by Rich. R. *Dees.* New-Castle upon Tyne. 1835) дѣлается главнымъ образомъ нападеніе на начало возмездія, и доказывается, что цѣль наказанія есть только удержать отъ преступленія, посредствомъ устрашенія, исправленія и лишенія возможности къ совершенію преступленій. Послѣдней цѣли смертная казнь правда не противорѣчитъ; но за то она не совмѣстна ни съ исправленіемъ, ни съ устрашеніемъ. Сочинитель различаетъ преступниковъ, которые свыклись съ преступленіемъ, отъ тѣхъ, которые увлекаются къ нему сильными страстями; первые не боятся смерти отъ того, что надѣются ея избѣжать, а на послѣднихъ страхъ ея не дѣйствуетъ потому, что его подавляютъ страсти; для нѣкоторыхъ же, которые не совсѣмъ недоступны для этого страха, гораздо полезнѣе система *пенитенціарная.* — Другое сочиненіе (On the punishment of death by Th. *Wrightson.* London. 1834) прибѣгаетъ къ статистикѣ, чтобы доказать необходимость уничтоженія смертной казни. Оно говоритъ, что по статистическимъ наблюденіямъ смертная казнь умножаетъ преступленія отъ того, что присяжные слишкомъ къ ней неохотно приговариваютъ. Оно показываетъ, что въ преступленіяхъ, за которыя угрожается смертію, очистительные приговоры гораздо чаще, нежели въ другихъ; что и въ первыхъ они тамъ чаще, гдѣ смертные приговоры чаще исполняются. Сочинитель сравниваетъ потомъ систему, которая при-

нимаетъ смертную казнь, съ системою пенитенціарною въ 22 пунктахъ, и отдаетъ преимущество послѣдней. Еще одно сочиненіе (The punishment of death proved to be unlawfulun, a etter to the Marquess of Northampton by J. *Pell.* London. 1835) старается доказать, что смертная казнь противна Христіанскимъ понятіямъ. Кромѣ того въ Англіи есть многія общества, которыя имѣютъ цѣлію уничтоженіе смертной казни, или по крайней мѣрѣ смягченіе дѣйствующихъ законовъ. Къ обществамъ послѣдняго рода относится Дублинское Howard — society. Но всѣхъ неутомимѣе трудится надъ совершеннымъ уничтоженіемъ смертной казни society for the diffusing of information on the subject of capital punishment. Имъ издаются по временамъ популярно написанныя статьи, въ которыхъ, посредствомъ статистическихъ выводовъ, доказывается необходимость уничтоженія смертной казни. Въ распоряженіи этого общества находятся многія публичныя вѣдомости, какъ напр. Morning Herald. Недавно издано имъ собраніе всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ этихъ вѣдомостяхъ, съ примѣчаніями. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ статистическія свѣдѣнія. Изъ нихъ открывается, что помилованіе дѣйствительно дѣлается въ Англіи слишкомъ произвольно, и что часто въ немъ отъ того только отказывается преступнику, что преступленіе совершается слишкомъ часто, между тѣмъ какъ въ другое время онъ непремѣнно былъ бы прощенъ. Замѣчаемъ также и то, что присяжные, когда имъ должно давать приговоръ по преступленію, за которое угрожается смертію,

охотнѣе изрѣкаютъ „*не виновенъ*“, отъ чего много теряетъ извѣстность казней. — Между тѣмъ какъ въ Англіи многіе возстаютъ противъ смертной казни, нѣтъ недостатка и въ такихъ, которые признаютъ необходимость ея удержанія для нѣкоторыхъ случаевъ. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи статья въ Law Magazine. Сочинитель этой статьи опровергаетъ обыкновенныя возраженія противъ устрашающей силы смертной казни, и показываетъ, что онѣ столько же относятся и ко всѣмъ другимъ казнямъ. Онъ требуетъ, чтобы законодательство, при разрѣшеніи вопроса о смертной казни, изслѣдовало, необходима ли она для противодѣйствія извѣстнымъ преступленіямъ, и одобряетъ ли ее общественное мнѣніе. Онъ показываетъ, что въ Англіи недостаточность другихъ наказаній, въ особенности ссылки, и состояніе низшихъ классовъ народа, также недостаточность мѣръ полицейскаго предупрежденія, дѣлаетъ смертную казнь необходимою. Къ преступленіямъ достойнымъ смерти онъ относитъ измѣну противъ Государя, разбой на морѣ, смертоубійство, покушеніе къ нему, зажигательство, разбой въ высшей степени и насиліе. — Весьма замѣчательныя подробности объ осужденныхъ на смерть содержатся въ отчетѣ Генералъ-Инспекторовъ надъ тюрьмами. Отчетъ 1836 года заключаетъ въ себѣ описаніе Ньюгетской тюрьмы въ Лондонѣ и свѣденіе объ осужденныхъ на смерть, которые находились тогда въ condemned cells. Ихъ было 17, но наказаны только двое, а прочіе помилованы. Большая часть изъ нихъ приговорена къ

смерти за насильственное воровство въ домахъ, 2 за разбой и 2 за содомію. Одинъ былъ только 13 лѣтъ, а двое 15. Нельзя не возмутиться духомъ, когда читаешь, что одинъ изъ осужденныхъ на смерть, осужденъ вмѣсто того Королемъ только на заключеніе въ тюрьму на три мѣсяца. Какой скачокъ! Какъ несовершенъ долженъ быть законъ, по которому преступникъ, стоющій только 3-мѣсячнаго тюремнаго заключенія, могъ быть приговоренъ къ смерти! Ужасно описаніе душевнаго состоянія осужденныхъ на смерть, которое содержится въ дневникѣ духовника, ежедневно ихъ посѣщающаго: смертный приговоръ не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія.

Во Франціи писатели уже не съ такою ревностію, какъ въ прежніе годы, содѣйствуютъ къ уничтоженію смертной казни. Въ сочиненіи о Французскомъ уголовномъ уложеніи (Chaveau et Faustin), изданномъ въ 1835 г, весьма правильно замѣчается, что предметомъ спора можетъ быть только необходимость, а не справедливость смертной казни, и что потому отвѣта на этотъ вопросъ должно искать въ самыхъ событіяхъ, въ анализисѣ интересовъ, страстей и господствующихъ понятій, въ изученіи уголовныхъ преній, въ изслѣдованіи общественнаго голоса о справедливости наказаній, и внимательномъ разсмотрѣніи ихъ дѣйствія на народъ. Изученіе уголовной статистики представляется такимъ образомъ сочинителямъ совершенно необходимымъ, хотя оно предостерегаетъ только отъ поспѣшности, съ которой изъ результатовъ нѣсколькихъ судовъ думаютъ выводить несомнѣнныя за

ключенія. Они требуютъ, чтобы законодательство изслѣдовало, дѣйствительна ли смертная казнь, необходима ли она. Въ обоихъ отношеніяхъ раждаются правда многія сомнѣнія, но сочинители замѣчаютъ: „le legislateur, avant d'accorder la suppression definitive de la peine de mort, doit attendre, qu' elle puisse s' allier avec la securité de tous; qu' elle soit adoptée par les moeurs; il ne peut avancer la societé; il ne peut que la suivre.“ Заслуживаютъ полнаго вниманія также ихъ замѣчанія о системѣ обстоятельствъ, смягчающихъ наказанія.

Съ неутомимою напротивъ ревностію старается объ уничтоженіи смертной казни société de la morale chretienne. Въ засѣданіи 2 Февр. 1836 г. оно назначило конкурсъ для лучшаго сочиненія, которое бы доказало недѣйствительность смертной казни, и вмѣстѣ опредѣлило пригласить всѣхъ друзей человѣчества къ представленію просьбъ Палатамъ объ уничтоженіи смертной казни. Чрезвычайно любопытный отчетъ о представленныхъ обществу сочиненіяхъ былъ данъ Ламартиномъ. Въ немъ сочинитель, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, доказываетъ, что государство, хотя и можетъ имѣть право на смертную казнь при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но не теперь, когда въ его распоряженіи находятся средства, которыя дѣлаютъ смертную казнь совершенно ненужною. Только старинные предразсудки заставляютъ его колебаться; но явное отвращеніе всѣхъ и каждаго отъ пролитія человѣческой крови должно научить его, что съ успѣхомъ образованности смертная казнь вовсе несовмѣстна. Законъ конечно имѣетъ нужду въ санкціи, но сан-

кція нравственная единственно соотвѣтствуетъ нашему образованному вѣку; общество имѣетъ богатый запасъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, которыя достаточны и безъ смертной казни. Не строгія казни, но правы, общественныя отношенія, воспитаніе, благосостояніе и проч. уменьшаютъ число преступленій. Сочинитель показываетъ безконечное различіе прежняго гражданственнаго состоянія, когда смертная казнь была необходима, отъ настоящаго, и думаетъ, что посредствомъ цѣлесообразной пенитенціарной системы легко можетъ быть сдѣланъ переходъ отъ смертной казни къ лучшей вообще уголовной системѣ.

Въ Бельгіи и писатели, въ слѣдъ за Камерами, стараются главнымъ образомъ рѣшить вопросъ, умножаетъ или уменьшаетъ преступленія фактическое уничтоженіе смертной казни. Дюпнесьё (Statistique de la peine de mort en Belgique, en France et en Angleterre. Bruxelles. 1834) старается доказать, что число преступленій достойныхъ смерти съ 1830 г. значительно уменьшилось, и что большое число смертныхъ приговоровъ въ 1834 г. ничего не доказываетъ отъ того, что въ числѣ ихъ находятся три приговора, изъ которыхъ одинъ данъ противъ троихъ опасныхъ вооруженныхъ воровъ, другой противъ 5 такихъ же воровъ, и третій противъ 6 сообщниковъ шайки, такъ что собственно можно говорить только о трехъ приговорахъ; между прочими же осужденными находилось 2, которые совершили смертоубійство, другіе же приговорены къ смерти только за покушеніе къ смертоубійству, или за другія преступленія, которыя, по новому

проэкту, не признаются достойными смерти. Такимъ же образомъ описываетъ благодѣтельныя послѣдствія системы помилованія Люка (въ Revue étrangere par Foelix. 1835), и Фишеръ (въ Zeischrift fiir ausländische Gesetsgebung. B. VIII. N. IV) дѣлаетъ то же самое, показываетъ уменьшеніе преступленій въ послѣдніе годы, объявляетъ, такъ же какъ и Дюпенсьё, большое, повидимому, число смертныхъ приговоровъ въ 1834 г., не желаетъ однако же, чтобы смертная казнь была уничтожена, но требуетъ, чтобы ее употребляли только въ случаѣ крайней необходимости. Напротивъ, другой писатель (Hans, observations sur le projet de revision du code pénal. Gand. 1835) говоритъ, что изъ уменьшенія въ послѣдніе 4 года числа смертныхъ приговоровъ нельзя заключать объ уменьшеніи тяжкихъ преступленій; потому что многіе преступники умѣли укрыться отъ мести закона, а другіе освобождены присяжными, по ненависти ихъ къ смертной казни. Сочинитель думаетъ, что для того, дабы судить о числѣ преступленій, необходимо обратить вниманіе не на число смертныхъ приговоровъ, а на число обвиненій, а въ особенности на число протоколовъ судебной полиціи.

Наконецъ изъ сочиненій Германскихъ писателей заслуживаютъ здѣсь особенное вниманіе только слѣдующія немногія. Вопервыхъ сочиненіе Громана (Christenthum und Vernunft für die Abschaffung der Todesstrafe. Berlin. 1835). Сочинитель опровергаетъ защитниковъ смертной казни; требуетъ, чтобы уголовное право признавало свободу и личность человѣческой природы, и включало бы въ понятіе наказанія, какъ

существенный признакъ, исправленіе. Онъ нападаетъ на тѣхъ, которые разсматриваютъ наказаніе только какъ средство воздавать равное за равное, тогда какъ напротивъ истинная справедливость состоитъ въ томъ, чтобы уважать личность и наказывать за преступленіе лишеніемъ только такихъ благъ, отъ потери которыхъ не терпитъ ничего личная неприкосновенность. Нельзя не сожалѣть, что Германскіе ученые большею частію довольствуются общими разсужденіями о несправедливости смертной казни, а противники отвѣчаютъ или также общими фразами, вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе главнымъ образомъ на фактическія данныя, отъ которыхъ только и можетъ зависѣть правильное рѣшеніе вопроса о смертной казни, которыя только и могутъ быть важны для законодательства. Нѣкоторые писатели оправдываютъ смертную казнь богословскими доводами, другіе выводятъ ея справедливость изъ начала возмездія, а иные говорятъ, что она, тогда какъ вполнѣ удовлетворяетъ закону справедливости, въ случаѣ, если назначается за смертоубійство и другія подобныя преступленія, есть вмѣстѣ и самое дѣйствительное средство предупреждать тѣ преступленія, за которыя ею угрожаютъ. Но самое замѣчательное о смертной казни есть въ наше время сочиненіе Геппа (Ueber den gegenwärtigen Stand der Streitfrage über die Zulässigkeit der Todesstrafe. Tübingen, 1835). Онъ избираетъ въ своемъ сочиненіи именно тотъ путь, который, по нашему убѣжденію, есть самый надежный. Онъ собираетъ сперва тѣ данныя, которыя чрезвычайно важны для его вопроса, напр. возрастающее со дня на день уча-

стіе всей образованной публики въ вопросѣ; фактъ, что успѣшное дѣйствіе исправительныхъ заведеній значительно поколебало вѣру въ необходимость смертной казни; что именно въ тѣхъ земляхъ, гдѣ смертная казнь употребляется чаще другихъ, безпрестанно становятся громче жалобы на умноженіе уголовныхъ преступленій; но съ другой стороны онъ не теряетъ изъ виду и тѣхъ фактовъ, которые говорятъ, повидимому, въ пользу смертной казни. Послѣ этого онъ разсматриваетъ причины, которыя обыкновенно приводятся противъ смертной казни; наконецъ старается доказать, что еще нѣтъ средства, которымъ бы могла быть замѣнена смертная казнь, что смертная казнь справедлива, и въ заключеніе высказываетъ свое убѣжденіе, что опытъ свидѣтельствуетъ о необходимости и цѣлесообразности смертной казни у всѣхъ образованныхъ народовъ; что человѣчество и тѣмъ уже много выиграло, что смертная казнь ограничивается теперь немногими преступленіями, и употребляется только простая; что всё ведетъ мало по малу къ уничтоженію этой казни; и что наконецъ настанетъ время, когда высшее умственное и нравственное образованіе дозволитъ законодательству ее совсѣмъ уничтожить.

Проф. С. Баршевъ.

V. ВОПРОСЪ О ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ НАРОДНАГО ПРАВА.

Когда вопросъ о литературной собственности дѣлается вопросомъ внутренняго законоположенія, то задачу обыкновенно составляютъ: съ одной стороны понятіе собственности, примѣненное къ произведеніямъ ума, воображенія, вкуса; съ другой — объемъ этой собственности въ означенномъ примѣненіи. Недавно видѣли мы, какъ Французская Камера депутатовъ отвергнула проэктъ закона о защитѣ литературныхъ произведеній отъ перепечатанія, потому что не могла согласиться ни въ той, ни въ другой части задачи. Можетъ быть правы тѣ, которые думаютъ, что споръ Камеры касался только словъ, а не дѣла. Собственность литературная, исключительное право на умственныя произведенія, на мысли, чувства и т. п. многихъ ввели въ заблужденіе, и многимъ казались несовмѣстными съ тою общностію, неограниченностію, безпредѣльностію, которая характеризуетъ дѣйствія духа. Выраженная во внѣшности мысль должна быть достояніемъ всѣхъ, говорятъ они. Но вопервыхъ, не всякое ли произведеніе человѣка есть мысль, выраженная во внѣшности? Вовторыхъ, говоря о всѣхъ долженствую-

щихъ пользоваться мыслями философа, поэта и т. д., мы однако же предполагаемъ, что эти всѣ не только хотятъ, но и въ состояніи, въ правѣ ими воспользоваться: для этого они покупали книгу, билетъ въ театръ или въ концертъ и т. п. Въ такомъ случаѣ собственность въ умственныхъ произведеніяхъ не будетъ разниться отъ собственности въ домахъ, въ земляхъ, въ товарахъ: и этими предметами можетъ всякъ пользоваться, кто ихъ купитъ, получитъ даромъ, по наслѣдству, вообще пріобрѣтетъ законно. Слѣдовательно къ тому и другому роду предметовъ права собственности можетъ быть примѣнено обыкновенное юридическое начало: поступаться можетъ только хозяинъ или уполномоченный, пріобрѣтать можно только отъ хозяина или уполномоченнаго. Въ этомъ заключается основаніе всѣхъ правъ автора или переводчика, и издателя. Впрочемъ, не желая пускаться въ рѣшеніе вопроса внутренняго законоположенія, мы ограничимся его разсмотрѣніемъ съ другой стороны, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ образованныхъ государствахъ существуетъ защита литературной собственности, и что потому фактически этотъ вопросъ должно считать рѣшеннымъ утвердительно.

Сколь ни утѣшителенъ этотъ всеобщій фактъ, это всеобщее согласіе всѣхъ государствъ образованныхъ въ справедливости и необходимости защищать права авторовъ и т. п.; но нельзя сказать, чтобы онъ былъ послѣдній желанный результатъ просвѣщеннаго стремленія Европы, обезопасивающій вполнѣ литературныхъ дѣятелей отъ

подрыва въ дѣйствіи ихъ къ образованію цѣлыхъ населеній. При существованіи только внутреннихъ законовъ, освящающихъ неприкосновенность литературной собственности, опасность остается и не уменьшается не только со стороны типографій иностранныхъ, но и со стороны отечественныхъ спекулянтовъ, могущихъ, безъ всякаго сомнѣнія, перепечатать каждое произведеніе пера отечественнаго на станкахъ заграничныхъ, которымъ до законовъ страны писателя нѣтъ дѣла. Это совершенно тоже, какъ если бы Датское Правительство, давшее привиллегію исключительной торговли въ Исландіи и Гренландіи Копенгагенской компаніи, обезпечило эту исключительность противъ нарушенія со стороны Датскихъ подданныхъ, не принявъ мѣръ противъ контребандистовъ Англійскихъ или Голландскихъ. Итакъ очевидно, что для государства, утвердившаго неприкосновенность литературной собственности въ своихъ предѣлахъ, остается еще одинъ шагъ: заставить уважать эту неприкосновенность правъ авторскихъ въ чужихъ предѣлахъ. Чрезъ это вопросъ о литературной собственности переносится въ сферу Народнаго Права.

Съ перваго взгляда, вопросъ объ этомъ предметѣ въ Народномъ Правѣ кажется простымъ и яснымъ. Извѣстно, что всѣ государства образованныя, каждое за себя и въ своихъ предѣлахъ, признаютъ святость правъ сочинителя и издателя; имъ остается, повидимому, только сдѣлать объявленіе, что неприкосновенность литературной собственности

распространяется на всѣхъ писателей, переводчиковъ, издателей, безъ различія отечества и происхожденія упомянутыхъ лицъ; потому что справедливое здѣсь, должно быть справедливымъ вездѣ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса, встрѣчается и тутъ много трудностей. Я не говорю о государствахъ, которыя не чувствуютъ необходимости внѣшней защиты для своихъ писателей; напр. Турція вовсе не боится перепечатанія для своихъ литературныхъ народныхъ явленій. Уступки, со стороны подобнаго государства, остались бы безъ соразмѣрнаго вознагражденія. Не говорю также о тѣхъ государствахъ, для которыхъ подобное объявленіе произвело бы подрывъ отечественной промышленности. Всё это можно было бы уладить, какъ вопросъ о торгѣ Неграми, и здѣсь нашлась бы какая нибудь Англія, которая предложила бы свое золото въ видѣ вознагражденія. Но самое дѣло не такъ легко. Всѣ государства согласны въ необходимости защищать литературную собственность, и потому, какъ мы сказали, вездѣ существуютъ объ этомъ законы; но вопервыхъ не вездѣ понятіе литературной собственности опредѣлено одинаково, а вовторыхъ объемъ ея, срокъ продолженія, способъ защиты и производство по этому предмету различны по числу государствъ. Слѣдовательно простаго объявленія не достаточно для рѣшенія вопроса, который часто раждалъ бы иски, тяжбы, жалобы, апелляціи. При одномъ объявленіи, что государства признаютъ неприкосновенность произведеній авторовъ и издателей, безъ различія ихъ отечества, присутственныя мѣ-

ства оставались бы въ неизвѣстности на счетъ примѣненія законовъ. Писатель Французскій считалъ бы себя въ правѣ жаловаться тамъ, гдѣ по законамъ Англіи нарушенія его права нѣтъ. Заставить Англійскіе суды, рѣшать дѣла по законамъ страны писателя, было бы затруднительно и несправедливо. Кто принудитъ Англійскихъ книгопродавцевъ подчиняться законамъ Франціи, которые не были ему объявлены? Въ томъ и другомъ случаѣ, писатели и книгопродавцы должны будутъ обращаться съ своими прошеніями и возраженіями къ высшему Правительству, и государства, безъ того уже имѣющія много поводовъ къ несогласію, навязали бы себѣ еще рѣшеніе частныхъ процессовъ.

Давно чувствовали эту трудность; издавна старались избѣгнуть этого неудобства, и при желаніи оказать пользу писателямъ, государства съ давнихъ временъ не отказывали сочинителямъ въ просимыхъ ими привеллегіяхъ. Такимъ образомъ писатель, подданный одного государства, могъ обратиться съ прошеніемъ къ другому Правительству о выдачѣ ему патента на исключительное право изданія, и съ тѣмъ вмѣстѣ собственность его не подвергалась опасности въ предѣлахъ, гдѣ патентъ ему выданъ и содѣланъ закономъ внутреннимъ. Другіе писатели обезпечивали себя подпискою, которая доказывала, что по крайней мѣрѣ то число экземпляровъ книги, на которое существуетъ подписка, дѣйствительно пойдетъ у него съ рукъ, не смотря на перепечатаніе и противозаконное увеличеніе экземпляровъ его сочиненія; но эти оба средства весьма недостаточны, а за-

кона Народнаго Права нѣтъ, и писатели всѣхъ странъ и всѣхъ временъ жалуются на положеніе своихъ дѣлъ.

Предложимъ вопросъ, нѣтъ ли возможности обойти трудность, избѣгнуть неудобствъ, которыя мы встрѣтили при разсмотрѣніи предположеннаго объявленія? Естественно, что въ государствахъ, связанныхъ между собою единствомъ центральнаго управленія, съ соблюденіемъ ихъ внутренней самостоятельности, возможны общія правила для многихъ предметовъ общаго интереса, а въ томъ числѣ и общіе законы о литературной собственности. Напр. ничто не мѣшаетъ кантонамъ Швейцаріи, Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Германскому Союзу и т. д. имѣть подобный законъ Мы знаемъ, что Сеймъ Франкфуртскій трудился надъ составленіемъ однообразныхъ законовъ для обезпеченія писателей во всемъ Германскомъ Союзѣ, и 1837 г. Нояб. 9 го изданъ объ этомъ законъ общій и обязательный для всѣхъ членовъ Союза. Но что дѣлать государствамъ, неимѣющимъ такой связи, существующимъ безъ видимаго единства власти и общаго закона? Что дѣлать самимъ этимъ Союзамъ въ дѣлахъ, касающихся подданныхъ другаго государства, непринадлежащаго къ Союзу? Мы имѣемъ, въ новѣйшей практикѣ, два замѣчательныхъ случая, гдѣ предложенный вопросъ былъ рѣшенъ государствами. Это переговоры Австріи съ Италіанскими ея сосѣдями и переговоры Пруссіи съ разными членами Германскаго Союза о защитѣ литературной собственности.

Какъ извѣстно, Австрія дѣйствовала путемъ трактатовъ, для достиженія закона, обезпечивающаго собственность ея писателей Ломбардо-Венеціанскаго Королевства во всей Италіи. Съ этою цѣлію она заключила конвенцію, сперва, съ Королевствомъ Сардинскимъ 1840 г. Марта 22; къ конвенціи приступили въ томъ же году Папская Область, Тоскана, Модена и Лукка. Недостаетъ еще Неаполя. Но въ то же время Австрія почувствовала необходимость измѣнить внутренній законъ о литературной собственности, существовавшій до того времени въ Ломбардо-Венеціанскомъ Королевствѣ, что доказываетъ законъ 1840 г. Окт. 11. Впрочемъ и безъ этого примѣра можно согласиться, что всякіе договоры объ этомъ предметѣ между разными государствами должны вести къ измѣненіямъ въ законахъ этихъ странъ. Различіе въ законахъ о литературной собственности похожи на различія въ законахъ о давности. Вездѣ существуютъ законы о давности; но въ одномъ государствѣ давность продолжается 10 лѣтъ, въ другомъ 20, а въ третьемъ 40 лѣтъ. Предположивъ необходимость однообразныхъ положеній о давности въ этихъ государствахъ, естественно должно было бы допустить измѣненія или во всѣхъ этихъ срокахъ, или въ большей части. То же имѣетъ мѣсто въ случаѣ договоровъ о литературной собственности, только въ большей степени. Здѣсь должно измѣнить и срокъ, и способъ производства, и устройство судовъ и т. д. Это повело бы къ перемѣнамъ въ другихъ законахъ, и наконецъ имѣло бы слѣдствіемъ общее измѣненіе законовъ о собственности. Вотъ почему только въ

необходимыхъ случаяхъ государства приступаютъ къ формальнымъ о томъ договорамъ.

Пруссія избрала другой путь. Въ актѣ Германскаго Союза сказано: союзный Сеймъ займется въ первое засѣданіе составленіемъ однообразныхъ законовъ на счетъ свободы книгопечатанія, и обезпеченія правъ писателей и издателей противъ перепечатанія. Обстоятельства, вызвавшія Карлсбадскій конгрессъ, не дозволили Германскому Союзу этимъ заняться, и на долгое время отдалили исполненіе второй половины обѣщанія. Между тѣмъ потребность закона, который бы обезпечивалъ собственность литераторовъ, была болѣе и болѣе чувствуема во всей Германіи, какъ странѣ по преимуществу пишущей и читающей, и книжно-торговой. Потребность закона чувствуема была государствами съ небольшимъ территоріумомъ и съ малымъ числомъ жителей; потому что даже подпискою въ отечествѣ не возможно было дать изданію надлежащій ходъ: читатели другихъ государствъ спѣшили подписываться, ожидая перепечатанія. Не менѣе того однако же потребность закона была ощущаема и въ государствахъ съ большимъ территоріумомъ и населеніемъ, по большому количеству писателей. Пруссія первая рѣшилась принять мѣры противъ столь важнаго и общаго неудобства. Вотъ путь, который Правительство Прусское избрало для достиженія своей цѣли.

Просвѣщенные Министры просвѣщеннаго Короля Фридриха Вильгельма III: Альтенштейнъ, Шуккманъ, Бернсторфъ и Данкельманъ, предложили въ

1827 г. 23 Іюля (Королю) приступить къ переговорамъ о обезопасеніи писателей отъ перепечатанія со всѣми членами Германскаго Союза, не дожидаясь общаго закона Сейма объ этомъ предметѣ. Кабинетнымъ повелѣніемъ отъ 18 Авг. 1827 г. изъ Теплица, Король выразилъ свое согласіе, и повелѣлъ приступить къ переговорамъ. „Такъ какъ производство дѣлъ на Сеймѣ Франкфуртскомъ, для составленія (вслѣдствіе 18 статьи союзнаго акта) однообразныхъ положеній о защитѣ писателей и издателей отъ перепечатанія, не достигли еще желаннаго результата: то Я, согдашаясь на ваше (Министровъ) представленіе, повелѣваю вступить въ предварительные переговоры объ этомъ предметѣ съ тѣми изъ государствъ Германскихъ, которыя имѣютъ законы о защитѣ литературной собственности, съ тою цѣлію, чтобы, въ ожиданіи дальнѣйшаго рѣшенія Сейма, согласиться съ упомянутыми государствами, дать писателямъ и издателямъ иностраннымъ ту же защиту, которою пользуются писатели отечественные, каждый въ своемъ отечествѣ.“

Очевидно, что Пруссія для рѣшенія вопроса о литературной собственности по Праву Народному, прибѣгнула къ законамъ этого Права, и къ сочиненіямъ, изданіямъ, вообще къ литературной собственности примѣнила законъ объ иностранцахъ. Во всѣхъ государствахъ Европы иностранцы судятся по законамъ той страны, гдѣ они въ извѣстное данное время находятся. Такимъ образомъ и произведеніе литературы защищается и обсуживается въ каче-

ствѣ имущества по законамъ страны, гдѣ оно находится, безъ различія страны происхожденія.

Съ 1827 г. Пруссія вела безпрерывно переговоры съ членами Союза, и въ теченіе трехъ лѣтъ успѣла выговорить возможную безопасность своимъ писателямъ и издателямъ на всемъ пространствѣ Германскаго Союза. Только Австрія не приняла участія въ переговорахъ. Можетъ быть непосредственное участіе въ дѣлахъ Сейма давало Австрійскому Правительству надежду на скорое окончаніе, общимъ закономъ, вопроса о литературной собственности, что и случилось, какъ сказано, въ 1837 г. Къ концу спасти наименую государства, съ которыми Пруссія вела переговоры о литературной собственности. Здѣсь ограничиваюсь изложеніемъ содержанія тѣхъ актовъ, которые составляли результатъ переговоровъ.

Всякій разъ, когда переговоры съ какимъ нибудь Дворомъ приходили къ желанному концу, Прусское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ издавало объявленіе, въ которомъ было изъясняемо, что послѣ того, какъ Правительство такого-то Королевства, Герцогства, Княжества и т. д. изъявило согласіе, дать Прусскимъ писателямъ и издателямъ тѣ же права и ту же защиту, какія упрочены его отечественнымъ писателямъ и издателямъ, Прусское Правительство, съ своей стороны, распространяетъ запрещеніе перепечатанія, существующее въ Королевствѣ въ пользу Прусскихъ писателей и издателей, и на подданныхъ Королевства, Герцогства или Княжества вышепоименованнаго.

Этотъ способъ рѣшенія вопроса о защитѣ литературной собственности удобенъ и дѣйствителенъ, не требуя никакихъ перемѣнъ во внутреннихъ законахъ государства, не предполагая никакихъ соображеній взаимной пользы Державъ договаривающихся, и при всемъ томъ давая писателямъ и издателямъ всего образованнаго міра защиту, необходимую для успѣховъ народнаго просвѣщенія. Поэтому, хотя этотъ способъ рѣшенія дѣлъ о литературной собственности теперь не имѣетъ въ Германіи практическаго интереса, но для остальной Европы онъ не можетъ не имѣть важности и не можетъ не быть предметомъ разсужденія. По крайней мѣрѣ такъ было въ Германіи. Когда Пруссія переговорами своими успѣла дать безопасность литературной собственности своимъ писателямъ въ предѣлахъ всѣхъ Державъ Союза, то Саксонія и Баварія поспѣшили заключить подобное соглашеніе между собою 1830 $\frac{23}{11}$ Іюля. Такимъ образомъ произошло, что Прусскіе писатели и до 1837 года обезопасены были со стороны всего Союза; Саксонскіе въ Пруссіи и Баваріи, Баварскіе въ Пруссіи и Саксоніи. Меньшія государства считали себя совершенно уже обезпеченными съ этой стороны, какъ скоро Пруссія, страна столь богатая типографіями, книгопродавцами и читателями, обѣщала ихъ писателямъ и издателямъ защиту противъ перепечатанія.

Названія государствъ, установившихъ съ Пруссіею законъ о защитѣ литературной собственности:

1. Ганноверъ	1827	Сент.	11.
2. Гессенъ - Дармштадтъ	——	——	18.
3. Шаумбургъ - Липпе	——	——	24.
4. Ольденбургъ	——	——	27.
5. Шварцбургъ - Зондерсгаузенъ .	——	Окт.	6.
6. Любекъ	——	——	19.
7. Липпе - Детмольдъ	——	——	20.
8. Бременъ	——	——	—
9. Шварцбургъ - Рудольштадтъ .	——	——	—
10. К. Саксонія	——	——	28.
11. Нассау	——	Нояб.	6.
12. Мекленбургъ - Шверинъ	——	——	7.
13. Гогенцоллернъ - Сигмарингенъ .	——	——	22.
14. Вальдекъ	——	——	26.
15. Мекленбургъ - Штрелицъ	——	——	27.
16. Ангальтъ - Дессау	——	Дек.	11.
17. Данія.	——	——	—
18. В. Г. Баденъ	1828	Генв.	4.
19. Саксенъ - Альтенбургъ	——	——	8.
20. Гогенцоллернъ - Гехингенъ . . .	——	——	—
21. Ангальтъ - Бернбургъ	——	——	9.
22. Рейссъ	——	——	10.
23. Саксенъ - Веймаръ	——	——	28.
24. Саксенъ - Мейнингенъ	——	——	—
25. Вюртембергъ	——	Февр.	19.
26. Баварія.	1829	Февр.	9.
27. Ангальтъ - Кётенъ	——	Мая	8.
28. Гамбургъ	——	Іюля	13.

А. Проф. В. Лешковъ.

VI. О ТЕОРІЯХЪ ВЛАДѢНІЯ.

Между многими юридическими сочиненіями Ганса, весьма важное, едва ли даже не первое мѣсто занимаетъ небольшая статья о владѣніи, изданная имъ въ особой книжкѣ въ 1839 году, подъ заглавіемъ: Ueber die Grundlage des Rechts des Besitzes (Berlin. 1839). Эта статья была написана противъ Савиньи, въ опроверженіе его теоріи владѣнія. Извѣстно, что въ 1837 году появилось новое, шестое изданіе знаменитой монографіи Савиньи о владѣніи. Въ этомъ изданіи многое было измѣнено и добавлено противъ прежнихъ, но всѣ дополненія и измѣненія относились только къ Римскому ученію о владѣніи. Теорія осталась та же, хотя и была высказана яснѣе. Вотъ что побудило Ганса издать эту брошюру, въ которой онъ, съ удивительною послѣдовательностію и неподражаемымъ остроуміемъ, опровергаетъ, шагъ за шагомъ, всѣ выводы Савиньи, относящіеся къ теоріи владѣнія, и въ заключеніе подробно излагаетъ свою теорію, кратко высказанную имъ еще въ 1827 году, въ сочиненіи о системѣ Римскаго гражданскаго права.

Изъ этого видно, что споръ о теоріи владѣнія длится уже долгое время. Но начало его лежитъ еще далѣе.

До 1803 года всѣ сочиненія о Римскомъ гражданскомъ владѣніи относились къ догмѣ, а не къ

теоріи. Причиной тому были методы обработыванія Римскаго права и невозможность построенія теоріи, прежде установленія самыхъ фактовъ, на которыхъ она основывается.

Въ 1803 году въ первый разъ появилось знаменитое сочиненіе Савиньи. Въ немъ Римское ученіе о владѣніи впервые представлено было въ полной системѣ; всѣ положенія Римскаго права, относящіяся ко владѣнію, разсмотрѣнныя съ новой точки зрѣнія, получили новый свѣтъ и настоящее свое значеніе; словомъ, догма въ главныхъ своихъ чертахъ установлена окончательно; оставалось сдѣлать нѣкоторыя частныя дополненія и измѣненія, надъ которыми Савиньи неутомимо трудился и трудится до сихъ поръ, подъ вліяніемъ возраженій и рецензій на его монографію.

Савиньи не довольствовался однимъ изложеніемъ догмы. Нужно было понять ея значеніе, найти основное начало, которое служитъ ей исходнымъ пунктомъ: нужна была теорія владѣнія. Этой потребности первый старался удовлетворить Савиньи: онъ первый высказалъ это основное начало; поэтому первая теорія владѣнія безспорно принадлежитъ ему.

Съ этого времени теорія владѣнія обратила на себя особенное вниманіе Германскихъ юристовъ, и сдѣлалась предметомъ дѣятельнаго ихъ изученія. Множество сочиненій объ этомъ предметѣ (не говоря о статьяхъ, разсѣянныхъ по юридическимъ журналамъ, рецензіяхъ и критикахъ), появившихся съ 1803 года, служатъ тому убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ.

Результатомъ этой ученой дѣятельности было появленіе около десяти новыхъ теорій, изъ которыхъ почти каждая выставляетъ новое начало юридическаго владѣнія. Отсюда споръ, продолжающійся даже до нашего времени: теорія владѣнія причислена къ ewigen Controversen (къ предметамъ вѣчнаго спора). Еще въ 1839 году этотъ споръ былъ возобновленъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ (1).

Такая продолжительная, упорная борьба, въ которой принимали участіе первокласные юристы Германіи, указываетъ съ одной стороны на важность вопроса, съ другой — на трудность его рѣшенія. Дѣйствительно, въ цѣлой области гражданскаго права, въ особенности Римскаго, едва ли найдемъ юридическій институтъ, который бы имѣлъ такую тѣсную связь съ ежедневною жизнью, такое непосредственное къ ней отношеніе, какъ владѣніе. Оно имѣетъ предметомъ прямое, фактическое отношеніе гражданина къ вещи — отношеніе, которое именно потому, что оно фактическое, и есть начало и послѣдняя, единственная цѣль всѣхъ вещныхъ правъ. Всѣ прочія вещныя права имѣютъ главнымъ предметомъ юридическое отношеніе къ вещи; но оно, какъ только мыслимое, не имѣетъ въ гражданскомъ общежитіи никакого значенія, безъ отношенія фактическаго, чувственнаго. Отсюда объясняется, почему главную, необходимую принадлежность основнаго вещнаго права, отъ котораго про-

(1) Въ 1839 году вышла брошюра Ганса, о которой мы упомянули выше. Возраженіе на нее писано Шафомъ. Даже въ 1840 году появилось сочиненіе о теоріи владѣнія.

исходятъ всѣ прочія — права собственности, составляетъ право владѣнія; безъ него первое не имѣетъ смысла.

Изъ значенія владѣнія въ системѣ вещныхъ правъ само собою объясняется, почему этотъ институтъ права былъ такъ тщательно обрабатываемъ Римскими юристами. Съ другой стороны, вполнѣ открывается необходимость правильнаго воззрѣнія на основное начало владѣнія.

Одно изъ существенныхъ отличій фактическаго отношенія къ вещи отъ отношенія юридическаго заключается въ томъ, что первое не имѣетъ само по себѣ никакихъ признаковъ своей справедливости, по которымъ государство могло бы въ одномъ случаѣ признавать его и защищать, въ другомъ не признавать и лишать защиты. Поэтому государство съ одной стороны не можетъ не признать и не защищать его, съ другой — не можетъ вполнѣ признать и защищать. Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Въ какой мѣрѣ признать и защищать владѣніе, и подъ какимъ условіемъ? Какое начало должно служить точкою отправленія при опредѣленіи этой мѣры и этого условія? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ крайне важно: отъ него зависитъ справедливость всѣхъ послѣдующихъ выводовъ, правильность разрѣшенія безчисленныхъ частныхъ случаевъ, встрѣчающихся безпрестанно въ жизни, словомъ — вся судебная практика, относящаяся ко владѣнію.

Не менѣе важно разрѣшеніе этихъ вопросовъ и для науки права. Какое мѣсто должно занимать ученіе о владѣніи въ области Права? Принадлежитъ

ли оно къ Общественному или Гражданскому Праву; а если къ Гражданскому, то должно ли оно быть отнесено къ правамъ вещнымъ или къ правамъ по обязательствамъ? Наконецъ, можетъ ли оно занимать какое либо мѣсто въ системѣ Права? Многіе отвергаютъ даже и послѣднее: чтобы въ этомъ удостовѣриться, стоитъ только взглянуть на общую систему нѣкоторыхъ учебниковъ Римскаго права (напр. Вениига-Ингенгейма).

Скажемъ въ заключеніе, что вопросъ объ основномъ началѣ владѣнія можетъ быть разсматриваемъ еще съ другой точки зрѣнія, которая, по справедливости, ставитъ его на-ряду съ важнѣйшими современными вопросами въ области Гражданскаго Права. Но есть ли владѣніе чисто историческое произведеніе Римской жизни, или оно само въ себѣ имѣетъ разумное основаніе; словомъ, важна ли исторія Римскаго владѣнія или нѣтъ? Предлагаемъ здѣсь этотъ вопросъ потому только, что онъ въ самомъ дѣлѣ предложенъ уже нѣсколько разъ, хотя и непрямо, какъ мы увидимъ ниже. Очевидно, вопросъ о владѣніи перестаетъ быть вопросомъ, относящимся исключительно къ одному Римскому праву.

Уже изъ немногаго, сказаннаго нами, открывается вся важность и высокая занимательность продолжительнаго спора Германскихъ ученыхъ о теоріи владѣнія, и вмѣстѣ объясняется живое участіе, которое принимали и принимаютъ въ немъ знаменитѣйшіе юристы. Мы постараемся представить этотъ споръ въ бѣгломъ очеркѣ и въ окончательныхъ результатахъ.

Первою теоріею владѣнія была, какъ мы видѣли, теорія Савиньи. Будучи въ одно и то же время и основателемъ (вмѣстѣ съ Гуго), и достойнѣйшимъ представителемъ историческаго направленія въ области Правовѣдѣнія, Савиньи и на ученіе о владѣніи смотрѣлъ съ чисто-положительной точки зрѣнія. Владѣніе съ одной стороны представляетъ фактическое, естественное отношеніе лица къ вещи (оно не юридическое отношеніе, какъ право собственности и другія вещныя права); съ другой стороны его характеръ личный, а не вещный (всякое владѣніе защищается, хотя бы оно было и несправедливое; далѣе, оно защищается только противъ того, кто его нарушилъ). Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, Савиньи утверждалъ, что владѣніе есть чистый фактъ, самъ по себѣ невходящій въ область Права; что основаніе его защиты лежитъ поэтому не въ немъ самомъ, а въ чемъ либо постороннемъ, а именно въ тѣсной связи владѣнія съ личностію владѣльца. Эта связь, говоритъ Савиньи, дѣлаетъ невозможнымъ нарушеніе перваго, безъ оскорбленія послѣдней. Но личность не должна быть оскорблена, слѣдовательно вмѣстѣ съ уничтоженіемъ оскорбленія личности чрезъ нарушеніе владѣнія, должно быть уничтожено и самое нарушеніе владѣнія, т. е. владѣніе должно быть возстановлено прежнему владѣльцу.

Первый, возставшій на его теорію, былъ знаменитый Гансъ, послѣдователь Гегеля, глава философско-юридической школы въ Германіи. Въ со-

чиненіи о системѣ Римскаго гражданскаго права (2), онъ поставилъ владѣніе передъ правомъ собственности, и открываетъ владѣніемъ систему вещныхъ правъ. Въ концѣ сочиненія, въ особомъ прибавленіи, онъ приводитъ доказательства, побудившія его къ такой классификаціи владѣнія; выставляетъ новую теорію, и сильными доводами опровергаетъ теорію Савиньи. Владѣніе, говоритъ Гансъ, не можетъ быть отнесено къ обязательствамъ, потому что въ немъ мы находимъ весьма многіе признаки вещныхъ отношеній. Оно должно напротивъ войти въ систему вещныхъ правъ, и занять между ними первое мѣсто, какъ отношеніе къ вещи *субъективное*, невозвысившееся до права собственности (отношенія *объективнаго*). Гражданинъ, говоритъ Гансъ, можетъ владѣть вещью или по своей и общей волѣ, или только по одной своей волѣ. Въ первомъ случаѣ онъ имѣетъ на вещь право собственности, во второмъ — владѣніе. Владѣніе должно быть защищаемо, какъ выраженіе индивидуальной воли гражданина; на этомъ же основаніи должно быть защищаемо и несправедливое владѣніе, потому что оно также есть выраженіе *индивидуальной* воли.

Отсюда видно, что Гансъ выставилъ новое начало юридическаго владѣнія, противоположное началу Савиньи. По теоріи Ганса, владѣніе есть вещное право, и потому должно быть защищаемо

(2) *Gans.* System des Römischen Privatrechts im Grundrisse. Berlin. 1827. стрр. 202—216.

не смотря на то, что оно ниже права собственности. Борьба началась и до сихъ поръ продолжается. Много новыхъ теорій появилось съ того времени, но всѣ онѣ, въ сущности, не разнятся отъ двухъ приведенныхъ нами теорій, Ганса и Савиньи. Однѣ безусловно принимаютъ, что владѣніе есть право; другія безусловно же, что оно фактъ. Смотря потому, которая теорія признаетъ владѣніе за право, и которая за фактъ, однѣ могутъ быть отнесены къ теоріи Савиньи, другія къ теоріи Ганса.

Теорія Савиньи нашла защитниковъ и продолжателей въ Рудорфѣ, Профессорѣ Московскаго Университета Морошкинѣ, Рау и Бетманъ-Гольвегѣ. Ихъ теоріи исходятъ изъ того начала, что владѣніе есть фактъ; но основаніе защиты этого факта они объясняютъ различно, и въ этомъ существенно отличаются отъ теоріи Савиньи.

Рудорфъ (3) основаніе защиты полагаетъ въ непарушимости общественнаго мира.

Г. Профессоръ Морошкинъ (4), какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, держится теоріи Рудорфа, и потому отнесенъ нами къ категоріи тѣхъ, которые развивали основное начало, принятое Савиньи. Но имъ оно развито болѣе, въ особенности подъ вліяніемъ новыхъ данныхъ, предоставляе-

(3) Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. 7 Bd. стрр. 90 — 114.

(4) Разсужденіе о владѣніи, по началамъ Россійскаго законодательства. Москва. 1838.

мыхъ Исторіею нашего отечественнаго законодательства.

Рау (5) полагаетъ, что основаніе защиты владѣнія лежитъ въ отвращеніи самоуправства. Слѣдовательно взглядъ его приближается нѣсколько къ мнѣнію Рудорфа.

Наконецъ теорія Бетманъ-Гольвега только въ нѣкоторыхъ частностяхъ отличается отъ теоріи Савиньи, и потому въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть названа отдѣльною теоріею.

Основное начало владѣнія, принятое и высказанное Гансомъ, было также сильно поддерживаемо многими Германскими учеными. Сюда относятся: Пухта (6), Таденъ (7), Гассе (8). Всѣ они, не смотря на большое различіе, нерѣдко даже противоположность ихъ мнѣній, согласны въ томъ, что владѣніе есть право, а не фактъ, а потому имѣетъ само въ себѣ основаніе защиты. Особенно замѣчательно сочиненіе Тадена. Онъ доходитъ до однихъ результатовъ съ Гансомъ, но другимъ путемъ. Выводы его основаны на фактахъ, почерпнутыхъ изъ ученія Римскихъ юристовъ о владѣніи, и потому сильны, убѣдительны — преимущества, которыхъ не имѣетъ изложеніе Ганса, выводящаго всю теорію владѣнія a priori. Поэтому-то изслѣдованія Тадена сильнѣе

---

(5) *Rauh.* Geschichte der Lehre vom Besitz. 1834.

(6) *Puchta* im Rheinischen Museum. 3 Bd. стрр. 289–308.

(7) *Thaden.* Ueber den Begriff des Römischen Interdictenbesitzes. 1833.

(8) *Hasse* (der jüngere) im Rheinischen Museum. 6 Bd. стр. 183 и слѣд.

теоріи Ганса опровергаютъ взглядъ знаменитаго Савиньи.

Въ 1835 году появилась новая теорія владѣнія — *Гушке* (9). Видя безуспѣшность всѣхъ попытокъ, разрѣшить вопросъ объ основномъ началѣ юридическаго владѣнія, на основаніи Римскаго ученія во времена Римскихъ юристовъ и Юстиніана (слѣдственно на основаніи догмы), Гушке обратился къ Исторіи, и происхожденіе института владѣнія приписываетъ Рамнамъ, одному изъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Рима. Этимъ онъ, быть можетъ, безсознательно высказываетъ мысль, что владѣніе есть чисто — Римскій институтъ права. Ему весьма правильно возражаетъ Савиньи (стр. 56 и слѣд.), что если институтъ владѣнія и обязанъ своимъ происхожденіемъ племени Рамновъ, то какимъ образомъ онъ могъ удержаться во время классическихъ юристовъ, когда это племя совершенно изгладилось изъ памяти народа Римскаго. Основаніе признанія и защиты владѣнія должно было быть совершенно практическое, а не историческое. Прибавимъ къ этому, что историческое объясненіе, какъ бы справедливо оно ни было, никогда не можетъ замѣнить теоріи, потому что не излагаетъ самаго существа предмета, а только слѣдитъ за ходомъ внѣшняго его развитія.

Итакъ въ наше время вопросъ о теоріи владѣнія остается неразрѣшеннымъ. Каждая теорія опровергала предъидущія, и въ свою очередь была

(9) *Huschke*. Zwei Abhandlungen etc. Смотр. Zweite Abhandlung: über die Stelle des Varro von den Liciniern. 1835.

опровергнута новыми. Трудно даже сказать, можетъ ли этотъ вопросъ когда либо рѣшиться окончательно, послѣ того, какъ труды столькихъ юрисповъ на этомъ поприщѣ остались всѣ болѣе или менѣе безуспѣшными.

Рѣшаясь высказать въ настоящей статьѣ и наше мнѣніе объ этомъ важномъ предметѣ, мы далеки отъ мысли создавать новую теорію. Изучая Римское юридическое владѣніе и теоріи владѣнія, намъ пришло нѣсколько мыслей и замѣчаній, не совсѣмъ сходныхъ съ тѣми, которыя сдѣланы были до сихъ поръ. Ихъ-то мы и высказываемъ здѣсь просвѣщеннымъ читателемъ, не имѣя претензій на полноту и стройность изложенія. Награда будетъ выше ожиданія, если эти замѣчанія хотя сколько нибудь будутъ содѣйствовать къ построенію новой, вѣрной, неопровержимой теоріи этого доселѣ загадочнаго, непонятнаго ученія въ области права.

§ 1.

Для избѣжанія мыслей неосновапныхъ на фактахъ, и потому необъясняющихъ сущности владѣнія, мы обратимся прямо къ фактамъ, и изъ нихъ постараемся извлечь основное начало владѣнія.

Что есть владѣніе по Римскому Праву, фактъ или право?

Примѣч. Мы говоримъ: *по Римскому Праву* потому, что сущность владѣнія мы теперь не разсматриваемъ. Она должна составишь предметъ отдѣльнаго изслѣдованія (см. ниже). Итакъ вопросъ касается только значенія владѣнія въ положительномъ правѣ.

Мы думаемъ, что *владѣніе, по Римскому Праву, есть право, а не фактъ.* Это мнѣніе основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ.

1. Если бы Римское Право смотрѣло на владѣніе какъ на фактъ, то оно не дало бы ему судебной защиты, ни другихъ юридическихъ послѣдствій, а потому владѣніе не могло бы войти въ кодексы какъ отдѣльный институтъ права. Далѣе, владѣніе не могло бы переходить въ право (собственности).

Напротивъ того мы видимъ, что Римское Право защищаетъ владѣніе; что владѣніе составляетъ въ немъ рѣзко и точно отдѣленный отъ другихъ институтъ гражданскаго права; наконецъ, что Римское Право принимаетъ переходъ владѣнія въ право собственности.

Примѣч. Савиньи не допускаетъ перехода владѣнія въ право собственности, но думаетъ, что владѣніе составляетъ такое же условіе пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, какъ время, res habilis, justus titulus и др.; что слѣдовательно владѣніе не переходитъ въ собственность, а собственность образуется изъ различныхъ условій, составляющихъ въ совокупности способъ ея пріобрѣтенія посредствомъ давности. Это мнѣніе несправедливо. Между многими условіями способа пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, владѣніе есть основное, коренное условіе; другими словами, для того, чтобы владѣніе могло перейти въ собственность, законодательство требуетъ, чтобы оно продолжалось извѣстное время (tempus); чтобы предметомъ его была извѣстнаго

рода вещь (res habilis) и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что владѣніе не можетъ почитаться такимъ же условіемъ пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, каковы время, bona fides и т. д.; что напротивъ всѣ условія клонятся къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ переходъ владѣнія въ право собственности. Замѣтимъ еще, что когда переходъ владѣнія въ право собственности уже совершился, всѣ условія, кромѣ одного владѣнія, теряютъ свою отдѣльность и самостоятельность, какъ преходящія.

2. Если бы Римское Право принимало владѣніе за фактъ, то оно и не отдѣляло бы факта владѣнія отъ того, что оно признаетъ за владѣніе: владѣніе на самомъ дѣлѣ и владѣніе по признанію законодательства непремѣнно бы совпадали. Поэтому Римское Право не дѣлало бы различія между лицами владѣющими, между предметами владѣнія, наконецъ между самыми владѣніями. Но мы видимъ напротивъ, что Римское Право не всѣхъ владѣющихъ признаетъ за юридическихъ владѣльцевъ; далѣе, не всѣ вещи признаетъ за предметъ юридическаго владѣнія; наконецъ не всякое владѣніе признаетъ за юридическое. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ послѣдняго служитъ владѣніе посредствомъ представителя (10).

3. Наконецъ, если бы по Римскому законодательству владѣніе не было право, то какимъ образомъ могъ бы владѣлецъ возвратить себѣ владѣ-

(10) См. Тадена.

ніе, насильственно отнятое у него другимъ? Какъ объяснить существованіе interdictorum recuperandae possessionis? Если владѣніе юридическое не отдѣляется отъ факта владѣнія, и есть фактъ, то право интердикта не можетъ оставаться у владѣльца послѣ того, какъ у него отнято владѣніе, а должно перейти къ новому владѣльцу; другими словами, интердиктъ recuperandae possessionis не будетъ имѣть смысла (11).

§ 2.

Итакъ Римское законодательство признаетъ владѣніе за право. Но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы оно само въ себѣ было право, а не фактъ. Возникаетъ новый вопросъ: *что есть владѣніе само въ себѣ, фактъ или право?* Другими словами, *на какомъ основаніи Римское законодательство признаетъ владѣніе за право?*

Всѣ доселѣ извѣстныя теоріи владѣнія дѣлятся на два разряда. Одни принимаютъ владѣніе за фактъ, и потому основаніе защиты владѣнія положительнымъ законодательствомъ ищутъ не въ немъ самомъ. Такъ Савинья старается найти его въ нарушеніи личности, неразрывно связанной съ нарушеніемъ владѣнія; Рудорфъ въ нарушеніи общественнаго мира.

Другіе, между которыми первое мѣсто занимаетъ Гансъ, признаютъ владѣніе за право; а потому основаніе защиты его въ государствѣ находятъ въ самомъ владѣніи.

---

(11) Тадеи стр. 22.

Главная ошибка Савиньи состоитъ въ томъ, что онъ почитаетъ невозможнымъ нарушеніе владѣнія, безъ нарушенія личности владѣльца. Если бы это было дѣйствительно такъ, то его теорія была бы неопровержима.

Противное доказываютъ слѣдующіе факты:

a) Владѣніе движимою вещью считалось по Римскому Праву нарушеннымъ, когда другое лице завладѣло ею тайно (12).

b) Владѣніе считалось насильственно нарушеннымъ, когда кто либо дѣлалъ для владѣльца невозможнымъ продолженіе владѣнія (13). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, владѣніе нарушалось, безъ нарушенія личности владѣльца, и было защищаемо. Слѣдовательно основаніе защиты владѣнія не лежало въ одномъ нарушеніи личности, по крайней мѣрѣ было и другое основаніе.

Рудорфъ выставляетъ неправильное основаніе защиты владѣнія, потому что изъ него нельзя объяснить:

a) Почему защищается владѣніе нарушенное clam (тайно) и чрезъ невозвращеніе precario: при такомъ нарушеніи не происходитъ нарушенія общественнаго мира (14).

---

(12) Въ послѣдствіи, во времена Папиніана, Ульпіана и Павла, это положеніе потеряло свою силу.

(13) *Savigny*. Recht des Besitges. 6 изд. стр. 515: „*atrox vis*..... bezeichnet nicht etwa eine besonders grobe Gewaltthatigkeit, wie z. B. Misshandlung . . . . , sondern nur eine solche Gewalt, wodurch die Fortsetzung des Besitzes unmöglich gemacht wird.“ Срави. тамъ же прим. 3.

(14) Тамъ же стр. 50.

b) Почему нарушившій имѣетъ exceptio противъ владѣльца, когда послѣдній самъ пріобрѣлъ отъ него владѣніе тою же вещью чрезъ нарушеніе: фактъ нарушенія общественнаго мира, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ несомнѣненъ. Такое защищеніе владѣльца въ одномъ случаѣ, и незащищеніе въ другомъ, изъ теоріи Рудорфа необъяснимо.

c) Почему владѣніе возстановляется не иначе, какъ по просьбѣ владѣльца, котораго владѣніе нарушено: молчаніе владѣльца не измѣняетъ факта нарушенія общественнаго мира.

Гансъ не дѣлаетъ никакого различія между справедливою и несправедливою *индивидуальною* волею, выражающеюся во владѣніи. И та, и другая должна быть защищаема. Но отъ чего же она не защищается, когда владѣлецъ самъ чрезъ нарушеніе пріобрѣлъ отъ нарушителя владѣніе этою вещью? Впрочемъ мы будемъ имѣть случай поговорить подробнѣе объ этой теоріи, весьма замѣчательной и вѣрной во многихъ отношеніяхъ (15).

§ 3.

Итакъ теоріи Савиньи, Рудорфа и Ганса (онѣ главнѣйшія; прочія суть только видоизмѣненія Савиньи и Ганса) односторонни, а потому и недостаточны. Но каждая привнесла собою новый, въ извѣстномъ отношеніи, вѣрный взглядъ на владѣніе. Мы постараемся въ послѣдствіи развить и доказать то и другое.

---

(15) Полное и подробное опроверженіе главнѣйшихъ теорій владѣнія не входитъ въ планъ этой статьи. Поэтому мы сочли за нужное ограничиться указаніемъ на ихъ односторонность.

Что есть владѣніе? фактическое обладаніе человѣка вещью, съ желаніемъ ее себѣ усвоить. Поэтому во владѣніи представляется намъ: 1) лице, которое владѣетъ; 2) вещь, находящаяся во владѣніи; наконецъ 3) фактическое отношеніе лица къ вещи, съ желаніемъ усвоить. Юридическое значеніе владѣнія должно быть раскрыто въ послѣдующемъ изложеніи.

Государство, какъ высшая ступень идеи права, представляетъ вмѣстѣ и полное, цѣлостное ея осуществленіе. Это осуществленіе права выражается въ томъ, что всѣ юридическія отношенія, начиная отъ самыхъ отвлеченныхъ, каково владѣніе, до самыхъ полныхъ, *конкретныхъ*, союза семейственнаго и гражданскаго, — всѣ признаются въ государствѣ, охраняются имъ и защищаются противъ нарушеній.

Мы сказали, что владѣніе признается и защищается государствомъ противъ нарушеній; но *для* того, чтобы быть признаваемымъ и защищаемымъ, оно само не должно быть нарушеніемъ владѣнія, должно быть *справедливое*; другими словами, оно не должно быть отношеніемъ къ такой вещи, которою владѣлъ другой, и которая пріобрѣтена отъ него противъ его воли. Иначе, защищая владѣнія одного, государство нарушало бы владѣніе другаго.

Но какъ узнать, когда владѣніе есть *справедливое* и когда *несправедливое*, т. е. нарушающее справедливое владѣніе другаго?

Очевидно, что критеріемъ не можетъ служить: 1) ни само владѣніе (оно, какъ отношеніе фактиче-

ское, всегда одинаково), 2) ни результатъ владѣнія — видъ вещи, налагаемый на нее владѣльцемъ (вещи только случайно, а не необходимо носятъ на себѣ отпечатокъ своего владѣльца; да и сверхъ того по такому виду не всегда можно заключать о настоящемъ владѣльцѣ, потому что воля хозяина, желаніе владѣть вещью можетъ перемѣниться, а вещь, не смотря на то, носитъ на себѣ отпечатокъ воздѣйствія прежняго ея обладателя).

Ищакъ критерій справедливости владѣнія долженъ заключаться въ чемъ либо другомъ. Онъ долженъ быть постоянный, необходимый, наглядный для того, чтобы государство несомнѣнно и безошибочно могло судить по немъ о справедливости или несправедливости владѣнія. Такой критерій имѣетъ государство только въ способахъ пріобрѣтенія (justi modi acquirendi). Они имъ установлены и служатъ тою видимою, внѣшнею оболочкою, въ которой человѣкъ выражаетъ свою волю, вступая во владѣніе вещью. Только въ этомъ случаѣ государство признаетъ справедливость владѣнія, его такъ сказать освящаетъ и охраняетъ противъ притязаній другихъ лицъ. *Справедливость владѣнія, признанная* такимъ образомъ *государствомъ, и есть то, что мы называемъ правомъ собственности.*

Но какъ бы ни были просты способы пріобрѣтенія установленныя государствомъ, какъ бы ни были они легки и удобны для употребленія, все же не престанутъ существовать въ государствѣ отношенія человѣка къ вещи, съ желаніемъ усвоить, сами по себѣ справедливыя, непарушающія владѣнія

другихъ, но неимѣющія того видимаго критерія своей справедливости, т. е. владѣніе, непріобрѣтенное посредствомъ способовъ, установленныхъ государствомъ. Можетъ ли государство оставить такое владѣніе безъ защиты, и отвергнуть какъ несправедливое? Очевидно нѣтъ. Въ противномъ случаѣ, государство признало бы справедливое за несправедливое, что не возможно. Но съ другой стороны, оно не можетъ признать справедливости такого владѣнія, потому что ему недостаетъ внѣшняго признака его справедливости, такъ что оно не можетъ быть отличено государствомъ отъ владѣнія несправедливаго. Здѣсь представляется государству вопросъ весьма затруднительный: какимъ образомъ признать справедливое владѣніе, не признавши его справедливости? Рѣшая этотъ вопросъ, государство избираетъ средину между совершеннымъ отрицаніемъ справедливости владѣнія и полнымъ ея признаніемъ: *оно признаетъ и защищаетъ владѣніе, не признавая* (но и не отвергая) *и не охраняя его справедливости.* Въ этомъ признаніи владѣнія, безъ нарушенія его справедливости, и заключается коренное начало юридическаго владѣнія (possessio).

§ 4.

Итакъ юридическое владѣніе, по своему основному началу, есть владѣніе само въ себѣ справедливое, которое поэтому признается и защищается государствомъ; но его справедливость не имѣетъ видимости, наглядности для государства, и поэтому въ то же время имъ не признается.

Выведемъ теперь результаты изслѣдованія объ основномъ началѣ права собственности и юридическаго владѣнія.

1) Право собственности и юридическое владѣніе суть только двѣ различныя формы признанія и освященія въ государствѣ одного и того же полнаго, всецѣлаго обладанія человѣка надъ вещью.

2) Въ развитіи вещныхъ правъ, право собственности должно предшествовать юридическому владѣнію, что мы и видимъ въ Исторіи Римскаго Права.

3) Дѣленіе полнаго отношенія человѣка къ вещи, на право собственности и на юридическое владѣніе, не есть философское, потому что не лежитъ въ самой сущности этого отношенія человѣка къ вещи, но внѣ его — въ признаніи его государствомъ. Показать необходимую причину и значеніе этого дѣленія есть поэтому задача Теоріи, а не Философіи права.

4) На вопросъ, что есть владѣніе само въ себѣ, фактъ или право, мы можемъ теперь отвѣчать несомнѣнно, что оно есть право; потому что владѣніе, какъ мы видѣли, есть, въ основномъ своемъ началѣ, справедливое отношеніе лица къ вещи, признанное государствомъ.

§ 5.

Разсмотримъ теперь юридическія положенія о нарушеніи и защитѣ владѣнія, и права собственности. Онѣ прямо вытекаютъ изъ основныхъ началъ того и другаго.

A.

Юридическія положенія о нарушеніи и защитѣ владѣнія.

Признаніе владѣнія, безъ признанія его справедливости, выражается въ томъ, что государство защищаетъ его, т. е. нарушенное возстановляетъ владѣльцу.

a) *О нарушеніи.* Нарушить фактическое отношеніе къ вещи, обладаніе ею, можно только такимъ же обладаніемъ тою же вещью противъ воли владѣльца. *Для того, чтобы стать въ такое съ нею отношеніе, необходимо фактическое завладѣніе.* Итакъ *нарушеніе владѣнія заключается въ фактическомъ завладѣніи вещью, которою владѣетъ другой.* Съ такимъ нарушеніемъ можетъ быть связано нарушеніе личности владѣльца; но это не необходимо, слѣдовательно можетъ быть и не быть. Поэтому несправедливо утверждаетъ Савинья, что всякое нарушеніе владѣнія есть вмѣстѣ нарушеніе личности владѣльца.

b) *О защитѣ.* У Римлянъ владѣніе защищалось посредствомъ *интердикта* (16), или становилось предметомъ судебнаго изслѣдованія въ *интердиктномъ* процессѣ, въ которомъ *формулою* былъ самый интердиктъ. Главныя свойства интердиктнаго процесса заключаются въ слѣдующемъ:

α) Интердиктный процессъ не изслѣдовалъ основанія, по которому кто либо владѣетъ, по толь-

(16) Преторское приказаніе что либо дѣлать или не дѣлать.

ко — было ли владѣніе или пѣтъ (фактъ владѣнія, но не въ противоположность праву). Если окажется, что истецъ владѣлъ, то государство принуждаетъ отвѣтчика возвратить владѣемую вещь. Это положеніе вытекаетъ изъ основнаго начала владѣнія: государство признаетъ и защищаетъ *владѣніе*, а не его *справедливость*. Объ justa causa въ интердиктномъ процессѣ не можетъ быть и рѣчи.

β) Интердиктъ, по своему существу, есть *личный*, т. е. имѣетъ дѣйствіе только противъ нарушителя, а не противъ третьяго лица (17). Этотъ личный характеръ интердикта прямо вытекаетъ изъ основнаго начала юридическаго владѣнія. Мы видѣли выше, что государство признаетъ владѣніе какъ отношеніе лица къ вещи. Это признаніе владѣнія одного влечетъ за собою непризнаніе владѣнія тою же вещью другаго, *когда это владѣніе пріобрѣтено противъ воли владѣльца, словомъ — нарушено.* Почему же, спрашивается, такое ограниченіе непризнанія? Почему всякое другое владѣніе тою же вещью, кромѣ означеннаго, не подверглось равному съ нимъ непризнанію? Причина заключается въ слѣдующемъ:

Государство, признавая владѣніе только какъ *владѣніе*, а не какъ владѣніе *справедливое*, основывается на недостаткѣ внѣшнихъ признаковъ внутренней его справедливости. Поэтому-то оно смотритъ на владѣніе, какъ на такое отношеніе къ

(17) Это смыслъ краткихъ словъ Ульпіана: „interdicta omnia, licet in rem videantur concepta, vi tamen ipsa personalia sunt.“ (L. I. §. 3. D. de interd.).

вещи, котораго внутреннее существо ему вовсе неизвѣстно.

Но съ другой стороны мы знаемъ, что внутренняя справедливость владѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ, хотя и не высказавшаяся ни въ какихъ внѣшнихъ формахъ, побудила государство установить институтъ юридическаго владѣнія.

Изъ соображенія взгляда государства на юридическое владѣніе, и поводовъ его установленія, открывается само собою, что государство, не почитая прямо владѣніе извѣстнаго лица за справедливое, предполагаетъ однако же его справедливость, пока не будетъ доказано противное. Отсюда слѣдуетъ, что нарушившій это владѣніе владѣетъ вещью несправедливо. Такимъ образомъ представляются намъ здѣсь два владѣнія: одно справедливое и нарушенное; другое существующее, несправедливое. Но такое понятіе о справедливости и несправедливости владѣнія есть только *относительное*. Одно владѣніе предполагается какъ справедливое; другое, въ отношеніи только къ первому, есть несправедливое, но въ отношеніи къ другому оно, въ свою очередь, предполагается какъ справедливое и т. д.

Если это такъ, т. е. если понятіе о справедливости и несправедливости владѣнія есть относительное, то вопросъ о личномъ характерѣ интердикта рѣшенъ.

Уничтожить владѣніе одного для того, чтобы возстановить владѣніе другаго, можно только, когда одно лице владѣетъ справедливо, а другое

несправедливо. Но справедливо и несправедливо владѣніе только между двумя лицами: нарушителемъ и тѣмъ, чье владѣніе нарушено. Поэтому только владѣніе нарушителя можетъ и должно быть уничтожено и возстановлено владѣніе прежняго владѣльца; поэтому, далѣе, не уничтожается владѣніе третьяго лица въ пользу того, чье владѣніе нарушено другимъ.

Объяснимъ сказанное примѣромъ.

А владѣетъ вещью. Владѣніе его нарушаетъ В и передаетъ С.

Что А можетъ, посредствомъ интердикта, требовать отъ В или возстановленія владѣнія, или полнаго вознагражденія (cum omni causa) — это не требуетъ ни доказательствъ, ни объясненія.

Но положимъ, что А обратится съ интердиктомъ противъ С.

Здѣсь представляются намъ: съ одной стороны А, котораго владѣніе предполагалось справедливымъ и нарушено В; съ другой стороны С, которому В уступилъ владѣніе вещью, находившеюся во владѣніи А, и отнятую В у послѣдняго. Владѣніе С предполагается тоже справедливымъ, и даже въ отношеніи къ владѣнію А; потому что не С его нарушилъ, а В. Такимъ образомъ оба, и А, и С, имѣютъ равныя притязанія на вещь. Какъ же рѣшить, кому именно принадлежитъ владѣніе? Очевидно, должно будетъ обратиться къ основанію владѣнія — къ праву на вещь; изслѣдованіе же о правѣ относится къ процессу о правѣ, а не о фактѣ владѣнія.

γ) *Дѣйствіе интердикта* и необходимое слѣдствіе процесса о владѣніи есть *фактическое уничтоженіе фактическаго нарушенія — возстановленіе владѣнія прежнему владѣльцу*. Мы видѣли, что владѣніе можетъ быть нарушено только фактически; поэтому и возстановленіе его не можетъ быть другое, какъ фактическое, равное нарушенію.

Теперь перейдемъ къ праву собственности.

B.

Юридическія положенія объ оспориваніи и охраненіи права собственности.

Основное начало права собственности извѣстно: оно *есть признанная* государствомъ *справедливость владѣнія.*

Признаніе справедливости владѣнія (18) выражается въ томъ, что государство охраняетъ ее,

---

(18) Право собственности, какъ мы увидимъ ниже, кромѣ признанія справедливости владѣнія, есть вмѣстѣ и признаніе самаго владѣнія. Эту другую сторону права собственности мы опускаемъ здѣсь по слѣдующимъ причинамъ: 1) она, будучи разсматриваема отдѣльно, есть то же самое владѣніе; 2) какъ часть собственности, она имѣетъ большое сходство съ юридическимъ владѣніемъ, и слѣдовательно, разсматриваемая здѣсь, не дала бы возможности провести точныя и рѣзкія границы между правомъ собственности и владѣніемъ; но какъ сторона второстепенная въ правѣ собственности, владѣніе, связанное съ нимъ, не привноситъ ничего къ его основному началу и къ его юридическимъ послѣдствіямъ, а потому можетъ быть опущено, не вредя правильному взгляду на право собственности и на его отношеніе ко владѣнію. Наконецъ 3) отношеніе владѣнія къ праву собственности будетъ ниже разсмотрѣно нами особливо.

т. е. не дозволяетъ никому самопроизвольно присвоять ее себѣ.

a) *Объ оспориваніи.* Нарушить справедливость владѣнія, право собственности, очевидно не возможно. Поэтому, собственно говоря, нарушенія права собственности нѣтъ и быть не можетъ. Оно, какъ право, можетъ быть только *оспариваемо* (разумѣя подъ этимъ словомъ и *отрицаніе* права собственности другаго, и присвоеніе его себѣ). Это оспариваніе, въ ученіи о правѣ собственности, совершенно соотвѣтствуетъ *нарушенію*, въ ученіи о владѣніи.

b) *Объ охраненіи.* У Римлянъ для охраненія права собственности были особливые иски, rei vindicatio и actio publiciana, по которымъ производился процессъ о правѣ собственности. Главныя, отличительныя свойства исковъ и процесса о правѣ собственности суть слѣдующія:

α) *Предметъ изслѣдованія въ процессѣ о правѣ собственности* не есть владѣніе, но *юридическое основаніе* этого *владѣнія*, *справедливость его.* Это потому, что основное начало права собственности есть признанная государствомъ *справедливость* владѣнія. Въ процессѣ о владѣніи изслѣдуется только, было ли владѣніе.

β) *Искъ о правѣ* собственности на извѣстную вещь *можетъ быть вчиненъ противъ всякого, кто присволяетъ себѣ такое же право на ту же вещь.* Основаніе этого положенія есть *абсолютная* (а не относительная, какъ во владѣніи) *справедливость*, составляющая коренное начало права собственно-

сти. Государство, признавши *справедливость* владѣнія извѣстнаго лица извѣстною вещью, признаетъ ее вообще, въ отношеніи ко всѣмъ гражданамъ. Поэтому, кромѣ самого хозяина, никто не можетъ быть хозяиномъ той же вещи. Итакъ *искъ о правѣ собственности есть вещный.* Интердиктъ, какъ мы уже видѣли, носитъ на себѣ напротивъ *личный* характеръ.

γ) Наконецъ, *дѣйствіе иска о правѣ собственности*, и необходимое слѣдствіе процесса объ этомъ правѣ, *есть утвержденіе и признаніе оспориваемаго права собственности за хозяиномъ вещи.* Если сравнимъ *это дѣйствіе процесса о правѣ собственности* съ дѣйствіемъ интердикта, то увидимъ, что оно совершенно *соотвѣтствуетъ фактическому возстановленію владѣнія.* Какъ то, такъ и другое дѣйствіе прямо и непосредственно вытекаетъ изъ основнаго начала права собственности и владѣнія, и столько же различны между собою, сколько различны эти двѣ формы признанія полныхъ вещныхъ отношеній въ государствѣ.

§ 6.

Теперь остается намъ, на основаніи сказаннаго, разрѣшить нѣкоторые частные вопросы, которые не могли быть разрѣшены прежде, и по необходимости опущены были нами изъ виду.

Первый вопросъ. Какое основаніе защиты несправедливаго владѣнія, т. е. владѣнія, нарушающаго владѣнія справедливое?

Выше мы видѣли, что государство иногда не можетъ признать владѣніе за справедливое, потому

что ему недостаетъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ государство могло бы безошибочно признать его справедливость. Но оно не можетъ также безусловно опвергнуть его, какъ несправедливое, потому что такое владѣніе можетъ быть въ существѣ своемъ справедливо. Поэтому государство избираетъ средину между признаніемъ справедливости владѣнія и совершеннымъ его отрицаніемъ: оно признаетъ и защищаетъ владѣніе, какъ владѣніе, а не какъ владѣніе справедливое.

Отсюда слѣдуетъ, что признаніе владѣнія, каково бы оно впрочемъ ни было, прямо свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи, можетъ быть и безсознательномъ, въ томъ, что владѣніе, хотя бы и не имѣло внѣшнихъ признаковъ справедливости, само въ себѣ однако справедливо.

Такое убѣжденіе для насъ весьма важно. Оно показываетъ, что государство смотритъ на владѣніе, какъ на справедливое отношеніе къ вещи, и только по необходимости не признаетъ этой справедливости; словомъ, государство проникаетъ въ сущность владѣнія.

Дѣйствительно, владѣніе есть справедливое отношеніе къ вещи, не смотря на то, что эта справедливость не имѣетъ очевидности для государства. Но оно бываетъ такимъ только тогда, когда не нарушаетъ владѣнія другихъ лицъ тою же вещью; въ противномъ же случаѣ оно не справедливо.

Несправедливое владѣніе очевидно не имѣетъ и не можетъ имѣть въ свою пользу того убѣжденія

государства, которое побудило его изыскивать особливыя средства для признанія и защищенія владѣнія справедливаго. На него смотритъ государство, какъ на фактъ, неимѣющій никакого значенія въ области Права; а поэтому съ одной стороны несправедливое владѣніе всегда должно уступать владѣнію справедливому; съ другой — не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій, слѣдовательно не можетъ быть нарушено, а потому не можетъ быть и защищаемо государствомъ.

Примѣч. При построеніи своей теоріи, Савинью обратилъ всё вниманіе на несправедливое владѣніе; но онъ не раздѣлилъ владѣнія на справедливое и несправедливое (два вида, на которые оно необходимо распадается въ государствѣ), и потому всѣ свойства несправедливаго владѣнія по необходимости долженъ былъ приписать всякому владѣнію вообще, а слѣдовательно и справедливому. Такъ онъ говоритъ, что владѣніе есть чистый фактъ, неимѣющій никакого значенія въ области Права. Вообще сказанное имъ о существѣ владѣнія совершенно вѣрно и правильно въ отношеніи къ несправедливому владѣнію. При такомъ взглядѣ, онъ необходимо долженъ былъ искать основанія защиты владѣнія въ чемъ либо внѣшнемъ, а не въ немъ самомъ, что также совершенно правильно, если приложимъ къ несправедливому владѣнію: несправедливое владѣніе не имѣетъ въ себѣ основанія защиты, слѣдовательно это основаніе должно заключаться въ чемъ либо внѣшнемъ.

Отъ чего же, не смотря на такое свойство несправедливаго владѣнія, оно, по признанію законо-

дательства, можетъ быть нарушено, и защищается наравнѣ съ справедливымъ? Какъ объяснить это явленіе?

На основаніи сказаннаго, этотъ вопросъ рѣшается легко. Мы видѣли, что владѣнія, само въ себѣ справедливое и несправедливое, не различаются, если не имѣютъ какихъ либо внѣшнихъ признаковъ. По этой только причинѣ не могла быть признана въ государствѣ справедливость въ самомъ себѣ справедливаго владѣнія. Поэтому-то далѣе, владѣніе несправедливое, не смотря на то, что оно не имѣетъ никакого значенія въ области Права, признаётся и защищается государствомъ наравнѣ съ справедливымъ.

Итакъ причина защиты владѣнія несправедливаго заключается въ томъ, что владѣніе само по себѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого критерія своей справедливости. Онъ лежитъ или въ сознаніи владѣльца, или того, чье владѣніе нарушено; слѣдовательно есть внутренній, невидимый и потому какъ бы несуществующій для государства. Поэтому владѣніе справедливое и несправедливое не имѣетъ никакого различія для государства. Отсюда происходитъ, что оно защищаетъ какъ то, такъ и другое.

Примѣч. 1. Для того, чтобы получить правильное воззрѣніе на владѣніе, необходимо должно различать основаніе, побудившее государство признать владѣніе, отъ послѣдствій такого признанія. Основаніемъ была внутренняя справедливость владѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ; послѣдствіемъ—при-

знаніе и защита справедливаго владѣнія. Причина этого послѣдствія не логическая, а фактическая: невозможность отличить владѣніе справедливое отъ несправедливаго. Замѣтимъ еще, что если бы не было этой причины, не было бы и отдѣльнаго института владѣнія.

Примѣч. 2. Основаніе защиты несправедливаго владѣнія не есть *внутреннее*, заключающееся въ самомъ несправедливомъ владѣніи, *а внѣшнее: невозможность для государства отличить его отъ владѣнія справедливаго.* Скрываясь подъ одною внѣшнею оболочкою съ справедливымъ владѣніемъ, оно присвоило себѣ всѣ его юридическія послѣдствія, и получило, такъ сказать, право гражданства въ системѣ законодательства. Римскіе юристы не отличали его отъ владѣнія справедливаго. Это и не удивительно: они имѣли въ виду одну практическую сторону права, а потому для нихъ было вовсе не нужно дѣленіе владѣнія на справедливое и несправедливое,— дѣленіе, которое не имѣло никакого приложенія въ практикѣ, гдѣ онѣ не отдѣлялись, да и не могли отдѣляться другъ отъ друга. Но теперь, когда чувствуется потребность возвести положительное ученіе къ его теоретическимъ началамъ, отдѣленіе владѣнія справедливаго отъ несправедливаго совершенно необходимо. Не смотря на то, всѣ приступали къ построенію теоріи владѣнія съ готовою мыслью, что владѣніе всегда одинаково, будетъ ли оно справедливое или несправедливое; что это различіе не существенно, и потому не должно быть принимаемо въ соображеніе при построеніи теоріи. Это дѣленіе дѣйствительно не будетъ имѣть смы-

сла, если мы взглянемъ на владѣніе отвлеченно: отвлеченное воззрѣніе не допускаетъ различія между справедливымъ и несправедливымъ; то и другое понятіе появляется только съ общежитіемъ, со вступленіемъ людей во взаимныя отношенія, слѣдовательно въ гражданскомъ обществѣ, въ государствѣ. Но мы не можемъ смотрѣть на владѣніе отвлеченно: такое воззрѣніе есть философское, а потому относится къ Философіи Права. Наше дѣло напротивъ состоитъ въ разсмотрѣніи юридическаго значенія владѣнія, слѣдовательно мы должны изслѣдовать его въ томъ видѣ, какъ оно является въ государствѣ. Ставши на эту точку зрѣнія, мы необходимо должны будемъ различить владѣніе справедливое отъ несправедливаго. Опущеніе изъ виду этого раздѣленія владѣнія въ государствѣ повлекло за собою другую ошибку: стали искать одного начала для объясненія защиты и справедливаго, и несправедливаго владѣнія. Удивительно ли, что всѣ попытки оказались безуспѣшными?

Примѣч. 3. Необходимость найти основаніе защиты несправедливаго владѣнія вовлекла Савиньи и Ганса въ двѣ противоположныя, равно несправедливыя крайности. Савиньи говоритъ, что вообще владѣніе (безъ различія справедливаго отъ несправедливаго) есть фактъ; Гансъ — что оно право. Савиньи, сообразно съ своимъ взглядомъ, не могъ искать причины защиты владѣнія въ самомъ владѣніи. Онъ ее искалъ поэтому въ чемъ либо постороннемъ, внѣшнемъ, имѣющемъ связь съ институтомъ владѣнія, и думалъ найти въ личности владѣльца, которая имѣетъ къ владѣнію самое

близкое отношеніе. Нарушеніе личности, необходимо связанное, по его мнѣнію, съ нарушеніемъ владѣнія, есть единственная причина защиты владѣнія. Исходя изъ этого ложнаго начала, онъ по необходимости долженъ былъ исказить нѣкоторыя юридическія положенія изъ ученія о владѣніи, напр. разширить понятіе о *vis* на всѣ возможные виды нарушенія владѣнія; совершенно превратно толковать основаніе интердикта *ut rubi* (по Римскому Праву до временъ Юстиніана). Такое неправильное, можно сказать пристрастное толкованіе нѣкоторыхъ положеній, относящихся ко владѣнію, было выставлено на видъ и опровергнуто Гансомъ. Теорія Савиньи рушилась, и мѣсто ея заступила новая, противоположная первой, но столько же пристрастная и односторонняя теорія Ганса. Гансъ, въ противоположность Савиньи, утверждаетъ, что владѣніе есть право, т. е. въ самомъ себѣ заключаетъ основаніе защиты всѣхъ юридическихъ послѣдствій, и вотъ великая заслуга, оказанная имъ наукѣ Права. Онъ первый открылъ и высказалъ истинное основаніе признанія и защиты владѣнія. Но какъ Савиньи на владѣніе вообще перенесъ всѣ свойства несправедливаго владѣнія, такъ Гансъ, наоборотъ, всѣ свойства справедливаго владѣнія приписалъ владѣнію вообще, а слѣдовательно и несправедливому. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ признать, что владѣніе несправедливое есть такое же право, какъ и владѣніе справедливое; что оно поэтому имѣетъ внутреннее основаніе защиты: мысль, заключающая въ себѣ явный парадоксъ, не смотря на всю увлекательность, съ которою она

изложена, и послѣдовательность, съ которою выведена. Ею вносится въ область положительнаго Права начала ложное, разрушительное, которое, въ конечныхъ своихъ послѣдствіяхъ, отрицаетъ всякое право. Но кромѣ внутренняго противорѣчія, скрытаго въ этой мысли, ее опровергаютъ, какъ мы видѣли, положенія Римскаго ученія о владѣніи. Такъ обѣ теоріи выставляютъ совершенно вѣрныя начала. Савиньи первый открылъ значеніе несправедливаго владѣнія въ области Права; Гансъ — первый основаніе и значеніе справедливаго. Односторонность ихъ заключается въ стремленіи сдѣлать одно изъ этихъ началъ единственнымъ началомъ какъ справедливаго, такъ и несправедливаго владѣнія.

Мы сказали, что государство признаетъ и защищаетъ несправедливое владѣніе потому только, что послѣднее не различается отъ владѣнія справедливаго. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія служатъ exceptiones, ослабляющія дѣйствіе интердикта въ пользу отвѣтчика. Если отвѣтчикъ могъ доказать, что самъ истецъ прежде пріобрѣлъ отъ него владѣніе тою же самою вещью несправедливо (vi, clam, precario), то онъ освобождался отъ обязанности возстановить владѣніе истцу. Эти exceptiones очевидно доказываютъ: 1) что не нарушеніе личности есть основаніе защиты владѣнія, потому что даже тотъ, кто пріобрѣлъ владѣніе vi, имѣлъ въ показанномъ случаѣ exceptio (противъ Савиньи); 2) что когда возможно, государство дѣлаетъ различіе между

владѣніемъ справедливымъ и несправедливымъ, и отказываетъ послѣднему въ защитѣ.

Второй вопросъ. Въ какомъ отношеніи находится владѣніе къ праву собственности?

Это отношеніе можетъ быть двоякаго рода: владѣніе 1) или является какъ составная часть права собственности, или 2) оно является въ коллизіи съ правомъ собственности.

I. *Владѣніе, какъ составная часть права собственности.*

Выше мы замѣтили, что государство въ извѣстныхъ случаяхъ признаетъ справедливость владѣнія, и охраняетъ ее отъ притязаній другихъ лицъ. Это признаніе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) кромѣ признанія справедливости владѣнія, оно заключаетъ въ себѣ сверхъ того и признаніе самого владѣнія (19). Слѣдовательно въ признаніи права собственности извѣстнаго лица на извѣстную вещь заключается и признаніе владѣнія этого лица этою вещью; словомъ, въ правѣ собственности заключается и владѣніе; *послѣднее есть составная часть перваго.* 2) Признать справедливость владѣнія извѣстнаго лица извѣстною вещью значитъ признать, что это лице всегда можетъ владѣть этою вещью, имѣетъ право

(19) На признаніе владѣнія, вмѣстѣ съ признаніемъ его справедливости, мы не могли указать, какъ на основное начало владѣнія; потому что оно является здѣсь, какъ начало не самостоятельное, а подчиненное другому. Оно не могло поэтому объяснить существованія отдѣльнаго, самостоятельнаго института юридическаго владѣнія.

на *владѣніе* ею; слѣдовательно, что оно можетъ, отчудивши ее, возвращать себѣ снова, потерявши — требовать возвращеніе отъ всякаго, кто бы ни пріобрѣлъ ее. Мало этого: хозяинъ вещи, даже никогда не владѣвши ею, можетъ требовать владѣнія отъ всякаго, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Такимъ образомъ изъ справедливости владѣнія выпекаетъ *право на владѣніе*, право требовать, чтобы другое лице, имѣющее это же самое владѣніе, возвратило его хозяину (тому, чье владѣніе признано справедливымъ); словомъ, *право собственности даетъ хозяину юридическія средства для возвращенія потерянаго владѣнія.* Слѣдовательно хозяинъ вещи или 1) имѣетъ юридическое владѣніе, или 2) находитъ въ правѣ собственности средства требовать его отъ всякаго.

А.

Юридическое владѣніе хозяина вещью, на которую онъ имѣетъ право собственности.

Мы видѣли, что *признаніе справедливости владѣнія* есть вмѣстѣ и признаніе самого *владѣнія*, т. е. что *юридическое владѣніе есть часть права собственности.* Такое владѣніе, именно потому что оно есть признанное отношеніе лица къ вещи, юридически совершенно одинаково съ тѣмъ, объ которомъ мы говорили при основномъ началѣ владѣнія. Его юридическое начало то же самое, а потому и юридическія положенія объ его нарушеніи и защитѣ тѣ же. Такимъ образомъ владѣніе, составляющее часть права собственности, является, не смотря на

то, какъ совершенно отдѣльное, отъ него независимое юридическое отношеніе къ вещи.

Этимъ разрѣшается часть нашего вопроса: *владѣніе и право собственности могутъ существовать другъ подлѣ друга безъ всякого взаимнаго отношенія.*

Примѣч. Не смотря на совершенную одинаковость владѣнія юридическаго (объ которой мы говорили выше и при разрѣшеніи перваго нами предложеннаго вопроса) и владѣнія, составляющаго часть права собственности, между ними есть самое существенное различіе. Оно заключается въ основаніи, которое побудило государство признать какъ то, такъ и другое отдѣльнымъ, самостоятельнымъ юридическимъ отношеніемъ къ вещи (20).

Владѣніе, само въ себѣ справедливое, но неимѣющее внѣшнихъ признаковъ своей справедливости, поздно обратило на себя вниманіе законодательствъ. Мысль (лежащая въ основаніи всего ученія о владѣніи), что владѣніе, непріобрѣтенное по установленнымъ способамъ, не есть еще несправедливое, доказываетъ, что законодательство видитъ не одну формальную справедливость, но проникаетъ и до справедливости матеріальной. Появленіе института владѣнія въ системѣ законодательства есть поэтому самый вѣрный признакъ того, что оно стоитъ на высшей степени развитія.

---

(20) Владѣніе несправедливое, какъ мы видѣли выше, признается и защищается государствомъ только потому, что оно не можетъ быть отличено отъ владѣнія справедливаго. Поэтому мы и не будемъ принимать его въ соображеніе при опредѣленіи указаннаго нами различія.

Напротивъ, владѣніе, составляющее часть права собственности, имѣло совершенно другую судьбу въ исторіи законодательствъ. Оно появилось вмѣстѣ съ правомъ собственности, вмѣстѣ съ нимъ было признано и нашло средство защиты. Поэтому-то вовсе не было нужно различать ихъ: въ признаніи и защитѣ права собственности заключалось признаніе и защита владѣнія.

Съ появленіемъ въ системѣ Права юридическаго владѣнія, открылся и новый взглядъ на право собственности. Владѣніе, составляющее часть послѣдняго, отдѣлилось отъ него, и получило свое отдѣльное, независимое бытіе. Оно получило слѣдовательно только новую форму, заимствованную отъ новаго института права. Такъ основаніе признанія, неимѣющаго внѣшняго признака своей справедливости, должно искать въ признаніи государствомъ не одной формальной, но и матеріальной справедливости; основаніе признанія владѣнія, составляющаго часть права собственности, какъ отдѣльнаго, независимаго отъ послѣдняго отношенія къ вещи — въ послѣдовательности законодательства, которое всѣ одинаковыя юридическія явленія подводитъ подъ одну форму, и всѣмъ имъ даетъ одинаковое юридическое значеніе.

B.

Право требовать владѣнія отъ всякого, вытекающее изъ права собственности, и средства къ осуществленію этого права.

Мы видѣли, что юридическое владѣніе, составляющее часть права собственности, имѣетъ одн-

наковое юридическое значеніе съ тѣмъ, объ которомъ мы говорили выше, при изслѣдованіи объ основномъ началѣ владѣнія. Оно имѣетъ то же юридическое начало, тѣже юридическія послѣдствія; поэтому и средства его защиты тѣ же.

Но этими средствами, какъ очевидно уже съ перваго взгляда, хозяинъ вещи не всегда, по произволу, можетъ пріобрѣтать владѣніе своею вещью, которою владѣетъ другой. Здѣсь представляются слѣдующіе случаи:

1) Хозяинъ *добровольно уступилъ* другому лицу владѣніе вещью, принадлежащею ему въ собственность, а это лицо передало его третьему и т. д.

2) Хозяинъ *потерялъ* владѣніе вещью, а другое лицо завладѣло ею.

3) Владѣніе хозяина *нарушено* другимъ лицемъ, которое передало это владѣніе третьему лицу.

4) Хозяинъ *никогда не владѣлъ* вещью, принадлежащею ему въ собственность.

Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, обыкновенными средствами защиты (интердиктомъ), владѣніе не можетъ быть пріобрѣтено хозяиномъ отъ тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ этою вещью. Поэтому хозяинъ долженъ имѣть и имѣетъ другія средства, вытекающія не изъ юридическаго владѣнія, но изъ права собственности (21).

---

(21) Въ Римскомъ правѣ этихъ средствъ много. Укажемъ на нѣкоторыя. Actio ad exhibendum, actio judicati, когда этотъ искъ происходилъ изъ рѣшенія, постановленнаго о правѣ собственности; цѣль его въ этомъ случаѣ состояла въ приведеніи въ

Изъ сказаннаго нами выводится другое положеніе, опредѣляющее отношеніе владѣнія къ праву собственности. *Въ правѣ собственности заключается право на владѣніе. Оно осуществляется особливыми средствами, отличными отъ средствъ защиты юридическаго владѣнія. Осуществленіе его есть юридическое владѣніе.*

II. *Владѣніе, въ коллизіи съ правомъ собственности.*

Если мы будемъ смотрѣть на право собственности только какъ на признанную государствомъ справедливость владѣнія, то откроется само собою, что коллизія его съ юридическимъ владѣніемъ не возможна. Причина этой невозможности заключается въ томъ, что они относятся къ предметамъ совершенно различнымъ: предметъ—содержаніе права собственности есть *справедливость* владѣнія; предметъ юридическаго владѣнія — *самое владѣніе.*

Но мы видѣли, что въ правѣ собственности заключается право на владѣніе, и что осуществленіе этого права есть юридическое владѣніе. Съ этой, и только съ этой точки зрѣнія, коллизія владѣнія съ правомъ собственности представляется возможною, слѣдовательно только съ этой точки и можно ее разсматривать.

Когда право собственности придетъ въ столкновеніе съ юридическимъ владѣніемъ, которое изъ

исполненіе судебнаго рѣшенія о правѣ собственности, слѣдовательно, между прочимъ, въ возстановленіи владѣнія вещью тому, чье право собственности на эту вещь признано въ судебномъ рѣшеніи и проч.

нихъ должно одержать верхъ? Рѣшеніе этого вопроса очевидно само собою. Если кто либо имѣетъ справедливое отношеніе къ вещи, и эта справедливость признана государствомъ, то другіе не могутъ имѣть къ ней такого же справедливаго отношенія, слѣдовательно это отношеніе несправедливо. Поэтому при коллизіи послѣднее уступаетъ первому: оно уничтожается и возстановляется справедливое отношеніе хозяина вещи.

Итакъ отношеніе права собственности ко владѣнію заключается въ слѣдующемъ:

Владѣніе есть необходимая, существенная часть права собственности. Какъ необходимая часть, оно или принадлежитъ вмѣстѣ съ правомъ собственности одному лицу, или можетъ только принадлежать. Въ первомъ случаѣ юридическое владѣніе существуетъ подлѣ права собственности, какъ самостоятельное юридическое отношеніе къ вещи, независящее отъ упомянутаго права, и имѣетъ свои средства защиты. Въ послѣднемъ случаѣ оно существуетъ подлѣ права собственности, но только въ возможности, какъ право на владѣніе тою вещью, которая принадлежитъ по праву собственности; это право на владѣніе приводится въ исполненіе особливыми средствами, отличными отъ средствъ защиты юридическаго владѣнія, и сходными съ послѣдними только въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ одну цѣль: доставить юридическое владѣніе. При осуществленіи права на владѣніе, оно можетъ вступить въ коллизію съ юридическимъ владѣніемъ, и тогда послѣднее необходимо уступаетъ первому.

Заключеніе.

Теперь постараемся въ немногихъ словахъ представить результатъ изслѣдованій о коренномъ началѣ юридическаго владѣнія и основаніи его защиты.

Основное начало юридическаго владѣнія есть признаніе государствомъ владѣнія, безъ признанія его справедливости. Поводъ къ такому признанію заключается во внутренней справедливости владѣнія, которое поэтому не можетъ быть оставлено безъ защиты, но которое не можетъ быть признано за справедливое, по недостатку внѣшнихъ признаковъ этой справедливости — признаковъ несомнѣнныхъ, видимыхъ для государства, каковы законные способы пріобрѣтенія. Въ слѣдствіе недостатка такихъ признаковъ, государство по необходимости, вмѣстѣ съ владѣніемъ справедливымъ въ самомъ себѣ, признаетъ и защищаетъ и владѣніе несправедливое. Поэтому основаніе защиты несправедливаго владѣнія не заключается во внутреннемъ существѣ его, но во внѣшнемъ сходствѣ и безразличіи его съ владѣніемъ, въ самомъ себѣ справедливымъ. Эта форма признанія перенесена и на то владѣніе, котораго справедливость признана государствомъ. Основаніе лежитъ въ слѣдующемъ: признаніе справедливости владѣнія заключаетъ въ себѣ признаніе и самого владѣнія. Оба могутъ быть расматриваемы отдѣльно, независимо другъ отъ друга. Признаніе владѣнія, разсматриваемое отдѣльно отъ признанія его справедливости, не представляетъ никакого отличія отъ признанія такого отношенія къ вещи, которое государство не признаетъ за справедливое. Поэто-

му-то на него вполнѣ можетъ и должна быть перенесена форма признанія послѣдняго. Такимъ образомъ владѣніе, само въ себѣ справедливое, владѣніе несправедливое, и наконецъ владѣніе, составляющее часть права собственности, всѣ соединяются въ государствѣ подъ одну форму признанія, а потому они имъ и не различаются. На каждое изъ нихъ въ отдѣльности, и на всѣ вмѣстѣ, государство смотритъ только какъ на одно и то же владѣніе, признанное имъ въ особенной формѣ и защищаемое, не обращая вниманія на различныя основанія такого признанія и защиты.

Кандидатъ Правъ **К. Кавелинъ.**

VII. О ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОМЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ФАКУЛЬТЕТѢ.

Городъ Гейдельбергъ лежитъ въ Нижне-Рейнскомъ округѣ Великаго Герцогства Баденскаго, окруженный съ восточной и сѣверо-западной стороны горами, вдоль по южному берегу рѣки Неккаря, въ разстояніи одной Нѣмецкой мили на Востокъ отъ Швецингенскаго сада, $2\frac{1}{2}$ Н. м. на Юго-Востокъ отъ города Мангейма (второй резиденціи Великаго Герцога), 7 Н м. на Сѣверъ отъ города Карлсруге (первой резиденціи), и $10\frac{1}{2}$ Н. м. на Югъ отъ вольнаго города Франкфурта на Майнѣ.

Городъ не великъ, число жителей не значительно (около 13,000), но Гейдельбергъ славенъ прелестью окрестной природы, безчисленными историческими воспоминаніями, въ особенности же Университетомъ.

Этотъ Университетъ (1) одинъ изъ древнѣйшихъ въ Германіи (2) занимаетъ важное мѣсто въ историческомъ развитіи Германской образованности.

---

(1) Всего въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ 2 Университета: Гейдельбергскій и Фрейбургскій въ Брейсгау.

(2) Древнѣе его только 2 Университета въ Германіи: Пражскій основанный въ 1348 и Вѣнскій — въ 1365.

Съ его именемъ соединяется память о многихъ знаменитыхъ людяхъ и о замѣчательныхъ историческихъ событіяхъ.

Для Германскаго юношества Гейдельбергъ есть земля обѣтованная; сюда особенно стекаются также Студенты съ Альповъ, изъ-за Рейна и даже изъ-за Калескаго канала. Большая часть, и притомъ самыхъ живыхъ преданій о Германскомъ духѣ и образованности исходитъ, для Французовъ и Англичанъ, преимущественно изъ Гейдельбергскаго Университета, почитаемаго ими вообще представителемъ Германскихъ Университетовъ.

Въ самой Германіи онъ не пользуется вездѣ равною славою. Всё еще, правда, Гейдельбергъ образуетъ для всѣхъ странъ Германіи богослововъ, юристовъ, политиковъ, натуралистовъ и медиковъ, и въ нихъ воспитываетъ себѣ возвѣстниковъ своей славы; всё еще Германское юношество считаетъ священною обязанностію удѣлить часть студенческой своей жизни на то, чтобы провесть нѣсколько времени подъ развалинами древняго Гейдельбергскаго замка; всё еще Гейдельбергскій Университетъ признается, во многихъ отношеніяхъ, классическимъ, и къ нему продолжаютъ относиться во всѣхъ вопросахъ науки и жизни, ссылаясь на авторитетъ его ученыхъ. Но съ недавняго времени начали искать въ немъ слабыхъ сторонъ даже тамъ, гдѣ всё объясняется его мѣстностью и особенностію историческаго его развитія; справедливо замѣченные недостатки явно стали преувеличивать, и напротивъ, уменьшать то, что составляетъ его отличительное достоинство.

Гейдельбергскій Университетъ упрекаютъ нынѣ въ томъ, что онъ придерживается однообразныхъ направленій и системъ; что его преподаватели и слушатели страждутъ односторонностію, даже нетерпимостію новыхъ, свѣжихъ направленій; что вообще ихъ самая слабая сторона есть недостатокъ воспріемлемости. Отъ того, говорятъ, многіе двигатели настоящаго времени не могли сжиться съ Гейдельбергомъ, скоро оставили его Университетъ, стѣснявшій ихъ дѣятельность. Такъ отсюда отошли: Гёрресъ, Гегель, Гиндрихсъ, де-Ветте, Маргейнеке, Бёкъ, Гервинусъ, Маринъ, даже Фрисъ.

И я былъ въ числѣ твоихъ слушателей, незабвенный Университетъ! И я, какъ почти всѣ Гейдельбергскіе Студенты (большею частію иностранцы), оставилъ Гейдельбергъ съ сладостнѣйшими впечатлѣніями и воспоминаніями. Конечно, много тому содѣйствуетъ романическое мѣстоположеніе города, прекрасныя окрестности, тысячи историческихъ воспоминаній, самая жизнь разгульная, безпечная, духъ общества, и многое, многое посторонее для Университета. Но неужели это только привязываетъ къ Гейдельбергскому Университету? это только заставляетъ стекаться сюда юношей изъ всей Германіи, богатой славными Университетами, изъ Англіи, гордящейся своего образованностію, изъ Франціи, которая свой Парижъ считаетъ центромъ всемірнаго современнаго просвѣщенія народовъ?

Есть много университетскихъ городовъ, даже внутри самой Германіи, которые въ томъ или

другомъ отношеніи не уступаютъ, повидимому, Гейдельбергу. Но мы чувствуемъ, что это не то, это не Гейдельбергъ. Имъ недостаетъ той совокупности, цѣлости впечатлѣній, того взаимнаго воздѣйствія жизни на природу и природы на жизнь, того прошедшаго и настоящаго, чего-то такого, что расширяетъ духъ нашъ, что заставляетъ его не останавливаться на одномъ праздномъ созерцаніи, но побуждаетъ его къ дѣятельности, раждаетъ въ немъ потребность согласить въ себѣ разнообразныя внѣшнія впечатлѣнія, и привесть въ гармонію внутреннюю свою жизнь со внѣшнею.

Особенность Гейдельбергской природы и жизни налагаетъ и особенный отпечатокъ на тамошнихъ Студентовъ. Жизнь ихъ не представляетъ того пошлаго, однообразнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ, не озираясь, лѣниво день за днемъ вращается въ привычномъ кругу, безъ мысли и энергіи. Съ другой стороны въ Студентахъ Гейдельбергскихъ нѣтъ того желанія вездѣ странничать, геніальничать, выказывать себя всезнайками, той нескромности, которая есть постоянный признакъ невѣжества и ограниченности. Прилежаніе — плодъ сознательной любви къ истинѣ — не переходитъ въ Гейдельбергскомъ Студентѣ въ механизмъ, въ педанство. Прекрасный день нерѣдко вызываетъ юношу насладиться безпечно весною своей жизни въ объятіяхъ природы и дружбы. Въ дни, свободные отъ лекцій, Студенты разгульными толпами носятся по очаровательнымъ окрестностямъ. Прелесть ихъ новости, разнообразія безпрестанно возбуждаетъ въ юношѣ свѣжій интересъ для наблюда-

тельности; величіе природы, богатой и своими собственными красотами, и историческими воспоминаніями, отводитъ сердце отъ всего низкаго и направляетъ къ высокимъ, благороднымъ наслажденіямъ; даже среди минутныхъ удовольствій духъ наполняется глубокими, продолжительными, возвышенными впечатлѣніями.

Разнообразіе націй вноситъ въ жизнь Студентовъ Гейдельбергскихъ новые элементы, по крайней мѣрѣ предохраняетъ ихъ отъ вѣчнаго однообразія условныхъ формъ, мнѣній и взглядовъ, расширяетъ сферу ихъ мышленія и сглаживаетъ рѣзкость односторонностей. Благотворное вліяніе на студенческую жизнь оказываетъ пребываніе въ Гейдельбергѣ множества Студентовъ, которыхъ родина лежитъ за предѣлами Германіи: почти всѣ эти иностранцы, принадлежа по своему рожденію къ тѣмъ классамъ гражданъ, для которыхъ высшая образованность составляетъ существенную принадлежность и которыхъ призваніе находится въ непосредственной связи со всѣми интересами общественной жизни, всѣ они приносятъ съ собою новые, свѣжіе, обширные, изъ самой жизни почерпнутые взгляды на жизнь, для распространенія которыхъ они не имѣютъ недостатка ни во внѣшнихъ средствахъ, ни во внутренней потребности. Отъ того у Гейдельбергскихъ Студентовъ *въ томъ* много путешествовать. Близость Франціи, Швейцаріи, Италіи (не говоря о Германіи) дозволяетъ имъ совершать довольно значительныя путешествія въ вакаціонное время. Возвратившіеся съ запасомъ новыхъ, разнообразныхъ свѣдѣній и впечатлѣній дѣлятся ими

и мѣняются съ своими товарищами. Такъ безпрестанно подновляется духовная жизнь Гейдельбергскихъ Студентовъ!

У многихъ Профессоровъ собирается довольно большое общество: въ домахъ Миттермайера и Тибо часто можно было найти лучшее общество Студентовъ, особенно иностранцевъ. Основанное Профессоромъ Тибо музыкальное общество большею частію состояло изъ Студентовъ. Кромѣ Профессоровъ, Студенты имѣютъ случай посѣщать многія другія образованныя общества, между прочимъ Англійскія семейства, поселившіяся въ Гейдельбергѣ.

Всѣ эти отдѣльные круги общества соединяются въ Музеѣ, или въ академическомъ клубѣ. Это заведеніе, основанное городскими жителями и Профессорами на акціяхъ, имѣетъ важное значеніе какъ вообще въ публичной Гейдельбергской жизни, такъ и въ особенности студенческой. За умѣренную годовую плату Студентъ поступаетъ въ члены этого общества, и тогда получаетъ право участвовать здѣсь во всѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ, пользоваться богатымъ собраніемъ книгъ, газетъ, журналовъ, даже допускается, въ извѣстной степени, къ принятію участія въ дѣлахъ общества. Красивое, обширное помѣщеніе клуба (3), открытаго всегда для членовъ, даетъ поводъ Студентамъ часто сюда сходиться, знакомиться между собою и сближаться. Самостоятельность Студентовъ въ этомъ отношеніи заставляетъ ихъ цѣнить свое

(3) Домъ для академическаго клуба выстроенъ въ 1826 г. противъ университетскаго зданія.

положеніе въ обществѣ, дорожитъ довѣренностію, оказываемою имъ со стороны ихъ наставниковъ и всего городскаго общества: это возвышаетъ и облагораживаетъ молодыхъ людей. Сохраняя почтеніе со старшими, приличіе и вѣжливость со всѣми, здѣсь уже получаютъ они первые практическіе уроки въ трудной наукѣ жизни. Вообще учрежденіе этого академическаго клуба оказываетъ благодѣтельное вліяніе на поведеніе Студентовъ, на ихъ отношенія къ Профессорамъ и ко всему городскому обществу.

Столичная жизнь Мангейма также соприкосновенна студенческой жизни. Мангеймскій театръ часто наполняется Студентами; для многихъ изъ нихъ доступны салоны высшаго общества и даже маленькой Дворъ Стефаніи, вдовствующей Великой Герцогини, извѣстной своимъ умомъ и любезностью. Студентъ имѣетъ вообще много случаевъ не отставать отъ общества, высшаго по своему рожденію и свѣтской образованности.

Профессоры, большею частію иностранцы, довольно обжились въ Гейдельбергѣ: южногерманская жизнь скоро полюбится и скоро съ ней свыкаются. Достаточное жалованье, съ прибавкою т. н. гонорарій (особенной платы отъ Студентовъ Профессорамъ за лекціи), облегчаетъ удобство ихъ жизни и безъ того дешевой; отличіе, оказываемое Профессорамъ не только въ обыкновенномъ обществѣ, но и отъ высшихъ лицъ, возвышаетъ пріятность ихъ положенія, поддерживаетъ то глубокое почтеніе къ ученому сословію, которое такъ обыкновенно въ просвѣщенныхъ государствахъ, и на которое имѣ-

ютъ безъ сомнѣнія полное право люди, всю жизнь свою посвятившіе наукамъ и окончательному воспитанію новаго поколѣнія.

Конечно Гейдельбергъ не имѣетъ того множества разнообразныхъ средствъ для возбужденія дѣятельности, какія находитъ ученый въ столицахъ и значительныхъ торговыхъ городахъ Германіи, особенно въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и Лейпцигѣ. Здѣсь нѣтъ того всесторонняго духовнаго движенія, которое, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ мгновенно по всей цѣпи, составленной изъ разнородныхъ круговъ общества; той эстетической и полуфилософской діалектики, которая вдругъ овладѣваетъ каждымъ современнымъ вопросомъ жизни, науки и искуства, и старается его рѣшить по собственнымъ началамъ и симпатіямъ. Гейдельбергскій ученый хотя и не совсѣмъ изолированъ, хотя и вспрѣчаетъ въ обществѣ многое, что поддерживаетъ и возбуждаетъ его мышленіе и дѣятельность, что вызываетъ его изъ холодной, мертвой кабинетной учености, изъ внутренней, въ собственной груди сжатой жизни на широкое поприще теплой, живой практической жизни, способной и готовой къ воспріимчивости; но онъ близъ себя не находитъ точекъ, къ которымъ бы могла спремиться вся цѣлость его бытія, не находитъ высшаго судилища для своихъ проблемъ и направленій. Гейдельбергъ далекъ отъ того, что бы быть однимъ изъ центровъ литературнаго движенія. Гейдельбергскіе типографщики и книгопродавцы заняты почти исключительно произведеніями туземныхъ писателей; ученыхъ пособій мало, литературнаго обращенія еще меньше, и зна-

ніе литературы, по предмету особенныхъ своихъ занятій, ограничивается только собственно университетскою библіотекою, въ цѣлости богатою, въ частяхъ недостаточною (4). Уже по своему географическому положенію, Гейдельбергъ отчужденъ, во многихъ отношеніяхъ, отъ участія въ ученой и общественной жизни остальной Германіи, особенно сѣверной. Здѣсь въ обществѣ почти уже вездѣ встрѣчается, какъ основной его характеръ, Французское наивное невѣжество, незнаніе такихъ произшествій, лицъ и отношеній, которыя или имѣютъ только самый общій, идеальный интересъ, или же занимаютъ мѣсто внѣ горизонта собственнаго, ближайшаго, земнаго интереса.

Это конечно легко могло породить въ жизни Гейльдебергскихъ ученыхъ односторонность, неподвижность, отчужденіе отъ общаго современнаго духовнаго движенія, ограниченіе изученіемъ, и притомъ отвлеченнымъ, одного только предмета, съ явнымъ пренебреженіемъ прочихъ, нетерпимость, вообще всѣ тѣ недостатки, которые такъ часто бываютъ удѣломъ маленькихъ Университетовъ, по своему положенію изолированныхъ и удаленныхъ отъ центра общей жизни. Но за то вліяніе мѣстныхъ, народныхъ и историческихъ отношеній Гейдельберга такъ рѣшительно дѣйствуетъ самимъ благотворнымъ образомъ на Профессоровъ и на Студентовъ, что тѣмъ почти изглаживаются недостат-

(4) Она помѣщается въ домѣ близъ университетскаго зданія, на Югъ отъ академическаго клуба, и въ зданіи преждебывшей Іезуитской Гимназіи.

ки Гейдельбергскаго Университета, придается ему тотъ отличительный характеръ, то особенное значеніе, которое ставитъ его на ряду съ первостепенными Германскими Университетами. Притомъ если всмотримся мы ближе, то такъ называемые недостатки представятся намъ большею частію не чѣмъ инымъ, какъ только необходимымъ слѣдствіемъ исторической особенности: характеръ Гейдельбергскаго Университета условливается характеромъ народа, для котораго, и духомъ государства, въ которомъ этотъ Университетъ призванъ дѣйствовать.

Баденецъ имѣетъ практическое направленіе, не любитъ теорій, весь обращенъ къ ближайшимъ потребностямъ настоящаго времени. Этому практическому народному направленію природа предлагаетъ богатый и разнообразный матеріалъ, а государственное устройство соотвѣтственныя формы. То и другое необходимо имѣетъ вліяніе на науку, которая потому принимаетъ здѣсь болѣе практическій, можно даже сказать народный и мѣстный характеръ, между тѣмъ какъ она въ другихъ странахъ Германіи ищетъ болѣе общаго, теоріи, идеи, космополитической образованности, или личнаго удовлетворенія всесторонней учености.

Этою особенностію основнаго характера Гейдельбергскаго Университета объясняется всё. Отсюда недостатокъ философскаго взгляда, весьма условное значеніе историческихъ наукъ въ этомъ Университетѣ. Упрекали Профессоровъ Гейдельбергскихъ въ томъ, что они ничего не хотятъ знать о философскомъ обоснованіи или историческомъ раз-

витіи наукъ, что они поступаютъ слишкомъ эмпирически въ ихъ преподаваніи и изложеніи, пускаются въ частности и подробности, теряя изъ виду цѣлость, систему, общія точки зрѣнія. Это факты, которыхъ никакъ нельзя отвергать, потому что они дѣйствительно существуютъ, хотя не вездѣ, не всегда и не въ отношеніи ко всему равное имѣютъ приложеніе. Въ Гейдельбергскомъ Университетѣ ни одна философская система, имѣющая глубокое, спекулативное содержаніе, никогда не могла вкорениться и никогда не имѣла рѣшительнаго вліянія на другія науки. Только философія Канта кажется имѣла здѣсь нѣкоторый успѣхъ, еще до сихъ поръ оказываетъ нѣкоторое вліяніе на науки, конечно потому, что она перенимѣе всѣхъ въ отношеніи къ эмпиріи и къ практическимъ потребностямъ; что она наименѣе имѣетъ притязанія на самостоятельную, живую силу идеи, и для своихъ пустыхъ формальныхъ рубрикъ не только допускаетъ всякое извнѣ данное, а потому чуждое имъ содержаніе, но даже того необходимо требуетъ. Такое внѣшнее приложеніе философскихъ понятій есть единственная честь, которую въ Гейдельбергѣ оказываютъ Философіи прочія науки. Нѣсколько Кантовскихъ опредѣленій и раздѣленій, историческое приведеніе Кантовскихъ началъ — вотъ все, чѣмъ ограничиваются преподаватели, которые однажды такимъ образомъ, отдѣлавшись отъ общаго, отъ того что они называютъ философскимъ, потомъ вовсе объ немъ болѣе не заботятся, никогда не возвращаются къ предпосланнымъ началамъ и формуламъ, переходя, безъ всякой почти связи съ предыдущими указанія-

ми, къ разсматриванію частностей, особенностей, фактическаго.

Въ тѣхъ наукахъ, въ которыхъ, по ихъ самому существу, содержаніе болѣе идеально, или, какъ обыкновенно говорятъ, болѣе отвлеченно, мѣсто послѣдовательнаго, логическаго мышленія заступаетъ темное, неопредѣленное внутреннее чувство или инстинктъ съ его практическими требованіями. Вотъ почему тамъ въ Богословіи такъ глубоко пустилъ свой корень т. н. раціонализмъ, или ограниченное разсудочное мышленіе, также практическія ученія и методы, между тѣмъ какъ спекулативная Догматика никогда не могла быть тамъ введена надлежащимъ образомъ.

Историческими науками овладѣлъ здѣсь также исключительно духъ эмпиризма. О Философіи Исторіи никогда не могло быть и рѣчи въ Гейдельбергѣ. Даже систематическій характеръ, удержанный еще въ преподаваніи Исторіи въ большей части высшихъ учебныхъ заведеній, потерянъ для Гейдельбергскаго Университета; мѣсто его заступило рѣзкое, безсвязное установленіе и критическая оцѣнка отдѣльныхъ фактовъ, словомъ — то, что собственно называется *историческимъ изслѣдованіемъ*. Въ Правовѣденіи историческій моментъ пользуется здѣсь также весьма условнымъ признаніемъ. Преподаваніе Гейдельбергскихъ юристовъ имѣетъ ближайшею цѣлію практически дознанное и практически полезное, безъ объясненія дѣйствующаго права историческимъ его развитіемъ. Даже то право, которое, по своему происхожденію и характеру, все коренится въ исто-

ріи и въ преданіи, Римское Право излагается тамъ только въ отношеніи его настоящей приложимости и почти совершенно въ отвлеченіи отъ историческихъ ступеней его развитія.

Всѣ эти факты, разсматриваемые съ точки современной образованности, являются обвинительными пунктами противъ Гейдельбергскаго Университета. Мы привыкли считать Философію и Исторію необходимыми основами ученаго образованія, мѣрять достоинство Университета тѣмъ положеніемъ, какое занимаютъ въ немъ объ эти науки. Такъ Университеты Берлинскій, Енскій, Мюнхенскій, Галльскій признавались, въ разныя времена или въ различномъ отношеніи, центрами Германской ученой образованности. Особенный характеръ каждаго изъ этихъ Университетовъ былъ преимущественно опредѣляемъ господствующею въ немъ Философіею: она сообщала свой духъ прочимъ наукамъ; оттуда этотъ духъ проникалъ общественную жизнь, эстетическую, моральную, политическую образованность сперва того города, потомъ того народа, которому принадлежалъ Университетъ. Такъ изъ Университета исходило движеніе національныхъ идей, симпатій и направленій; такъ Натурфилософія владѣла долго образованіемъ южной Германіи; такъ духъ Прусскаго государства срослся тѣсно съ духомъ Гегелевой Философіи.

Вообще логическое совмѣстное движеніе науки и жизни представляетъ такую постепенность. Сперва наука и жизнь тождественны, потомъ это тождество, или первоначальное ихъ единство нарушается, наконецъ должно образоваться истинное между ними единство, постоянное и полное взаимное

отношеніе между наукою и жизнію, между теоріею и практикою, между преподаваніемъ и изложеніемъ науки, и приложеніемъ ея въ жизни.

Мы живемъ теперь въ переходномъ періодѣ отъ того состоянія, когда исчезло первоначальное тождество науки съ жизнію, къ тому полному единству, которое между ними начинаетъ устанавливаться. Оттуда нынѣшнія жалобы на упадокъ учености, на ослабленіе изученія философскихъ и историческихъ наукъ, на неосновательность, прозу, филистерство молодыхъ людей, на матеріальность нашего вѣка и т. п.

Правда, что общіе духовные интересы, гуманитетъ, Философія, Исторія многихъ перестали занимать, и уступили мѣсто матеріальнымъ интересамъ, изученію того, что имѣетъ прямое практическое приложеніе и т. д. Правда, что безъ опредѣленныхъ симпатій, безъ энтузіазма, безъ соревнованія, многіе стали колебаться между крайностями, и наконецъ даже подчинились только внѣшнимъ цѣлямъ: для многихъ наука стала средствомъ зарабатывать насущный хлѣбъ (Brodwissenschaft), пріобрѣсть аттестатъ, съ которымъ можно было бы получить доходное мѣсто, добыть себѣ почести, вообще занять выгодное положеніе въ обществѣ. Правда, что такой переходъ отъ одного направленія къ другому во всѣхъ отношеніяхъ весьма неудобенъ для современниковъ; но таково было, есть и будетъ общее свойство всякаго переходнаго времени, всякаго кризиса.

Въ этомъ отношеніи положеніе Гейдельбергскаго Университета по крайней мѣрѣ лучше многихъ

другихъ Университетовъ. Тамъ практическій характеръ университетскаго ученія основанъ и обезпеченъ историческимъ происхожденіемъ и развитіемъ самого Университета. Тѣ же элементы, которыхъ совмѣстное дѣйствіе является теперь причиною особенной энергіи Гейдельбергскаго Университета, были уже дѣятельными и при первомъ его основаніи. Чудесно прелестная природа обѣщала привлечь сюда многихъ иностранцевъ. Подвижной народъ, выгодами своего положенія призванный къ дѣятельности, и соперничествомъ съ сосѣдями побуждаемый къ высшему развитію своихъ силъ, былъ воспріимчивъ къ духовному движенію, къ сціентифической дѣятельности Государи, сознавая свою собственную и своей земли истинную пользу, охотно содѣйствовали удовлетворенію возвышенныхъ потребностей своего народа. Когда запутанныя и стѣсненныя политическія дѣла принудили ихъ наконецъ искать опоры въ силѣ и сознаніи своего народа, тогда духъ Правителей и управляемыхъ слился во едино, въ одной и той же цѣли, въ энергическомъ стремленіи съ достоинствомъ сохранить своей отчизнѣ почетное мѣсто между Германскими государствами.

Вообще исторія Гейдельберга, его Университета и въ особенности юридическаго факультета весьма любопытна. Сообщаю краткій ея очеркъ.

По сказанію древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, то мѣсто, которое занимаетъ теперь Гейдельбергъ со своими окрестностями, уже въ первомъ вѣкѣ Христіанскаго лѣтосчисленія было во владѣніи Римлянъ. На многихъ возвышенностяхъ, ок-

ружающихъ Гейдельбергскую равнину, также по берегамъ рѣки Неккаря, они построили укрѣпленія, для защиты проходившей здѣсь военной дороги и обработанныхъ полей Декуманской провинціи, гдѣ процвѣталъ на рѣкѣ Неккарѣ древній Римскій городъ Lupodunum, (что послѣ Ладенбургъ, въ разстояніи отъ Гейдельберга на Сѣверозападъ $1\frac{1}{4}$ Н. м.) Въ 234 г. пришли сюда Алеманы, разрушили Римскія укрѣпленія и поселились послѣ кровопролитныхъ битвъ. Хлодовикъ, Монархъ Франкскій, не далъ имъ распространить своихъ владѣній, нанеся имъ рѣшительное пораженіе при Тулбіакѣ, нынѣ Цюльпихъ, въ 495 г. Тогда эту землю заняли Франки, и вскорѣ на Римскихъ развалинахъ начали возвышаться ихъ церкви, замки и крѣпости. Въ VIII столѣтіи были уже здѣсь значительныя деревни, хотя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ лежитъ городъ, была еще пустыня съ древнею часовнею, называемою часовнею *Св. Маріи въ пустынѣ*. При ней около 991 г. монахи Августинскаго Ордена построили монастырь, близъ котораго начали, малу по малу, селиться, и изъ этихъ-то поселеній возникъ наконецъ городъ Гейдельбергъ.

Герцогъ Франкскій Конрадъ, изъ Дома Гогенштауфовъ, сдѣлавшись, по милости брата своего Нѣмецкаго Императора Фридриха I, Рейнскимъ Пфальцграфомъ въ 1156 г., избралъ своею резиденціею Гейдельбергъ, распространилъ и украсилъ возникающій городъ, такъ что съ этого времени онъ сдѣлался обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ Пфальцскихъ Курфирстовъ.

Въ 1225 г. Герцогъ Баварскій Людовикъ, по случаю бракосочетанія сына своего съ Пфальцскою Графинею Агнесою, получилъ городъ Гейдельбергъ въ ленное потомственное владѣніе.

Курфирстъ Рупрехтъ I, по прозванію Рыжебородый, Старшій, или Великій, происходившій изъ той Пфальцской династіи, которую продолжаютъ нынѣ Баварскіе Короли, назывался даже Гейдельбергскимъ Герцогомъ. Онъ-то былъ основателемъ Университета. Годъ основанія назначается различно, большею частію 1346; открытъ же былъ Университетъ въ 1386 г. Рупрехтъ I отправилъ въ Римъ значительныя суммы, дабы испросить у Папы согласіе на основаніе Университета. Папа Урбанъ VI въ 1385 году далъ позволеніе основать Университетъ въ городѣ Гейдельбергѣ, „который“, какъ Папа выражался „по своему здоровому воздуху и по плодородію окрестностей преимущественно можетъ содѣлаться общимъ источникомъ наукъ.“ Папа повелѣлъ его устроить по образцу Парижскаго Университета, давъ ему такія же права и преимущества. Самое основаніе Университета имѣло отчасти политическую цѣль: Гейдельбергскій Университетъ избранъ былъ Папою Урбаномъ VI орудіемъ противъ Парижскаго Университета, объявившаго себя поборникомъ другаго Папы — Климента VII.

При самомъ основаніи Университета учреждены были четыре факультета: Богословія, обѣихъ Правъ, Медицины и свободныхъ искусствъ. Въ должность Ректора были сначала избираемы только Профессоры изъ факультета свободныхъ искусствъ и притомъ только на одну четверть года.

Всегда оказывая наукамъ высокое уваженіе, Рупрехтъ I безпрестанно заботился о своемъ твореніи, называя Университетъ своею *любезною дочерью*. Профессоровъ и Студентовъ взялъ онъ подъ особенное свое покровительство и защиту. Хотя Вормскаго Епископа, назначеннаго отъ Папы постояннымъ Канцлеромъ Университета, Рупрехтъ I признавалъ судьею всѣхъ лицъ духовнаго состоянія, изъ которыхъ тогда состояла большая часть Студентовъ; но онъ далъ ему правила, какъ онъ долженъ поступать при судопроизводствѣ, и наконецъ довелъ его до того что онъ уступилъ свою судебную власть Ректору. Для членовъ Университета свѣтскаго званія Рупрехтъ I назначилъ судьями окружнаго и городоваго Судей, но ограничилъ ихъ власть и предписалъ имъ ежегодно, со всѣмъ городовымъ Магистратомъ, чинить публично Ректору и Университету торжественную присягу въ томъ, что они не нарушатъ университетскихъ правъ. Посѣщавшихъ Университетъ Рупрехтъ I освободилъ отъ всѣхъ сборовъ и податей, какъ на пути въ Гейдельбергъ и обратно, такъ и во всё время ихъ пребыванія въ этомъ городѣ. Мудрыми распоряженіями и строгими предписаніями онъ старался доставить Профессорамъ и Студентамъ дешевыя квартиры и обезопасить ихъ жилища. Судъ надъ домами, занимаемыми Студентами, также по договорамъ, относящимся къ книжной торговли, онъ представилъ Ректору и четыремъ его помощникамъ.

Марсилій былъ можно сказать душею всего этого великаго дѣла. Онъ прежде былъ членомъ

Парижскаго Университета, а въ Гейдельбергъ онъ открылъ факультетъ свободныхъ искусствъ. Въ товарищи ему приданы были Гейльманнъ Вунненбергъ и Регинальдъ, который былъ первымъ членомъ богословскаго факультета.

18 го Октября 1386 г. послѣдовало освященіе Университета, а 19 го начались лекціи: Марсилій читалъ Логику, Регинальдъ — посланіе къ Титу, Гейльманнъ — Аристотелево ученіе о природѣ.

Первымъ Ректоромъ былъ Марсилій, выбранный 17 Ноября 1386 г. Еще въ концѣ этого года прибылъ въ Гейдельбергъ изъ Праги юристъ Іоаннъ ф. Моентъ и открылъ юридическія лекціи изъясненіемъ 4 й книги Декреталіевъ. Въ продолженіе 40 лѣтней дѣятельности, онъ оставался главною подпорою Гейдельбергскаго Университета. Послѣ Гергардъ Радунгъ началъ преподавать Каноническое Право, а Генрихъ ф. Ангеренъ читалъ nova jura.

Въ 1387 г. число преподавателей значительно умножилось. Первый Канцлеръ Университета Конрадъ ф. Гейльнгаузенъ былъ первый, получившій въ Гейдельбергскомъ Университетѣ ученую степень Доктора. Въ качествѣ Экстраординарнаго Профессора Каноническаго Права читалъ онъ лекціи о Декретѣ. Кромѣ его былъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по этому же предмету Іоаннъ ф. Кольнгаузенъ. Jus civile читалъ Манюэй Клеменгисъ.

Самое большое число Профессоровъ и Студентовъ было въ факультетѣ свободныхъ искусствъ. Кромѣ Марсилія и Дитмара, здѣсь преподавали еще

6 Магистровъ, которымъ Рупрехтъ давалъ жалованье изъ собственной своей казны; а вскоръ сюда опредѣлены были еще 6 новыхъ преподавателей.

Медицинскій факультетъ позже всѣхъ образовался и получилъ значеніе: съ 1387 года до 1393 г. Ламберіъ былъ единственнымъ преподавателемъ, потомъ ему былъ приданъ въ товарищи Германъ де-Гуксаріа.

Скоро слава Марсилія привлекла въ Гейдельбергъ множество Студентовъ. Уже въ первое ректорство были причислены къ Университету: 6 Докторовъ Богословія, 5 Кандидатовъ Правъ, 5 Кандидатовъ Медицины и 43 Магистра и Баккалавра. Всѣ почти они были прежде въ Парижѣ и Прагѣ. Число прочихъ, собственно Студентовъ, между которыми было много Капоишковъ, приходскихъ Священниковъ и монаховъ, возрасло до 166. Всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ Университету, во весь первый годъ со времени его основанія считалось 524, а до 16 Генваря 1390 года, т. е. до смерти Рупрехта I, 1050 человѣкъ. Замѣтимъ, что хотя долго діалектическіе споры различныхъ философскихъ сектъ наполняютъ всю почти дѣятельность Университета, но что уже въ нихъ высказывалось нынѣшнее его направленіе: предметы споровъ были большею частію опытные, эмпирическіе, а не философскіе, и между всѣми философскими сектами преобладалъ номинализмъ, который, по своемъ существу, имѣетъ почти чисто- эмпирическій характеръ.

Рупрехтъ II, по прозванію Жестокій, шелъ по слѣдамъ своего дяди, значительно увеличилъ доходы

Университета, и потому названъ вторымъ его основателемъ. Съ 1393 г. Ректоровъ начали избирать чрезъ каждые полгода, и право быть избраннымъ въ эту должность получили Профессоры всѣхъ факультетовъ. Изъ юристовъ первымъ Ректоромъ былъ Герлахъ, избранный Ректоромъ 20 Декабря 1393 г.

Въ это время явилось много новыхъ преподавателей, изъ которыхъ многіе сдѣлались знаменитыми. Основаны были коллегіи, или особенныя отдѣленія Университета, помѣщаемыя въ особенныхъ, большею частію колоссальныхъ зданіяхъ. Первую коллегію завелъ еще Рупрехтъ I для образованія молодыхъ Цистерціанскихъ монаховъ. Другую коллегію, для факультета свободныхъ искуствъ, основалъ Рупрехтъ II, изгнавши въ 1391 г. изъ города всѣхъ Евреевъ, и подаривши всё ихъ движимое и недвижимое имущество Университету. Синагогу онъ превратилъ въ университетскую часовню, а домъ Гуца, богатѣйшаго изъ Евреевъ, онъ обратилъ въ бурсу для Студентовъ факультета свободныхъ искуствъ; прочіе дома назначилъ для жительства Профессорамъ безъ платы. Эта бурса въ XVI столѣтіи щедротами Фридриха III и Людовика VI снабжена была многими новыми доходами и получила названіе Княжеской коллегіи. Въ 1393 г. основана была новая коллегія подъ названіемъ старой бурсы, по завѣщанію Конрада Ф. Гейльнгаузенъ. Здѣсь назначена была одна зала для засѣданія университетскаго Совѣта, который до того собирался въ богословской аудиторіи, одна зала для архива, одна для библіотеки и многія залы для аудиторій. Четвер-

шая коллегія, посвященная Св. Діонисію и называвшаяся *collegium Dyonysianum*, или бурсою бѣдныхъ Студентовъ, была основана въ 1396 г. по завѣщанію юриста Герлаха, съ тою цѣлію, чтобы Университетъ содержалъ здѣсь тѣхъ бѣдныхъ Студентовъ, которые окажутся того достойными. Кромѣ этихъ главныхъ коллегій было еще много другихъ меньшихъ. Марсилій оказалъ услугу Университету даже и при своей смерти: хотя онъ не основалъ бурсы, но за то завѣщалъ Университету значительную свою библіотеку.

При Рупрехтѣ III въ 1407 г. свирѣпствовала такая моровая язва въ Гейдельбергѣ, что большая часть Профессоровъ и Студентовъ удалились изъ города, и что чтеніе лекцій было пріостановлено. Рупрехтъ III обратилъ вниманіе на то, чтобы увеличить Профессорамъ жалованье, которое до него было весьма скудно.

При сынѣ его, Людовикѣ III, по прозванію Бородатомъ, значеніе Университета особенно возвысилось въ общественномъ мнѣніи чрезъ то, что многимъ изъ Профессоровъ даны были важныя государственныя должности: многіе сдѣланы были Тайными Совѣтниками, другіе Епископами, одинъ Лейбмедикомъ, другой Посланникомъ и т. п. Людовикъ III подарилъ Университету свою значительную библіотеку и постановилъ, чтобы каждый изъ его преемниковъ обязывался клятвенно ее поддерживать.

При немъ и при его преемникѣ Людовикѣ IV, по прозванію Кроткомъ, въ юридическомъ факуль-

тетѣ являются слѣдующіе новые Профессоры: Генрихъ Ф. Гульпенъ, Дитмаръ Трейсъ, Людовикъ Ф. Буско, Ф. Ризенъ и Бартоломей Геркенвикъ.

Фридрихъ I, по прозванію Побѣдоносный, въ первые годы своего правленія пріумножилъ университетскіе доходы и библіотеку, исправилъ прежніе университетскіе законы, далъ университетскому Совѣту лучшее устройство, сократилъ вакаціи, сдѣлалъ лучшее расположеніе часовъ преподаванія, усилилъ свободу публичныхъ лекцій и возстановилъ каѳедру *juris civilis*. На эту каѳедру опредѣлилъ онъ сперва Іоанна Шрёдера Лупинпгули, потомъ Іоанна Бисспигера, далѣе Петра Вакера, Гартманна Пистора и Андрея Гартманна.

Филиппъ Прямодушный увеличилъ доходы Университета, снабдилъ его новыми каѳедрами и преподавателями, умножилъ публичную библіотеку, соединилъ съ нею университетскую и учредилъ коллегію для юристовъ подъ названіемъ новой бурсы. При блистательномъ его Дворѣ жили многіе знаменитые ученостію мужи: великіе знатоки древнихъ языковъ Рудольфъ Агрікола и Іоаннъ Ф. Пфорцгеймъ, ученый Канцлеръ Теодорикъ Ф. Плеппингенъ, также знаменитый Іоаннъ Эколампадіусъ въ качествѣ наставника Принцевъ, и другіе, большею частію воспитанники Гейдельбергскаго Университета. Изъ юристовъ въ это время въ Гейдельбергскомъ Университетѣ были: Іоаннъ Ф. Далгеймъ, который первый читалъ здѣсь Пандекты, Николай Мёрзпигеръ, Теодорикъ Линкъ, Іоаннъ Ваккеръ, Генрихъ Валкъ, Конрадъ Оберлинъ, Іеронимъ Флоръ и Симонъ Рибизенъ.

Людовикъ V Миролюбивый продолжалъ пріобрѣтать для Университета знаменитѣйшихъ мужей Германіи, особенно для факультета свободныхъ искуствъ. Въ это время былъ записанъ въ число Студентовъ Гейдельбергскаго Университета между прочимъ Меланхтонъ въ 1509 г. подъ именемъ Филиппа Шварцерда, а Лютеръ имѣлъ въ Гейдельбергскомъ Августинскомъ монастырѣ свой знаменитый диспутъ 26 Апр. 1518 г. Между юристами замѣчательны: Адамъ Вернеръ, Іоаннъ Малеръ, Іоаннъ Липкъ, Петръ Гюнтеръ, Іоаннъ Кёнигъ, Гартманнъ Гартманни, Іоаннъ Пфау, Конрадъ Димъ, Венделинъ Шеллингъ — первый преподаватель Ленаго права, и Севастіянъ Гюгель.

Существенное преобразованіе Университета было приведено въ дѣйствіе при Фридрихѣ II Мудромъ. Всѣ философскія секты (реалисты, номиналисты, томисты, скотисты и проч.) были запрещены; всѣ коллегіи были соединены въ одну; 12 монастырей въ Рейнскихъ земляхъ было уничтожено и ихъ доходы большею частію были отданы Университету; Гейдельбергскій Августинскій монастырь, въ которомъ со времени Лютерова диспута не осталось ни одного монаха, былъ обращенъ въ Collegium Sapientiae для бѣдныхъ Студентовъ. Изъ юристовъ въ это время замѣчательны: Николай Циснеръ, Конрадъ Димъ, Іоаннъ Фабри, Діонисій Гравій, Іоаннъ Дешлеръ, Филиппъ Ринеръ, Іоаннъ Милей, Павелъ Циснеръ, Мелхіоръ Вейзенбергеръ и Венделинъ Гейлманнъ.

Не смотря на всѣ старанія Фридриха II, состояніе Университета не было еще удовлетвори-

тельно, потому что схоластическая философія всё еще имѣла много силы и что университетскіе законы устарѣли. Поэтому его преемникъ, Оттонъ Генрихъ Великодушный (5), по вступленіи своемъ на престолъ объявилъ: „что онъ желаетъ возвысить Университетъ, хотя бы даже это стоило ему послѣдняго геллера.“ Для этого, между прочимъ, вызвалъ онъ изъ Тюбингена юриста Христофа Эгемія, также пріобрѣлъ для Университета богослова Меланхтона, гуманиста Мицилла и ученыхъ Совѣтниковъ Проба и Эгема, и съ помощію ихъ началъ приводить въ исполненіе преобразованіе Университета. Когда они начертили новые законы для Университета, Оттонъ ихъ обнародывалъ и велѣлъ привесть въ дѣйствіе; но къ сожалѣнію онъ умеръ прежде, нежели планъ его былъ осуществленъ во всемъ объемѣ. Съ нимъ пресѣклась (въ 1559 г.) древняя Гейдельбергская Курфиршеская линія.

Наслѣдникъ его, Фридрихъ III Набожный, изъ линіи Пфальцъ-Симмерской, введшій въ свои владѣнія Реформатское исповѣданіе, прилагалъ также попеченіе объ Университетѣ, и старался частію сохранить прежнихъ, частію же пріобрѣсть новыхъ знаменитыхъ преподавателей. Изъ юристовъ онъ заспалъ уже знаменитыхъ Каспара Агриколу и Франциска Бальдуина; самъ же пріобрѣлъ для Универси-

(5) Онъ построилъ, отчасти на древнемъ Римскомъ фундаментѣ и на развалинахъ замка, сооруженнаго около 510 г. Герцогомъ Франкскимъ Антизомъ, тотъ Гейдельбергскій замокъ, который частію былъ разрушенъ Французами въ 1688 г., частію пожаромъ отъ молніи, и которому, даже въ его развалинахъ, нынѣ удивляются знатоки.

тета: Николая Доббина, Гуго Донелла, Бартоломея Блаурера, Іакова Концепатія, Карла Гугелія, Петра Шалунна Аквилія, Бертольда Редлиха и Петра Аностана. Случившаяся въ его правленіе моровая язва принудила на время перевесть Университетъ изъ Гейдельберга въ Оппенгеймъ.

При Людовикѣ VI, ревностно старавшимся замѣнить Реформатское вѣроисповѣданіе Лютеранскимъ, повелѣно было въ 1580 г. всѣмъ преподавателямъ и Студентамъ, подъ страхомъ лишенія правъ, принять Лютеранское исповѣданіе, что и было причиною упадка Университета. Всѣ почти Профессоры оставили Гейдельбергъ. Хотя потомъ каѳедры замѣщены были такими учеными, которые были не только строгіе Лютеране, но которыхъ имена были извѣстны въ ученомъ свѣтѣ (какъ напр. для юридическихъ каѳедръ: Валентинъ Форстеръ, Матѳей Энтцлинъ, Евстафій Ульнеръ и Николай Цисперъ); но Университетъ отъ того мало поправился. Іоаннъ Казимиръ, братъ Людовика VI, недовольный такими перемѣнами, принялъ въ свой городъ Нейштадтъ всѣхъ изгнанныхъ изъ Гейдельберга Профессоровъ и основалъ здѣсь, подъ именемъ *Casimirianum*, маленькую, но весьма уважаемую Академію.

По смерти Людовика VI, во время малолѣтства Фридриха IV, управлялъ Курфиршествомъ Іоаннъ Казимиръ въ качествѣ Регента. Онъ сперва старался согласить объ Евангелическія партіи, Реформатскую и Лютеранскую, но не успѣвъ въ томъ, оставилъ всѣхъ почти Профессоровъ Лютеранскаго исповѣданія, вызвалъ въ Гейдельбергъ опять преж-

нихъ Профессоровъ и другихъ знаменитыхъ мужей, украшавшихъ его Нейштадскую Академію, и набралъ новыхъ, какъ напр. изъ юристовъ: ЮліяАція, Ипполита а-Коллибусъ, Андрея Кинхія, Генриха Крефтинга и Петра Гейманна. Іоаннъ Казимиръ выстроилъ почти вновь знаменитую бурсу для бѣдныхъ Студентовъ въ 1591 г, отъ чего она съ этого времени стала называться Collegium Casimirianum. По его же повелѣнію сдѣлана была та извѣстная Гейдельбергская бочка, вмѣщавшая въ себѣ 236,000 бутылокъ вина, на которой пировали нѣкогда разгульные гости Курфирстовъ, и которая теперь своею чудовищною огромностію приводитъ въ изумленіе путешественниковъ.

При Курфирстѣ Фридрихѣ IV случившаяся въ Гейдельбергѣ моровая язва разсѣяла на нѣкоторое время Профессоровъ и Студентовъ. Изъ юристовъ этого времени замѣчательны: Марк. Фрегеръ, Діонисій Готофредъ, Филиппъ Гоффманнъ, Даніилъ Небель, Іоаннъ Кальвинъ, Захарій Зетцеръ, Рейн. Бахов. Эхпій, Вольфгангъ Лоссій и др.

Во время тридцатилѣтней войны весьма много потерпѣлъ Университетъ. Тиллій опустошилъ окрестности Гейдельберга, и послѣ долговременной осады, взялъ самый городъ приступомъ въ 1622 г. Университетская библіотека была сожжена и разграблена, а остатки ея отправлены Герцогомъ Баварскимъ Максимиліаномъ въ Римъ, въ подарокъ Папѣ. Профессоры Протестантскаго исповѣданія были изгнаны, прочіе же оставлены при Университетѣ. Курфирстъ Баварскій Максимиліанъ хотѣлъ даже

сдѣлать Университетъ Католическимъ, и для того призвалъ нѣкоторыхъ новыхъ Профессоровъ, между прочимъ для Пандектовъ Бахова. Эти мѣры однако же мало имѣли успѣха, и когда въ 1633 г. Шведы завоевали Гейдельбергъ, всѣ Католическіе Профессоры должны были оставить Университетъ, кромѣ Бахова, который принялъ Реформатское исповѣданіе.

Герцогъ Филиппъ Людовикъ, въ качествѣ опекуна малолѣтняго своего племянника, возстановилъ Университетъ, сдѣлавши его снова Реформатскимъ, и призвалъ много новыхъ Профессоровъ. Но вскорѣ Баварцы снова завоевали Гейдельбергъ; опять были призваны Католическіе Профессоры, хотя Студентовъ было весьма мало. Тогда по Пражскому миру весь Пфальцъ, а съ нимъ и городъ Гейдельбергъ, достался Баварскому Дому. Но по Вестфальскому миру Гейдельбергъ возвращенъ былъ опять прежнимъ владѣтелямъ. Курфирстъ Карлъ Людовикъ, тотчасъ по вступленіи въ свой древній городъ, старался вездѣ изгладить слѣды ужаснаго опустошенія и возвратить Университету прежній его блескъ. Много новыхъ Профессоровъ было призвано, изъ юристовъ: Генрихъ Давидъ Хупо, Готтфридъ, Филиппъ Бурхардъ, Іоаннъ Фридрихъ Бёккельманнъ, знаменитый Самуилъ Пуффендорфъ — первый Профессоръ Естественнаго и Народнаго Права, Банниръ Шуттеній, Г. Г. Глёкнеръ, Р. Блумъ, Веддеркопфъ, J. Флоренсъ, І. С. Ф. Данкельманнъ, Х. Э. Рейхенбахъ, Г. Кокцей, І. В. Текспоръ и Іоаннъ Ф. Спина. Карлъ Людовикъ самъ принималъ участіе въ управленіи Университетомъ и въ его ученой дѣятельности;

присутствовалъ при всѣхъ публичныхъ рѣчахъ, диспутахъ, промоціяхъ и проч.

Блестящее состояніе Университета продолжалось и въ правленіе сына его Карла. Преемникъ его Филиппъ Вильгельмъ, изъ Дома Пфальцъ-Нейбургскаго, много также подавалъ надеждъ, которымъ однако же Орлеанская наслѣдственная война, начавшаяся въ 1688 г., помѣшала осуществиться. Большая часть Профессоровъ убѣжали за границу, а Университетъ въ 1694 г. перемѣщенъ былъ во Франкфуртъ на Майнѣ, по повелѣнію Курфирста Іоанна Вильгельма. Изъ юристовъ здѣсь замѣчательны: I Клотеръ и Ф. Г. ф. Лейпеншлоссъ. Въ 1698 г. Университетъ переведенъ былъ въ Вейнгеймъ, наконецъ въ началѣ 1700 г. опять возвращенъ въ Гейдельбергъ, гдѣ первымъ Ректоромъ былъ юристъ ф. Морассъ.

Съ этого времени попеченія Курфирста Іоанна Вильгельма о совершенномъ возстановленіи Университета удвоились. Онъ подарилъ ему значительную библіотеку; привелъ въ порядокъ растроенные его доходы, сооружилъ въ 1712 г., на развалинахъ Casimiriani, еще и теперь существующее огромное и величественное университетское зданіе (domus Wilhelmiana); вызывалъ изъ всей Германіи знаменитѣйшихъ Профессоровъ. Изъ юристовъ замѣчательны: Л. Россманнъ, П. Услебенъ, I. I. Витріарій, Прессель, I. Б. Бушъ, I. Ф. Гершлингъ и К. О. Тилль.

Курфирстъ Карлъ Филиппъ старался, при всякомъ удобномъ случаѣ, споспѣшествовать дальнѣйшему процвѣтанію наукъ; устроилъ въ 1730 г. бур-

су или коллегію (Карловъ Конвиктъ) для юношей всѣхъ факультетовъ, преимущественно же для философскаго образованія, но отдалъ ее въ управленіе Іезуитамъ, которымъ поручилъ также преподованіе Философіи. Съ этого времени философскій элементъ, который и до того никогда въ Гейдельбергѣ не былъ силенъ, началъ здѣсь еще болѣе ослабѣвать; а эмпирическій элементъ, уже и прежде здѣсь преобладавшій, началъ еще болѣе усиливаться. Новыми преподавателями въ юридическомъ факультетѣ были: А. Бернардъ, А. Гутъ, А. Шпаудингеръ, Ф. Х. Геппеманнъ, Ф. Алефъ и Г. І. Гертлингъ.

При Курфирстѣ Карлѣ Ѳеодорѣ, изъ линіи Пфальцъ-Зульцбахской, Гейдельбергскій Университетъ имѣлъ, можно сказать, свой золотой вѣкъ. Многія каѳедры были вновь учреждены: такъ въ юридическомъ факультетѣ каѳедра Гражданскаго Судопроизводства, каѳедра Нѣмецкаго Государственнаго и Гражданскаго Права, съ которымъ соединено было преподаваніе Пфальцскаго Земскаго Права. Въ особенности Карлъ Ѳеодоръ старался о возвышеніи и замѣщеніи философскихъ каѳедръ, потому что онъ самъ былъ философъ, любитель и знатокъ искуствъ. Наибольшее распространеніе получилъ Университетъ чрезъ присоединеніе въ 1784 г. къ философскому факультету Лаутерскаго камеральнаго высшаго училища, основаннаго Карломъ Ѳеодоромъ. Это происшествіе тѣмъ замѣчательнѣе, что до того времени камеральныя науки не были изучаемы ни въ одномъ Университетѣ. Карлъ Ѳеодоръ своими постановленіями содѣйствовалъ так-

же тому, что схоластическая метода совершенно была изгнана изъ Гейдельбергскаго Университета. Онъ запретилъ диктовать лекціи, а повелѣлъ читать ихъ разговорнымъ тономъ; постановилъ, чтобы преподаватели при своихъ лекціяхъ изъясняли принятыя ими въ основаніе учебныя книги; чтобы выборъ этихъ книгъ сообразовался съ общимъ публичнымъ объ нихъ сужденіемъ современниковъ; чтобъ изученіе наукъ было облегчено посредствомъ введенія вѣрнаго порядка въ преподаваніи наукъ, по которому одна наука объясняла бы другую; чтобы преподаваніе переходило отъ простаго къ сложному, отъ легко понятнаго къ трудному и т. п. Онъ запретилъ дѣлать на лекціяхъ всякаго рода ненужныя отступленія отъ преподаваемой науки, всякое вмѣщеніе чуждыхъ ей предметовъ; постановилъ, чтобы лекціи по каждой наукѣ оканчивались въ одно полугодіе, дабы предотвратить непонятливость, происходящую отъ излишняго накопленія и расширенія предметовъ; дабы возможно было частымъ повтореніемъ пріобрѣсть основательнѣйшія познанія. Карлъ Ѳеодоръ привелъ въ ясность и порядокъ прежніе доходы Университета и пріумножилъ ихъ новыми. Наконецъ въ 1786 онъ издалъ для Университета новые законы, въ которыхъ не только возобновилъ и подтвердилъ прежнія университетскія права и преимущества, но и мудрыми постановленіями обезпечилъ свободный и спокойный ходъ развитія наукъ и искусствъ. Въ особенности видна его мудрость въ томъ, что онъ открылъ, для всѣхъ Христіанскихъ исповѣданій безъ различія и съ равными правами, университетскія

каѳедры. Въ его правленіе прославилось множество ученыхъ. Изъ юристовъ замѣчательны: Ф. Фридрихъ, А. Рюдель, П. Галладе, А. Шмидтъ, Ф. Кс. Гольль, М. Кюбель, В. А. Даменъ, Ф. И. Ведекиндъ, І. Алефъ — первый Профессоръ юридической практики, Ф. ф. Гертлингъ, І. І. Киршбаумъ, І. Ѳ. Мюллеръ, М. Гейслеръ, Ф. Гамбсъегеръ, Ф. Янсонъ, Ф. Шпенгель — первый Профессоръ Общаго Германскаго и Пфальцскаго Земскаго Права, Г. Ф. Центнеръ, И. Ведекиндъ, И. А. Рейхертъ.

Въ 1802 г. Гейдельбергскій Университетъ былъ близокъ къ паденію. Чрезъ Французскія завоеванія онъ потерялъ почти всё свое имущество; а благодѣтель его, Курфирстъ Карлъ Ѳеодоръ, славно правившій 57 лѣтъ, уже скончался въ 1799 г.

Его преемникъ, Максимиліанъ Іосифъ, долженъ былъ, въ 1802 г., уступить весь Рейнъ-Пфальцъ, вмѣстѣ съ Гейдельбергомъ, Дому Баденскому.

Новый Курфирстъ, Карлъ Фридрихъ Баденскій, рѣшился спасти знаменитый Университетъ отъ паденія. Онъ заплатилъ его долги, назначилъ ему доходы, далъ ему новое устройство, сообразное тогдашнему времени, умножилъ число каѳедръ, обогатилъ и распространилъ разнаго рода заведенія и учебныя пособія, принадлежащія къ Университету, вообще далъ ему новое блестящее и твердое положеніе, такъ что Гейдельбергскій Университетъ по справедливости почитаетъ его вторымъ своимъ основателемъ, и съ 1803 г. носитъ названіе Рупрехто-Карловскаго Университета (Ruperta-Carolina).

Вообще Великіе Герцоги Баденскіе безпрестанно старались привести мало по малу Университетъ въ то цвѣтущее состояніе, въ которомъ онъ нынѣ находится. Въ это время призваны были въ Гейдельбергскій Университетъ: Гейзе, Петцъ, Мартинъ, Тибо, Клюберъ, Цахаріе, Генслеръ, Велькеръ, Кроппъ, Россгиртъ, Вальхъ, Вилли (родившійся въ Астрахани), Циммернъ, Морштадтъ, Гюйе, Миттермайеръ и др.

Конечно Баденское Правительство уступило на время требованіямъ нашего вѣка въ томъ отношеніи, что посредствомъ призванія ученыхъ знаменитостей всѣхъ цвѣтовъ, оно думало содѣлать Гейдельбергскій Университетъ представителемъ господствующихъ направленій современной образованности. Но довольно уже скоро оно должно было убѣдиться, что новые элементы могли быть только насильственно привиты ученой Гейдельбергской жизни; что Гейдельбергъ не имѣлъ призванія быть представителемъ новой образованности, а что ему суждено только дѣйствовать для удовлетворенія потребностей и интересовъ практической жизни гражданъ и государства. Тогда Университетъ былъ оставленъ при усвоенномъ имъ однажды характерѣ: не стали ему болѣе навязывать такого направленія, которое не вытекло изъ собственной его внутренней жизни. Такимъ образомъ Философія и спекулятивное Богословіе здѣсь опять упали; классическое и антикварное ученіе сдѣлалось опять одностороннимъ; даже въ практическихъ наукахъ нѣкоторыя методы стали неподвижными; и въ то время, когда совершались въ Германіи новые сціентифическіе пе-

перевороты, старые Гейдельбергскіе преподаватели, спокойно и неподвижно сидя на изолированныхъ своихъ каѳедрахъ, съ пронической улыбкой глядѣли на движеніе вокругъ ихъ происходившее, между тѣмъ какъ люди новѣйшаго образованія изрѣкали проклятіе на Гейдельбергское филистерство. Но это т. н. Гейдельбергское филистерство обладаетъ такою внутреннею силою и свѣжестію, съ которыми трудно мѣряться пустой надутости т. н. людей геніальныхъ. Эти старые преподаватели, которые, повидимому, такъ чужды духу времени, коренятся въ настоящей его почвѣ, въ духѣ своего народа, въ движеніи мѣстной политической и общественной жизни. Эта сціентифическая жизнь Гейдельберга, которая кажется неподвижною, идетъ впередъ безпрерывно, постоянно, хотя безъ шуму и безъ скачковъ.

Характеръ Гейдельбергскаго Университета нынѣ всего живѣе и полнѣе выражается въ его юридическомъ факультетѣ, который даже соперничаетъ съ Берлинскимъ. Гейдельбергскій юридическій факультетъ недавно еще имѣлъ и отчасти теперь имѣетъ такихъ преподавателей, изъ которыхъ каждый является главою, или представителемъ особеннаго ученаго направленія, особенной партіи въ ученомъ мірѣ. Какъ вообще особенность Юриспруденціи состоитъ въ томъ, что она непосредственное имѣетъ вліяніе на развитіе общественной жизни, и какъ премущественно дѣятельностію юридическаго факультета измѣряется вообще степень вліянія Университета на всё окружающее, по тому Гейдельбергскій Университетъ съ давнихъ временъ пріі-

обрѣлъ первостепенное значеніе не только въ области наукъ юридическихъ, но и въ общественной Германской жизни. Самое постоянство направленій и лицъ, дѣйствующихъ въ Гейдельбергскомъ Университетѣ, заставляетъ предполагать или чрезвычайную внутреннюю силу и свѣжесть этихъ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умѣнье ограничивать себя съ извѣстной степени, или же не менѣе рѣдкую растягаемость началъ, подвижность личныхъ взглядовъ, мыслей и направленій. Въ обоихъ случаяхъ результатъ долженъ быть одинъ и тотъ же: перевѣсъ личности, ея самостоятельной силы надъ общимъ духомъ науки и внутреннимъ ея развитіемъ, или, другими словами, перевѣсъ личнаго разсудка надъ всеобщимъ, спекулативнымъ разумомъ. Этимъ объясняется: 1) рѣзкая оппозиція Гейдельбергскихъ юристовъ, направленная противъ философскаго и историческаго обработыванія Права; 2) то явленіе, что всѣ преподаватели, которые хотѣли внести сюда направленіе, противное характеру Гейдельбергскаго Университета, должны были наконецъ или оставить Гейдельбергъ, или пристать къ тѣмъ направленіямъ, которыя здѣсь господствуютъ, или же засохнуть какъ молодые отпрыски въ пѣни древняго дуба.

Первое мѣсто между членами юридическаго факультета долго занималъ Профессоръ Тибо (6).

(6) Ant. Friedr. Just. Thibaut, родился въ Гаммельнѣ, что въ Ганноверскихъ владѣніяхъ, 4 го Генв. 1774 г.; въ 1798 былъ сдѣланъ Адъюнктомъ, а въ 1799 Ординарнымъ Профессоромъ Кильскаго Университета; въ 1802 вызванъ былъ въ Енскій Университетъ, а въ 1805 въ Гейдельбергскій, гдѣ и умеръ 28 Марта 1840 года.

Отличительная особенность его методы и направленія такъ срослись со всею его личностію, что не иначе можетъ быть вполнѣ понята, какъ ознакомившись съ этою личностію. Не такъ еще давно я посѣщалъ его лекціи, и всегда удивлялся глубокому чувству, классической наивности и исполненному жизни практическому смыслу, отражавшимся не только въ изустномъ преподаваніи, но и во всей жизни знаменитаго Профессора.

Внѣшняя форма его преподаванія мало чѣмъ отличалась отъ прочихъ Гейдельбергскихъ и многихъ Германскихъ Профессоровъ. Онъ сообщалъ сущность своей лекціи въ видѣ изрѣченій, диктуя ихъ медленно и со всею точностію. Продиктованный періодъ онъ объяснялъ долго, потомъ снова возвращался къ диктовкѣ, опять объяснялъ и т. д. Но содержаніе его диктатовъ, а въ особенности его объясненій, было неподражаемо превосходно во многихъ отношеніяхъ. Это былъ плодъ долговременной опытности юриста, одареннаго въ высшей степени практическимъ тактомъ, до полнаго сознанія развившаго въ себѣ этотъ тактъ не мертвою теоріею, а живою практикою. Каждое теоретическое положеніе онъ объяснялъ и оттѣнялъ множествомъ примѣровъ, невыдуманныхъ въ кабинетѣ, но почерпнутыхъ изъ самой жизни, и притомъ изъ собственной своей практики, а потому разнообразныхъ, сложныхъ, какъ разнообразна, сложна самая жизнь. Съ какою простотою и остроуміемъ онъ излагалъ сложность приводимыхъ имъ юридическихъ казусовъ! Съ какою наивностію вмѣшивалъ онъ въ свои объясненія практическія замѣчанія

и совѣты, драгоцѣнные для будущаго практика на поприщѣ юридическомъ! Какимъ простодушіемъ дышало всё его обхожденіе съ своими слушателями! Вся его наружность была отпечатокъ души пылкой, исполненной жизни. Вѣчно спокойное и вмѣстѣ живое лице, на которомъ не замѣтно было ни малѣйшаго слѣда борепія; небрежно вьющіеся по плечамъ сѣдые локоны, свѣтлые, голубые глаза, въ которыхъ играла непринужденная веселость; прямой, высокій станъ; звучный, пріятный голосъ, въ которомъ отзывались природная нѣжность и пріобрѣтенная твердость характера, словомъ, вся наружность внушала какое-то невольное почтеніе и вмѣстѣ любовь къ этому необыкновенному человѣку. Глядя на него чувствуешь и его возвышенность, и вмѣстѣ невольное желаніе сблизиться, сдружиться съ этою теплою натурою. Это былъ человѣкъ, котораго геній не давилъ васъ своимъ превосходствомъ. Въ его возвышенной атмосферѣ вамъ было и легко, и тепло. Въ его присутствіи вы чувствовали, какъ переливалась въ васъ божественная гармонія его музыкальной души. Вы вѣрили, что для такой души музыка сбрасываетъ съ себя бренную оболочку земнаго наслажденія и становится изящнымъ выраженіемъ Божественнаго въ свободномъ искусствѣ; вы понимали, почему Тибо такъ часто любилъ повторять слова: „Юриспруденція мое ремесло, музыка моя религія;“ почему онъ чувствовалъ даже отвращеніе отъ всякой т. н. музыки, которая не заключаетъ въ себѣ самой и своей цѣли, и своего достоинства. Тибо сравнивалъ новѣйшую музыку съ нарумяненной

кокеткой, которая хочетъ замѣнить недостатокъ прелестей внѣшними средствами. Онъ думалъ, что новымъ музыкальнымъ композиторамъ недостаетъ вѣры въ божественность изящнаго, и полагалъ, что этотъ недостатокъ проистекаетъ отъ скудости въ нихъ творческой силы генія. При мысли о всемъ великомъ, созданномъ Греческимъ и Италіанскимъ духомъ, Тибо восклицалъ: „Какъ бы я желалъ провесть всю мою остальную жизнь въ созерцаніи этихъ великихъ созданій!“ Въ маленькомъ музыкальномъ своемъ сочиненіи о чистотѣ тоническаго искуства, Тибо сказалъ: „Духъ мой никогда не могъ бы соснарѣяться, если бы благопріятная судьба навсегда сохранила во мнѣ чистое наслажденіе облагороженнаго тоническаго искуства.“ Онъ вѣрилъ въ вѣчную юность идеи полной жизни; въ этомъ отражалась та энергія его личности, которая давала ему возможность стоять съ свѣтлыми очами въ сферѣ своего призванія, твердою рукою обхватывать жизнь, и понимая движенія этой жизни, сознавать въ себѣ право на то, чтобы давать направленіе этимъ движеніямъ, изъ самой жизни творить жизнь новую, развивать жизнь.

Тибо принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ геніевъ, которые всю глубину и полноту жизни созерцаютъ прямо, непосредственно, какимъ-то непонятнымъ просвѣтленнымъ чувствомъ.

Гейдельбергъ въ новѣйшее время имѣлъ счастіе обладать двумя великими людьми, въ которыхъ элементы Германскаго народнаго духа выражались во всей чистотѣ и силѣ. Каждый изъ нихъ въ своемъ

родѣ представляетъ окончепное развитіе, и между тѣмъ они другъ отъ друга различны, оба сами себя пополняютъ, и потому были связаны между собою тѣснѣйшею дружбою. Это были богословъ Даубъ и юристъ Тибо. Даубъ умеръ за нѣсколько лѣтъ; гробъ Тибо еще свѣжъ, какъ свѣжа грусть объ его потери.

Тибо извѣстенъ свѣту въ особенности какъ юристъ. На Юриспруденцію онъ видимо наложилъ отпечатокъ своей личности. Историческая школа, почитавшая его главнѣйшимъ своимъ противникомъ, приписала ему тотъ характеръ, который обыкновенно принимается за мѣрило его обсужденія. Она ставитъ философскую и историческую сторону Права въ совершенную противоположность. По ея мнѣнію философскій взглядъ на Право полагаетъ въ основаніе Правовѣдѣнія отвлеченное и произвольное начало, и изъ него, помощію формальнаго логическаго закона, выводитъ всѣ частности и особенности; напротивъ историческій взглядъ на Право ищетъ начала не въ личномъ объ немъ понятіи, а въ самыхъ предметахъ, выражающихъ его сущность. Историческая школа думаетъ, что она, освободивши Право отъ личнаго произвольнаго сужденія, дала ему дѣйствительность, сообщила силу самостоятельной жизни, которая развивается изъ рода въ родъ, помощію своего собственнаго внутренняго стремленію, не имѣя нужды въ философскомъ началѣ, привходящемъ извнѣ, и потому вносящемъ искуственный элементъ въ естественный составъ жизни. Если бы Право имѣло, въ смыслѣ исторической школы, истинную дѣйствительность, то эта дѣйствитель-

ность должна бы находиться во всеобщности его опредѣленій: Право должно бы быть вѣчнымъ, непреходимымъ закономъ въ жизни народовъ, должно бы властвовать надъ всякимъ произволомъ и личнымъ мнѣніемъ. Въ такомъ бы только случаѣ Право стало противоположнымъ произвольному, искуственному его образованію, и вмѣстѣ оно бы содѣлалось для мыслящаго духа свободнымъ его царствомъ, которое онъ можетъ обнять однимъ мышленіемъ, независимо отъ случайностей историческаго развитія Права. Но историческая школа хочетъ смотрѣть на Право только съ одной исторической стороны. Хотя она освобождаетъ Право отъ произвола законодательства, и принимаетъ его какъ результатъ дѣятельности народа, но чрезъ это перемѣняетъ только роли: одно лице заступаетъ мѣсто другаго. Право все еще остается только дѣломъ личности, и его необходимость основывается не на внутренней его сущности, не на его разумѣ, но на связи его историческаго происхожденія и развитія съ отвлеченнымъ понятіемъ, которое называется исторической школою народовъ. Историческая школа не совсѣмъ послѣдовательна, а то она не отвергла бы того, въ чемъ ее обвиняютъ; созналась бы, что она основою своею ученія поставляетъ неразумность Права, именно чрезъ то, что она разсматриваетъ его съ одной только исторической стороны, односторонно.

Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ такая разумность Права, которая не имѣетъ единства и всеобщности? Разумъ есть вѣчная юность и безсмертная жизнь, есть безконечный и неистощимый ис-

точникъ, изъ котораго черпая, всякое время можетъ обновиться. Но эту-то возможность обновленія изъ живаго духа и отвергаетъ историческая школа, хотя она безпрестанно произноситъ слова: дѣятельность, развитіе и пр. Вся историческая школа раціональна въ томъ только смыслѣ, что она живетъ скудными отвлеченіями. И будто въ *этомъ* смыслѣ Тибо раціоналистъ? Никто такъ ежедневно и ежечасно не опровергалъ односторонность той школы, которая мѣряетъ свободную жизнь аршиномъ неподвижныхъ отвлеченій. Всѣми орудіями своего плодовитаго, исполненаго жизни юмора, Тибо тысячу разъ представлялъ всё ничтожество такой методы, которая стѣсняетъ всѣ великія движенія жизни, заключаетъ ихъ не только въ односторонніе раціональныя начала, но и въ отжившія уже, давнопрошедшія нормы умершихъ историческихъ бытовъ. Основное мнѣніе Тибо состояло въ томъ, что Римское право имѣетъ *для* насъ особенно важное значеніе не какъ Римское и историческое, но во сколько оно является разумнымъ, и потому всеобщимъ. Если бы каждая историческая случайность имѣла *для* насъ равное значеніе съ тѣмъ, что является всеобщею, разумною историческою необходимостію, то каждое новое открытіе рукописей и варіантовъ тѣхъ памятниковъ, которые заключаютъ въ себѣ юридическое содержаніе, перемѣняло бы всю нашу юридическую жизнь. „Неужели“ говоритъ Тибо „счастіе моихъ согражданъ зависитъ отъ того, какъ принимаютъ нашихъ ученыхъ въ Римѣ и Парижѣ, прилежно ли они тамъ собираютъ матеріалы, или нѣтъ?“

Такому постыдному положенію живаго духа, при которомъ онъ осужденъ на то, чтобы вѣчно быть прикованнымъ къ гробовому камню отжившихъ народовъ, и имъ отказаться отъ своей возвышенной, свободной творческой силы, онъ противился со всѣмъ энтузіазмомъ своей души въ то время, когда мысль о единствѣ Германіи проникла всѣхъ его соотечественниковъ. Тибо желалъ, чтобъ изъ этой живой народности Германцевъ вышекло свое самостоятельное уложеніе. Въ этомъ желаніи выражалась его вѣра во внутреннюю силу своего отечества, его убѣжденіе въ разумѣ, присущемъ жизни Германскаго народа, въ той разумности Права, которая съ безконечнымъ разнообразіемъ облекаетъ дѣйствительность въ невынужденныя формы. Онъ желалъ, чтобы не произвольная система была навязана свободной жизни, но чтобы разумныя начала, истинныя условія жизни были изложены въ общемъ Германскомъ уложеніи. Какъ же понимаетъ Тибо разумность Права? Какъ отвлеченную мысль? Кто сколько нибудь зналъ Тибо, тотъ вмѣстѣ зналъ, что онъ всего болѣе чуждался подобныхъ отвлеченій, что онъ въ особенности превосходенъ былъ въ практической Юриспруденціи.

Въ непринужденности личнаго созерцанія, въ умѣньи проникать въ сокровеннѣйшіе изгибы практической юридической жизни, Тибо достигъ своего высшаго мастерства. Отъ него можно научиться, какъ должно понимать каждое время, каждую особенность жизни, каждое отдѣльное отношеніе въ его живой сущности, слѣдовательно въ его дѣйствительной разумности, какъ всё положительное

Право всегда остается въ связи со внутренними и внѣшними движеніями, происходящими въ жизни народовъ, семействъ и частныхъ людей. Личность Тибо какъ юриста выражаетъ живой духъ Права, который безпрестанно является какъ полнота, единство всего частнаго и особеннаго, и который, какъ содержаніе способное къ безконечной разнообразности, принимаетъ тѣ формы, которыя ему сообщаются особенною степенью историческаго развитія. За это особенно и пользуется онъ глубочайшимъ почтеніемъ тысячи учениковъ, испившихъ живой воды изъ этого источника живаго духа.

Литературная дѣятельность Тибо не велика въ сравненіи съ новымъ поколѣніемъ преподавателей (7). Это не случайно. Тибо не любилъ безмолвія писаннаго слова, которое придаетъ животрепещущей мысли болѣзненную, мертвенную блѣдность ученаго кабинета. Его сфера тамъ, гдѣ онъ полнымъ, сильнымъ голосомъ бесѣдуетъ живой съ живыми, а потому самою высшею точкою дѣятельности Тибо было его университетское преподаваніе. Онъ отпускалъ своихъ учениковъ не съ завѣщаніемъ мертвой учености, но съ тѣмъ, что онъ называлъ *разумомъ цивилиста*, съ умѣньемъ проницать внутреннюю сущность юридическихъ постановленій, такъ, чтобы Римское Право сбросило съ

(7) Первое его сочиненіе есть разсужденіе, написанное имъ по Римскому праву, для полученія степени Доктора Правъ: Diss. inaug. de genuina juris personarum et rerum indole, veroque hujus divisionis pretio. Kiel. 1796.

себя оболочку случайности Римскаго быта, и явилось бы живымъ разумомъ настоящаго. Такой характеръ Тибо, какъ юриста, такъ же трудно понять, какъ и рѣдко встрѣтить: можетъ быть отъ того, что почти всѣ мы утратили теперь способность подмѣчать внутреннюю жизнь частностей и особенностей; всѣ почти находимся подъ гнетомъ отвлеченія, для всего имѣя готовыя отвлеченныя категоріи, формы, въ которыя насильственно вдавливаются, втѣсняются свободно развитые быты, происшествія, дѣянія.

Съ недавняго только времени Философія стремится разорвать оковы отвлеченія, понять дѣйствительность, постигнуть ея сущности и съ просвѣтленнымъ взоромъ возвыситься къ идеѣ, истинѣ. Такая только Философія можетъ понять личность Тибо и воздать ей должное.

Германія особенно, кажется, богата тѣми личностями, которыя всю глубину и полноту идеи, истины созерцаютъ непосредственно, находятъ ее въ себѣ, и сознаютъ въ себѣ ея присутствіе. Такую личность представлялъ недавно Гёте, который, безъ всякаго философскаго взгляда, всѣ глубины и всѣ стороны идеи находилъ непосредственно въ себѣ самомъ, и выражалъ своимъ особеннымъ образомъ. Тибо также въ этомъ отношеніи замѣчателенъ, потому что онъ достигъ истины не чрезъ внутренній процессъ мышленія, а непосредственнымъ свѣтлымъ своимъ взглядомъ на міръ: онъ относится къ числу тѣхъ геніальныхъ людей, которые однимъ творческимъ актомъ проникаютъ въ сокровенную сущность ве-

щей. Этимъ объясняется свѣжесть его взглядовъ, ясность его созерцаній, неизсякаемая полнота его духа и сердца, что-то весеннее во всемъ его существѣ, его увѣренность въ самомъ себѣ, наивность, съ которою онъ схватываетъ всякое явленіе, предается ему, теряется въ немъ до игривой шутки, и вдругъ уносится въ возвышеннѣйшіе сферы, гдѣ снисходитъ на него то воодушевленіе, та сила генія, которой трудно противиться Съ этой возвышенной точки, съ которой онъ все вокругъ себя подчинялъ себѣ, онъ не упадалъ въ утомленіе, въ бездѣйствіе послѣ кратковременнаго жара, потому что онъ возносился въ ту страну духа, гдѣ ему всё было знакомое, родное, свое.

Часто, какъ я уже сказалъ выше, Тибо называлъ Юриспруденцію своимъ ремесломъ, а музыку своею религіею. Это съ перваго взгляда кажется шуткою, но Тибо тѣмъ выражалъ глубочайшую истину своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, онъ Право относилъ къ сферѣ условности, земной потребности, считалъ только формою земнаго бытія, изъ котораго возвышался въ царство безусловной, божественной жизни искуства, не какъ работникъ, желающій отдохнуть послѣ тяжкихъ трудовъ и серьозныхъ занятій, но какъ духъ, призываемый въ ту страну, гдѣ свергнувъ бренные оковы тѣлесности, лицемъ къ лицу онъ созерцаетъ Небожителя.

Что между всѣми искуствами предпочтительный выборъ его палъ на музыку, это также находится въ связи съ его личнымъ характеромъ. Музыка есть то искуство, которое исполненіемъ снова

должно быть возсотворяемо. Не только композиторъ есть творецъ музыкальнаго созданія, но и въ самомъ исполнителѣ долженъ повторяться тотъ же актъ творенія. Когда Тибо, въ кругу друзей и знакомыхъ, являлся жрецомъ таинственной красоты міра звуковъ, все въ немъ было умиленіе и просвѣтленіе. Таковъ можетъ быть только тотъ, кто въ изящномъ не только полагаетъ свое украшеніе и наслажденіе, но и слышитъ, какъ отзывается въ немъ божественное эхо.

Вся жизнь Тибо была музыкальная, гармоническая, въ себѣ самой примиренная. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые рано, скоро и рѣшительно опредѣляютъ свое направленіе и свою цѣль, и потомъ уже навсегда остаются имъ непоколебимо вѣрными. Это могло конечно имѣть слѣдствіемъ нѣкотораго рода односторонность, намѣренное и упорное отполковеніе всѣхъ другихъ направленій и цѣлей; но съ другой стороны, только такимъ самоограниченіемъ и могъ достигнуть Тибо тѣхъ необыкновенныхъ успѣховъ въ своей сферѣ, той истинно классической полноты и округленности характера, которые почти никогда не бываютъ удѣломъ того, кто произвольно самъ себя поставилъ, или кто противъ воли поставленъ высшею необходимостію въ такое положеніе, при которомъ онъ вынужденъ безпрестанно раздроблять свою дѣятельность.

Главнымъ предметомъ юридическихъ занятій Тибо было Римское Право (8). Вообще онъ весьма

(8) По Римскому Праву болѣе всего онъ издалъ сочиненій, а именно, кромѣ докторской диссертаціи, о которой я упомянулъ

много содѣйствовалъ тому, что Римское Право начали объяснять гораздо основательнѣе и разумнѣе. Его руководила мысль, что Римское Право должно быть изучаемо посредствомъ глубокаго уразумѣнія отдѣльныхъ юридическихъ положеній, по ихъ всеобщему и особенному характеру, по ихъ временному и мѣстному происхожденію и значенію, безъ всякой посторонней примѣси. Такое направленіе нисколько, какъ вы видите, не исключаетъ Исторіи Права, историческаго обоснованія и объясненія отдѣльныхъ юридическихъ положеній. Тибо вездѣ прилагаетъ историческую методу, гдѣ данное юридическое отношеніе не имѣетъ само въ себѣ ясности; но въ такомъ случаѣ его историческое развитіе есть истинно внутреннее, и потому живое. Тогда онъ старается наглядно представить постепенное явленіе существенныхъ моментовъ разсматриваемаго юридическаго отношенія, не связываясь внѣшними, произ-

---

выше, и Системы Пандектовъ, о которой скажу ниже, онъ издалъ два сборника своихъ юридическихъ статей (Versuche über einzelne Theile der Theorie des Rechts. Jena. 1-е изд. 1798. 2-е изд. 1817. Civilistische Abhandlungen. Heidelberg. 1-е изд. 1814. 2-е изд. 1827.); маленькое сочиненіе о давности по Римскому Праву (Ueber Besitz und Verjährung. Jena. 1802); сочиненіе Купера о сущности владѣнія (Angel. Jac. Cuper. Observationes selectae, de natura possessionis. Ed. Thibaut. Jenae. 1804); статьи, помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ юридическомъ журналѣ, съ 1822 имъ вмѣстѣ съ другими издаваемомъ (Archiv fur die civilistische Praxis. Heidelberg. Съ 1818 до сихъ поръ продолжается). По другимъ частямъ Правовѣдѣнія Тибо издалъ только Юридическую Энциклопедію и Методологію (Juristische Encyclopädie und Methodologie. Altona. 1797), и Критическія замѣчанія на Фейербахову теорію основныхъ началъ уголовнаго Права (Beiträge zur Critik uber die Grundbegriffe des peinlichen Reehts. Hamburg. 1802).

вольными періодами и отдѣленіями временъ. Въ составъ своего изложенія онъ беретъ тогда изъ Исторіи Права только то, что существенно необходимо *для* объясненія особенностей, оставаясь безчувственнымъ къ тому безмѣрному обожанію Исторіи Права, которое, за множествомъ мелочныхъ историческихъ извѣстій, не имѣетъ времени обнять Римскаго Права въ его цѣлости и проникнуть его существенное значеніе. Тибо говоритъ не обинуясь, что онъ считаетъ Римское Право только произведеніемъ Римскаго міра, и потому вполнѣ приложимымъ только къ Римской жизни. Онъ остерегаетъ отъ смѣшенія Римскихъ юридическихъ началъ и положеній съ Германскими. Хотя онъ допускаетъ ихъ необходимое соединеніе, но это соединеніе разсматриваетъ только какъ дѣло законодательства и практики; а въ наукѣ онъ требуетъ строгаго отдѣленія чисто-Римскаго отъ того, что къ нему привзошло впослѣдствіи: того, что имѣетъ значеніе только *для* Римской жизни отъ того, что и *для* Германіи имѣетъ значеніе. Даже Тибо находитъ Римское Право не только во многихъ отношеніяхъ несообразнымъ съ настоящимъ временемъ, но въ нѣкоторыхъ — прямо противнымъ разуму, т. е. слѣдствіемъ ограниченныхъ воззрѣній на жизнь.

Такой взглядъ Тибо на Римское Право кажется несовмѣстнымъ съ тѣмъ усердіемъ, которое онъ прилагалъ къ его обработыванію; но всматриваясь пристальнѣе, мы въ этомъ замѣчаемъ всю глубину и послѣдовательность характера знаменитаго цивилиста. „Какъ Профессоръ Римскаго Права, говоритъ самъ Тибо, „я долженъ представить это Пра-

во въ его существѣ, не обращая вниманія на его совершенство или несовершенство, его сообразность или несообразность съ настоящимъ временемъ." Проводя рѣзкую границу между тѣмъ, что въ самой сущности является различнымъ, между отношеніями и юридическими понятіями нашего времени и Римскаго міра; настоятельно требуя, чтобы Римское Право было разсматриваемо не какъ такое Право, которое внутренно срослось съ Германскою жизнію, или было бы даже основаніемъ Германскаго Права, а какъ чуждое, извнѣ навязанное жизни Германской, Тибо безпрестанно возбуждалъ чрезъ то потребность совсѣмъ наконецъ отдѣлить чуждый элементъ Римскій отъ Германскаго, и вмѣсто съ тѣмъ установить новыя, нынѣшнему состоянію Германіи болѣе сообразныя юридическія начала и положенія, какъ это нѣкогда сдѣлало даже самое Римское законодательство.

Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на предложеніе, послѣдовавшее въ 1814 году со стороны Тибо (въ сочиненіи: Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland. Heidelberg. 1814. Новѣйшее 3-е изданіе 1840.), издать общее гражданское уложеніе для Германіи.

Разсмотрѣвъ со многихъ сторонъ Римское Право, и размѣривъ сферу его толкованія (о толкованіи Римскаго Права Тибо издалъ особенное маленькое сочиненіе: Theorie der logischen Auslegung des Römischen Rechts. Altona. 1-е изд. 1799. 2-е изд. 1807), Тибо хотѣлъ найти для своей дѣятельности новое и обширнѣйшее поприще, а въ то же время въ правѣ

былъ надѣяться, что съ нимъ соединятся, для такого великаго дѣла, каково общее Германское уложеніе, всѣ ученые и государственные мужи Германіи, при общемъ содѣйствіи Правительствъ и народовъ. Но мысль его не нашла себѣ отголоска. Историческая школа (въ особенности въ сочиненіи знаменитаго Берлинскаго Профессора Савинья: Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft von F. C. v. Savigny. Heidelberg. 1-е изд. 1815. Новѣйшее — 3-е изд. 1840) противопоставила ей то мнѣніе, что Право должно развиваться исторически, изъ потребностей самого народа, что потому оно не должно быть установляемо вслѣдствіе механическаго и отвлеченнаго расчета, не должно быть придано извнѣ народному сознанію. Она отвергла возможность новаго уложенія, потому что она не довѣряла силамъ настоящаго времени, не сознавала въ томъ никакой потребности, смотрѣла на Римское Право какъ на единственнаго дѣятеля въ Германской жизни. Правительства въ Германіи, обративъ свое вниманіе на другія нетерпящія отлагательства дѣла, не имѣли времени заняться составленіемъ общаго Германскаго уложенія. Наконецъ, желанія народовъ въ Германіи направлены были болѣе къ политическимъ реформамъ, нежели къ преобразованію гражданскаго Права. Вотъ внѣшнія причины, почему мысль о составленіи общаго гражданскаго уложенія для Германіи не могла тогда осуществиться!

Съ другой стороны, не было ли тому и внутреннихъ причинъ? Не схватилъ ли Тибо слишкомъ односторонно мысль о составленіи новаго уложенія? Не смотрѣлъ ли онъ на новое уложеніе только

какъ на произведеніе теоретическихъ соображеній, какъ на задачу ученаго конгресса? Не въ слишкомъ ли ограниченномъ смыслѣ допускалъ онъ содѣйствіе народнаго сознанія въ развитіи своего Права? Словомъ, оставался ли притомъ вполнѣ вѣрнымъ своимъ началамъ, вполнѣ послѣдовательнымъ въ своихъ выводахъ?

Какъ бы то ни было, неуспѣшность любимой мысли имѣла рѣшительное вліяніе на всю послѣдующую жизнь Тибо. Съ нимъ сталось то, что бываетъ со всякимъ, кто сознавая въ себѣ присутствіе великой мысли и сильной воли, не будучи въ состояніи, по причинамъ отъ него независимымъ, привесть свою мысль въ исполненіе, не имѣетъ столько самоотверженія, чтобы подчинить свою личную волю всемогущей волѣ, всеобщимъ, необходимымъ, разумнымъ законамъ жизни. Онъ сталъ чуждаться всѣхъ общихъ интересовъ политической и ученой жизни, не желая принимать въ нихъ никакого участія, даже всѣхъ отъ того отговаривая. Такое состояніе не соотвѣтствовало энергической его души, которая потому часто переступала тѣсныя границы круга дѣятельности, очертаннаго недовольствомъ и нѣкотораго рода отчаяніемъ.

Отброшенный опять къ Римскому Праву, котораго сферу Тибо думалъ перешагнуть, онъ видѣлъ себя осужденнымъ проходить опять по той же самой дорогѣ, которую онъ уже разъ оставилъ за собою. Въ его духовной жизни произошелъ какой-то застой, по крайней мѣрѣ съ этого времени дѣятельность его была чисто-ученая, огра-

пичившаяся преподованіемъ лекцій, обработываніемъ отдѣльныхъ частей Римскаго Права, отыскиваніемъ и рѣшеніемъ новыхъ спорныхъ пунктовъ, включеніемъ въ свою учебную книгу Римскаго Права (System des Pandecten-Rechts. Jena. 1 е изд. 1803. Новѣйшее — 8 е изд. 1834. 2 тома) новыхъ ссылокъ на источники и т. п. Какъ ученый, въ особенности какъ преподаватель, онъ все еще дѣйствовалъ съ большою пользою, но для общихъ интересовъ практической жизни онъ почти пересталъ дѣйствовать.

Впрочемъ не задолго до своей смерти, онъ еще разъ возвысилъ свой голосъ противъ исторической школы. Въ юридическомъ журналѣ (Archiv für die civilistiche Praxis. XXI Band. 3 Heft) онъ помѣстилъ статью: О такъ называемой исторической и неисторической юридической школѣ, которая напечатана также и отдѣльно (Ueber die sogenannte historische und nicht historiche Rechtsschule. Heidelberg. 1838). Эта маленькая статья не имѣетъ особеннаго ученаго достоинства, но изъ ней видно, въ какомъ отношеніи находились и находятся въ настоящее время тѣ двѣ юридическія школы, которыхъ рѣзкость почти совсѣмъ изгладилась, или лучше сказать эта статья есть послѣдній отголосокъ противоположностей случайно вызванныхъ мыслью Тибо о составленіи общаго Германскаго уложенія, и сопротивленіемъ, которое эта мысль нашла для себя особенно въ Савиньи. Болѣе же всего статья имѣетъ личную цѣну для друзей и учениковъ Тибо, представляя его и за гробомъ такимъ, какимъ онъ нѣкогда былъ въ жизни. Въ этой простотѣ, чуждой всякихъ притязаній на ученость,

въ этой милой болтливости, наивной искренности, во всей манерѣ этой статьи, вы живо себѣ представляете образъ Тибо, какъ будто бы онъ сидитъ предъ вами на каѳедрѣ и читаетъ лекцію, съ его непринужденною веселостью, простодушною улыбкою, тихимъ спокойствіемъ, ничѣмъ непомрачаемою самоувѣренностію. Все въ этой статьи такъ вѣрно и живо выражаетъ отличительный характеръ Тибо, какъ будто бы онъ хотѣлъ здѣсь намъ на память начертать собственною художническою рукою наивѣрнѣйшій портретъ рѣдкой своей, неподражаемой личности, и тѣмъ утѣшить насъ въ невознаградимой потери.

Одинъ изъ прежнихъ товарищей Тибо, Профессоръ Гюйе (Guyet), обѣщаетъ издать всё то, что изъ сочиненій Тибо до сихъ поръ оставалось ненапечатаннымъ, въ особенности его лекціи. Это изданіе напечатано будетъ въ Берлинѣ въ 2 томахъ подъ заглавіемъ: Юридическое наслѣдство Тибо (Thibaut's juristischer Nachlass.). Первый томъ будетъ содержать: Лекціи о Наполеоновомъ уложеніи, а второй—Исторію и Институты Римскаго Права и Юридическую Герменевтику. Да будетъ это изданіе для всѣхъ юристовъ, и въ особенности учениковъ геніальнаго учителя, оставшимся послѣ него *юридическимъ наслѣдствомъ*, которое Тибо завѣщаетъ блюсти на память вѣковъ и пріумножать въ роды родовъ!

Какъ Тибо искалъ въ строго заключенной сферѣ величайшей глубины и внутренней докончености,

такъ главная сила К. І. Миттермайера (9) состояла въ величайшемъ растяженіи и изумительной изворотливости духа, въ безпримѣрной памяти и необыкновенномъ дарѣ соображенія. Этимъ свойствамъ соотвѣтствуютъ всѣ предметы его занятій. Въ Нѣмецкомъ Правѣ его особенно занимаетъ сравненіе различныхъ мѣстныхъ Правъ. Только въ новѣйшемъ изданіи своего Нѣмецкаго гражданскаго Права, уступивъ наконецъ нападеніямъ критиковъ, онъ измѣнилъ эмпирико-атомическую форму изложенія въ болѣе раціональную, и изъ разнообразія мѣстныхъ Правъ извлекъ то, что составляетъ общую ихъ основу, общее Нѣмецкое Право (10).

Въ отношеніи гражданскаго судопроизводства онъ совершилъ важный подвигъ, сравнивъ Англійское и Французское гражданское судопроизводство съ Нѣмецкимъ, также различные роды Нѣмецкаго су-

---

(9) Онъ родился въ 1787 г., былъ сперва Профессоромъ въ Ландсгутскомъ, потомъ въ Бонискомъ, а наконецъ съ 1821 года въ Гейдельбергскомъ Университетѣ, гдѣ недавно и умеръ.

(10) По Нѣмецкому Праву онъ издалъ слѣдующія сочиненія: Введеніе въ изученіе Исторіи Германскаго Права (Einleitung in das Studium der Geschichte des germanischen Rechts. Landshut. 1812); Конспектъ лекцій по Исторіи Нѣмецкаго Права (Grundriss zu Vorlesungen über deutsche Rechtsgeschichte. Heidelberg. 1824); Опытъ наукообразнаго изложенія Нѣмецкаго частнаго Права (Versuch einer wisfenschaftlichen Behandlung des deutschen Privatrechts. Landshut. 1815). Начало общаго Нѣмецкаго гражданскаго Права (Grundsätze des gemeinen — deutsches Privatrechts. Regensburg. 1-е изд. 1821. Новѣйшее — 5-е изд. 1837 и 38); Дополненія къ Нѣмецкому гражданскому Праву (Beiträge zum deutschen Privatrechte. Landshut. 1824); Учебная книга Нѣмецкаго гражданскаго Права (Lehrbuch des deutschen Privatrechts. Landshut. 1821).

допроизводства между собою (11). Будучи если не глубочайшимъ, то по крайней мѣрѣ многосторонпѣйшимъ знатокомъ Англійскаго и Французскаго Правъ, онъ распространилъ ихъ познаніе въ Германіи, что было весьма полезно для самаго развитія Германскаго Правовѣдѣнія. Съ другой стороны, Французы и Англичане чрезъ него въ особенности познакомились съ Нѣмецкимъ Правомъ. Вообще онъ почитается основателемъ сравнительнаго законодательства и Правовѣдѣнія, котораго главнѣйшимъ органомъ всё еще остается имъ и Профессоромъ Цахаріе съ 1826 г. издаваемый Критическій журналъ иностраннаго Правовѣдѣнія и законодательства (Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes).

Миттермайеръ много также содѣйствовалъ развитію уголовнаго Права, и притомъ не только своими теоретическими, но и практическими трудами. Едва ли въ новое время явилось какое либо уголовное уложеніе, о которомъ бы онъ не сообщилъ своего мнѣнія, и въ которомъ бы не участвовалъ своими драгоцѣнными совѣтами и предложеніями, почерпнутыми изъ богатаго запаса познаній и опытовъ (12).

---

(11) По гражданскому судопроизводству онъ издалъ слѣдующія сочиненія: Конспектъ лекцій гражданскаго судопроизводства (Grundriss zu Vorlesungen über den bürgerlichen Process. Heidelberg. 1829); Общее Нѣмецкое гражданское судопроизводство въ сравненіи съ Прусскимъ, Французскимъ и проч (Der gemeine deutsche bürgerliche Process im Vergleich mit dem preussischen etc. Bonn. 1 е изд. 1820 — 23. Новѣйшее изд. 1 г. Beitrag. 3 е изд. 2 г. Beitr. 2 е изд. 3 г. Beitr. 1 е изд. 4 г. Beitr. 2 е изд.)

(12) По уголовному Праву онъ издалъ слѣдующія сочиненія:

Какъ членъ Баденской законодательной коммиссіи, онъ обработалъ для В. Г. Баденскаго уставъ гражданскаго судопроизводства, и вмѣстѣ съ Дуттлингеромъ составилъ проэктъ новаго уголовнаго уложенія. Введеніе словесности и публичности въ гражданскомъ судопроизводствѣ преимущественно его дѣло; но и здѣсь выражается его особенность характера въ томъ, что онъ ввелъ эти установленія, не допуская ихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, какъ и вообще онъ не допускалъ никакихъ такого рода реформъ безусловно и неограниченно.

Съ 1831 г. Миттермайеръ участвовалъ во всѣхъ сеймахъ Баденскихъ государственныхъ чиновъ какъ депутатъ отъ города Бруксаля, а на трехъ послѣднихъ сеймахъ какъ предсѣдатель второй Камеры. Его обширная юридическая ученость, его дипломатическая изворотливость, и вмѣстѣ его національная простота и прямодушіе, всё это скоро

О началѣ вмѣненія преступленій умалишеннымъ (De principio imputationis alienationum mentis in jure criminali recte constituendo. Heidelbergae. 1838); Изслѣдованіе объ умалишенныхъ въ отношеніи къ уголовному Праву (disquisitio de alienationibus mentis quatenus ad ius criminale spectant. Heidelbergae. 1825.); Теорія доказательствъ въ уголовномъ судопроизводствѣ (Theorie des Beweises im peinlichen Processe. 2 части. Darmstadt. 1821.); Ученіе о доказательствахъ по Нѣмецкому и проч. уголовному Праву (Die Lehre vom Beweise im deutschen Strafverfahren etc. Darmstadt. 1834); О новѣйшемъ состояніи уголовнаго законодательства въ Германіи (Ueber den neuesten Zustand der Criminalgesetzebung in Deutschland. Heidelberg. 1825); О главныхъ ошибкахъ разсматриванія уголовнаго Права и проч. (Ueber die Grundfehler der Behandlung des Criminalrechts etc. Bonn. 1819.); Замѣчанія о новомъ Ганноверскомъ проэктѣ уголовнаго уложенія (Bemerkungen über den neuesten Entwurf eines Strafgesetzbuches für K. Hannover. Heidelberg. 1825.); De

дало ему такое значительное вліяніе на парламентскія преніи, что онъ заслужилъ имя Баденскаго Дюпена.

На лекціяхъ Миттермайеръ выказывалъ также всё свое отличительное достоинство, преимущественно въ практическихъ упражненіяхъ. Впрочемъ для того, чтобы вполнѣ и надлежащимъ образомъ воспользоваться его лекціями, слушатели должны были обладать зрѣлою разсудительностію, дабы не потеряться въ его многосторонникъ и даже отчасти самопротиворѣчущихъ взглядахъ, предлагаемыхъ имъ съ равнымъ умѣньемъ, потому что Миттермайеръ (докончимъ его характеристику какъ ученаго) въ малой степени владѣлъ самостоятельностію сужденія, еще въ меньшей ее выказывалъ. Онъ хотѣлъ удовлетворить всѣмъ, о всемъ любилъ говорить съ эффектомъ, а потому онъ всячески избѣгалъ связать себя рѣшительнымъ мнѣні-

---

nullitatibus in causis criminalibus. Heidelbergae. 1809); Ручная книга уголовнаго судопроизводства (Handbuch des peinlichen Processes etc. 2 тома. Bonn. 1810 – 12.); О публичномъ и словесномъ уголовномъ судопроизводствѣ и проч. (Die öffentliche mündliche Strafrechtspflege etc. Landshut 1819); Конспектъ лекцій уголовнаго судопроизводства (Grundriss zu Vorlesungen über das Strafverfahren. Bonn. 1819.); Руководство къ искусству защищенія въ Нѣмецкомъ уголовномъ судопроизводствѣ и проч. (Anleitung zur Vertheidigungskunst im deutschen Criminalprocesse etc. Landshut. 1 е изд. 1814. 2-е изд. 1828); Нѣмецкое уголовное судопроизводство въ развитіи и проч (Das deutsche Strafverfahren in der Fortbildung etc. Heidelberg. 1-е изд. 1827, 2-е изд. 1832 и 33, 3-е изд. 1840.). Миттермайеръ вообще весьма плодовитый писатель. Кромѣ названныхъ нами сочиненій, множество своихъ статей различнаго юридическаго содержанія помѣстилъ онъ въ различныхъ юридическихъ журналахъ.

емъ. Его преподаваніе было весьма оживлено, ясно и убѣдительно; жаль только, что онъ слишкомъ гонялся за эффектомъ и становился иногда актеромъ.

Не имѣя ни наивной простоты Профессора Тибо, ни придворной тонкости Миттермайера, Профессоръ Цахаріе (Zachariä) другими особенностями возбуждаетъ интересъ, равнялся съ ними въ духовной силѣ и въ ученой значительности. Съ Профессоромъ Тибо онъ почти равняется въ остроуміи, а въ силѣ разсудка даже можетъ быть его превосходитъ. Въ искуствѣ подвести данный случай подъ общее отношеніе и его законъ Цахаріе неподражаемъ. Съ Миттермайеромъ онъ раздѣляетъ способность пріискивать нужные матеріалы, и искусно ими пользоваться; уступая ему въ легкости пониманія и въ обширности пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, Цахаріе превосходитъ его въ основательности и ясности. Ихъ взглядъ на жизнь не одинаковъ. Миттермайеръ искалъ блестящаго положенія въ обществѣ и знаменитаго имени; Цахаріе ищетъ солидной власти, которая, по его выраженію, состоитъ въ деньгахъ. Миттермайеру хотѣлось возвыситься на степень Министра чрезъ aura popularis или приставши къ началамъ владычествующей системы управленія; Цахаріе скупаетъ имѣнія въ окрестностяхъ, и такимъ образомъ хочетъ получить вѣсъ и вмѣстѣ самостоятельность въ обществѣ. Во всемъ обращеніи Миттермайера замѣтно было стремленіе къ изяществу; Цахаріе намѣренно выказываетъ какой-то цинизмъ. Цахаріе любитъ приправлять свое преподаваніе простыми шутками, которыя всегда сильно дѣйствуютъ на его слушателей; Миттермайеръ

также не пренебрегаетъ эффектами, но его острота болѣе изыскана и менѣе жгуча, нежели Цахаріева.

Лекціи Профессора Цахаріе чрезвычайно привлекательны и поучительны. Съ необыкновеннымъ умѣньемъ онъ развиваетъ въ своихъ слушателяхъ даръ основательнаго уразумѣнія въ особенности практико-политическихъ отношеній. Переживши много времени, богатаго великими событіями и движеніями, онъ слѣдилъ за ними, во всѣхъ ихъ изворотахъ, съ неподвижнымъ взоромъ. Онъ видѣлъ, какъ развилась новая наука, Политика, изъ началъ Канта и Монтескье. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ политическая жизнь Германіи преобразовалась Англійскими и Французскими началами, и какъ опять эти начала измѣнились особенностями Германской жизни. Замѣчанія своей долговременной опытности и наблюдательности онъ изложилъ въ 40 книгахъ о государствѣ (Vierzig Bücher vom Staate. Stuttgart. 5 томовъ. 1-е изд. 1820—32. 3-е изд. 1 й томъ. 1839.), первомъ, можно сказать, полномъ сочиненіи о государственномъ Правѣ въ Германіи. Эти замѣчанія сообщаетъ онъ своимъ слушателямъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ считаетъ ихъ способными къ тому, чтобы принять и разработать выслушанное. Напрасно будемъ искать въ Цахаріе философскаго обоснованія, общихъ политико-юридическихъ взглядовъ: Каптовскія начала, съ которыхъ онъ начинаетъ свои 40 книгъ о государствѣ, только внѣшняя приставка, уступка сдѣланная вкусу тогдашняго времени. Напрасно будемъ требовать отъ него опредѣленнаго, сообразнаго началамъ сужденія о какой либо системѣ, о какой либо партіи: единст-

венное его начало есть совершенное отсутствіе всякихъ началъ. Онъ только все наблюдаетъ, всё старается познать и уразумѣть, всѣмъ воспользоваться; но его упрекаютъ въ томъ, что онъ ни во что не вѣритъ, ничего не любитъ, ничего не хочетъ, за исключеніемъ, какъ иные прибавляютъ, собственныхъ выгодъ. Поэтому его любимое занятіе и его особенное превосходство состоитъ въ трудахъ, имѣющихъ задачею рѣшеніе какого либо казуса; въ юридическихъ совѣтахъ, когда идетъ дѣло о томъ, чтобы разъяснить сомнительное право, уничтожить запутанность юридическихъ отношеній. Въ этомъ родѣ онъ издалъ много сочиненій. Здѣсь его ясный, но холодный умъ на своемъ мѣстѣ; чего онъ никогда не дѣлаетъ для проведенія всеобщаго начала, для идеи, онъ дѣлаетъ для отдѣльнаго случая: онъ вдыхаетъ жизнь въ дѣло имъ защищаемое или объясняемое, имѣя въ виду настоять на своемъ однажды высказанномъ мнѣніи, выиграть дѣло, за которое ему заплачено. Говорятъ даже, что ему всё равно, кому изъ двухъ сторонъ онъ служитъ своимъ перомъ. Какъ ни противно такое отсутствіе началъ, такое холодное равнодушіе, однако же это, въ ученомъ изложеніи и объясненіи политико-юридическихъ отношеній, имѣетъ свои особенныя выгоды: повѣряя и оцѣняя разнообразныя постороннія мнѣнія и представляющіеся факты, Цахаріе дѣйствуетъ съ рѣдкою непринужденностію, безъ всякихъ предубѣжденій; ни на что вокругъ себя не обращая ни малѣйшаго вниманія, онъ высказываетъ себя такъ, какъ онъ самъ дѣйствительно думаетъ, или какъ заставляетъ его сказать или упрямство, или личныя цѣли.

Его сочиненіе о Римскомъ властителѣ Суллѣ (L. C. Sulla, als Ordner des römischen Freistaates dargestellt. Heidelberg. 1834) есть вѣрный отпечатокъ ученаго и политическаго характера Цахаріе, а вмѣстѣ доказательство его любви къ классической древности, и основательныхъ въ этомъ отношеніи познаній.

Изъ множества сочиненій, имъ изданныхъ, особенно уважается, кромѣ вышеприведенныхъ, Саксонское ленное Право (Handbuch des K. Sächsischen Lehnrechts. Leipzig. 1 е изд. 1796. 2 е изд. 1823); а его Французское гражданское Право (Handbuch des Französischen Civilrechts. 4 тома. Heidelberg. 4 изд. 1837) переводимо было нѣсколько разъ на французскій языкъ, и въ Баденѣ, гдѣ дѣйствуетъ французское гражданское Право, пользуется большимъ авторитетомъ. Кромѣ того, онъ издалъ еще слѣдующія сочиненія: О наукообразномъ разсматриваніи Римскаго частнаго Права (Ueber die wissenchaftliche Behandlung des römichen Privatrechts. Leipzig 1795); О десятинныхъ сборахъ съ юридической стороны (Die Aufhebung, Ablösung und Umwandlung der Zehnten, nach Rechtsgrundsätzen betrachtet. Heidelberg. 1831); Руководство къ судебному краснорѣчію (Anleitung zur gerichtlichen Beredsamkeit. Heidelberg. 1810); О недвижимой собственности (Der Kampf des Grundeigenthums gegen die Grundherrlichkeit. Heidelberg. 1832); Лѣтописи Саксонскаго законодательства и Правовѣдѣнія (Annalen der Gesetzgebung und der Rechtswissenschaft in den Ländern des Churfürsten von Sachsen. 2 тома. Leipzig. 1806); Объ уголовной Статистикѣ (über die Statistik der Strafgerechtigkeitspflege. Heidelberg. 1828);

Начальныя основанія Философіи гражданскаго Права (Anfangsgründe des philosophischen Privatrechts. Leipzig. 1804); О единствѣ государства и Церкви (Die Einheit des Staates und der Kirche. Leipzig, 1797); Духъ Нѣмецкаго территоріальнаго устройства (Geist der deutschen Territorial - Verfassung. Leipzig. 1800); Основныя черты юридической Энциклопедіи, какъ науки (Grundlinien einer wissenschaftlich - juristischen Encyclopädie. Leipzig. 1795); Опытъ всеобщей юридической Герменевтики (Versuch einer allgemeinen Hermeneutik des Rechts Meissen. 1805); Проэктъ уголовнаго уложенія (Strafgesetzbuch. Entwurf. Heidelberg. 1826); Наука законодательства (Die Wissenschaft der Gesetzgebung. Leipzig. 1826); Проэктъ акта Германскаго Союза (Entwurf zu dem Grundvertrage des deutschen Säatenbundes. Heidelberg. 1814); Объ удержаніи Гейдельбергскаго Университета (Für die Erhaltung der Universität Heidelberg); О будущности Европы (Ueber Europas Zukunft. Heidelberg. 1832); Янусъ (Janus. Leipzig. 1802); Конспектъ Нѣмецкаго общественнаго Права (Juris publici germanici delineatio. Lipsiae. 1797); Общественное Право государствъ Рейнскаго Союза (Jus publicum civitatum quae foederi rhenano adscriptae sunt. Heidelbergae. 1807); О совершенныхъ обязанностяхъ (De officiis perfectis. Lipsiae. 1791); Сборникъ (Opuscula academica, 1 й томъ. Lipsiae. 1791); Начала Нѣмецкаго Имперскаго сейма (Origines comitiorum, quae in Imperio Romano - Germanico celebrantur. Lipsiae. 1795); О выведеніи началъ Римскаго Права изъ Германскаго (De originibus juris Romani ex jure Germanico repetendis. Heidelbergae. 1817); О государственныхъ долгахъ нынѣшней Европы (Ueber das Schutdwesen der

Staaten des heutigen Europa. Leipzig. 1830); Государственное Право государствъ, принадлежащихъ къ Рейнскому Союзу и проч. (Das Staatsrecht der Rheinischen Bundesstaaten. Heidelberg. 1810); О совершеннѣйшемъ государственномъ устройствѣ (Uber die vollkommenste Staatsverfassung. Leipzig. 1800); О новѣйшемъ проэктѣ Баденскаго уголовнаго уложенія (Ueber den neuesten Entwurf eines Strafgesetzbuches für das G. H. Baden. Heidelberg 1840). Сверхъ того Цахаріе помѣстилъ множество своихъ статей въ разныхъ юридическихъ журналахъ.

При этихъ корифеяхъ прочіе преподаватели юридическаго факультета находятся, или по крайней мѣрѣ находились въ тѣни, даже тѣ, которые въ другомъ Университетѣ могли бы занять первыя мѣста. Хотя число ихъ довольно велико, и хотя между ними встрѣчаемъ имена не безъизвѣстныя въ литературномъ мірѣ, но въ самомъ Гейдельбергѣ едва объ нихъ что нибудь слышно, а изъ иностранцевъ, посѣщающихъ Университетъ, большая часть оставляютъ Гейдельбергъ даже не побывавши у нихъ на лекціяхъ. Мы можемъ поэтому ограничиться только нѣсколькими объ нихъ словами.

Между Ординарными Профессорами Вальхъ (Walch) и Вилли (Willy), уже по существу своихъ занятій (они излагаютъ первоначальныя основанія Римскаго Права, изъясняютъ источники Римскаго Права и т. п.), имѣютъ весьма ограниченную университетскую дѣятельность. Лекціи Ординарнаго Профессора Россгирта (Rosshirt) гораздо менѣе посѣщаются, нежели сколько можно бы предполагать по его довольно значительной извѣстности за гра-

пицею, можетъ быть по причинѣ его малопривлекательнаго образа преподаванія. Вообще можно сказать, что онъ не достигъ надлежащаго единства, докончености въ духовной жизни; безъ всякой необходимости, только въ слѣдствіе своего личнаго характера, онъ за всё брался и ничего вполнѣ не проникъ, всегда почти останавливаясь только на половинѣ дороги. Его мнѣнія болѣе оригинальны, нежели глубоки и плодовиты. Его ученая дѣятельность раздробилась на отдѣльныя разсужденія, а не сосредоточилась въ цѣломъ. Впрочемъ слѣдующія его сочиненія имѣютъ значеніе въ юридической литературѣ: Учебная книга Уголовнаго Права (Lehrbuch des Criminalrechts. Heidelberg. 1821); Развитіе началъ Уголовнаго Права (Entwickelung der Grundsätze des Strafrechts. Heidelberg. 1828); Введеніе въ наслѣдственное Право (Einleitung in das Erbrecht. Landshut. 1831); Ученіе объ отказахъ по Римскому Праву (Die Lehre von den Vermächtnissen nach Römischem Rechte. 2 тома. Heidelberg. 1835); О наслѣдованіи по завѣщаніямъ у Римлянъ (Das testamentarische Erbrecht bei den Römern. Heidelberg. 1840). Въ особенности замѣчательны два первыя сочиненія, потому что здѣсь историческая метода приложена къ такой юридической сферѣ, которая вообще къ тому мало воспріимчива: здѣсь Россгиртъ восходитъ отъ нынѣ дѣйствующаго въ Германіи общаго Уголовнаго Права не только къ древнимъ Германскимъ источникамъ, но даже къ Римскому Праву.

Изъ Экстраординарныхъ Профессоровъ Морштадтъ (Morstadt) оказалъ особенную услугу Право-

вѣдѣнію, издавши весьма важное сочиненіе о гражданскомъ судопроизводствѣ Генслера (Genslers's vollständiger Commentar über Martin's Civilprocess-Lehrbuch, 2 тома. Heidelberg. 1825.) Профессоръ Цёпфль (Zöpfl) сталъ болѣе извѣстенъ публикѣ своимъ сочиненіемъ объ Испанскихъ дѣлахъ (Die Spanische Successionsfrage. Heidelberg. 1839), также сочиненіемъ объ источникѣ уголовнаго уложенія Нѣмецкаго Императора Карла V. (Das alte Bamberger Recht, als Quelle der Carolina. Heidelberg. 1839).

Приватдоцентовъ (почти тоже, что у насъ Адьюнкты) въ Гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ теперь всего 5: Цахаріе (сынъ Ординарнаго Профессора, мой товарищъ и знакомый по Берлинскому Университету), Дейреръ (Deurer), Заксе (Sachse), Рёдеръ (Röder) и Бракенгёфтъ (Brackenhöft). Изъ нихъ особенно замѣчателенъ для насъ Русскихъ молодой Цахаріе своимъ очеркомъ исторіи Византійскаго Права (13), также своими значительными путешествіями, которыя имъ были предприняты въ особенности съ цѣлію отысканія источниковъ Византійскаго Права, и которыя еще болѣе утвердили его въ любимой мысли, возвысить и распространить изученіе Византійскаго Права (14).

Вообще можно замѣтить, что между молодыми юридическими преподавателями въ Гейдельбергѣ вводится, кажется, направленіе, которое

(13) Historiae juris Graeco-Romani delineatio. Heidelbergae. 1839.

(14) Reise in den Orient-in den Jahren 1837 und 1838. Heidelberg. 1840.

совершенно противно духу старѣйшихъ Профессоровъ и всему началу Университета. Они начали съ любовью заниматься историческою стороною Правовѣдѣнія; даже философская сторона находитъ своего представителя въ Рёдерѣ, молодомъ человѣкѣ съ талантомъ и жизнью, который недавно издалъ первый томъ своего замѣчательнаго сочиненія о Политикѣ (Grundriss der Politik des Rechts. 1 й томъ. Darmstadt. 1837). Наконецъ Бракенгёфтъ коснулся такихъ общихъ вопросовъ, которые имѣютъ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью, въ сочиненіи своемъ о народномъ сознаніи Права (Volk und Recht, eine Betrachtung über die Kenntniss der Rechtsvorschrift im Volke als Erforderniss des Rechts. Altona. 1838). Послѣ всего этого должно ожидать, что или юныя силы молодыхъ людей произведутъ въ Гейдельбергѣ преобразованіе юридическаго ученія, или что старѣйшія знаменитости сохранятъ тамъ владычество издавна утвердившагося духа. Конечно желательно и *для* самаго Гейдельбергскаго юридическаго факультета необходимо, чтобъ онъ обновился и возродился къ новой жизни; но столько же *для* него полезно и то, чтобы такое его обновленіе и возрожденіе произошло чрезъ естественное, свободное, гармоническое соединеніе новыхъ элементовъ съ прежними, а не чрезъ искуственное, насильственное привитіе чуждыхъ ему направленій.

VIII. ПРОЦЕССЪ Г-ЖИ ЛАФАРЖЪ.

1. Приказъ о взятіи обвиняемой для отсылки къ суду, составленный Королевскимъ Лиможскимъ Судомъ, подъ предсѣдательствомъ г. Таландье, въ засѣданіи 18-го Іюля 1840 года.

„Судъ,

„Разсмотрѣвъ бумаги, и проч.

„Принявъ въ уваженіе, что при посредствѣ нѣкоторыхъ людей, промышляющихъ устройствомъ свадебъ, въ Парижѣ, въ Августѣ 1839 года, совершенъ бракъ *Карла Лафаржа*, владѣльца желѣзнаго завода въ Гландье, въ Коррезскомъ департаментѣ, и *Маріи-Фортюне Капель* (1); чтобы облегчить этотъ союзъ, умолчано о долгахъ г-на Лафаржа, которые были значительны, и увеличены пріятностии его мѣстопребыванія;

„Супруги уѣхали въ Гландье немедленно послѣ свадьбы;

„Г-жа Лафаржъ тогда же жаловалась одному изъ своихъ родственниковъ на обманъ, который она

(1) Марія *Каппелль* (а не *Капель*, какъ написано въ Приказѣ) дочь Полковника артиллеріи, одного изъ отличнѣйшихъ офицеровъ Наполеоновыхъ войскъ.

увидѣла по прибытіи въ Гландье. Этотъ родственникъ отвѣчалъ ей, что надобно умѣть переносить обманы, происходящіе отъ вещей, а не отъ лицъ. Въ самый вечеръ прибытія своего въ Гландье она написала къ своему мужу письмо, въ которомъ обнаруживается презрѣніе, и въ которомъ она объявляетъ, что онъ обманулъ ее, что она сдѣлаетъ прелюбодѣяніе, если г-нъ Лафаржъ не спасетъ ее отъ нея самой; что привычки, воспитаніе положили между ними величайшую преграду (2); что она умоляетъ его отвести ее въ Бривъ, изъ котораго она отправится въ Бордо, а отсюда въ Смирну; что она будетъ жить своими трудами или уроками; что она возьметъ съ собою только нѣкоторыя изъ своихъ драгоцѣнностей, подаренныхъ ей на память ея пріятельницами; она угрожала, если воспротивятся намѣренію, отравиться мышьякомъ, который, какъ объявляла, всегда имѣетъ при себѣ. Отъ этого между обоими супругами произошла сильная ссора;

„Что такія происшествія глубоко огорчили г-на Лафаржа, который чувствовалъ къ своей женѣ живѣйшую привязанность; употреблены усилія, чтобы самымъ лучшимъ обхожденіемъ заставить одуматься эту недовольную и раздраженную женщину, и, повидимому, она вскорѣ успокоилась;

„Что г-нъ Лафаржъ сообщилъ ей о своемъ открытіи, посредствомъ котораго можно сберечь двѣ трети топлива при выдѣлкѣ желѣза, и что чрезъ

(2) Г-жа Лафаржъ получила блестящее образованіе и до замужства жила всегда въ высшемъ обществѣ, гдѣ она отличалась красотою, умомъ и любезностью.

но доходъ отъ его большаго горна увеличится ежегодно до 59,000 фр.;

„Что, увидѣвъ особенную заботливость со стороны своего мужа во время болѣзни, г-жа Лафаржъ объявила, что хочетъ сдѣлать въ пользу его завѣщаніе; что мужъ ея, по взаимности, съ своей стороны сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ опказывалъ ей всё, чѣмъ по закону могъ располагать; г-жа Лафаржъ отослала завѣщаніе своего мужа къ своему нотаріусу въ Соассонъ;

„Что около половины Ноября г-нъ Лафаржъ отправился въ Парижъ, чтобъ исходатайствовать привиллегію на свое изобрѣтеніе; чтобъ извлечь изъ этой привиллегіи для себя пользу и добыть денегъ, которыя, во всякомъ случаѣ, были необходимы для его завода;

„Что между супругами происходила дѣятельная переписка, въ которой мужъ изображалъ женѣ своей упоеніе страсти, ею ему внушенной; г-жа Лафаржъ, казалось, этому соотвѣтствовала;

„Что мужъ ея жаловался ей на скуку, которую чувствуетъ въ разлукѣ съ нею, на препятствія, которыя встрѣтилъ; что въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ она писала къ нему: „Дѣло на заводѣ идетъ хорошо; но опасаются скораго недостатка въ угольяхъ ... Прошу тебя, не пріѣзжай безъ того, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ не прекратить затрудненія въ деньгахъ ... Мнѣ кажется, тебѣ нельзя возвратиться сюда, не рѣшивъ этого дѣла; безъ капитала ты не получишь никакой пользы отъ своей привиллегіи...“

„Что въ это время начался рядъ происшествій, которыми доказываются отравленія, сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Гландье;

„Что 12 Декабря обвиняемая приказала принести себѣ отъ г-на Эссартье, Юзершскаго аптекаря, тридцать одинъ граммъ (3) мышьяку; что она, утверждаетъ, что въ тотъ же день этотъ мышьякъ употребленъ былъ служителемъ Альфредомъ на составъ для истребленія мышей, и положенъ въ ея уборной, и что когда этотъ составъ высохъ, она бросила его въ огонь;

„Что 14-го Декабря обвиняемою отправленъ ящикъ къ мужу, которому она послала также портретъ, нарочно для него написанный; что г-нъ Паранъ, смотритель гостинницы, въ которой жилъ г-нъ Лафаржъ (4), открылъ этотъ ящикъ 18 Декабря, въ девять часовъ вечера; что, въ числѣ прочихъ вещей, онъ вынулъ изъ него небольшую, круглую, изъ бѣлаго дерева, обвернутую въ бумагу коробочку, которая могла имѣть пятнадцать центиметровъ въ поперечникѣ и три центиметра въ вышину (5); она заключала въ себѣ пирогъ, который былъ выше коробочки, въ серединѣ выпуклъ, котораго наружность состояла изъ позолоченой, довольно твердой корки, а внутренность была не такъ тверда. Г-нъ Паранъ утверждаетъ, что онъ видѣлъ въ коробочкѣ только *одинъ* пирогъ. Лафаржъ ска-

---

(3) Одинъ граммъ содержитъ 0, 23443 нашего золотника.

(4) Hotel de l'Univers.

(5) Одинъ центиметръ содержитъ 0,225 нашего вершка.

залъ ему: „Этотъ пирогъ посылаетъ мнѣ жена.“ Въ присутствіи этого свидѣтеля, онъ отломилъ кусокъ отъ корки, величиною въ палецъ, и съѣлъ. Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ къ женѣ письмо, въ которомъ находятся слѣдующія слова: „Итакъ ты заставляешь меня съѣсть прекрасный пирогъ твой, ровно въ полночь, во вторникъ!“ Въ концѣ письма сказано еще:

„Я немного нездоровъ, чувствую сильную головную боль .....“ Въ продолженіе ночи его безпрестанно рвало, и онъ чувствовалъ себя не здоровымъ до вечера другаго дня;

„Что въ это самое время обвиняемая чувствовала безпокойство въ Гландье, противъ обыкновенія выходила изъ-за стола, чтобы вспрѣтить служителя, принесшаго письма, обнаруживала предчувствіе и страхъ получить письмо съ черною печатью;

„Что г-нъ Лафаржъ возвратился въ Гландье 3 Генваря и привезъ съ собою привиллегію, но не могъ достать денегъ, которыя ему были нужны;

„Что пріѣхавъ утромъ, онъ немедленно легъ въ постелю, жалуясь на боль въ сердцѣ и на тошноту; вечеромъ жена его приказала подать къ себѣ въ компату живности съ шрюфлями, и заставила своего мужа съѣсть нѣсколько шрюфлей, послѣ чего съ нимъ сдѣлалась сильная рвота. Обвиняемая изъявила желаніе, чтобъ ее одну оставили ухаживать за мужемъ; говорила, что ей помогутъ въ этомъ двое служителей: Альфредъ и Клементина;

она не однократно удаляла мать (6) изъ комнаты ея сына;

„Что она послала Альфреда Мушадье въ Люберзакъ за мышьякомъ, въ которомъ ей отказали;

„Что 5 Генваря она послала взять четыре грамма мышьяку у г-на Эссарпье, который и прислалъ ей его; она отдала пакетъ служителю Альфреду Мушадье, пользовавшемуся ея довѣренностію, чтобъ онъ приготовилъ изъ него составъ для истребленія мышей. Этотъ составъ, собранный слѣдственнымъ судьею въ комнатѣ, возлѣ камина комнаты г-на Лафаржа, гдѣ составъ былъ положенъ Альфредомъ Мушадье, признанъ этимъ служителемъ за тотъ самый, который онъ приготовилъ, и законно доказано, что въ немъ не содержалось ни одной частицы мышьяку;

„Что обвиняемая поручила г-ну Дени, служителю при заводѣ, принести ей мышьяку изъ Люберзака; она приказала ему не сказывать объ этомъ никому, въ особенности матери г-на Лафаржа, въ которой это, по ея мелочному характеру, можетъ возбудить безпокойство. Г-нъ Дени 9 Генваря получилъ отъ г-на Лафосса, Бривскаго аптекаря, шестьдесятъ четыре грамма мышьяку; онъ не отдалъ его тотчасъ г-жѣ Лафаржъ изъ опасенія, которое почувствовалъ. На другой день, когда г-жа Лафаржъ возобновила свое препорученіе, онъ отдалъ ей принесенный имъ мышьякъ, сказавъ: „Вотъ пакетъ, который вы у меня спрашивали.“

---

(6) Т. е. мать г-на Лафаржа, которая была тогда во вдовствѣ, и жила вмѣстѣ съ своимъ сыномъ въ Гландье.

„Что обвиняемая утверждаетъ, что она отдала этотъ пакетъ своей горничной Клементинѣ для истребленія мышей. Эта послѣдняя показываетъ, что, испугавшись предосторожностей, съ которыми госпожа ея велѣла ей сдѣлать составъ, она его не сдѣлала, и пакетъ, полученный ею отъ г-жи Лафаржъ, положила въ шляпу ея мужа; съ другой стороны, Альфредъ Мутадье показываетъ, что, по смерти г-на Лафаржа, онъ взялъ пакетъ, бывшій въ этой шляпѣ, и зарылъ его въ саду; объ этомъ узнали, пакетъ вырытъ въ присутствіи Люберзакскаго мирнаго судьи, и показанъ г-ну Лафоссу, который не призналъ за пакетъ, отданный имъ г-ну Дени. Законное изслѣдованіе подтвердило, что въ этомъ пакетѣ вовсе не было мышьяку, а находился только содовой порошокъ (bi-carbonate de soude);

„Что въ субботу 11 Генваря г-жа Лафаржъ спросила яичной похлебки (7); больному хотѣлось пить, приготовили другую, потому что первую всю выпила г-жа Лафаржъ; обвиняемая, которая спала въ своей комнатѣ, примыкавшей къ комнатѣ ея мужа, приказала принести эту похлебку, говоря, что мужъ ея охотнѣе приметъ ее изъ ея рукъ. Дѣвица Анна Брепъ (8), спавшая въ одной комнатѣ съ обвиняемой, видѣла, что она въ чашку съ этимъ питьемъ высыпала изъ бумажки какой-то бѣлый

---

(7) Lait de poule, т. е. яичный желтокъ, сбитый въ кипяткѣ, съ сахаромъ. Эта яичная похлебка употребляется противъ кашлю и вообще въ простудахъ.

(8) Она была приглашена въ Гландье для того, чтобы написать портретъ молодой г-жи Лафаржъ.

порошокъ, который дважды принималась мѣшать пальцемъ.

„Анна Бренъ спросила у г-жи Лафаржъ, что она высыпала въ чашку; эта отвѣчала, что положенъ померанцовый цвѣтъ; дѣвица Бренъ возразила: „Но вы сами что-то положили.“ Обвиняемая промолчала. Видно было, что на поверхности этой яичной похлебки плавали бѣлые шарики; ее вылили; на днѣ чашки осталось немного того бѣлаго порошка, который въ ней замѣшили; доказано, что въ этомъ остаткѣ содержалось большое количество мышьяковой окиси;

„Что въ тотъ же день, часа въ два или въ три послѣ обѣда, Анна Бренъ, стоявшая у огня въ комнатѣ больнаго, видѣла, что обвиняемая взяла съ камина стаканъ съ виномъ и нѣсколько кусковъ хлѣба, и подошла къ комоду; она слышала, какъ г-жа Лафаржъ мѣшала ложкою то, что было въ стаканѣ, какъ она отпкрыла ящикъ въ комодѣ и производила такой шумъ, какой бываетъ отъ ударенія ложкою не по стекляпному сосуду. Обвиняемая подошла къ своему мужу, дала ему ложечку этого питья; Лафаржъ выпилъ и тотчасъ же сказалъ: „Марія! отъ этого у меня жжетъ въ горлѣ.“ Дѣвица Бренъ спросила у обвиняемой, что сказалъ ея мужъ; она отвѣчала: „Онъ жалуется, что отъ этого жжетъ ему въ горлѣ; но это не удивительно, потому что это вино.“ Обвиняемая удалилась въ свою уборную, изъ которой вскорѣ вынесла стаканъ, уже ею выполоскапный.

„Что тотчасъ послѣ того, обвиняемая, стоя у комода, сдѣлала въ чашѣ сухарной воды и поста-

вила его на почной столикъ своего мужа. Дѣвица Бренъ, подошедъ къ постели больнаго, видѣла, что на поверхности сахарной воды былъ распущенный бѣлый порошокъ; подошедъ къ комоду, она примѣтила на немъ дорожку отъ бѣлаго порошка, а въ верхнемъ ящикѣ, который былъ не хорошо притворенъ, баночку съ подобнымъ же веществомъ, стоявшую въ направленіи къ замѣченному слѣду отъ порошка. Когда прибылъ Докторъ Леспинасъ, и по сдѣланнымъ ему показаніямъ, собравъ порошокъ, лежавшій на комодѣ, положилъ на горячіе уголья, то отъ этого произошелъ бѣлый дымъ и чесночный запахъ. Сверхъ того онъ взялъ часть бѣлаго порошка, находившагося въ баночкѣ, и закоиным образомъ доказано, что этотъ порошокъ былъ мышьякъ;

„Что, по возникшимъ подозрѣніямъ, остатокъ яичной похлебки отданъ былъ на разсмотрѣніе аптекаря г-на Эссартье; г-нъ Эссартье объявилъ, что въ немъ заключался ядъ, прибавивъ, что г-нъ Лафаржъ долженъ принимать питье только отъ людей благонадежныхъ;

„Что, разсматривая сухарную воду, заключавшуюся въ чашѣ, которую для этого наклонили, увидѣли на днѣ сосуда слой бѣлаго порошка; частичка этого порошка, положенная на горячіе уголья, произвела бѣлый дымъ и чесночный запахъ. Г-жа Бюфферъ (9), находившаяся при этомъ изслѣдованіи, вскричала: „Ахъ, несчастная! я дала

(9) Это замужняя сестра г-на Лафаржа, которая, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, проживала у своего брата въ Гландье.

ложечку этаго питья моему брату!“ Остатокъ этого питья взятъ; химическое разложеніе показало, что въ немъ содержалась мышьяковая окись;

„Что въ это самое время болѣзни г-на Лафаржа, 11 или 12 Генваря, г-жа Лафаржъ — мать ухаживала за своимъ сыномъ; она видѣла, что обвиняемая влила на ложку немного предписаннаго питья, подмѣшала къ нему чего-то, и это питье съ такою примѣсью подала ея сыну; онъ выпилъ съ нѣкоторымъ отвращеніемъ всё, что было на ложкѣ, кромѣ нѣсколькихъ капель бѣловатой жидкости, которыя показались г-жѣ Лафаржъ одного свойства съ замѣченнымъ на днѣ чашки, бывшей съ яичною похлебкою. Обвиняемая, показалось ей, дѣйствовала съ таинственностію. Когда свекровь спросила у ней, что она положила въ питье, она отвѣчала, что камедь, и что она подмѣшивала ее во всѣ лекарственныя питья; обвиняемая вымыла и вытерла ложку, которая осталась на каминѣ;

„Что въ это же самое время больному подана вода, принесенная прямо изъ фонтана; выпивъ ее, онъ сказалъ: „По крайней мѣрѣ эта не приправлена;

„Что г-жа Лафаржъ — мать взяла съ камина фланель, назначенную для приложенія къ шеѣ или къ животу больнаго; что примѣтивъ на этой фланели что-то шероховатое, похожее на известь, она сильно встряхнула ее, и изъ нея посыпалась бѣловатая пыль. По произведеніи изслѣдованія, оказалось, что въ этой фланели содержался мышьякъ;

„Что г-нъ Лафаржъ, который предъ кончиною чувствовалъ сильное безпокойство, тоску, а

потомъ ослабленіе, и съ которымъ дѣлались обмороки, умеръ 14-го Генваря, въ десять часовъ утра;

„Что врачи и фармацевты, производившіе освидѣтельствованіе трупа, объявили, что въ жидкостяхъ, заключающихся въ желудкѣ, находится мышьяковая окись, и что смерть г-на Лафаржа произошла отъ поглощенія этого смертоноснаго вещества;

„Принявъ въ уваженіе, что такія обстоятельства достаточны для обвиненія,

„Судъ объявляетъ, что Марія-Фортюне Капель, вдова Лафаржа, обвиняется въ произведеніи, въ теченіе Декабря 1839 года и Генваря 1840 года, покушенія на жизнь своего мужа Карла Іосифа Пушъ-Лафаржа, посредствомъ веществъ, которыя могутъ причинить смерть, и отъ которыхъ смерть дѣйствительно послѣдовала—преступленіе предвидѣнное и наказываемое 301 и 302 статьями Уголовнаго Уложенія;

„Вслѣдствіе того и отсылается она въ Ассизный Судъ Коррезскаго департамента, находящійся въ Тюллѣ, для сужденія по закону;

„Опредѣленіе о личномъ арестѣ обвиняемой сдѣлано Палатою Совѣта.“

2. Обвинительный актъ, составленный Генералъ-Адвокатомъ 7 Августа 1840 года, вслѣдствіе вышеизложеннаго Приказа Королевскаго Лиможскаго Суда.

„Марія Каппелль двадцати четырехъ лѣтъ. Родившись въ почтенномъ семействѣ, она получила въ

немъ отличное воспитаніе. Оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сиротою, она этому положенію и участію, которое внушали ея лѣта, ея хорошее состояніе и ея умъ, обязана имъ, что сдѣлалась предметомъ нѣжнѣйшей заботливости и попеченій со стороны особъ, принадлежавшихъ къ высшему сословію.

„Такъ г-жа Гара, ея тетка (10), въ заботливости о ней находила для себя особенное удовольствіе; такъ г-жа де-Валансъ, потомъ г-жа де-Мобретонъ, и наконецъ всё семейство де-Николаи, семейство, которое сколь достойно всякаго почтенія, и которое она такъ сильно огорчила ужасною клеветою, старались другъ передъ другомъ осыпать ее знаками нѣжнѣйшаго дружества.

„Г-жа де-Мобретонъ предалась этому чувству къ Маріи-Каппелль. Добрая, умная, она любила въ этой молодой дѣвицѣ несчастную сироту, удивлялась ея счастливымъ способностямъ, пріятностямъ ея ума. Она считала для себя за счастіе сообщать ей свои мысли, раздѣлять съ ней удовольствія и расточать передъ ней всю заботливость, всѣ попеченія нѣжнѣйшей привязанности. Къ несчастію, ей пришло на мысль рекомендовать ее Маркизѣ Николаи, своей матери; ей хотѣлось, чтобъ она сдѣлалась другомъ, постоянной собесѣдницей ея молодой сестры, дѣвицы Маріи де-Николаи.

„Марія Каппелль, которой дурныя страсти еще не обнаруживались, имѣла характеръ пронырливый и весьма скрытный.

(10) Марія Каппелль проживала до замужества у Баронессы Гара въ Парижѣ.

„Въ одномъ письмѣ, находящемся при дѣлѣ, ея мать укоряетъ ее въ этомъ недостаткѣ словами, исполненными нѣжности, но съ справедливою строгостію: „Въ первомъ письмѣ, тобою ко мнѣ написанномъ, ты мнѣ еще солгала," писала она ей, „но нѣмъ не обманула меня. Мнѣ легко было узнать истину, и теперь тебѣ уже трудно будетъ обмануть меня. Поль давно уже тебя знаетъ, и въ отношеніи къ нему я опять требую отъ тебя, чтобы ты была теперь нѣмъ, чѣмъ бы должна была быть и прежде. Я прощаю тебя съ условіемъ, чтобы впередъ этого не было. Ты мнѣ поклялась въ этомъ, я полагаюсь на твою клятву."

„Сверхъ того, и въ этомъ же самомъ письмѣ, она укоряетъ ее за то, что она принужденно хвалитъ нѣкоторыя вещи только для того, чтобъ ей ихъ подарили. Она пишетъ ей еще: „Ты всѣмъ льстишь, ко всѣмъ ласкаешься; это не чистосердечно. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты умъ свой употребляла не на притворство и хитрости, а на то, чтобы быть доброй, простой и любезной. Ты всё такая же, какой была; а я такъ много надѣялась, что ты перемѣнишься. Помни, что люди лукавые сначала бываютъ всѣми любимы, а потомъ, когда ихъ узнаютъ, всѣми ненавидимы. Вмѣсто того, чтобы мечтать о многомъ безполезномъ, помышляй лучше о томъ, чтобы себя исправить."

„Между тѣмъ дѣвица Марія де-Николаи съ полнымъ чистосердечіемъ предавалась дружбѣ, которую вскорѣ почувствовала къ Маріи Каппель.

„Часто онѣ ходили вмѣстѣ въ церковь или въ другія мѣста, подъ надзоромъ г-жи Дельво, гувернантки Маріи де-Николаи.

„Г-нъ Клаве, молодой человѣкъ пріятной наружности, и, повидимому, отлично воспитанный, представился этимъ молодымъ дѣвицамъ. Онѣ его замѣтили, и самъ онъ живой, пламенный, но честный и великодушный, почувствовалъ сильную страсть къ дѣвицѣ де-Николаи.

„Тогда-то Марія Каппелль приняла на себя странную роль повѣренной, спѣшившей собирать всѣ тайны, только не дѣвицы де-Николаи, у которой ихъ не было, а г-на Клаве, и между ей и этимъ молодымъ человѣкомъ началась переписка, въ которой онъ безпрестанно говорилъ о своей любви къ дѣвицѣ де-Николаи, и объ отчаяніи, въ которое его повергало равнодушіе этой молодой особы.

„Между тѣмъ дѣвица де-Николаи вскорѣ поняла, что въ положеніи, въ которое ее поставила Марія Каппелль, нѣкоторыя небольшія несообразности, казавшіяся ей сперва ребячествомъ и невинными шутками, могутъ быть почтены неприличными. Это ее обезпокоило и заставило разсказать объ этомъ происшествіи г-жѣ Дельво, своей гувернанткѣ.

„Такимъ образомъ невинность этой молодой особы и благородство ея чувствъ предохранили ее отъ опасностей, которымъ вздумала подвергнуть ее особа, осыпанная знаками ея дружества.

„Г-жа Дельво поспѣшила настоятельно вытребовать отъ Маріи Каппелль тѣ письма, въ которыхъ

дѣвица де-Николаи, по ея внушенію, могла написать ей нѣсколько словъ о г-нѣ Клаве, и эти письма были ей отданы.

„По случаю этихъ-то происшествій, которыя дошли до свѣдѣнія матери Маріи Каппелль, она написала къ ней письмо, изъ котораго приведено нами нѣсколько мѣстъ.

„Тогда, и въ 1836 году, Клаве уѣхалъ въ Алжиръ, откуда возвратился уже въ 1839 году, чтобы потомъ отправиться въ Мексику, гдѣ и теперь находится. Вскорѣ онъ забылъ о своей страсти къ дѣвицѣ де-Николаи, и искренній другъ, которому онъ ввѣрилъ тайну этой несчастной любви, объявилъ, что видѣвшись съ нимъ въ Алжирѣ, а потомъ въ Парижѣ, не замѣтилъ уже въ немъ ни малѣйшаго участія въ судьбѣ той, которою прежде такъ сильно было занято его пылкое воображеніе.

„Этотъ другъ г-на Клаве сказалъ совсѣмъ другое: онъ объявилъ, что Клаве молодой человѣкъ, получившій блестящее воспитаніе, честный, великодушный и высокой нравственности.

„Изъ такихъ-то неважныхъ обстоятельствъ только одно отвратительное развращеніе могло, чрезъ три года спустя, сдѣлать ужаснѣйшую клевету.

„Всѣ эти происшествія уменьшили, но не уничтожили доброжелательства въ семействѣ де-Николаи къ Маріи Каппелль.

„Дѣвица де-Николаи, вышедши замужъ за г-на Леото, продолжала оказывать ей дружеское расположеніе.

„Въ 1836 году обвиняемая изъявила желаніе провести нѣсколько дней въ замкѣ Бюзаны, гдѣ жило семейство де-Николаи. Она отправилась туда, и во время ея тамъ пребыванія, у г-жи Леото пропали значительной цѣны алмазы.

„Объ этомъ увѣдомили полицію, которая дѣлала разысканія, но тщетно. Нѣкоторыя подозрѣнія падали на Марію Каппелль, но ихъ отвергли; онѣ были неважны, и сверхъ того семейство де-Николаи рѣшилось бы лучше пожертвовать драгоцѣнностями, у него похищенными, нежели запятнать честь этой молодой дѣвицы. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, ценмѣвшихъ никакихъ послѣдствій, рѣшились не думать болѣе объ этомъ похищеніи.

„Между тѣмъ это обстоятельство, повидимому, очень занимало Марію Каппелль. Вскорѣ послѣ покражи, она написала къ г-жѣ Леото письмо, наполненное самыми почтительными выраженіями, и оканчивавшееся вопросомъ, не имѣетъ ли она какихъ извѣстій о *своихъ несчастныхъ алмазахъ*. Въ то же время она отправилась къ г-жѣ де-Монбретонъ, и тамъ, жалуясь на безсонницу, которою, по ея словамъ, страдала, она изъявила желаніе лечиться магнетизмомъ, и подъ мнимымъ вліяніемъ магнетизма дѣлала показанія о похищенныхъ у г-жи Леото вещахъ. Она объявляла, что алмазы пропали, что они перевезены за границу, и что безполезно искать ихъ. Такъ коварно было поведеніе Маріи Каппелль, которая похитила вещи у г-жи Леото!

„Впослѣдствіи полиція нашла ихъ въ Гландье, когда искала тамъ доказательствъ отравленія Лафаржа.

„Въ первую минуту обвиняемая утверждала, что алмазы принадлежатъ ей. Она выдумала нелѣпую сказку, будто бы они присланы ей дядею, котораго имени она не знаетъ, а ему отданы тѣмъ-то, также ей неизвѣстной, и будто бы они привезены ей кондукторомъ дилижанса или транспорта, о которомъ она также не можетъ дать никакого свѣдѣнія.

„Между тѣмъ алмазы, по вѣрнымъ признакамъ, узнаны семействомъ де-Николаи, и въ особенности ювелиромъ, который ихъ продалъ.

„Тогда Марія Капелль эту нелѣпую выдумку не устрашилась замѣнить разсказомъ, который былъ не менѣе нелѣпъ, но клонился къ обезславленію молодой матери семейства. Она объявила, что эти алмазы отданы ей на сохраненіе дѣвицею де-Николаи, которая поручила ей продать ихъ, и вырученную сумму употребить на то, чтобы заставить молчать человѣка, котораго она любила, и котораго нескромности опасалась. Этотъ человѣкъ, по ея показанію, былъ молодой, несчастный обожатель дѣвицы де-Николаи; это былъ Клаве, пылкій, страстный, но съ благородными и возвышенными чувствами; тотъ Клаве, который съ 1834 года уѣхалъ въ Африку, и возвратился оттуда уже въ 1839 году. Такое-то чудовищное показаніе сдѣлала обвиняемая, и держалась его съ жестокимъ упорствомъ: она пыталась разными, въ самомъ дѣлѣ необыкновенными средствами, устрашить или тронуть г-жу Леото, и, при помощи страха или жалости, заставить эту молодую

мать семейства пожертвовать своею честью и добрымъ именемъ.

„Тогда-то она прислала къ ней то удивительное письмо, въ которомъ, принимая попеременно тонъ угрозы и языкъ умоляющей дружбы, смѣшивая съ нѣкоторыми неважными, но истинными обстоятельствами явную ложь, она, кажется, не столько разсказываетъ происшествія, сколько напоминаетъ о нихъ дѣвицѣ де-Николаи; и потомъ, съ удивительнымъ искусствомъ и жестокимъ соображеніемъ, исчисляетъ признаки предосторожности и всѣ средства доказательствъ, съ помощію которыхъ предполагаетъ подтвердить истину своего показанія, оканчивая воззваніемъ къ чувствамъ молодой матери семейства, указывая ей на безславіе, которое угрожаетъ не только ей самой, но можетъ оставить неизгладимое пятно на челѣ ея дитяти.

„Легко понять, каково было негодованіе, изумленіе семейства де-Николаи. На что рѣшиться? Принять безславіе и молчать; сдѣлать еще болѣе: прикрыть ложными показаніями ту, которая старалась ихъ угнетать. Подобныя предложенія, не смотря ни на какія формальныя предосторожности и языкъ тѣхъ, которые взялись раскрыть ихъ, не могли быть приняты. Поспѣшили сдѣлать только одно: собрать доказательства лживости этихъ происшествій, и предложить ихъ тѣмъ, которые дѣйствовали отъ имени Маріи Каппелль. Поступивъ такимъ образомъ, семейство могло предполагать, что эта женщина пойметъ наконецъ ту гибель, не для семейства де-Николаи, но для ней

самой, которою она имѣла дерзость окружить себя.

„Между тѣмъ случилось не такъ: Марія Каппелль упорствовала въ своемъ показаніи: всегда обѣщала и всегда отказывалась представить тѣ доказательства, которыми угрожала семейству де-Николаи.

„Наконецъ правосудіе восторжествовало надъ всѣми ея усиліями, и Бривскій Судъ, объявивъ Марію Каппелль виновною въ кражѣ, приговорилъ ее къ двухлѣтнему заключенію (11).

„Таковы были эти происшествія, таковъ постыдный поступокъ Маріи Каппелль въ 1836 году! Таково-то въ особенности было обвиненіе, устремленное ею на семейство, которое имѣло несчастіе принять участіе въ ея судьбѣ, и покровительствовать ее своимъ дружествомъ!

„Но не здѣсь должно было кончиться преступное поприще Маріи Каппелль: скоро правосудіе потребовало у ней отчета въ отравленіи ея мужа.

„Карлъ Пушъ-Лафаржъ жилъ въ Гландье, въ Коррезскомъ департаментѣ. Онъ тамъ имѣлъ желѣзный заводъ и владѣлъ значительнымъ недвижимымъ имуществомъ. Женившись въ первый разъ, онъ имѣлъ несчастіе лишиться жены. Добрый, великодушный, любимый всѣми его окружавшими и склонный къ восторженности, онъ чувствовалъ

(11) Сужденіе г-жи Лафаржъ по дѣлу о покражѣ алмазовъ еще продолжается въ высшемъ судебномъ мѣстѣ, потому что Марія Каппелль на приговоръ Бривскаго Суда подала апелляцію.

потребность въ новой, болѣе сладостной любви. Онъ желалъ также въ приданомъ второй супруги найти средства придать своей промышленности болѣе развитія и дѣятельности.

„Такая мысль о новомъ бракѣ привела его въ Парижъ въ Августѣ 1839 года. Ему встрѣтились нѣкоторыя затрудненія; но вскорѣ его свели съ г-номъ Дефоа (агентомъ по части свадебъ), который предложилъ ему жениться на Маріи Каппелль. Для пользы обвиняемой, собраны нѣкоторыя свѣденія о состояніи Лафаржа, и чрезъ нѣсколько дней послѣ того совершилось бракосочетаніе.

„Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ новобрачные выѣхали изъ Парижа въ Гландье, куда и прибыли 25 го Августа 1839 года.

„Карлъ Лафаржъ радовался, надѣясь на самую счастливую будущность; но мечты его были непродолжительны. Лишь только Марія Каппелль вступила въ жилище своего новаго семейства, какъ вдругъ произошла скорбная сцена, и эта женщина, запершись въ назначенной для нея комнатѣ, написала къ мужу странное письмо, въ которомъ безстыдство мыслей не уступаетъ безстыдству выраженій, въ которомъ, безславя саму себя, она открываетъ передъ супругомъ всѣ низкія страсти, ее волнующія. Она говоритъ, что, не смотря на себя и на своего супруга, совершитъ прелюбодѣяніе; она проситъ его спасти ее, хочетъ бѣжать, отправиться въ Смирну; она на время поѣздки взяла ядъ; она говоритъ о самоубійствѣ, объ отравленіи. Вотъ нѣкоторыя изъ мыслей, содержащихся въ этомъ письмѣ!

„Такъ исчезли въ несчастномъ семействѣ всѣ мечты о счастіи! На что рѣшиться? Призвали нѣкоторыхъ друзей, ввѣрили имъ снѣдающую скорбь, получили отъ нихъ совѣтъ испытать посредствомъ хорошаго обращенія, попеченій, изъявленія привязанности, нельзя ли будетъ восторжествовать надъ дурными наклонностями этой женщины, и заставить ее опомниться.

„Послѣдовали этимъ совѣтамъ, и вскорѣ Марія Каппелль, казалось, не столько уже удалялась отъ мужа. Вскорѣ, повидимому, она почувствовала къ нему живую дружбу.

„Такая внезапная перемѣна возбудила нѣкоторое удивленіе; не очень расположены были вѣрить искренности этихъ новыхъ чувствъ.

„Между тѣмъ Лафаржъ спѣшилъ ввѣрить женѣ свои тайны и познакомить ее съ своими дѣлами; онъ съ удовольствіемъ разговаривалъ съ ней о своихъ предположеніяхъ и надеждахъ въ будущемъ; онъ объявилъ ей, что сдѣлалъ важное открытіе относительно выдѣлки желѣза, открытіе, которое, по его мнѣнію, должно было доставить ему огромныя выгоды. Марія Каппелль приняла это съ участіемъ; сначала она сомнѣвалась, но вскорѣ (она говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ) убѣдилась въ огромныхъ выгодахъ, могущихъ произойти отъ употребленія новооткрытаго средства. „Это не обширныя, сложныя машины,“ говорила она, „но издержки на заведеніе почти ничтожны.“ Она присовокупляла, что употребленіе этого средства должно доставить имъ значительное состояніе.

„Тогда-то, среди такихъ-то блестящихъ надеждъ, случилось происшествіе, которое необходимо нужно обозначить. Однажды обвиняемая почувствовала, казалось, себя довольно тяжко нездоровою; мужъ поспѣшилъ оказать ей самую нѣжную заботливость. Она, казалось, была этимъ тронута до такой степени, что изъявила желаніе сдѣлать въ пользу его завѣщаніе. Лафаржъ, въ свою очередь, поспѣшилъ подобнымъ же образомъ доказать ей свою привязанность. Онъ отдалъ ей завѣщаніе, которымъ отказывалъ въ пользу ея всё, что останется по его смерти. Марія Каппелль немедленно передала этотъ актъ г-ну Легро, нотаріусу въ Соассонѣ. Это случилось 28 Октября 1839 года.

„Съ этого времени обвиняемая думала только о причиненіи смерти тому, который изъявилъ ей столько любви.

„Открытіе, о которомъ Лафаржъ съ ней говорилъ, могло принести пользу только при двухъ условіяхъ: ему надобно было получить на свое изобрѣтеніе привиллегію, и добыть капиталъ, необходимый для развитія его промышленности.

„Побуждаемый этою мыслію, Лафаржъ въ половинѣ Ноября поѣхалъ въ Парижъ, откуда возвратился уже 3 Генваря, а 14 Генваря сдѣлался жертвою ужаснаго отравленія.

„Во время его пребыванія въ Парижѣ, между супругами происходила самая нѣжная переписка. Каждый день къ Маріи Каппелль приносили письмо; она писала къ мужу письма, въ которыхъ выражалась самая страстная любовь. Она описывала ему всю

тоску разлуки, она призывала въ своихъ мольбахъ ту минуту, когда кончится эта горестная разлука. Въ то же время она заботливо бесѣдовала съ нимъ о предметѣ его путешествія; указывала ему, что дѣлать для полученія желаемаго, побуждала его дѣйствовать, и показывала нетерпѣніе пріобрѣсть привиллегію, за полученіемъ которой онъ отправился.

„Эта переписка въ такихъ выраженіяхъ продолжалась до половины Декабря.

„Въ это время стало достовѣрнымъ, что Лафаржъ получитъ привиллегію, которой такъ желалъ, и на которой основывалъ такія блестящія надежды.

„Тогда-то Марія Каппелль подумала, что наступила минута привести въ исполненіе ея ужасное намѣреніе.

„15 Декабря, подъ предлогомъ истребленія мышей, которыя ея безпокоили, она приказала купить мышьяку у г-на Эссарпье.

„Въ то же время, или чрезъ нѣсколько дней спустя, она изъявила желаніе послать свой портретъ къ мужу. Она захотѣла также послать ему пироговъ испеченныхъ въ Глапдье. Ихъ должна была приготовить ея свекровь, которая немедленно согласилась на такую странную прихоть. Эти пироги были сдѣланы, вынуты изъ печи, и отнесены въ комнату Маріи Каппелль.

„Она положила въ ящикъ разные предметы, а именно: свой портретъ, часы, башмаки, ноты, каштаны и другія вещи. Наконецъ, она должна была

туда же помѣстишь въ небольшой особенной коробкѣ нѣсколько пироговъ, приготовленныхъ ея свекровью. Она постоянно утверждала, что положила въ него по крайней мѣрѣ такихъ четыре пирога, которые называются *choux* и бываютъ очень невелики.

„Ящикъ въ тотъ же вечеръ отнесенъ однимъ изъ служителей въ Юзершъ, откуда его должно было на другой день чрезъ дилижансъ отправить въ Парижъ.

„Замѣчательно, что Марія Каппелль изъявила своей свекрови желаніе, чтобы въ ящикъ положена была написанная рукою свекрови записка, въ которой она извѣстила бы своего сына, что пироги, положенные въ ящикъ, сдѣланы ею, что и исполнено.

„Между тѣмъ Марія Каппелль увѣдомила своего мужа о посылкѣ портрета и пироговъ. Письма, ею отосланнаго, не нашлось; но полиція захватила два письма, писанныя Лафаржемъ, и въ которыхъ о немъ упоминается. Эти письма служатъ доказательствомъ странныхъ просьбъ, которыя она дѣлала своему мужу при посылкѣ пироговъ.

„Такимъ образомъ отсюда видно, что она проситъ съѣсть этотъ *вкусный пирогъ* 18 числа вечеромъ, въ полночь, объявляя, что она сама, въ тотъ же день и тотъ же часъ, будетъ тоже дѣлать въ Глапдье, и чрезъ исполненіе одинакого дѣйствія соединится съ нимъ мысленно.

„Она прибавляла, что онъ не долженъ сказывать объ этомъ никому, кромѣ своей сестры, которая тогда была беременна, и не находилась въ

Парижѣ, потому что изъ многихъ Лафаржевыхъ писемъ на одно не подтверждаетъ, чтобъ она тамъ находилась.

„Таково было это странное событіе и необыкновенныя обстоятельства его сопутствовавшія.

„Между тѣмъ 18 Декабря нетерпѣливый Лафаржъ пошелъ въ контору транспортовъ, и послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, около девяти часовъ вечера ему отдали ящикъ, который онъ и взялъ съ собою въ гостинницу.

„Случилось, что Лафаржъ не самъ открылъ ящикъ; онъ поручилъ это сдѣлать служителю гостинницы, который осторожно вынималъ одну за другою всѣ вещи, въ немъ заключавшіяся.

„Этотъ человѣкъ, неоднократно допрошенный, объявилъ, съ самыми малѣйшими подробностями, о всѣхъ предметахъ, находившихся въ ящикѣ, и всегда утверждалъ, что въ небольшой коробкѣ, въ немъ помѣщенной, былъ положенъ только одинъ пирогъ круглой формы, имѣвшій отъ шести до семи дюймовъ въ окружности, два или три дюйма толщины, а шириною, по словамъ его, онъ былъ съ маленькую тарелочку, и золотистаго цвѣта. Онъ замѣтилъ, что корка по краямъ была тверда, а внизу мягка, и это заставляетъ его предполагать, что и внутренность пирога была такого же свойства.

„Онъ прибавилъ, что онъ не только трогалъ и разсматривалъ этотъ пирогъ, когда вынималъ его изъ коробки и развертывалъ бумагу, въ

которую онъ былъ завернутъ, но что пирогъ оставался на комодѣ, что онъ самъ положилъ пирогъ въ шкафъ, въ которомъ и оставался онъ до самаго отъѣзда Лафаржа, когда онъ выбросилъ пирогъ въ соръ въ гостинницѣ.

„Онъ говорилъ также, что если бы было много пироговъ, то онъ непремѣнно бы ихъ видѣлъ, и наконецъ, что онъ вовсе не чувствовалъ въ себѣ охоты отвѣдать этого пирога, ни до отъѣзда Лафаржа, ни послѣ.

„Таково было точное, обстоятельное, неоднократно повторенное и всегда одинаковое показаніе этого свидѣтеля. Оно явно не согласно съ показаніями виновной, которая постоянно утверждала, что отослала въ Парижъ только нѣсколько самихъ маленькихъ пироговъ, приготовленныхъ ея свекровью.

„Свидѣтель прибавилъ, что Лафаржъ, въ ту минуту, когда былъ вынутъ изъ ящика пирогъ, отломилъ весьма маленькій кусочекъ отъ корки и съѣлъ его, говоря: „*Это мнѣ прислала жена.*“

„Эти происшествія случились вечеромъ 12 Декабря. Списки конторы транспортовъ подтверждаютъ, что въ этотъ самый день полученъ и выданъ ящикъ Лафаржу.

„Между тѣмъ Лафаржъ, оставшись одинъ, во всю ночь съ 18 на 19 чувствовалъ рѣзь въ животѣ, и его часто рвало. Онъ очень страдалъ, и на другой день весь день пролежалъ въ постели. Вѣрность дня этой болѣзни подтверждается счетною книгою гостинницы, изъ которой видно, что именно въ этотъ день, 19 Декабря, доставлены къ нему нѣкоторыя питья, какъ напр. чай и теплый лимонадъ.

„Несомнѣнно также и то, что болѣзнь случилась уже по полученіи ящика, потому что служитель замѣтилъ, что Лафаржъ, лежа въ постели, держалъ безпрестанно портретъ своей жены.

„На смертномъ одрѣ, при послѣднихъ минутахъ жизни, несчастный разсказывалъ врачу Леспинасу о присылкѣ пирога и о своей болѣзни такимъ образомъ, что этотъ врачъ понялъ, что первое событіе предшествовало послѣднему.

„Въ то время, какъ эти необыкновенныя событія совершались въ Парижѣ, Марія Каппелль въ Гландье обнаруживала какое-то странное опасеніе и еще болѣе странное предубѣжденіе.

„Письмо отъ мужа извѣстило ее, что у него жестокая головная боль, и это извѣстіе, казалось, причинило ей весьма сильное безпокойство. Она говорила, что не хотѣла сказывать объ этомъ своей свекровп, прибавляя, что если бы болѣзнь ея мужа усилилась, то она, подъ предлогомъ, который она назвала, поспѣшила бы отправиться въ Парижъ, чтобы самой о немъ заботиться.

„Она послала въ Юзершъ узнать, нѣтъ ли писемъ на ея имя; изъявляла опасеніе получить письмо съ черной печатью.

„Однажды чего она никогда не дѣлала, она вышла изъ-за стола, чтобы встрѣтить того, кто несъ письма, отъ нетерпѣнія увѣриться, нѣтъ ли между ними такого письма, которое подтвердило бы мрачныя предчувствія, которыя, какъ увѣряла она, ее мучили.

„Вотъ первыя событія, которыя для присяжныхъ будутъ предметомъ важнѣйшихъ размышленій.

„Между тѣмъ Лафаржъ, при крѣпкомъ тѣлосложеніи, не подвергся важнымъ слѣдствіямъ этой болѣзни, и получивъ привиллегію на свое изобрѣтеніе, выѣхалъ изъ Парижа и прибылъ въ Гландье 3 Генваря 1840 года.

„Тамъ-то этотъ несчастный, чрезъ нѣсколько дней, долженъ былъ сдѣлаться жертвою ужаснаго отравленія!

„Марія Каппелль поспѣшила показать, какъ радуется возвращенію мужа. Она вспала съ постели, въ которой лежала, чтобы встрѣтить его и изъявить ему знаки нѣжнѣйшаго дружества.

„Между тѣмъ Лафаржъ чувствовалъ себя нездоровымъ, легъ въ постелю, всталъ на нѣсколько минутъ, и вскорѣ опять легъ.

„Вечеромъ принесли къ Маріи Каппелль, въ ея комнату, остатки живности съ нѣкоторымъ количествомъ трюфлей. Она пригласила мужа ихъ сколько нибудь отвѣдать; онъ согласился; но почти тотчасъ же почувствовалъ рѣзъ въ животѣ и рвоту, и съ этого времени обнаружились и не прекращались сильные признаки отравленія.

„Позвали врача Барду; но онъ, не подозрѣвая причины болѣзни, прописалъ лекарства, которыя не произвели никакого благотворнаго дѣйствія. Маріи Каппелль не хотѣлось, чтобы кто нибудь кромѣ ея ухаживалъ за ея мужемъ. Она старалась удалить изъ комнаты этого несчастнаго всѣхъ членовъ

его семейства, даже мать, и эта бѣдная женщина, въ присутствіи врача Барду, имѣла съ ней за это сильный споръ. Между тѣмъ опасность болѣзни усиливалась; рвота стала безпрерывною; Лафаржъ чувствовалъ мучительное стѣсненіе въ груди и въ горлѣ болѣзненную жжогу, жестокія колики раздирали его внутренность, и вскорѣ охлажденіе тѣла, почти совершенное прекращеніе кровообращенія, біеніе сердца, сдѣлавшееся рѣдкимъ и нечувствительнымъ, возвѣстили близость кончины. Въ это время и при столь горестномъ зрѣлищѣ Марія Каппелль предавалась странной заботливости и удивительнымъ занятіямъ. Еще 12 Декабря, за нѣсколько дней до отсылки въ Парижъ пирога, она достала себѣ мышьяку, подъ видомъ истребленія мышей; впослѣдствіи, уже по возвращеніи Лафаржа, она получила его посредствомъ приписки, сдѣланной подъ рецептомъ врача. Это случилось 15 Генваря. Въ то же время она посылала за мышьякомъ къ Люберзакскому аптекарю, но онъ отказался отпустить его. Послѣ она поручила г-ну Дени, работнику на заводѣ, купить ей мышьяку, и Дени, побуждаемый ею, продержавъ его нѣсколько дней у себя, по безпокойству, которое онъ чувствовалъ, наконецъ отдалъ ей мышьякъ 10 Генваря. Замѣчательно, что давая ему такое порученіе, Марія Каппелль приказала ему никому о томъ не сказывать.

„Все подъ видомъ истребленія мышей, она добыла себѣ такое огромное количество мышьяку. Однажды она въ шутку разсказывала мужу, что у ней достанетъ мышьяку на истребленіе цѣлой арміи мышей. 11 Генваря, на другой день того дня,

когда Денн отдалъ ей купленный имъ мышьякъ, случились нѣкоторыя происшествія, возбудившія наконецъ сильныя подозрѣнія въ семействѣ Лафаржа. Утромъ, еще находясь въ постели, Марія Каппелль приказала сдѣлать себѣ яичную похлебку. Она была приготовлена г-жею Бюфферъ, ея золовкою, которая принесла ее къ ней, и она ее выпила. Лафаржъ, у котораго сестра его спросила, не хочетъ ли и онъ, изъявилъ на это желаніе; но Марія Каппелль выпила и сказала, что надобно сдѣлать опять другую.

„Она хотѣла приготовить сама, не смотря на то, что лежала въ постели. Однако это приняла на себя г-жа Бюфферъ, и принесла похлебку въ комнату своего брата. Въ эту минуту онъ спалъ; а потому яичную похлебку налили въ чашку, которую поставили въ другую чашу, наполненную теплою водою.

„Лишь только сдѣлано было такое распоряженіе, какъ горничная обвиняемой пришла за яичной похлебкой, и отнесла ее въ комнату своей госпожи. Она поставила ее на ночной столикъ, у ея постели. Въ той же комнатѣ находилась дѣвица Бренъ. Она была еще въ постели и хотѣла вставать, какъ увидѣла, что Марія Каппелль въ чашку съ яичной похлебкой всыпаетъ бѣлый порошокъ, находившійся въ лоскуткѣ бумажки, и мѣшаетъ его пальцемъ.

„Въ эту минуту дверь, посредствомъ которой комната обвиняемой соединялась съ комнатой ея мужа, отворилась, и вошла ея свекровь. Марія Каппелль поспѣшила поставить чашку на ночной столикъ. Когда же свекровь ея удалилась, она снова стала мѣшать пальцемъ всыпанный ею порошокъ.

„Дѣвица Бренъ, свидѣтельница этихъ поступковъ, спросила у нея, что она положила въ чашку, и она отвѣчала, что положенъ померанцовый цвѣтъ. Неудовлетворенная этимъ отвѣтомъ, дѣвица Бренъ спросила еще; но Марія Каппелль притворилась, что не слышитъ, и ничего не отвѣчала. Тогда яичную похлебку отнесли въ комнату Лафаржа, но онъ не захотѣлъ ее выпить, и ее поставили на каминъ.

„Тогда-то дѣвица Бренъ замѣтила на поверхности яичной похлебки бѣловатое, нераспустившееся вещество, и указала на это присутствовавшимъ. Разсмотрѣли, даже спросили врача, но онъ отвѣчалъ, что это, можетъ быть, бѣлокъ или известь, и въ первую минуту не обратили на это большого вниманія; но когда г-жа Бюфферъ вылила большую часть яичной похлебки въ каминъ, увидѣли на днѣ чашки бѣловатое вещество одинакого свойства съ веществомъ, примѣченнымъ на поверхности.

„Однако это сперва такъ и оставили, и тогда только, когда дѣвица Бренъ разсказала о томъ, что происходило утромъ, стали нѣсколько безпокоиться. Сообщили объ этомъ Лафаржу, который потребовалъ, чтобъ остатокъ яичной похлебки снесли къ аптекарю Эссарпье, который разсмотрѣлъ его, сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, узналъ въ немъ присутствіе мышьяку, но удовольствовался только тѣмъ, что посовѣтовалъ Лафаржу принимать пищи только отъ тѣхъ, на кого онъ можетъ вполнѣ положиться.

„Въ послѣдствіи остатокъ этой яичной похлебки подвергнутъ разсмотрѣнію, и врачи и химики,

которымъ было поручено это дѣло, подтвердили, что въ немъ заключалась мышьяковая окись. Эти происшествія случились 11 Генваря. Въ тотъ же день надобно было приготовить для Лафаржа другое питье; оно составлено было изъ небольшаго количества вина, смѣшаннаго съ водою, сахаромъ и небольшимъ количествомъ хлѣба.

„Марія Каппелль была одна въ комнатѣ больнаго съ дѣвицею Бренъ, которая работала близъ камина; эта молодая особа видѣла, какъ Марія Каппелль взяла стаканъ съ питьемъ, о которомъ мы говорили, пошла къ комоду, въ которомъ открыла верхній ящикъ, и тогда она услышала шумъ, происходившій отъ прикосновенія ложечки къ сосуду, находившемуся, по ея предположенію, внутри комода. Ей показалось также, что обвиняемая къ питью Лафаржа подмѣшивала какое-то вещество. Сдѣлавъ это, Марія Каппелль подошла къ постели больнаго и подала ему питье въ ложечкѣ. Лафаржъ, выпивъ, вскричалъ: „*Ахъ, Марія! что ты мнѣ даешь? это меня жжетъ.*“ „*Не удивительно*“ сказала Марія Каппелль, обращаясь къ дѣвицѣ Бренъ, „*ему даютъ вино, а у него воспаленіе.*“

„Между тѣмъ дѣвица Бренъ, подошедъ къ комоду, замѣтила на немъ легкій слѣдъ отъ бѣлаго порошка, и увидѣла въ ящикѣ небольшую баночку съ подобнымъ веществомъ. Порошокъ, разсыпанный на комодѣ, и порошокъ, находившійся въ баночкѣ, были собраны и отданы на разсмотрѣніе химиковъ, которые признали это не инымъ чѣмъ, какъ мышьякомъ.

„Питье, назначенное для Лафаржа, также сохранено и подвергнуто разсмотрѣнію; и въ немъ найдено присутствіе мышьяковой окиси. Въ тотъ же день дѣвица Бренъ замѣтила на столѣ и въ комнатѣ г-на Лафаржа стаканъ, въ которомъ было весьма мало воды и бѣлый порошокъ. Марія Каппелль, у которой дѣвица Бренъ спросила, что это, отвѣчала, что это камедь; когда же эта свидѣтельница замѣтила ей, что камедь распускается, Марія Каппелль прибавила, что она сама выпьетъ изъ этого стакана, что и дѣйствительно, казалось, сдѣлала, наливъ въ него много воды. Въ наступившую ночь съ Маріею Каппелль сдѣлался рѣзъ въ животѣ и рвота.

„Замѣчательно, что Марія Каппелль показывала видъ, будто имѣетъ обыкновеніе употреблять камедь и примѣшивать ее ко всякому питью. Въ другомъ случаѣ мать Лафаржа, заботясь о своемъ сынѣ, примѣтила, что Марія Каппелль подмѣшала бѣлый порошокъ къ питью, для него назначенному; обвиняемая, пользуясь минутою, когда полагала, что мать не замѣтитъ, подошла къ больному и дала ему въ ложечкѣ питье.

„Когда мать Лафаржа спросила, что она положила въ питье, она отвѣчала, что часто это дѣлаетъ, что это камедь, и въ тоже время поспѣшила тщательно вытереть ложку, и положила ее на каминъ. Прежде нежели эта ложка была такимъ образомъ вытерта, мать Лафаржа замѣтила на ней бѣлое вещество, подобное тому, которое замѣчено въ яичной похлебкѣ. Но не въ одно питье несчастному Лафаржу подмѣшивали съ невѣроятной

дерзостью мышьякъ. Сочтено нужнымъ дѣлать ему вприранья фланелью; кусокъ этой матеріи данъ былъ для того Маріею Каппелль, и его употребляли не только что для трѣнія, но и клали на грудь больнаго съ лауданомъ и оливковымъ масломъ.

„Г-жа Лафаржъ — мать замѣтила, что ткань этой фланели покрыта веществомъ, которое она назвала *шероховатымъ тѣломъ*; она потрясла фланель, и изъ нея посыпался бѣлый порошокъ.

„Эта фланель, отданная на разсмотрѣніе химиковъ, подвергнута была испытаніямъ, по которымъ достовѣрно оказалось, что въ ней содержалась мышьяковая окись. Такимъ-то образомъ Лафаржъ, подверженный жестокимъ страданіямъ, погибалъ жертвою ужаснаго отравленія, въ присутствіи матери, сестры, врачей, которые, устрашенные жестокостію болѣзни, изумленные ужасными ея припадками, борясь съ подозрѣніями, западавшими въ ихъ душу, допустили однако же совершиться преступленію; потому что ихъ разсудокъ, сердце, нѣкотораго рода стыдъ съ ужасомъ заставляли ихъ отвергать всякую вѣроятность, при видѣ священныхъ узъ, соединявшихъ отравительницу съ ея жертвою. (Подозрѣвая совершавшееся преступленіе, они не имѣли столько смѣлости, чтобъ оттолкнуть руки отравительницы).

„Между тѣмъ 13 Генваря пригласили доктора Леспинаса; но тогда уже не было никакой надежды сохранить жизнь Лафаржу.

„Кровообращеніе было едва ощутительно; сердце билось уже неправильно; безпрестанная рвота, частое икапіе, частые обмороки, холодный потъ, раз-

лившійся по всему тѣлу, были вѣрными признаками близкой смерти.

„Леспинасъ не замедлилъ объявить, что Лафаржъ погибъ отъ дѣйствія яда. Онъ увѣдомилъ объ этомъ несчастнаго, который ему сказалъ: „Какъ! вы думаете! Изслѣдуйте, постарайтесь открыть; я буду жаловаться.“

„Тогда-то ужасная горесть водворилась въ нѣдрахъ этого семейства. Бѣдная мать Лафаржа бросилась на безжизненное почти тѣло своего сына, омочила его слезами, и въ ту же минуту съ ужасомъ воскликнула: „Боже! что я вижу!“ Она увидѣла Марію Каппелль, которая, опершись, стояла у изголовья несчастнаго. Лице у Маріи Каппелль было блѣдно; руки сложены; изъ-подъ рѣсницъ капнлось нѣсколько слезъ; она, казалось, погружена была въ глубокое размышленіе.

„Между тѣмъ Лафаржъ, послѣ обморока, которымъ, казалось, должна была окончиться жизнь его, немного опомнился, и слыша рыданіе своей матери, сказалъ: „Мнѣ больно глядѣть на тебя, уйди!“

„Ее вывели изъ комнаты, въ которой остались только Леспинасъ и Марія Каппелль.

„Вскорѣ Лафаржъ сказалъ: „*Амена*, пить!“ Такъ онъ называлъ свою сестру. Марія Каппелль поспѣшила подать ему воды, и Лафаржъ, открывъ глаза, выпилъ; но на губахъ его тотчасъ появилась насмѣшливая улыбка, и онъ движеніемъ головы и тѣла выразилъ Леспинасу, какое ужасное чувство наполняетъ его душу.

„Марія Каппелль удалилась, и съ этой минуты не являлась болѣе въ комнату мужа.

„На другой день, въ шесть часовъ, Карлъ Лафаржъ испустилъ послѣднее дыханіе. Сдѣланъ медицинскій осмотръ трупа; желудокъ и жидкости, въ немъ заключавшіяся, тщательно сохранены, подвергнуты разсмотрѣнію, и доказано въ нихъ присутствіе мышьяковой окиси. Вотъ главныя событія, на которыхъ основано обвиненіе! Еще одно обстоятельство, которымъ всё болѣе и болѣе доказывается виновность обвиняемой. 12-го Декабря 1839, 5 и 10 Генваря 1840 года, она приказала подать себѣ мышьяку: она не отрицала этого, но только утверждала, что мышьякъ былъ употребленъ или назначенъ къ употребленію въ составъ для истребленія мышей.

„Между тѣмъ, по описаніи части этого состава и произведеніи изслѣдованія надъ веществомъ, изъ котораго оно состояло, оказалось, что въ немъ вовсе не заключалось мышьяковой окиси. Изъ слѣдствія еще видно, что мышьякъ, принесенный къ Маріи Каппелль 10-го Генваря, повидимому, переданъ ею Клементинѣ Серва, ея горничной, для приготовленія отравы для мышей. Изъ него слѣдуетъ также, что, отдавая ей пакетъ, въ которомъ, повидимому, онъ содержался, Марія Каппелль приказала Клементинѣ взять величайшія предосторожности, сказавъ, что это весьма опасное вещество, и Клементина такъ этого испугалась, что не осмѣлилась сдѣлать изъ него предписаннаго употребленія. Между тѣмъ пакетъ,

отданный Клементинѣ Серва, былъ по смерти Лафаржа зарытъ въ саду, гдѣ потомъ и найденъ, и разсмотрѣніе содержавшагося въ немъ вещества показало, что это было не иное что, какъ содовый порошокъ. Куда же дѣвался мышьякъ, купленный 5 и 10-го Генваря?

„Присяжные разсмотрятъ, можно ли смерть Лафаржа, ужасныя страданія, ей предшествовавшія, его продолжительную и тягостную предсмертную тоску, присутствіе яда во внутренностяхъ этого несчастнаго, почесть яснымъ доказательствомъ того, на что употребленъ былъ мышьякъ.

„Спрошенная объ этихъ происшествіяхъ, Марія Каппелль утверждала, что послала только нѣсколько маленькихъ пирожковъ, приготовленныхъ ея свекровью. Она созналась, что въ Декабрѣ и Генварѣ мѣсяцахъ она неоднократно заставляла покупать мышьякъ, объявляя, что хотѣла употребить его только на истребленіе мышей. Она прибавляла, что вещество, которое, какъ видѣли, она подмѣшивала въ питье мужа, была камедь, и что впрочемъ она не знаетъ, какъ изъяснить присутствіе въ этихъ питьяхъ мышьяка.

„Вслѣдствіе сего, Марія — Фортюне Каппелль, вдова Лафаржа, обвиняется въ томъ, что въ Декабрѣ 1839 и Генварѣ 1840 годовъ, покушалась она на жизнь Карла-Іосифа Пушъ-Лафаржа, своего мужа, посредствомъ веществъ, которыя могутъ причинить смерть, и которыя дѣйствительно ее причинили — преступленіе предвидѣнное и наказываемое 301 и 302 статьями Уголовнаго Уложенія.“

3. Первое засѣданіе, 3го Сентября 1840 года, Ассизнаго Суда Коррезскаго Департамента.

Публика, въ которой давно уже возбуждено было любопытство, и которой нетерпѣливость переходила уже предѣлы благоразумія, въ теченіе недѣли наполнила городъ Тюль, заняла его гостинницы, его самые посредственные трактиры и всѣ комнаты, которыя жители могли уступить пріѣхавшимъ позднѣе другихъ. Еще утромъ, въ самый день открытія засѣданій, на разсвѣтѣ по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ Тюллю, главному городу Коррезскаго департамента, новыя толпы любопытныхъ спѣшили присоединяться къ той толпѣ, которая въ двадцать разъ превосходила число людей, могшихъ помѣститься во внутренности Ассизнаго Суда, и въ теченіе трехъ часовъ, предшествовавшихъ засѣданію, на Коррезскую набережную прибывали новые караваны изъ разныхъ мѣстъ департамента, ходили изъ дома въ домъ, отыскивая квартиръ, и вмѣстѣ съ другими запоздалыми, подобно имъ получившими отказъ, принуждены были искать пристанища въ предмѣстіяхъ, вступать въ совмѣстничество съ пастухами, пріѣзжающими на окрестныя ярмарки, и извощиками съ большой дороги изъ Ліона въ Бордо.

Благоразумныя мѣры предосторожности, принятыя относительно входа въ домъ Суда, Президентомъ Трибунала г-мъ Гожаль и Президентомъ Ассизнаго Суда г-мъ Барни, облегчили входъ въ мѣсто засѣданій немногимъ предъявителямъ билетовъ; большая же часть аудиторіи предоставлена

была публикѣ. Линѣйное войско вмѣстѣ съ жандармами составляли внутреннюю и внѣшнюю стражу.

Въ семь съ половиною часовъ отворили двери, и всѣ свободныя мѣста вдругъ были заняты. Дамы города Тюлля и всѣ значительные люди поспѣшно помѣстились на оставленныхъ для нихъ стульяхъ, или заняли мѣста возвышавшіяся въ видѣ амфитеатра на хорахъ, нарочно устроенныхъ для такой судебной торжественности. Много было иностранцевъ, даже нарочно пріѣхавшихъ сюда изъ Англіи и Германіи. Особенно много было дамъ.

Во всѣхъ мѣстахъ залы начались живые, шумные разговоры о дѣлѣ, въ которомъ небольшое число избранныхъ, находившихся внутри ограды, считали для себя за счастіе участвовать. Вездѣ заранѣе разбирали предстоящій процессъ Маріи Капелль, которой защищеніе вскорѣ надѣялись услышать.

На мѣстахъ, оставленныхъ позади судей, замѣтили г-на Мёнье, Префекта Коррезскаго департамента, гг. судей Тюльскаго Гражданскаго Трибунала, многихъ чиновниковъ города Брива, и между ними г-на Лавіаля де-Масмореля, ихъ Предсѣдателя.

На продолговатомъ столѣ, поставленномъ у самыхъ ногъ судей, въ самомъ удобномъ для слуха мѣстѣ, были помѣщены редакторы журналовъ Парижскихъ и сосѣдственныхъ городовъ.

Накануне вечеромъ, около одиннадцати часовъ, привезли г-жу Лафаржъ въ домъ Суда, гдѣ она должна была оставаться до окончанія суда. Это

перемѣщеніе, котораго никто не ожидалъ въ такое позднее время, произведено въ величайшемъ порядкѣ; карета ѣхала вскачь, въ сопровожденіи взвода жандармовъ.

На защитительной скамьѣ помѣстились г-нъ Палье и секретарь его, г-нъ Десмонъ, Адвокаты Королевскаго Парижскаго Суда, защитники Маріи Каппелль.

Г-нъ Пепрдье, бывшій передъ Бривскимъ Судомъ защитникомъ г-жи Лафаржъ, сидѣлъ передъ скамьею Адвокатовъ съ семействомъ Лафаржъ; г-нъ Адвокатъ Бакъ, который послѣ принялъ на себя также защищеніе Маріи Каппелль, былъ и теперь въ засѣданіи, но не на скамьѣ Адвокатовъ и въ партикулярномъ платьѣ.

Г-нъ Адвокатъ Коралли, прибывшій въ Тюлль съ тѣмъ, чтобы, если потребуетъ надобность, принять участіе въ дѣлѣ, защищая гражданскія права семейства г-ца Лафаржа и семейства де-Николаи, сидѣлъ, въ адвокатской одеждѣ, на адвокатской скамьѣ, вмѣстѣ съ Тюльскими Адвокатами.

Вдругъ живое движеніе любопытства обнаруживается въ собраніи: всѣ семейство де-Николаи, призванное для свидѣтельскихъ показаній по просьбѣ Прокурора, кромѣ своего главы, г-на Маркиза де-Николаи, занимаетъ мѣсто на скамьѣ свидѣтелей. Г-жа Леото блѣдна, и, повидомому, нездорова. Взоры всѣхъ обращены на сестру ея, г-жу де-Монбретонъ.

Не менѣе живое участіе встрѣчаетъ при входѣ семейство г-на Лафаржа, приведенное вполнѣ

въ свидѣтельство, равно какъ и многіе члены семейства Гара, занимающіе мѣста, назначенныя имъ передъ обвинительной и защитительной скамьями.

Г-жа Колларъ, тетка г-жи Лафаржъ, входитъ первая, за нею входитъ г-нъ Гара, г-нъ де Сабатье, его зять, г-нъ де-Віолень и г-жа де-Віолень, сестра г-жи Лафаржъ; всѣ эти родственники Маріи Каппелль принадлежатъ къ высшему обществу.

Въ восемь часовъ съ четвертью открывается засѣданіе Суда. Онъ состоитъ изъ Президента г-на Барни, члена Королевскаго Лиможскаго Суда; Вице-Президента г-на Гюйель, и двухъ Ассессоровъ гг. де-Ламирандъ и де-Гразъ;

Г-нъ Деку, Генералъ-Адвокатъ Королевскаго Лиможскаго Суда, занимаетъ мѣсто на прокурорской скамьѣ,

Г-нъ Президентъ приказываетъ ввести обвиняемую. Нѣсколько минутъ проходитъ безъ исполненія этого приказанія. Входитъ Клеменшина Серва и говоритъ Г-ну Палье нѣсколько словъ на ухо; послѣдній выходитъ, и вскорѣ потомъ входитъ г-жа Лафаржъ, опираясь на руку г-на Палье, своего защитника. Она садится на скамьѣ обвиняемыхъ. Взоры всѣхъ устремляются на нее; но не замѣтно ни малѣйшаго признака нескромнаго любопытства; публика, повидимому, почтительно ожидаетъ судебнаго рѣшенія. Г-жа Лафаржъ одѣта вся въ черномъ; ея шерстяное платье и шаль такія, какія носятъ обыкновенно вдовы; она одѣта съ изящною простотою. Волосы ея, черные какъ смоль, расположены въ ви-

дѣ повязокъ (en bandeaux); глаза у ней черные, очень чисты, и во взглядѣ есть какая-то мягкость (quelque chose de velouté); не смотря на чрезмѣрную худощавость, лице ея представляетъ совершенный овалъ. Выраженіе этой физіогноміи кроткое, благородное, скромное; когда взгляды ея останавливаются на ея защитникахъ, то какъ будто оживляются полною довѣренностію. Болѣзнь, повидимому, сильно на нее подѣйствовала. Цвѣтъ лица у ней свинцовый, оливковатый, и небольшой сухой кашель, который часто слышится, свидѣтельствуетъ о томъ, какое сильное вліяніе произвело осьмимѣсячное тюремное заключеніе на ея тѣлосложеніе, и безъ того слабое. Скромно осматриваетъ она собраніе, потупляетъ взоры, когда замѣчаетъ, что она сдѣлалась предметомъ чьего нибудь вниманія.

На бюро передъ присутствующими ставятъ большой ящикъ, содержащій въ себѣ бумаги, прикосновенныя къ дѣлу. Послѣ предварительныхъ дѣйствій относительно избранія присяжныхъ и устраненія тѣхъ изъ нихъ, которые защитниками обвиняемой и Прокуроромъ отвергнуты, г-нъ Президентъ объявляетъ, что судъ присяжныхъ законнымъ образомъ составленъ. Между зрителями происходитъ движеніе, за которымъ слѣдуетъ глубокое молчаніе.

Г-нъ Президентъ. „Обвиняемая, встаньте!“ (Живое любопытство между зрителями. Взоры всѣхъ устремлены на обвиняемую; но ни одинъ изъ зрителей не встаетъ съ тѣмъ неприличнымъ любопытствомъ, которое такъ часто во Франціи обнаруживается въ подобныхъ обстоятельствахъ. Смер-

тная блѣдность, покрывавшая лице Маріи Каппелль, приняла синеватый цвѣтъ. Примѣтно, что она дѣлаетъ надъ собою усиліе и отвѣчаетъ слабымъ, но яснымъ голосомъ). Начинаются вопросы Президента и отвѣты обвиняемой.

В. Ваше имя? — О. Марія Капель, жена Лафаржа.
В. Ваши лѣта? — О. Двадцать четыре года.
В. Вашъ промыселъ? – О. У меня пѣтъ промысла.
В. Ваше мѣстопребываніе? — О. Въ Гландье.

Послѣ замѣчанія, сдѣланнаго г-мъ Президентомъ защитникамъ обвиняемой словами статьи изъ Уложенія уголовнаго судопроизводства, г-нъ Палье встаетъ одинъ.

Присяжные даютъ клятву, требуемую закономъ, и послѣ того, какъ г-нъ Президентъ предупредилъ обвиняемую, чтобъ она была внимательной къ тому, что будетъ происходить, судейскій чиновникъ (greffier) прочитываетъ приказъ о взятіи обвиняемой для отсылки къ суду и обвинительный актъ. (Этотъ приказъ и обвинительный актъ мы выше сообщили вполнѣ).

Обвиняемая выслушиваетъ это продолжительное чтеніе совершенно спокойно. Лице ея, на которомъ выражается печаль, и на которомъ взоры зрителей стараются прочесть внутреннее волненіе, производимое чтеніемъ тѣхъ актовъ, не показываетъ никакого смущенія. Только дважды, при самыхъ драматическихъ мѣстахъ обвинительнаго акта, Марія Каппелль поднимаетъ глаза къ небу, но потомъ вскорѣ опять принимаетъ свой обыкновенный, спокойный видъ. Повидимому, ее очень утомляетъ неболь-

шой сухой и почти безпрестанный кашель. Въ одной рукѣ у ней спикляпка съ солями, которыя она часто нюхаетъ.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію обвинительной рѣчи Прокурора, которая слѣдовала за чтеніемъ актовъ, мы считаемъ необходимымъ сообщить вполнѣ два допроса, сдѣланные г-жѣ Лафаржъ до засѣданія Ассизнаго Суда, уже тогда, когда она заключена была въ Тюльскую тюрьму.

Первый допросъ г-жи Лафаржъ, сдѣланный въ присутствіи г-на Виктора Гожаль, Вице-президента Тюльскаго Трибунала, г-номъ Совѣтникомъ Берни, Президентомъ Коррезскаго Ассизнаго суда, въ третью треть 1840 года.

В. Какъ ваше имя, лѣта, званіе и промыслъ, мѣсто жительства и мѣсторожденія? — О. Марія—Фортюне Каппелль, двадцати четырехъ лѣтъ, родилась въ Парижѣ, мѣсто жительства Парижъ.

В. Васъ обвиняютъ въ томъ, что, въ теченіе этого Генваря мѣсяца и въ разное время прежде, вы покушались на жизнь Іосифа Лафаржа, вашего мужа, посредствомъ веществъ, которыя могутъ причинить смерть, и которыя будто бы дѣйствительно ее причинили? — О. Я не виновна въ этомъ преступленіи.

В. Во время, очень близкое къ вашей свадьбѣ съ Лафаржемъ, не произошло ли между вами и имъ какой размолвки, которая приняла даже жестокой характеръ? — О. По моемъ прибытіи въ Гландье

я такъ была недовольна тѣмъ, что нахожусь въ такомъ уединенномъ и такомъ дикомъ мѣстѣ, что пришла въ отчаяніе и стала весьма сильно сожалѣть о вступленіи въ бракъ; разгоряченное минутно воображеніе мое побудило меня написать то извѣстное письмо, которымъ меня такъ часто укоряли во время производства дѣла.

В. Въ Декабрѣ 1839 и 15 числа этого мѣсяца не приказывали ли вы покупать у аптекаря мышьякъ? — О. Помню, что приказывала купить мышьяку у Эссартье, Юзерскаго аптекаря, и что поручила эту покупку одному изъ своихъ служителей.

В. Какое употребленіе хотѣли вы сдѣлать изъ этого мышьяка? — О. Въ домѣ въ Гландье было такое множество мышей, что я не надѣялась истребить ихъ ничѣмъ, кромѣ отравы съ мышьякомъ, положивъ ее въ такія мѣста, куда, предполагала я, онѣ прибѣжатъ и его съѣдятъ.

В. Послѣ этого, не приготовляли ли вы пирога, и не отсылали ли его къ г-ну Лафаржу, который въ это время находился въ Парижѣ? — О. Нѣтъ; я помню только, что въ ту минуту, какъ я занималась посылкою къ мужу, мнѣ отдали четыре или пять маленькихъ пирожковъ, называемыхъ обыкновенно choux, приготовленныхъ свекровью моей, г-жею Лафаржъ; я вложила эти четыре или пять маленькихъ пирожковъ въ ящикъ, отосланный мною къ г-ну Лафаржу.

В. Не положили ли вы въ этотъ самый ящикъ пирогъ величиною съ тарелку, выпуклой формы? — О. Нѣтъ; я увѣрена, что положила въ этотъ

ящикъ только четыре или пять маленькихъ пирожковъ, имѣвшихъ видъ померанца

В. Отсылая эти пирожки къ г-ну Лафаржу, не просили ли вы его съѣсть ихъ, или поѣсть того пирога, о которомъ я сказалъ, въ назначенный вами день и часъ? — О. Я помню, что убѣждала г-на Лафаржа съѣсть одинъ или нѣсколько посланныхъ мною ему маленькихъ пирожковъ, назначая день и часъ, въ который я желала, чтобъ онъ съѣлъ эти пирожки; но я не говорила ему о большомъ пирогѣ или о такомъ пирогѣ, который имѣлъ другую форму отъ тѣхъ пирожковъ, которые называются choux, потому что я ему не посылала такого большаго пирога.

В. Когда вы приготовили эту посылку, то не убѣждали ли свою свекровь написать записку къ сыну, въ которой она означила бы, что она сама приготовляла эти пироги? — О. Нѣтъ, я объ этомъ не просила.

В. Не писали ли вы, во время этой посылки, къ г-ну Лафаржу, чтобъ онъ съѣлъ тотъ вкусный пирогъ, который вы положили въ этотъ ящикъ? — О. Вовсе не помню, чтобъ я ему дѣлала подобное предложеніе; я могла только писать къ нему, чтобъ убѣдить его съѣсть пироги, сдѣланные его матерью; но я не дѣлала ему никакой особенной просьбы.

В. Не назначали ли вы, чтобы Лафаржъ 18-го Декабря, въ полночь, съѣлъ пирогъ или пироги, которые, по собственному вашему сознанію, вы послали, говоря ему, что вы сдѣлаете то же въ

тотъ же день и въ тотъ же часъ? — О. Я очень помню, что назначила Лафаржу день и часъ, въ которой убѣждала его съѣсть этотъ пирогъ, говоря ему, что сдѣлаю то же въ тотъ же день и часъ; но не могу вспомнить, какъ я уже и сказывала, дня, который ему назначала, а помню только часъ — это былъ одиннадцатый или полночь.

В. Послѣ отсылки пироговъ или пирога, въ то время, когда вы предполагали, что Лафаржъ ихъ получилъ, не обнаруживали ли вы большаго нетерпѣнія получить извѣстительныя письма, и не объявляли ли вы кому изъ окружавшихъ васъ, что опасаетесь получить письмо съ черной печатью? — О. Нѣтъ; я даже не думаю, чтобъ объявляла что нибудь подобное. Я привыкла довольно часто получать письма изъ Парижа; а какъ я была почти одна въ Гландье, то всегда съ нетерпѣніемъ ихъ дожидалась.

В. Въ это же время не вышли ли вы однажды изъ-за стола, за которымъ обѣдали, чтобы пойти на встрѣчу фактору или разнощику писемъ, и чтобъ увѣриться, не принесъ ли онъ такихъ писемъ, которыя могли бы подтвердить ваше опасеніе относительно полученія письма, извѣщающаго о какомъ нибудь несчастіи? — О. Не помню этого обстоятельства; обыкновенно моя свекровь отправлялась получать письма, адресованныя въ Гландье.

В. Въ самый день пріѣзда Лафаржа, не убѣждали ли вы его ѣсть остатки живности, которая была у васъ за столомъ, и нѣсколько трюфлей, которыми была приправлена эта живность? — О. По-

мню, что Лафаржъ въ тотъ вечеръ, когда пріѣхалъ, тотчасъ легъ въ постелю; что я обѣдала возлѣ него; не помню, чтобъ я убѣждала его ѣсть живность и въ особенности трюфли, потому что я знала, что его рвало во весь день, и что я предложила бы ему не это кушанье.

В. Не замѣтили ли вы, что послѣ того, какъ Лафаржъ съѣлъ живности или трюфлей, рвота, которая и прежде съ нимъ была, началась съ большею силою, и не принуждены ли были позвать къ нему врача? — О. Помню, что на другой день рвота у г-на Лафаржа усилилась въ теченіе этого дня, и что въ этотъ день принуждены были пригласить врача Барду, для оказанія ему помощи; этотъ врачъ прибылъ уже въ слѣдующую ночь.

В. Въ то время, когда вашъ мужъ находился въ такомъ состояніи, не противились ли вы, чтобы другіе, кромѣ васъ, за нимъ ухаживали, и именно ваша свекровь, съ которой, по этому случаю, вы имѣли довольно жаркую ссору въ присутствіи г-на Барду? — О. За г-мъ Лафаржемъ ходили моя свекровь и домашніе; и тогда только, когда я примѣтила, что моя свекровь, которая провела уже нѣсколько ночей у постели сына, и хотѣла это продолжать, я уговаривала ее уйти отдохнуть, и говорила, что я сама останусь при г-нѣ Лафаржѣ; впрочемъ, во время моего за нимъ ухаживанія, мнѣ всегда помогали по крайней мѣрѣ одинъ или два человѣка.

В. По пріѣздѣ г-на Лафаржа въ Гландье, и именно 5 числа прошедшаго Генваря, не воспользо-

вались ли вы рецептомъ, написаннымъ врачемъ, для полученія отъ аптекаря мышьяку? — О. Я не дѣлала и никого не просила дѣлать никакой приписки на рецептѣ врача, и если есть такое требованіе на рецептѣ, то его конечно сдѣлалъ врачь; впрочемъ, такое требованіе или всё, что заключалось въ припискѣ, сообщено г-ну Лафаржу, и всё, что содержалось въ этой припискѣ, было отнесено къ самому Лафаржу.

В. Въ то же время не приказывали ли вы попросить мышьяку у Люберзакскаго аптекаря, который отказался его вамъ отпустить? — О. Этого не помню.

В. Нѣсколько позднѣе, не поручали ли вы г-ну Дени, работнику на заводѣ, принести вамъ мышьяку изъ Брива? — О. Помню, что поручала г-ну Дени принести изъ Брива мышьяку или мышеловокъ, но я не требовала, чтобъ онъ тамъ мое порученіе.

В. Получили ли вы этотъ мышьякъ изъ рукъ г-на Дени въ тотъ день, когда онъ пришелъ изъ Брива, или на другой день? — О. Помню, что на вопросъ мой, исполнилъ ли онъ мое порученіе, онъ отдалъ мнѣ пакетъ съ мышьякомъ; я думаю, что это было чрезъ три или четыре дня послѣ того, какъ я дала ему порученіе.

В. Получивъ этотъ мышьякъ, не попросили ли вы сдѣлать себѣ яичную похлебку? — О. Не припомню; я даже увѣрена, что мнѣ ее принесли безъ моей просьбы.

В. Получивъ этотъ мышьякъ, не приказывали ли сдѣлать себѣ яичную похлебку, и не раздѣли-

ли ли вы ее или не удѣлили ли вы ее вашему мужу? — О. Вотъ что я помню: очень уставши, я легла въ постелю; свекровь моя упросила меня выпить яичной похлебки; золовка моя не хотѣла, чтобъ ее сдѣлала моя горничная, и ее приготовила моя свекровь; мнѣ ее принесли къ постели; я выпила эту яичную похлебку, положивъ въ нее камеди; мужъ мой изъявилъ желаніе выпить этой похлебки; я уже ее окончила или выпила всю, когда спросилъ ее себѣ мой мужъ; тотчасъ сдѣлали для него другую, т. е. золовка моя приготовила другую; она принесла ее къ моей кровати, чтобъ этимъ увѣрить Лафаржа, что это часть похлебки, приготовленной для меня.

В. Когда вамъ принесли эту яичную похлебку, клали ли вы въ нее какія вещества? — О. Я положила въ нее камеди, какъ сдѣлала я и съ той, которую сама выпила; кто-то изъ бывшихъ тогда въ моей комнатѣ взялъ эту яичную похлебку и отнесъ къ моему мужу.

В. Не держали ли вы въ своихъ рукахъ чашки или чаши, и не поспѣшили ли ее поставить на свой ночной столикъ въ ту минуту, когда дѣвица Бренъ вошла въ вашу комнату? — О. Нѣтъ; мнѣ не для чего было скрываться отъ дѣвицы Бренъ, потому что я не дѣлала ничего такого, чего хотѣла бы я, чтобы никто не видалъ.

В. Не вспомните ли вы, что въ тотъ самый день, т. е. 11-го Генваря, приготовили питье для г-на Лафаржа, въ которое подлили немного вина; что вы взяли стаканъ или чашку, и открывъ

ящикъ въ комодѣ, и вынувъ изъ него какое-то вещество, положили его въ это питье, и мѣшали ложкой, которую поспѣшили чисто вытерѣть? — О. Я не помню, чтобы видѣла, какъ приготовляли, или чтобы сама приготовляла питье для г-на Лафаржа, въ которое подмѣшали вина. Я очень увѣрена, что если бы было приготовлено такое питье, я не положила бы въ него ни камеди, ни другаго вещества.

В. Помните ли вы, что вы давали это питье Лафаржу, и что, пивъ его, Лафаржъ замѣтилъ вамъ, что это жжетъ ему горло? — О. Я не припомню, чтобы давала такое питье г-ну Лафаржу; помню только, что г-нъ Барду вдувалъ г-ну Лафаржу квасцовый порошокъ, и что, принявъ эту пыль, г-нъ Лафаржъ сказалъ г-ну Барду: „Это мнѣ жжетъ горло.“

В. Въ тотъ же день не имѣли ли вы на столѣ вашей комнаты стакана, въ которомъ было немного воды, на поверхности которой замѣтили бѣлой порошокъ; дѣвица Бренъ, одна изъ тѣхъ, которые сдѣлали такое замѣчаніе, не спрашивала ли у васъ, что положили вы въ этотъ стаканъ, и послѣ ея вопроса не поспѣшили ли вы прибавить въ него большаго количества воды, сказавъ, что вы это выпьете; что дѣйствительно вы выпили эту воду, которая причинила вамъ рѣзъ въ животѣ и рвоту? — О. Очень помню, что въ это время я выпила воды съ камедью, но отъ этого не было со мною никакого дурнаго послѣдствія, ни боли; въ это время у меня былъ испорченъ желудокъ; мнѣ надобно было наблюдать діету; ког-

даже я употребляла пищу нѣсколько тяжелую, то всегда со мною дѣлались рѣзь въ животѣ и рвота.

В. Въ то же время, не подмѣшивали ли вы бѣлаго порошка въ питье, которое приготовлено было для Лафаржа, и которое давали ему отъ времени до времени по ложечкѣ; и ваша свекровь, видя, что вы подмѣшиваете въ это питье какой-то порошокъ, не спросила ли у васъ, что вы въ него подмѣшали? — О. Помню, что положила камедь, растертую въ порошокъ, въ питье, которое отъ времени до времени давали г-ну Лафаржу.

В. Положивъ это вещество въ питье, не положили ли вы ложку, которой мѣшали, на каминъ или другое какое мѣсто въ комнатѣ? — О. Помню, что положила эту ложку на каминъ или какую-то другую мебель въ комнатѣ, сказавъ дѣвицѣ Понтье, что находящееся здѣсь питье приготовлено для г-на Лафаржа.

В. Знаете ли вы, что г-нъ Лафаржъ дѣлалъ вприранья фланелью, или что ему дѣлали вприранья фланелью? — О. Я сама никогда не терла г-на Лафаржа, но видѣла, что его терли Англійскою фланелью; но у меня никогда не было въ рукахъ этой матеріи.

В. Не замѣтили ли вы, что г-ну Лафаржу, въ послѣднія минуты его жизни, непріятно было видѣть васъ у своей кровати? — О. Я очень примѣтила, что, за нѣсколько часовъ до своей смерти, онъ смотрѣлъ на меня не съ такимъ участіемъ, какъ прежде, и приписала это дурнымъ слухамъ, которые обо мнѣ дошли до него.

В. Не сказалъ ли онъ вамъ въ особенности этихъ словъ: „Мнѣ отъ тебя больно; поди прочь?“— О. Нѣтъ.

В. Въ которомъ часу оставили вы комнату своего мужа при его смерти? — О. Я оставила его въ полночь, и не входила болѣе въ его комнату: онъ умеръ около четырехъ часовъ утра.

Второй допросъ.

В. При первомъ допросѣ вашемъ, вы сказали, что вами положено нѣсколько пироговъ въ ящикъ, отосланный въ Парижъ къ г-ну Лафаржу въ ночь съ 15 на 16 прошедшаго Декабря; а между тѣмъ въ этой коробкѣ найденъ только одинъ пирогъ большаго размѣра противъ пирожковъ, сдѣланныхъ г-жею Лафаржъ, вашею свекровью; а потому очевидно, что вы сказали неправду, что отослали нѣсколько пирожковъ? — О. Утверждаю, что послала ихъ нѣсколько, и что положила въ ящикъ не другіе какіе пирожки, а именно тѣ, которые были сдѣланы моею свекровью.

В. Не замѣнили ли вы этихъ пирожковъ тѣмъ пирогомъ, который найденъ въ ящикѣ, и въ которой вы положили ядъ? — О. Нѣтъ.

В. Когда мужъ вашъ поѣлъ немного этихъ пироговъ, съ нимъ сдѣлалась сильная рвота, которая съ этого времени не прекращалась, а потому можно съ достовѣрностію заключить, что въ нихъ былъ ядъ? — О. Я отослала нѣсколько пироговъ вдругъ, и ни въ одинъ не клала яду; кромѣ того

они перешли въ мое распоряженіе только въ ту минуту, когда я хотѣла положить въ ящикъ.

В. Не клали ли вы яду въ стаканъ, содержавшій въ себѣ вино съ водою, приготовленное для вашего мужа, и поставленное на каминѣ въ его комнатѣ? — О. Нѣтъ, и въ продолженіе всей болѣзни моего мужа я никогда не видала, чтобъ онъ пилъ вино, смѣшанное съ водою.

В. Не дали ли вы вашему мужу выпить съ ложечки того питья, въ которое положили порошокъ, и когда онъ жаловался на горечь, не поспѣшили ли пойти въ вашу уборную, гдѣ, выбросивъ то, что было въ стаканѣ, поспѣшили его вымыть? — О. Я налила на ложечку немного того успокоивающаго питья, которое прописалъ докторъ Массена, и потомъ положила въ него немного камеди; мужъ мой спросилъ меня, что я положила, и на отвѣтъ мой, что это камедь, онъ сказалъ мнѣ: „Вы знаете, что я не люблю камеди.“ Но доказательствомъ, что я положила въ него не другое что, а камедь, и что я не опасалась въ этомъ отношеніи никакого изслѣдованія, служитъ то, что ложка, которой я мѣшала ее съ питьемъ, мною налитомъ, по крайней мѣрѣ десять минутъ лежала на каминѣ.

В. Не положили ли вы также мышьяку въ сухарную воду, приготовленную вами для вашего мужа? — О. Я очень помню, что приготовляла для моего мужа сухарную воду; могло случиться, что и въ нее я положила камеди, но яду никогда не клала.

В. Не брали ли вы яду, положеннаго въ разныя питья, о которыхъ мы съ вами говорили, изъ

верхняго ящика вашего комода, находящагося между двухъ окопъ въ той комнатѣ, въ которой умеръ вашъ мужъ? — О. Нѣтъ, и въ тотъ самый день, когда я приготовляла эту сухарную воду, дѣвица Бренъ находилась въ той комнатѣ, гдѣ происходило это приготовленіе.

В. Васъ видѣли, какъ вы подошли къ комоду, о которомъ мы теперь говорили, какъ вы поставили на него стаканъ, въ которомъ было вино, и слышали, что вы клали въ него ложкой что-то взятое вами изъ комода. — О. У меня не было въ комодѣ никакого порошка, и я не помню, чтобы давала это вино моему мужу.

В. Когда вы дали выпить вашему мужу ложку этого вина, не сказалъ ли онъ вамъ, что это жжетъ ему горло, и не тогда ли вы пошли выбросить то, что было въ стаканѣ? — О. Я уже сказала, что не помню, чтобы давала мужу моему вино, и вовсе не помню, чтобъ онъ сказалъ, что это жжетъ ему горло; знаю только, что однажды ему вдували квасцы въ горло по приказанію г-па Барду, и что это сдѣлало такое непріятное на него впечатлѣніе, что онъ сказалъ, что г-нъ Барду ошибся, и что онъ его отравилъ. По этому случаю я должна сказать, что въ тотъ день, когда послали за этимъ лекаремъ, я сидѣла возлѣ покойнаго съ моей свекровью, и она мнѣ сказала, что не удивительно, что отравили моего мужа, за его привиллегію, также за то, что онъ очень сердитъ, и что потому не удивительно, что ея мужъ умеръ жертвою отравы; еще она прибавила, что ея мужа во время обѣда у г-на Ноша отравилъ какой-то лекарь Лафаржъ кускомъ орѣхо-

вой сбойни (nougat). По пріѣздѣ г-на Барду, я сообщила ему разговоръ моей свекрови и опасенія относительно отравы ея сына; но г-нъ Барду успокоилъ меня, сказавъ, что нѣтъ ни малѣйшихъ тому признаковъ. Не знаю, пересказала ли я этому лекарю, что разсказывала мнѣ моя свекровь о своемъ мужѣ; но я говорила объ этомъ г-ну Фленьяку.

В. Замѣтили въ ящикѣ вашего комода небольшой цвѣточный горшокъ, въ которомъ видѣли порошокъ, котораго часть, взятая одною особою, подвергнута была химическому изслѣдованію, и оказалось, что это мышьякъ. Не изъ этого ли горшка вы брали ядъ, чтобы потомъ положить его въ сухарную воду и въ вино, о которыхъ мы говорили? — О. Я не знала, что въ моемъ ящикѣ былъ горшокъ съ ядомъ; я никогда не брала изъ него ни порошка, ни яду, и во всякомъ случаѣ въ этотъ ящикъ, который одинъ только и не запирался ключемъ, я не положила бы яду или другихъ вредныхъ веществъ.

В. Что вы сдѣлали изъ тридцати-одного грамма мышьяку, который вы приказали принести 12 Декабря отъ г-на Эссартье, Юзерскаго аптекаря? — О. Я была въ кухнѣ, когда Иванъ или Іосифъ, которому я препоручила принести этого мышьяку, отдалъ мнѣ запечатанный пакетъ, въ которомъ онъ находился. Чрезъ двѣ или три минуты по полученіи, я отдала его Альфреду въ такомъ же видѣ, въ какомъ получила, чтобъ онъ сдѣлалъ изъ него составъ для истребленія мышей. Этотъ составъ дѣйствительно былъ приготовленъ имъ самимъ въ кухнѣ, и имъ же положенъ въ моей уборной.

В. Видѣлъ ли кто нибудь, какъ вы, получивъ этотъ пакетъ мышьяку изъ рукъ Ивана или Іосифа, передали его Альфреду? — О. Въ эту минуту въ кухнѣ было много народу, а именно: землекопы, кухарки, служители; но я не знаю, примѣтили ли они это. Также я не припомню положительно, въ кухнѣ ли, въ гостиной ли, или въ своей комнатѣ я была, когда отдала этотъ пакетъ Альфреду.

В. На что употребили вы четыре грамма мышьяку, которые вы приказали принести себѣ изъ Юзерша, отъ того же аптекаря, 15 Генваря? — О. Этотъ мышьякъ принесенъ въ одно время съ лекарствами для г-на Лафаржа. Всё было поставлено на столъ передъ его кроватью; но я не могу сказать, я или другой кто поставилъ это. Г-нъ Лафаржъ взялъ мышьякъ, и разсмотрѣвъ его, подивился неблагоразумію аптекаря, который его не запечаталъ, потомъ отдалъ его пришедшему Альфреду, приказавъ ему употребить его противъ мышей.

В. Напротивъ, не у васъ ли въ рукѣ былъ этотъ мышьякъ, когда его спросилъ у васъ мужъ вашъ, которому вы сначала не хотѣли отдать его, подъ предлогомъ, что это причинитъ ему вредъ, и которому вы наконецъ его отдали по его настоятельной просьбѣ его видѣть? — О. Можетъ быть. Впрочемъ я этого хорошо не припомню. Это обстоятельство такъ не важно, что не сохранилось у меня въ памяти.

В. Не отданъ ли былъ вамъ этотъ мышьякъ прежде, нежели принесенъ на столъ г-на Лафаржа? — О. Нѣтъ. Онъ отданъ мнѣ самой въ ту

минуту, когда я была у постели г-на Лафаржа, и оттуда положенъ мною на столъ или на постель г-на Лафаржа.

В. Эту отраву для мышей, найденную въ небольшой комнатѣ, возлѣ камина, и въ составъ которой, по словамъ вашимъ, вошелъ мышьякъ, взятый у г-на Эссартье, подвергнули изслѣдованію, и въ ней не найдено ни мышьяка, ни другихъ ядовитыхъ веществъ? — О. Взявъ этотъ мышьякъ, я передала его немедленно г-ну Лафаржу, который отдалъ его Альфреду, и я не знаю, что сдѣлалось съ нимъ съ этого времени.

В. Кажется, что вы отдали мужу вашему не мышьякъ, а другой порошокъ, и что этотъ-то порошокъ отданъ Альфреду въ увѣренности, что это мышьякъ? — О. Этотъ мышьякъ отданъ мнѣ Іосифомъ или Иваномъ, когда я была въ гостинной, возлѣ постели моего мужа. Я положила его на столъ возлѣ него. Онъ взялъ его въ ту же минуту, развернулъ пакетъ, посмотрѣлъ на него, и когда въ ту же минуту вошелъ Альфредъ, я взяла этотъ пакетъ, который мужъ мой, посмотрѣвъ, положилъ на столъ съ лекарствами; я возвратила его ему, потому что, до отдачи его имъ самимъ Альфреду, онъ хотѣлъ увѣриться, тотъ ли самый пакетъ.

В. Что сдѣлалось съ первымъ тѣстомъ, приготовленнымъ Альфредомъ и положеннымъ въ вашей уборной? — О. Оно оставалось въ этой уборной около трехъ недѣль; мыши съѣли кусокъ; но потомъ, когда оно очень высохло, я приказала его жжечь. Я думаю, что это было при Альфредѣ и

Клеменшинѣ, и что кто нибудь изъ насъ трехъ и бросилъ порошокъ въ огонь.

В. Вмѣсто того, чтобъ отдать этотъ мышьякъ Альфреду, для истребленія мышей, не сохранили ли вы его для другаго употребленія, именно для того, чтобы положить въ пирогъ, посланный вами въ Парижъ къ вашему мужу? — О. Я отдала Альфреду пакетъ съ мышьякомъ тотъ самый и въ такомъ видѣ, въ какомъ получила изъ Юзерша. Я такъ была увѣрена, что положенъ мышьякъ въ послѣднее мѣсто, найденное въ комнатѣ, возлѣ камина, что я велѣла сказать Королевскому Прокурору чрезъ Клеменшину, что найдутъ это мѣсто всѣ или его часть въ комнатѣ, гдѣ оно положено, и этотъ чиновникъ приказалъ мнѣ сказать, чтобъ я была спокойна, что когда спимутъ печати, то его найдутъ.

В. Что сдѣлалось съ шестидесятью четырьмя граммами мышьяка, отданнаго вамъ Дени, у котораго вы его спрашивали 10 и 11 Генваря? — О. Г-нъ Дени отнесъ въ мою комнату этотъ пакетъ довольно большаго объема. Я положила его на моемъ письменномъ столѣ. Чрезъ часъ я положила его въ карманъ моего передника и пошла къ постели Лафаржа. Онъ мнѣ сказалъ, что мыши дѣлаютъ много шуму надъ его головою, и что онъ полагаетъ, что онѣ даже пили его питье. Я тогда ему сказала: „Будь спокоенъ: у меня въ карманѣ мышьякъ.“ Онъ меня очень бранилъ за то, что я положила его возлѣ моего носоваго платка, и сказалъ мнѣ, что это очень опасно Я отдала

ему пакетъ, обвернутый въ двойную бумагу, которую онъ развернулъ, и приказалъ мнѣ, немедленно позвать Клементину, чтобъ отдать его ей для истребленія мышей. Когда позванная мною дѣвушка пришла, я отдала ей этотъ пакетъ, приказавъ принять всѣ возможныя предосторожности, чтобы не случилось какого несчастія; и съ этой минуты не знаю, что сдѣлалось съ нимъ; только Альфредъ сказалъ мнѣ, что приказалъ его зарыть послѣ того, какъ онъ четыре или пять дней валялся то въ шляпѣ г-на Лафаржа, то на его конторкѣ, на которую упалъ изъ шляпы.

В. Пакетъ, который вырытъ, и который переданъ вами Клементинѣ, заключалъ въ себѣ не мышьякъ, а содовый порошокъ: какъ объясните вы это обстоятельство? — О. Я отдала Клементинѣ пакетъ, который отданъ мнѣ Дени, и на которомъ было написано: *мышьякъ*.

В. Вы приказали принести Аравійской камеди въ порошкѣ въ одно время съ мышьякомъ: не для того ли это сдѣлано, чтобы можно было смѣшать одно съ другимъ, и чтобъ увѣрить тѣхъ людей, которые видѣли, какъ вы клали мышьякъ въ питье г-на Лафаржа, что вы клали въ него камедь? — О. Я не имѣла такого намѣренія, и еслибъ я хотѣла сдѣлать преступленіе, въ которомъ меня обвиняютъ, то не сказала бы лекарямъ и всѣмъ, что приказывала приносить себѣ ядъ, и притомъ въ такомъ большомъ количествѣ.

В. Ядъ найденъ въ сухарной водѣ, въ яичной похлебкѣ, также и въ жидкостяхъ собранныхъ въ

желудкѣ. Соединеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ заставляетъ думать, что вами положенъ ядъ вездѣ, гдѣ онъ найденъ. — О. Утверждаю, что не мною, и что пренія докажутъ мою невинность.

В. Не посылали ли вы къ г-ну Легри, въ Сосассонъ, завѣщанія, сдѣланнаго въ вашу пользу вашимъ мужемъ? Для какой цѣли вы его послали? — О. Находясь, такъ сказать, одинокой въ Гландье, и не будучи въ состояніи имѣть довѣренности къ семейству моего мужа, которое такъ мало мнѣ ее внушало, и опасаясь еще болѣе раздражить его, если покажу ему завѣщаніе, я рѣшилась отослать его къ г-ну Легри, моему повѣренному.

В. Не требовали ли вы отъ г-на Легри, чтобы, принявъ къ свѣдѣнію завѣщаніе, переслалъ его къ вамъ для отдачи г-ну Лаланду, вашему адвокату? — О. Чрезъ семь или восемь дней по смерти мужа моего, г-нъ Рокъ и г-нъ Лаландъ прибыли въ Гландье; г-нъ Лаландъ, съ которымъ я говорила о дѣлахъ, спросилъ меня, есть ли въ мою пользу завѣщаніе отъ моего мужа; я отвѣчала, что есть. Онъ мнѣ сказалъ, что надобно имѣть его налицо для выполненія нѣкоторыхъ судебныхъ обрядовъ, и это-то заставило меня писать къ Легри, чтобъ онъ прислалъ мнѣ его.

В. Признаете ли вы то завѣщаніе, которое мы вамъ представляемъ, подписаннымъ Пушъ—Лафаржемъ? — О. Признаю его тѣмъ завѣщаніемъ, которое я отослала къ г-ну Легри.

Г-нъ Деку, Генералъ-Адвокатъ, началъ излагать предъ Гг. присяжными обстоятельства дѣла, служащія къ обвиненію, такимъ образомъ:

„Начиная говорить въ этомъ собраніи, я чувствую, что умъ мой преданъ живой тревогѣ, сердце наполнено самыми болѣзненными потрясеніями. И какъ можетъ быть иначе, какъ можно съ спокойнымъ сердцемъ, съ холоднымъ разсудкомъ представить горестную картину этого преступленія! Какъ сердцу не обливаться кровію, какъ ему не разрываться при видѣ всѣхъ несчастныхъ, соединившихся въ этомъ собраніи! Не одинъ ужасъ, внушаемый преступленіемъ, волнуетъ насъ; нѣтъ, другія чувства столь же горестныя, но, можетъ быть, болѣе живыя овладѣваютъ нами. Въ самомъ дѣлѣ, этой женщинѣ не довольно было ужасными средствами низвергнуть въ могилу человѣка, съ которымъ она соединила свою судьбу, человѣка, который, какъ вы узнаёте во время этихъ продолжительныхъ преній, не имѣлъ къ ней ничего, кромѣ любви и привязанности, которыя господствовали надъ его мыслями, наполняли и переполняли его душу; нѣтъ, для нея недостаточно было этого преступленія; ей надобно было совершить его съ упорствомъ, съ дерзостію, смѣю сказать, безъ примѣрными въ лѣтописяхъ уголовныхъ дѣлъ.

„Но, Милостивые Государи! дѣло было доведено до такой степени; таковъ былъ, если смѣю такъ выразиться, холодный и безжалостный гнѣвъ, съ которымъ эта женщина бросилась на свою жертву, чтобы упиться ея кровью, что, можетъ быть, са-

мое излишество ея дерзости послужишъ для нея однимъ изъ прогательнѣйшихъ средствъ къ ея защитѣ.

„Милостивые Государи! не будемъ терять того изъ виду, что мы еще не занимаемся преніями. Въ эту минуту намъ должно только изложить предъ вами обстоятельства дѣла; потомъ, можетъ быть, намъ не нужно будетъ исполнять другой обязанности, потому что это дѣло имѣетъ такой особенный характеръ, что достаточно будетъ представить вамъ свидѣтельства, изложить самыя событія, и потомъ съ довѣренностію положиться на совѣсть присяжныхъ.

„Въ этой сторонѣ въ Гландье счастливо жило одно семейство. Оно состояло изъ престарѣлой матери, несчастной женщины, обремененной столькими горестями и угрожаемой столькими оскорбленіями! У ней былъ сынъ, Пушъ — Лафаржъ, который жилъ въ сердечномъ съ нею согласіи, подъ вліяніемъ тѣхъ нѣжныхъ чувствъ, которыя соединяютъ сына съ матерью. Этотъ молодой человѣкъ былъ въ полной порѣ мужества; природа не одарила его тѣмъ высокимъ умомъ, онъ не получилъ того блестящаго воспитанія, которое могло бы нравиться, было бы согласно съ привычками Маріи Каппель; но онъ былъ добръ, великодушенъ; но онъ былъ любимъ, былъ преисполненъ истинной чувствительности, былъ расположенъ любить всѣхъ его окружавшихъ. Если онъ мало занимался литературою, если не гонялся за выгодами свѣтскаго воспитанія, за то онъ направлялъ всѣ способности своего ума къ предметамъ важнымъ, къ трудамъ серьёзнымъ. Владѣя желѣз-

нымъ заводомъ, онъ чувствовалъ потребность увеличить успѣхъ своего искусства, онъ трудился день и ночь, безпрестанно упражнялъ изобрѣтательный умъ свой въ томъ, чтобы придать своей промышленности самую большую дѣятельность.

„Я забылъ сказать вамъ, что у него была сестра, несчастная также женщина, которую также не миновали горести. Вокругъ него жили честные люди, которые его знали и были расположены къ нему; это были превосходные, искренніе друзья, вѣрные служители, крестьяне преданные ему, потому что господинъ ихъ былъ всегда съ ними добръ.

„Вотъ въ какомъ положеніи было это семейство въ 1839 году. Вскорѣ надъ нимъ должна была опяготѣть мрачная судьба. Лафаржъ былъ женатъ; онъ лишился своей жены, чувствовалъ потребность найти ту же привязанность, ту же попеченія. Недвижимое имѣніе его было значительно, но дѣла его были въ затруднительномъ положеніи; онъ испытывалъ въ нихъ нѣкоторыя замѣшательства, и надобны были деньги, чтобы придать своей промышленности новое развитіе.

„Подъ вліяніемъ такихъ-то чувствъ, такой мысли, онъ рѣшился снова вступить въ бракъ. Онъ отнесся тогда къ самому почтенному человѣку, прибѣгнулъ къ дружеству г-на Гошье, депутата этого департамента. Г-нъ Гошье спѣшилъ найти женщину, которая, казалось ему, достойна была сдѣлаться подругою Лафаржа; но старанія его были безуспѣшны, и онъ написалъ къ г-ну Лафаржу, что очень сожалѣетъ о неудачѣ.

„Между тѣмъ Лафаржъ, жившій въ уединеніи, этимъ самымъ уединеніемъ былъ болѣе и болѣе побуждаемъ ко вступленію во второй бракъ. Онъ поѣхалъ въ Парижъ, и тамъ вскорѣ долженъ былъ заплатить печальный долгъ правамъ этой столицы, въ нѣдрахъ которой блистаютъ и добродѣтели, и гнѣздятся самые низкіе пороки. Вскорѣ онъ вошелъ въ сношенія съ г-номъ Дефоа, который промышляетъ сватовствомъ, сближеніемъ семействъ, незнакомыхъ между собою, а иногда и людей, которые должны жалѣть о томъ, что познакомились. Какимъ образомъ Дефоа устроилъ Лафаржу приличный для него бракъ, это обстоятельство не объяснено слѣдствіемъ, и я указываю на него только потому, что оно можетъ еще объясниться въ теченіе преній.

„Г-нъ Дефоа, агентъ по части сватовства, приглашенъ былъ нѣкоторыми лицами изъ семейства Маріи Каппелль содѣйствовать устройству судьбы этой молодой дѣвицы. Ему казалось, что Лафаржъ можетъ прилично соединить свою судьбу съ судьбою Маріи Каппелль. У Маріи Каппелль имѣніе было незначительное, но его довольно было для удовлетворенія честолюбія владѣльца желѣзнаго завода, которому суждено проводить жизнь въ Лимузенѣ. Она имѣла 40,000 франковъ, и третью часть имѣнія, находившагося въ плодоносной провинціи, и приносившей доходу 4,000 франковъ. Всё приданое ея простиралось такимъ образомъ до 80,000 франковъ.

„Это происходило въ Августѣ 1839 года, и уже чрезъ нѣсколько дней совершено было бракосочетаніе.

„Лафаржъ счастливый, восторженный, поспѣшилъ оставить Парижъ, и въ ночь, которая слѣдовала за бракосочетаніемъ, оба супруга отправились въ путь. На дорогѣ встрѣтились съ родственникомъ Лафаржа, который ѣхалъ по одной съ ними дорогѣ. Во время этой поѣздки ничто не нарушало спокойствія, царствовавшаго, казалось, между новобрачными. Поѣздка ихъ наконецъ окончилась; 12 Августа прибыли они въ Гландье.

„Можете себѣ представить радость Лафаржа. Всѣ стѣснилось около молодой супруги. Сестра Лафаржа, г-жа Бюфферъ, пріѣхала въ Гландье на это семейное празднество. Для принятія молодой поисправили старинный домъ, въ особенности роскошно отдѣланы были, сообразно съ состояніемъ хозяевъ, комнаты, назначенныя для Маріи Капнелль. Ее осыпаютъ ласками, тѣснятся вокругъ нея; вводятъ въ назначенныя для нея комнаты.

„Здѣсь-то, Милостивые Государи! съ этой минуты происходитъ что-то пагубное, наводящее насъ, съ перваго раза, на путь доказательствъ преступленія, которыя вскорѣ являются на каждомъ шагу. Едва эта женщина проникла въ назначенное для нея жилище, едва разспалась съ своей престарѣлой свекровью, едва разсталась съ своей *доброю сестрою* (какъ она ее называетъ), какъ заперлась въ своей комнатѣ, чтобы написать въ ней то письмо, о которомъ обвинительный актъ отозвался нѣсколько грубо; но, по справедливости, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы дать ему названіе, то не возможно языку покоряться формамъ, могущимъ значительно смягчить выраженіе мысли.

„Вотъ она одна сама съ собою въ этомъ Гландьерскомъ домѣ; она размышляетъ, судитъ о своемъ положеніи. Она сказала и, можетъ быть, еще скажетъ, что была взволнована какимъ-то непонятнымъ чувствомъ, какимъ-то душевнымъ движеніемъ, которое объяло ее при взглядѣ на развалившееся жилище, на комнату безъ мебели. Милостивые Государи! за нѣсколько дней предъ симъ я посѣщалъ эти комнаты, и объявляю, что нашелъ ихъ довольно роскошными, по состоянію того семейства, въ которое она вошла. Тогда-то она написала письмо, которое я назову только безразсуднымъ, письмо странное, рѣдкое, которое я долженъ прочесть вамъ, Милостивые Государи! потому что изъ него нельзя сдѣлать извлеченія. Марія Каппелль въ нѣдрахъ честнаго семейства, которое отверзаетъ для нея свои объятія, которое орошаетъ ее радостными слезами, вотъ что пишетъ, выслушайте:

Письмо г-жи Лафаржъ къ своему мужу.

„Карлъ! На колѣнахъ прошу у Васъ прощенія! Я обманула Васъ недостойнымъ образомъ: я люблю не Васъ, а другаго. Боже мой! сколько я перенесла страданій! Дайте мнѣ умереть Вы, котораго я уважаю отъ всего сердца; скажите мнѣ: *Умри, и я прощу тебя!* и завтра же меня не будетъ. Голова у меня сокрушается: поможете ли вы мнѣ? Выслушайте меня изъ жалости; выслушайте меня! Онъ также называется Карломъ; онъ красавецъ, благороденъ, воспитанъ вмѣстѣ со мною; мы любимъ другъ друга съ тѣхъ поръ, какъ въ состояніи любить. Съ годъ назадъ, другая женщи-

па похитила у меня его сердце; я думала, что умру отъ этого; съ досады я рѣшилась выйти замужъ. Увы! я увидѣла Васъ: я не знала таинствъ брака, я трепетала отъ блаженства, пожимая твою руку. Несчастная! я думала, что всё это кончится однимъ поцѣлуемъ, что ты будешь мнѣ только отцемъ. Понимаете ли Вы, что я перепесла въ эти три дня? Понимаете ли, что если Вы меня не спасете, я должна умереть. Выслушайте, я Вамъ во всемъ признаюсь. Я почитаю Васъ отъ всей души, я уважаю Васъ; но привычки, воспитаніе положили между нами величайшую преграду. Вмѣсто этихъ сладкихъ словъ любви, этихъ изліяній сердца и ума, въ Васъ говоритъ одна чувственность, и это меня возмущаетъ. Къ тому же онъ раскаивается: я видѣла его въ Орлеанѣ; Вы обѣдали, онъ стоялъ на балконѣ противъ моего балкона. Онъ даже скрывается здѣсь въ Юзершѣ; но я, не смотря на себя, не смотря на Васъ, сдѣлаю прелюбодѣяніе, если Вы меня не спасете. Карлъ! я тебя ужасно оскорбляю: исторгни меня отъ себя и отъ него. Нынѣшнимъ же вечеромъ, скажите мнѣ, что Вы на то соглашаетесь: приготовьте для меня двухъ лошадей, укажите дорогу въ Бривъ; я отправлюсь по почтѣ въ Бордо, а оттуда отплыву въ Смирну. Я Вамъ оставляю мое имѣніе: Богъ допуститъ, чтобъ оно принесло Вамъ счастіе, Вы этого заслуживаете; я же буду жить своими трудами или уроками. Прошу Васъ не давайте ни малѣйшаго повода думать, что я жива. Если хотите, я брошу мой плащъ въ одну изъ Вашихъ пропастей, и тогда всё кончится; если хотите, я приму мышьякъ, который у меня есть, и всему

конецъ. Вы были такъ добры со мною, что, отказывая Вамъ въ любви, я могу пожертвовать для васъ жизнью; но принимать отъ Васъ ласки — никогда! Именемъ чести Вашей матери заклинаю Васъ не откажите мнѣ; именемъ Бога — простите меня. Я ожидаю Вашего отвѣта, какъ преступникъ ожидаетъ своего приговора. Увы! еслибъ я не любила его болѣе моей жизни, я могла бы еще полюбить Васъ изъ уваженія; но теперь Ваши ласки возбуждаютъ во мнѣ отвращеніе. Убейте меня, я этого заслуживаю, но между тѣмъ я на Васъ надѣюсь. Подсуньте ко мнѣ подъ дверь отвѣтъ Вашъ нынѣшнимъ же вечеромъ; не то, я завтра умру. Не заботьтесь обо мнѣ: я дойду пѣшкомъ до Брива, если это нужно. Останьтесь здѣсь навсегда. Мать Ваша такая добрая, сестра такая кроткая — всё это тяготитъ меня; я ужасаюсь самой себя, О! будьте великодушны: спасите меня отъ смерти. И кому ввѣриться мнѣ, какъ не Вамъ? Неужели мнѣ обратиться къ нему? Никогда. Я не буду принадлежать ни Вамъ, ни ему; я умерла для любви. Будьте мужественны: Вы еще не любите меня, такъ простите меня. Лошади могутъ открыть слѣды наши; приготовьте два неопрятныхъ платья Вашихъ крестьянокъ. Простите меня. Да вознаградитъ Васъ Богъ за зло, которое я Вамъ дѣлаю!

„Я возьму съ собою только нѣкоторыя изъ драгоцѣнностей на память о моихъ пріятельницахъ; впрочемъ изъ моего имущества Вы пришлете ко мнѣ въ Смирну только то, что захотите, чтобъ я получила изъ Вашихъ рукъ. Всё принадлежитъ Вамъ.

„Не обвиняйте меня въ притворствѣ: съ понедѣльника, съ того часа, когда я узнала, что буду для Васъ не сестрою, а другимъ, когда шепки мои объяснили мнѣ, что значитъ предаться мущинѣ, я поклялась умереть; я приняла въ небольшомъ количествѣ ядъ; еще въ Орлеанѣ вчера меня имъ вырвало. Я держала заряженный пистолетъ у виска, надѣясь, что пистолетъ выстрѣлитъ отъ тряски экипажа; и въ то же время боялась. Сегодня всё зависитъ отъ Васъ; я уже не отступлю назадъ.

„Спасите меня, будьте для бѣдной сироты добрымъ ангеломъ, или умертвите ее, или прикажите, чтобъ она сама себя умертвила. Напишите ко мнѣ, потому что безъ Вашего честнаго слова (я вѣрю Вамъ), изображеннаго на письмѣ, я не отворю двери.

Подписано: Марія."

Это письмо выслушано собраніемъ съ глубочайшимъ молчаніемъ.

„Вотъ, продолжалъ Генералъ-Адвокатъ, нѣчто очень странное, необыкновенное, очень странныя мысли женщины, которой только двадцать четыре года; вотъ въ чемъ состояло ея первое занятіе въ ту минуту, когда она вошла въ нѣдра почтеннаго семейства, осыпавшаго ее изъявленіями своей привязанности. Это письмо, Милостивые Государи! безъ опасенія можно сказать, служитъ ключемъ къ обвиненію. Вы размыслите о немъ, вы спросите у самихъ себя, какъ случилось, что она пашлась въ необходимости спасаться бѣгствомъ отъ своихъ дурныхъ мыслей, и что слѣдствіемъ этого была вели-

чайшая, неизбѣжная опасность, которой подверглось это семейство. Опасность настала, и за нею слѣдовала ужасная развязка. Въ то время, когда вы будете съ глубокимъ вниманіемъ слушать пренія, вамъ должно слѣдить за рядомъ многихъ происшествій, подтверждающимъ это, сравнивать ихъ причины; когда вы призваны будете слѣдить за всѣми бурями этой двухнедѣльной жизни въ Гландье, вамъ должно всегда возвращаться къ этому письму, не на минуту не терять его изъ виду.

„Нѣчто еще болѣе необыкновенное случилось послѣ этого письма, въ которомъ эта молодая женщина говоритъ объ отправленіи, о прелюбодѣяніи такъ, какъ другая говорила бы о нѣжности, о любви; въ ней произошла совершенная перемѣна, и она въ свою очередь сдѣлалась нѣжною.

„Безмѣрна была горесть семейства, получившаго такое письмо. Несчастный Лафаржъ, ѣздившій вдаль для отысканія подруги, и возвратившійся въ свое жилище, былъ такъ счастливъ, какъ бываютъ счастливы, когда достигнутъ давно желанной пристани; и вы можете легко представить себѣ его отчаяніе. Эта женщина уже не просто Марія Каппелль, это жена его, это та, которая приняла отъ него клятву. . . Онъ связанъ съ ней узами еще болѣе тѣсными: онъ ее любитъ. . . Что дѣлать?

„Обращаются къ другу семейства, г-ну Шовропу, просятъ его испытать, не удастся ли посредствомъ добрыхъ совѣтовъ укротить этотъ мятежный характеръ. Г. Шовропъ такого мнѣнія, что не должно допустить побѣгъ этой женщины. „Вамъ не должно предоставлять ее самой себѣ,

говоритъ онъ; она членъ вашего семейства; вы должны защищать ее отъ самой себя, отъ безразсудной пылкости, отъ отвращенія безъ цѣли. У васъ нѣтъ привычекъ, нѣтъ Парижской ловкости; наружность у васъ нѣсколько грубая; постарайтесь измѣнить ее, постарайтесь понравиться ей. А вы, несчастное семейство! употребите новыя усилія, окружите ее вашею любовью; надѣюсь, увѣренъ, что вамъ удастся заставить ее опомниться.“ Г-нъ Шовронъ съ другой стороны сдѣлалъ покушеніе сблизиться съ этой молодой женщиной. Онъ старался возбудить въ ней лучшія чувства, укротить пылкость ея характера. Ему казалось, что онъ успѣлъ въ этомъ: онъ оставилъ ее въ состояніи болѣе спокойномъ, болѣе покорною своей участи; впрочемъ онъ только что надѣется. Но вотъ въ чувствахъ молодой женщины произошла внезапная перемѣна. 5-го Генваря она писала къ мужу: „Я хочу бѣжать отъ тебя; если не убѣгу отъ тебя, то сдѣлаюсь преступницей, прибѣгну къ яду, убью себя.“

„Но едва прошло нѣсколько дней, какъ съ ней произошла совершенная перемѣна: она сдѣлалась заботливою, нѣжною, изъявляла живѣйшую привязанность. Вы поймете, Милостивые Государи! что этому изумились въ семействѣ, были въ восторгѣ. Какъ мы будемъ теперь счастливы, говорили тогда, какъ она перемѣнилась, какъ сдѣлалась добра, нѣжна!

„Впрочемъ, Милостивые Государи! перемѣна случилась такъ скоро, такъ неожиданно, что возбудила подозрѣнія.

„Понятно, что заблужденіе можетъ разсѣяться, предубѣжденіе исчезнуть; но на это нужно время; здѣсь же вдругъ произошла непонятная и доведенная до крайности перемѣна.

„Г-жа Лафаржъ, въ этомъ новомъ положеніи, сдѣлалась нездорова; не знаю, въ чемъ состояло это нездоровье, и не хочу ничего говорить о томъ, чего хорошо самъ не знаю. Г-нъ Лафаржъ, съ обыкновеннымъ своимъ добросердечіемъ, огорчается такою болѣзнью, заботится о ней, призываетъ врачей. Оказалось, что это нездоровье не заключало въ себѣ ничего важнаго. Марія Каппелль показываетъ, что такая заботливость сильно ее тронула.

„Вдругъ ей приходитъ на мысль изъявить мужу свою благодарность посредствомъ завѣщанія. Она показываетъ себя столь тронутою его попеченіями, изъявленіемъ его привязанности, что считаетъ себя обязанною ему даже спасеніемъ жизни; а потому думаетъ, что лучше всего изъявить ему свою благодарность за такія попеченія, отказавъ завѣщаніемъ всё свое имущество въ пользу мужа.

„Вскорѣ такое извѣстіе доходитъ до слуха Лафаржа; онъ опъ него въ восторгѣ. „Она отдаетъ мнѣ всё свое имѣніе, говоритъ онъ, „такъ и я съ своей стороны отдаю ей свое имѣніе. Она хотѣла изъявить этимъ свою ко мнѣ привязанность, и я въ свою очередь хочу изъявить ей такую же любовь.“ Потомъ, въ скоромъ времени, Лафаржъ сдѣлалъ завѣщаніе и отдалъ его женѣ, которая поспѣшила отослать его къ г-ну Легри, нотаріусу, завѣдывавшему ея дѣлами.

„Понимаете, Милостивые Государи! сколько размышленій возбуждаютъ такія происшествія! Еще не время предложить ихъ вамъ; мы это сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ.

„Я сказалъ вамъ, что Лафаржа очень занимала мысль расширить свою промышленность. Онъ сдѣлалъ открытіе относительно выдѣлки желѣза, открытіе, которое мнѣ неизвѣстно, но на которое онъ просилъ привиллегію. Этотъ новый способъ, если не обманываютъ меня собранныя свѣдѣнія, долженъ былъ доставить ему значительныя выгоды, и г-жа Лафаржъ, при помощи своего пылкаго воображенія, полагала ихъ до 30, 40 и даже 60,000 франковъ въ годъ.

„Теперь мы приступаемъ къ новому ряду событій. Вотъ мы уже приближались къ Декабрю мѣсяцу. Г-нъ Лафаржъ думалъ о томъ, какъ бы воспользоваться на самомъ дѣлѣ выгодами своего открытія, и получить привиллегію на изобрѣтеніе. Сверхъ того ему нужны были деньги. У Маріи Каппелль были богатые, сильные родственники, которые теперь ее окружаютъ, и которые въ тогдашнее время могли доставить ея мужу сильное покровительство. Итакъ онъ поѣхалъ въ Парижъ.

„Здѣсь-то, Милостивые Государи! начались письма г-жи Лафаржъ, наполненныя самыми нѣжными, самыми трогательными выраженіями. Это не дружба, не обращеніе сестры, пишущей къ брату, дочери къ отцу, а любовь, живая любовь, выражающаяся со всею пылкостію. Она негодуетъ на непріятности отсутствія; изъявляетъ самыя пылкія желанія

о сближеніи разстоянія; показываетъ видъ, что пламенно желаетъ возвращенія несчастнаго супруга.

„Въ то же время, когда она описывала свои восторженныя чувства, она говорила о средствахъ подвинуть впередъ свое дѣло, думала о томъ, какъ бы получить привиллегію, о которой онъ хлопоталъ; она указывала, какія средства употребить въ свою пользу, воспользоваться сильными людьми, у которыхъ она испрашивала покровительства, для полученія столь желанной привиллегіи на изобрѣтеніе.

„Дѣйствительно привиллегія была выдана 14 Декабря 1839 года.

„Здѣсь случилось происшествіе, заключающее нѣчто очень необыкновенное, очень важное, происшествіе, достойное, Милостивые Государи! самыхъ важныхъ размышленій. Г-жа Лафаржъ возъимѣла желаніе отослать своему мужу портретъ свой. Съ этою цѣлію пригласили въ Гландье и ввели къ ней дѣвицу Бренъ, художницу по части живописи, и просили ее написать портретъ съ г-жи Лафаржъ. Дѣвица Бренъ помѣстилась въ домѣ и стала писать этотъ портретъ. Вскорѣ захотѣли его послать въ Парижъ, хотя еще онъ былъ не совсѣмъ конченъ; но какъ энтузіазмъ Маріи Каппелль не терпѣлъ отсрочки, какъ она не хотѣла дожидаться возвращенія своего мужа домой, то надобно было портретъ и неконченный отослать въ Парижъ. Но другая очень странная мысль пришла ей въ голову. Дѣло шло совсѣмъ о другомъ предметѣ: она захотѣла послать ему пироговъ, и чтобы не нарушить

въ этомъ случаѣ своихъ романическихъ привычекъ, рѣшилась положить пироги вмѣстѣ съ портретомъ. Это еще не всё; надобно, чтобъ эти пироги еще болѣе поправились; надобно, чтобы посылка, отправляемая къ г-ну Лафаржу, доставила ему удовольствіе не только какъ супругу, но и какъ сыну. Итакъ надобно, чтобы мать Лафаржа сама сдѣлала пироги; надобно, чтобъ она извѣстила объ этомъ Лафаржа собственноручною своею запискою. Мать Лафаржа сама сдѣлала пироги; но приказала служителямъ отнесть ихъ въ комнату Маріи Каппелль, которая сама взялась отослать ихъ къ мужу.

„Всё это происходило вечеромъ 16 Декабря. По неопровержимымъ документамъ извѣстно, что отсылка пироговъ въ Парижъ происходила 16 Декабря. Г-жа Лафаржъ получила пироги изъ рукъ служителя, и сама взялась уложить ихъ въ ящикъ для отсылки. Господа присяжные! эти обстоятельства очень важны; припомните ихъ, потому что мы не обинуясь объявляемъ, что еслибъ у насъ не было другихъ доказательствъ, то для убѣжденія суда присяжныхъ къ обвиненію, для насъ достаточно было бы этого одного важнаго доказательства. Она укладывала въ ящикъ, закрыла его и поручила одному изъ многихъ служителей, которыми она захотѣла окружить себя въ Гландье, отнести его въ Юзершъ, и именно сказать имъ, чтобъ его отправили немедленно.

„18 Декабря вечеромъ ящикъ прибылъ въ Парижъ; Лафаржъ, вѣроятно, извѣщенъ былъ о полученіи ящика. Онъ пошелъ за нимъ въ коппору дилижансовъ и принесъ его въ свою гостинницу.

„Но пироги, сдѣланные матерью Лафаржа, были маленькіе пирожки. Это были такъ называемые *choux*, весьма малаго размѣра, продолговатой формы, пустые внутри и твердые съ краевъ: таковы были пирожки, которые отданы Маріи Каппелль, и которые она должна была отослать въ Парижъ. Г-нъ Лафаржъ поручилъ служителю гостиницы раскрыть ящикъ, и вынуть изъ него всё, что въ немъ находилось. Что же случилось? Небольшихъ пирожковъ, называемыхъ *choux* и приготовленныхъ матерью Лафаржа, не оказалось; а вмѣсто нихъ вынутъ пирогъ, величиною съ небольшую тарелку, имѣвшій отъ семи до осми дюймовъ въ діаметрѣ, совершенно похожій на лепешки, которыя обыкновенно приготовляютъ въ Гландье. Это важно, это доказано; вы услышите показанія объ этомъ предметѣ свидѣтелей, и не будете нисколько сомнѣваться. Лафаржъ, при полученіи этого ящика, обнаружилъ свою радость, и, увидѣвъ портретъ, вскричалъ: „Ахъ! это прислала мнѣ моя жена!“ Потомъ онъ отломилъ небольшой кусокъ отъ корки пирога и съѣлъ его. Ночью сдѣлались съ нимъ рѣзь въ животѣ и рвота; то же было и на другой день.

„Лафаржъ написалъ къ женѣ своей, что чувствуетъ себя очень нездоровымъ; се, повидимому, очень обезпокоило такое извѣстіе, и когда спросили се о причинѣ безпокойства, она отвѣчала, что мужъ извѣстилъ ее о своей головной боли. Она прибавила, что если болѣзнь его увеличится, то она немедленно поѣдетъ въ Парижъ, чтобъ имѣть за нимъ присмотръ. Въ то же время она обнаруживала безпокойство и нетерпѣливо желала получить

извѣстія; вскорѣ безпокойство ея сдѣлалось безпредѣльнымъ. Одному она говорила, что опасается получить письмо съ черной печатью; у другой спрашивала, какія въ ихъ сторонѣ существуютъ обыкновенія относительно вдовъ, долго ли онѣ носятъ трауръ.

„Если факторъ приходитъ съ письмами, то вмѣсто того, чтобы дожидаться пока ихъ принесутъ, она бѣжитъ къ нему на встрѣчу, и если за обѣдомъ, то, забывая о своихъ обыкновеніяхъ большаго свѣта, она выходитъ изъ-за стола и идетъ за присланными къ ней письмами.

„Вотъ первая сцена во всей своей полнотѣ, и не смотря на то, что въ ней заключается столько страннаго, неосновательнаго и необыкновеннаго, вы увидите въ ней только вступленіе къ обвиненію, только нравственныя средства къ обвиненію, въ которыхъ Прокуроръ не нщетъ еще доказательствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ извлекъ бы изъ того очень сильные доводы, если бы средства его къ обвиненію не были столь велики. Онъ могъ бы даже изложить ихъ въ видѣ неопразимыхъ доказательствъ; но вы увидите, что много и другихъ средствъ для убѣжденія къ обвиненію, которыя я могу вамъ представить.

„Лафаржъ возвращается изъ Парижа въ Гландье 5 Генваря. Онъ очень страдаетъ, едва можетъ стоять. Жена его расточаетъ предъ нимъ знаки живѣйшей дружбы. Лафаржъ ложится въ постель, она садится подлѣ него обѣдать, ѣстъ живность, приправленную нѣсколькими трюфлями, упрашиваетъ и

Лафаржа съѣсть что-нибудь. Онъ соглашается, и вскорѣ рѣзъ въ животѣ и рвота начинаются снова, и съ этой минуты онъ подвергается такому страданію, что болѣзнь увеличивается съ каждымъ днемъ, и 14 Генваря, послѣ десятидневной борьбы со смертію, онъ умираетъ въ ужасныхъ страданіяхъ, которыя опишутъ вамъ врачи.

„Вотъ Лафаржъ боленъ; семейство окружаетъ его своими попеченіями; Марія Каппелль хочетъ одна ихъ расточать предъ нимъ. Она съ досадой допускаетъ мать больнаго подходить къ его постели. Довольно и одной сидѣлки, говоритъ она; это безпрерывное движеніе приходящихъ и уходящихъ только увеличиваетъ боль; она хочетъ остаться одна съ своей вѣрной служанкой; она хочетъ одна ухаживать за своимъ мужемъ. Но этимъ желаніямъ, которыя она обнаруживаетъ, противятся. Это подало поводъ къ довольно жаркимъ ссорамъ, которыя происходили въ присутствіи домашняго врача.

„Между тѣмъ болѣзнь усиливается, хотя ея причина остается неизвѣстною. Никто не думаетъ объ отравленіи. Кто въ эту минуту могъ подозрѣвать отравленіе? Кто окружаетъ больнаго? Его жена, мать, сестра; величайшихъ доказательствъ недостаточно было бы для признанія виновности. А потому и лекарь Барду объявляетъ, что въ болѣзни нѣтъ ничего опаснаго, что она гастрическаго свойства.

„Въ то время, когда Лафаржъ былъ въ Парижѣ, и за нѣсколько дней до отсылки въ Парижъ пироговъ, или, по обвиненію, одного пирога, г-жа

Лафаржъ добыла нѣсколько мышьяку. Многіе аптекари, знавшіе ее, продали ей. Одинъ изъ нихъ, болѣе другихъ благоразумный, отказалъ ей. Она покупала мышьякъ подъ предлогомъ, что ее безпокоятъ мыши; однажды въ эту покупку мышьяка она вмѣшала врача, и когда онъ посылалъ въ Юзершъ рецептъ, она сказала ему: „Вмѣстѣ съ вашимъ рецептомъ попросите у г-на Эссарціе мышьяку.“ Въ другой разъ она выпросила его у того же Эссартье, окончивъ письмо очень остроумной шуткой. Вы увидите, истреблены ли были мыши купленнымъ мышьякомъ. Она опять просила его подъ предлогомъ, что служитель ея сдѣлалъ такое твердое пѣсто, что мыши никакъ не могутъ укусить его зубами; и аптекарь, уступая письменной просьбѣ особы совершенно ему извѣстной, нисколько не затруднился послать ей просимаго ею мышьяку.

„И такъ мышьяку собрано довольно. Она имѣла его 12 Декабря, получила его 5 Генваря, а 10 Генваря дали ей его еще въ довольномъ большомъ количествѣ.

„Здѣсь являются происшествія, которыя ближе касаются обвиненія, и предшествуютъ несчастному приключенію, случившемуся 14 Генваря.

„Г-жа Лафаржъ всегда спѣшитъ приготовлять питье, которое должно давать больному. Видятъ, какъ она въ разные пріемы подмѣшиваетъ въ каждое питье какое-то вещество, какой-то бѣлый порошокъ; ее спрашиваютъ, что это за порошокъ; она отвѣчаетъ, что это камедь въ порошкѣ, и чтобы болѣе въ этомъ увѣрить, она, про-

ся мышьяку, спарается вмѣстѣ съ нимъ проспиь и Аравійской камеди.

„11 Генваря совершаются самыя явныя событія. Г-жѣ Лафаржъ подаютъ яичную похлебку; г-пу Лафаржъ вздумалось взять часпь яичной похлебки, пригоповленной для его жены, и какъ ея уже не было, то ему пригоповили снова. Но Лафаржъ заспулъ, и яичную похлебку поставили въ чашу теплой воды, чтобъ она сохранила нѣсколько теплоты. Лишь только вышли, какъ горничная г-жи Лафаржъ, по приказанію своей госпожи, беретъ яичную похлебку и спавитъ ее на почной столикъ передъ постелью обвиняемой.

„Въ той же компатѣ спала тогда дѣвица Бренъ: она видитъ, какъ обвиняемая вспаетъ съ постели, беретъ бѣлый порошокъ, всыпаетъ его въ яичную похлебку и дѣлаетъ такое движеніе, какъ будто размѣшиваетъ этотъ порошокъ пальцемъ.

„Въ это время приходитъ мать Лафаржа, и дѣвица Бренъ видитъ, что обвиняемая дѣлаетъ движеніе, чтобы поставить яичную похлебку въ свой почной столикъ.

„Дѣвица Бренъ спрашиваетъ у нея, что она положила въ яичную похлебку; она отвѣчаетъ, что померанцовый цвѣтъ; когда же та спрашиваетъ настоятельно, обвиняемая не даетъ никакого отвѣта.

„Тогда разсматриваютъ яичную похлебку, и замѣчаютъ на ея поверхности бѣловатое распустившееся вещество, которое было вовсе не померанцовый цвѣтъ. Показываютъ яичную похлебку

лекарю, и тотъ говоритъ, что это или известь, или яичный бѣлокъ. Никому и на мысль не приходитъ отравленіе. Между тѣмъ обращаютъ нѣкоторое вниманіе на это обстоятельство, приготовляютъ другую яичную похлебку и спрашиваютъ у служителя: „Какой сахаръ ты клалъ?“ Онъ отвѣчалъ, что обыкновенный сахаръ. Для опыта дѣлаютъ другую яичную похлебку съ тѣмъ же сахаромъ, даже примѣшиваютъ къ ней известь, бѣлокъ, бѣлый пепелъ, который еще не подвергся дѣйствію огня и не принялъ сѣровашаго цвѣта, свойственнаго печному пеплу; но ни пепелъ, ни известь, ни бѣлокъ не производятъ явленій подобныхъ тому, какое было замѣчено.

„Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, г-жа Лафаржъ мѣшала стаканъ съ сухарною водою, которую принесли больному; на днѣ ложки замѣтили какое-то бѣловатое вещество, и г-жа Лафаржъ, увидѣвъ, что за ней наблюдаютъ, поспѣшила ее вытереть.

„Въ тотъ же день, 11 Генваря, приготовили вино съ сахаромъ и хлѣбный взваръ. Лишь только Лафаржъ взялъ его ложку, какъ вскричалъ: „Это меня жжетъ: что мнѣ дали?“ Жена не отвѣчала ему; но хладнокровно обратясь къ дѣвицѣ Бренъ, сказала ей: „Это не удивительно: у него воспаленіе, а ему даютъ вино.“ Потомъ она поспѣшила обтереть края, на которыхъ была красная вода. Видѣли, что она пошла къ комоду, открыла въ немъ верхній ящикъ, и замѣтили, что она, взявъ изъ баночки немного бѣлаго порошку, положила его въ стаканъ и стала мѣшать пальцемъ. Такое дѣйствіе живо воз-

будило вниманіе; дѣвица Бренъ подошла къ комоду, и замѣтила небольшой слѣдъ отъ бѣлаго порошка. Она тихо отворила ящикъ, только что затворенный г-жею Лафаржъ, и примѣтила, что баночка, о которой мы упомянули, наполнена бѣлымъ порошкомъ, совершенно похожимъ на порошокъ, видѣнный на яичной похлебкѣ.

„Вотъ событія, происходившія 11 Генваря, за 2 только дня до того роковаго дня, когда Лафаржъ умиралъ, жертвою подлой отравы, въ такихъ жестокихъ мученіяхъ, что его тѣло сжалось, какъ бы скорчилось.

„Между тѣмъ дѣвица Бренъ объявляетъ о видѣнномъ ею, и г-жа Лафаржъ спокойно отвѣчаетъ, что въ питье положена ею камедь въ порошкѣ, и какъ въ ту же минуту она приготовила другое питье, то ей замѣтили, что камедь распускается, а порошокъ, положенный ею въ это питье, не расходится; она вливаетъ воды въ сухарную воду, которую тогда мѣшала, выпиваетъ стаканъ большими глотками, и въ слѣдующую ночь съ нею дѣлаются ужасныя колики.

„Между тѣмъ ужасъ овладѣваетъ воображеніемъ; показываютъ Лафаржу яичную похлебку, на которой былъ замѣченъ бѣлый порошокъ. Г-нъ Лафаржъ отдаетъ ее одному изъ своихъ работниковъ, и приказываетъ ему снести ее къ Эссарпье въ Юзершъ, и проситъ его разложить ее. Аптекарь смотритъ на поданное ему питье, и вдругъ въ его физіогноміи, въ его тѣлодвиженіяхъ обнаруживаются страхъ и живое безпокойство, его объяв-

шіе. „Я разсмотрю," говоритъ онъ: „не могу сказать вамъ утвердительно, что это мышьякъ; для этого надобно употребить химическій анализъ; но могу сказать вамъ утвердительно только то, что г-ну Лафаржу надобно принимать питье отъ такихъ людей, которые ему вполнѣ преданы."

„По полученіи такого отвѣта, сухарная вода, яичная похлебка, всѣ питья, которыя не были выпиты Лафаржемъ, отнесены въ комнату матери Лафаржа, и тамъ-то ихъ нашли.

„Тогда горестныя мысли въ этомъ семействѣ заступили мѣсто непреодолимаго безпокойства, его волновавшаго. Позвали г-на Лесипаса, и онъ тотчасъ же велѣлъ больному принять противуядіе; но Лафаржъ былъ уже не иное что, какъ трупъ, доведенный до состоянія близкаго къ разрушенію.

„Онъ прописываетъ ему желѣзную перекись, и у него спрашиваютъ, вѣритъ ли онъ, что Лафаржъ отравленъ. „Вы видите, что вѣрю," отвѣчалъ онъ, „потому что прописываю ему противуядіе." Сестра и мать умирающаго, пораженныя такимъ извѣстіемъ, предаются ужасной горести, обливаются слезами, рыдаютъ и оглашаютъ воздухъ воплями. Въ ту минуту, когда мать Лафаржа, упавъ на постелю сына, предается отчаянію, Марія Каппелль входитъ въ комнату, спрашиваетъ, что новаго, и начинаетъ очень мило и любезно благодарить доктора за то, что онъ поспѣшилъ пріѣхать; говоритъ, что она ему тѣмъ болѣе обязана, что погода очень холодна, и что это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ ея благо-

дарность. Потомъ она говоритъ съ нимъ о предметахъ совершенно посторонннихъ. Г-нъ Леспинасъ. безъ пользы употребивъ всѣ средства, удаляется, Онъ снова пріѣзжаетъ вечеромъ, но оконечности были уже холодны, несчастный Лафаржъ погибалъ. ... Онъ даетъ ему еще желѣзную перекись, но безъ всякой пользы.

„На другой день, въ шесть часовъ, 14 Генваря, несчастный испустилъ послѣдній вздохъ. Страданія его, какъ я уже вамъ сказывалъ, были столь жестоки, что тѣло сжалось, исказилось. Онъ такъ былъ обезображенъ, что друзья его, обращавшіеся съ нимъ ежедневно, съ трудомъ могли узнать его.

„Я хотѣлъ было, Милостивые Государи! ограничить мою обязанность этимъ длиннымъ изложеніемъ; я хотѣлъ, чтобы необходимость долга не побуждала меня обращать теперь вниманіе ваше на другія событія, класть на чело этой женщины печать другаго безславія, кромѣ того, которое влечетъ за собою настоящее обвиненіе; но, Милостивые Государи! почему она сама этого не захотѣла? Вмѣсто того, чтобъ упорствовать противъ очевидности, вмѣсто того, чтобы раздражать правосудіе, если только правосудіе можетъ раздражаться такимъ способомъ защищенія, который уже самъ по себѣ есть преступленіе; еслибъ она созналась въ покражѣ алмазовъ, въ которой ее уличили, то я съ горестію напомнилъ бы объ этомъ признакѣ ея нравственности. Я болѣе ничего не прибавлю; но независимо отъ чувствъ обязанности и справедливости, меня одушевляющихъ, есть еще чувство чести и честности, которому я долженъ также повиноваться-

ся и какъ человѣкъ, и какъ чиновникъ. Я знаю, что нѣтъ никакой необходимой связи между покражей и отправленіемъ; но я объясню вамъ, почему и этимъ обстоятельствомъ пользуется обвиненіе въ настоящемъ дѣлѣ.

„Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, Милостивые Государи! до какой степени дуренъ этотъ характеръ. Въ близкихъ отношеніяхъ съ этой женщиной была молодая дѣвица, ея подруга съ дѣтства, подруга, отъ которой она постоянно получала ласки и изъявленія живѣйшей привязанности: это была дочь Маркиза де-Николаи. Чтожъ! Она ее обокрала!.. Ее обвинили въ этой покражѣ; ей представили доказательства ясныя, какъ дневный свѣтъ; что могла она сдѣлать? Ей надобно было сознаться; ей надобно было сказать судьямъ: „Не знаю, въ какомъ несчастномъ ослѣпленіи я это сдѣлала.“ Это было бы признаніе въ проступкѣ, въ преступленіи; но что вамъ еще оставалось дѣлать? Преклониться подъ тяжестію обвиненія въ отправленіи. Между тѣмъ, что вы сдѣлали, Марія Каппелль? Нѣтъ примѣра такому смѣлому, такому дерзскому предпріятію. Ахъ, мнѣ хотѣлось бы думать, что не вами оно придумано, не въ вашей душѣ родилось оно, что пагубные совѣты увлекли васъ на путь лжи и безславія!... Но я не могу этого сдѣлать, потому что эти событія вписаны въ вашемъ допросѣ... Этотъ разсказъ — сплетеніе странныхъ лжей! Эта защита, состоящая въ показаніи, что алмазы получены вами изъ рукъ г-жи Леото — вами подписана... Оно существуетъ, это ужасное письмо ваше къ этой молодой женщинѣ, въ которомъ рядомъ съ

просьбою вы употребляете угрозу; вы напоминаете ей о происшествіяхъ, какъ будто она могла ихъ забыть, и потомъ высчитываете одно обстоятельство за другимъ, посредствомъ которыхъ хотите обезславить ее предъ публикою,—что говорю я предъ публикою!—въ глазахъ всей Франціи. Ахъ, Марія Каппелль! вы меня ужасаете, и я бы менѣе чувствовалъ душевнаго волненія, если бы мнѣ должно было преслѣдовать въ васъ только обвиняемую въ отравленіи. Но этотъ поступокъ обнаруживаетъ въ васъ (я принужденъ сказать) чудовищность, какое-то особенное, необыкновенное состояніе, непоходящее ни на что въ свѣтѣ.

„Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ были алмазы, украденные у г-жи Леото? Ихъ нашли въ Гландье. Эти дорогіе алмазы спрятаны были въ мѣшечкѣ. Что говоритъ эта женщина, когда ихъ нашли въ ея владѣніи? Выдумываетъ множество сказокъ, одну другой нелѣпѣе, и оканчиваетъ увѣреніемъ, что они отданы ей г-жею Леото для выдачи какого-то капитала, какой-то пенсіи человѣку, который въ теченіе трехъ лѣтъ жилъ за морями. Это не только что нелѣпо, но чудовищно, ужасно.

„Къ самой безчестной кражѣ присоединяется величайшее въ мірѣ безславіе,—клевета, другой родъ отравленія, отравленія нравственнаго, которое убиваетъ не тѣло, а честь, понимаете ли вы, Марія Каппелль!

„Мы кончили, Милостивые Государи! да и тяжко было бы продолжать. Въ заключеніе прибавимъ одно слово: это дѣло важно, можетъ быть, важнѣе

всѣхъ дѣлъ, которыми въ теченіе многихъ лѣтъ займутся послѣ Ассизные суды всего Королевства. Вы поклялись благоговѣйно исполнить свою обязанность. Присяжные Коррезскаго департамента! вы понимаете, что такое честь, и хотя вы мнѣ неизвѣстны, равно какъ и я вамъ, но меня связываетъ съ вами привязанность къ родинѣ, и я увѣренъ, что вы останетесь вѣрными своей клятвѣ. Не входите ни съ кѣмъ въ сношенія, не поддавайтесь внѣ этого мѣста никакому впечатлѣнію, которое могло бы сдѣлать насиліе вашимъ убѣжденіямъ, помрачить чистоту вашего приговора. Я васъ прошу объ этомъ, потому что прежде всего прошу быть справедливыми. Вы не будете справедливыми, если допустите, чтобы васъ упрашивали тѣ люди, которые желаютъ, во что бы ни стало, спасти женщину, которую нельзя спасти."

Во время этого изложенія блѣдность г-жи Лафаржъ сдѣлалась еще ужаснѣе. Въ то время, когда Генеральный Адвокатъ произносилъ заключеніе своей рѣчи, видно было, что она употребляла всѣ усилія, чтобы не измѣнить своему мужеству; кашель ея сдѣлался чаще, и она чаще нюхала изъ спикляпки, которую держала въ рукѣ.

Президентъ. Позовите свидѣтелей.

Г. Палье. Г-жа Лафаржъ такъ истощена, такъ утомлена, что будетъ не въ состояніи перенести продолженія преній, если не дадутъ ей немного отдохнуть.

Президентъ. Мы скоро окончимъ засѣданіе.

Палье. Г-жа Лафаржъ собрала всѣ свои силы, чтобы присутствовать до конца преній, но силы ея истощились: она сидитъ очень неудобно. Человѣколюбіе и самая польза процесса, который можетъ остановиться, если она не въ состояніи будетъ его вынести, дозволяютъ, кажется, дать ей положеніе не столь неудобное; за то она будетъ очень признательна Суду.

Президентъ. Хотя всѣ обвиняемые равны предъ закономъ, однако можно сдѣлать исключеніе для тѣхъ, которые находятся въ видимо страдальческомъ положеніи. Судъ готовъ согласиться на прошеніе защитника: онъ приметъ мѣры, чтобы сдѣлать положеніе обвиняемой болѣе сноснымъ, и дать ей помѣщеніе болѣе удобное; я дамъ объ этомъ приказаніе.

Засѣданіе прекращено въ половинѣ перваго часа по полудни.

Въ часъ съ половиною засѣданіе началось снова. Обвиняемая введена была, и заняла мѣсто на креслѣ, для нея приготовленномъ. На лицѣ ея замѣтно было болѣе живости. Она ласково перегляпулась съ г-жею де-Віоленъ, своего родною сестрою, и г-жею Колларъ, своего двоюродною сестрою. Легкая улыбка появилась на ея устахъ. У скамьи обвиняемыхъ поставлено для нея кресло съ ручками.

Г-нъ Палье встаетъ среди глубокой тишины и говоритъ, не угодно ли будетъ Суду, въ уваженіе того, что дѣло о покражѣ алмазовъ принадлежитъ къ разсмотрѣнію Тюльскаго аппелляціоннаго Суда, и будетъ разсматриваться имъ 20 числа этого мѣ-

сяца, объявить, что всѣ свидѣтели, слушанные въ Бривѣ по предмету этой главной статьи обвиненія, исключатся изъ списка присяжныхъ и не будутъ слушаны какъ свидѣтели.

Г-нъ Палье слѣдующимъ образомъ развиваетъ свое предложеніе:

„Уже теперь Генеральный Адвокатъ истощилъ всѣ свои выгоды. Онъ не удовольствовался двукратнымъ чтеніемъ приказа о взятіи обвиняемой для отсылки къ суду, и обвинительнаго акта, въ которыхъ происшествія изложены искусно, въ смыслѣ постоянно непріязненномъ для обвиняемой, безъ перевѣса, безъ возможнаго противорѣчія; онъ этимъ не удовольствовался, и вмѣсто простаго изложенія обвинительныхъ обстоятельствъ, дозволяемыхъ закономъ, Генеральный Адвокатъ произнесъ предъ вами полное обвиненіе. Онъ разцвѣтилъ, оживилъ его тѣмъ блескомъ ораторскаго искусства, которое ему столь знакомо. А между тѣмъ часъ защиты еще не наступилъ; но онъ наступитъ, не сомнѣвайтесь въ этомъ.

„Въ эту минуту я прошу только о томъ, чтобы Генеральный Адвокатъ, такъ далеко простершій свои права и преимущества, не переходилъ по крайней мѣрѣ съ этого времени предѣловъ, полагаемыхъ закономъ. Но я скажу, что съ величайшимъ удивленіемъ и глубокою горестію встрѣтилъ я въ спискѣ Генеральнаго Адвоката нѣкоторыя имена. Эти люди призваны сюда для изложенія обстоятельствъ, которыя не относятся къ обвиненію, обстоятельствъ мнимой покражи

алмазовъ, приписываемой г-жѣ Лафаржъ. Но это предметъ посторонній, въ чемъ можно убѣдиться простыми замѣчаніями.

„Итакъ дѣло идетъ о изобличеніи въ покражѣ, и уже изъ словъ Генеральнаго Адвоката вы знаете систему защищенія г-жи Лафаржъ. Вотъ уже сдѣланъ намекъ о посторонннихъ предметахъ, подавшихъ будто бы поводъ къ этой системѣ. Это не справедливо. Прочтите, если надобно, допросы, и вы почерпнете изъ нихъ убѣдительныя доказательства, что отвѣты ея были свободнымъ, добровольнымъ, яснымъ выраженіемъ ея личныхъ воспоминаній. Словомъ, изобличеніе и обвиненіе шли параллельно, равнымъ шагомъ. Но хотѣли, чтобы процессъ исправительный послужилъ введеніемъ къ процессу уголовному. Право, обязанность и защита требовали уничтоженія такой системы, не смотря на совершенную ея безопасность, не смотря на ея полную довѣренность къ системѣ оправданія, которое она представила.

„Генеральный Адвокатъ сейчасъ говорилъ о торжественныхъ преніяхъ, когда они могутъ происходить только при противорѣчіяхъ.“

Затѣмъ г-нъ Налье напомнилъ, что не только исправительный процессъ начатъ по ошибкѣ, но что и аппелляція, поданная по вопросу предсудебному, имѣла слѣдствіемъ уничтоженіе рѣшенія. „Въ этомъ случаѣ,“ сказалъ онъ, „вы можете вспомнить о заключеніи Королевскаго Прокурора Субребо и о талантѣ, равняющемся силѣ и независимости мнѣнія, изложеннаго имъ по этому обстоятельству.“

Кромѣ того г-нъ Палье утверждалъ, что Генеральный Адвокатъ всегда находится въ обстоятельствахъ, соединяющихся съ обвиненіемъ; что рѣшеніе, постановленное по ошибкѣ Бривскими судьями, совершенно уничтожено; что слѣдовательно Ассизный Судъ не имѣетъ права заставлять выслушивать свидѣтелей о такихъ обстоятельствахъ, которыя составляютъ предметъ другаго процесса, подлежащаго другому, а не его разбирательству.

„Посмотрите," сказалъ онъ: „какой безпорядокъ произойдетъ отъ требованія Генеральнаго Адвоката.

„Обвиняемая будетъ обвиняться и защищаться по обстоятельствамъ, совершенно чуждымъ обвиненію, передъ судьями, которые на ея судьи. И Генеральный Адвокатъ, предупреждая будущность, и заранѣе собирая плоды тѣхъ свидѣтельствъ, которыя я отвергаю, представилъ намъ картину, составляющую не иное что, какъ замѣтный контрастъ между пышною похвалою семейству де-Николаи и жестокими, предосудительными выраженіями, которыя пали на голову обвиняемой. Вотъ, Милостивые Государи! положеніе, въ которомъ находится обвиняемая.

„А въ какое положеніе поставленъ судъ присяжныхъ? Намъ нужно его добросовѣстное вниманіе, и объ немъ-то мы его просимъ. Мы просимъ, чтобъ оно не было обращено на обстоятельства, чуждыя процессу. Мы желаемъ, чтобы событія были объяснены, обсужены по совѣсти. Но будетъ ли

это при такой системѣ? Дѣло, которое по ошибкѣ разсматривалось въ Бривѣ, занимало нѣсколько засѣданій, и въ продолженіе всѣхъ этихъ долгихъ преній объ алмазахъ присяжные должны были оставаться какъ бы пригвожденными къ своимъ скамейкамъ. Теперь они присутствуютъ въ видѣ простыхъ зрителей во время преній, между тѣмъ какъ пришли не для нихъ, теряя такимъ образомъ изъ виду главный предметъ обвиненія, который, по своей важности и сопровождающимъ его обстоятельствамъ, долженъ бы занять всѣ ихъ вниманіе. Вотъ положеніе, въ которое вы поставили присяжныхъ!

„Но мнѣ должно также упомянуть о томъ благородномъ и значительномъ семействѣ, на которое также обращено вниманіе. Я думаю, что при этомъ худо поняли его пользу. Знаете ли, въ какое положеніе оно поставлено? Какую роль хотятъ заставить его принять на себя? Это семейство есть только истецъ по дѣлу гражданскому, и между тѣмъ оно на насъ нападаетъ, въ немъ наши противники. Теперь всѣ перемѣнились ролями, и по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ это семейство сначала принимаетъ участіе въ дѣлѣ уголовномъ, а потомъ явится истцемъ по дѣлу гражданскому. Возможно ли это?

„Когда вы были столь неблагоразумны, что завели споръ объ алмазахъ, то можетъ ли семейство Николаи быть въ одно и то же время истцемъ и отвѣтчикомъ? Итакъ мнѣ кажется, что я лучше Генеральнаго Адвоката понимаю пользу законности

и нравственности, когда требую, чтобъ имена такихъ свидѣтелей были исключены изъ списка.

„Наконецъ, пусть не говорятъ, что мы уклонлемся отъ преній. Такія слова были бы несправедливы. Что касается до меня, то я уклоняюсь только отъ того, что мнѣ кажется незаконнымъ и противнымъ порядочному судопроизводству, потому что и мы также домогаемся отъ васъ истины, и просимъ ее у васъ добросовѣстно. Пусть начнутся потомъ пренія; пусть Генеральный Адвокатъ, котораго я вовсе не думаю принуждать къ молчанію, пусть Генеральный Адвокатъ начинаетъ, если хочетъ, пренія объ алмазахъ, пусть оспориваетъ извѣстныя начала, мы увидимъ. Я принимаю на себя обязанность слѣдовать за нимъ на это поприще и отвѣчать ему.“

Деку, Генеральный Адвокатъ. „Легко можно было предвидѣть то возраженіе, которое сейчасъ сдѣлано. Оно былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что происходило въ Бривѣ, а потомъ въ Тюллѣ. Обвиняемая очень хорошо знала, что это обвиненіе въ кражѣ алмазовъ весьма важно, что оно нанесетъ ей рѣшительный ударъ и отзовется при обвиненіи въ оправленіи. Сверхъ того, Милостивые Государи! сколько усилій, сколько хитростей (дозвольте мнѣ это выраженіе; я не хочу имъ никого обидѣть), сколько препятствій было употреблено для того, чтобъ остановить ходъ процесса; потому что знали, что въ этихъ преніяхъ есть нѣчто такое, что должно сильно отразиться въ уголовномъ процессѣ.

„Я не имѣю обязанности отвѣчать на всё то, что сказано было о ходѣ дѣла. Моя обязанность

состоитъ только въ томъ, чтобы защищать обвиненіе. Защита обвиняемой въ своемъ отчаянномъ положеніи дошла до того, что употребила орудіемъ своимъ клевету. Я могъ бы отдалить эти происшествія: онѣ мнѣ не нужны для убѣжденія суда присяжныхъ; но я не имѣю власти, не имѣю права жертвовать правосудіемъ, я долженъ представить суду присяжныхъ всѣ основанія моего убѣжденія, долженъ подбавить въ него чести. . . . Я не раскаиваюсь въ томъ, что употребилъ это слово: Генеральный Адвокатъ долженъ быть бдительнымъ защитникомъ общественныхъ выгодъ. А эти выгоды не составляются ли изъ совокупности всѣхъ выгодъ частныхъ лицъ? Общественная польза требуетъ, чтобы женщина не была поносима, обезславлена, чтобы семейство, пользующееся заслуженнымъ уваженіемъ, не было очернено.'

Послѣ этого Генеральный Адвокатъ утверждалъ, что сужденіе о составленіи списка свидѣтелей принадлежитъ ему. Онъ основывается на кассаціонномъ рѣшеніи 1836 года, въ которомъ сказано, что свидѣтели, слушанные въ судѣ уголовномъ, который потомъ окончень, могутъ быть снова выслушаны предъ судомъ присяжныхъ въ другомъ дѣлѣ, начатомъ противъ того же обвиняемаго. Онъ заключилъ тѣмъ, что отвергнулъ мнѣніе г-на Палье.

Въ одушевленномъ отвѣтѣ своемъ г-нъ Палье снова старался доказать справедливость своего мнѣнія.

Судъ удалился для совѣщанія, и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился къ засѣданію. Президентъ объявилъ, что прошеніе, предложенное отъ имени

обвиняемой, не можетъ быть уважено, и что слѣдуетъ приступить къ постепенному выслушиванію всѣхъ свидѣтелей, на которыхъ сослался Генеральный Адвокатъ.

Допросъ г-жи Лафаржъ въ присутствіи.

Президентъ спрашиваетъ г-жу Лафаржъ; она встаетъ съ трудомъ и отвѣчаетъ такимъ слабымъ голосомъ, что первыя слова ея съ трудомъ можно разслушать. Вскорѣ она ободряется и успокоивается, и ея отвѣты, произносимые слабымъ, но внятнымъ голосомъ, легко было записывать.

В. Чрезъ чье посредство устроена ваша свадьба? — О. Г-жа Гара говорила мнѣ о Лафаржѣ.

В. Но не было ли путъ какого посредника? — О. Не знаю, чрезъ чье посредство она устроена.

В. Не чрезъ посредство ли г-на Дефоа? — О. Объ этомъ ничего не знаю.

В. Правда ли, что во время поѣздки изъ Парижа въ Гландье, у васъ былъ заряженный пистолетъ? — О. Нѣтъ, не правда.

В. Какъ же вы это написали въ письмѣ, написанномъ къ вашему мужу по прибытіи въ Гландье? — О. Я была въ такомъ отчаяніи, такъ желала, чтобы Лафаржъ отпустилъ меня, что наговорила много непонятнаго и ложнаго, чтобы получить ..... (у обвиняемой какъ будто недоставало голосу).

В. Правда ли, что во время поѣздки вы приняли ядъ? — О. Нѣтъ, не правда.

В. Итакъ и это сказали вы съ отчаянія, въ которомъ находились? (Отвѣтъ обвиняемой не возможно было разслушать.)

Президентъ (обращаясь къ публикѣ). Слушатели должны наблюдать самое благоговѣйное молчаніе. Обвиняемая имѣетъ на это особенное право: она больна и ослабѣла; а надобно, чтобъ ее слышали. Я убѣждаю слушателей сдѣлать это изъ уваженія къ человѣчеству. (Установляется глубокое молчаніе.)

Палье. Обвиняемая проситъ у васъ позволенія сѣсть.

Президентъ (обращаясь къ обвиняемой). Садитесь. Вы говорите, что во время поѣздки у васъ не было заряженнаго пистолета, что вы никогда не запасались ядомъ; однакоже объ этомъ говорите вы сами въ своемъ письмѣ. Итакъ это слѣдствіе душевнаго безпокойства, въ которомъ вы находились по прибытіи въ Гландье? — О. Да.

В. Кто могъ произвести въ васъ такое ожесточеніе, какъ можете вы объяснить это письмо и обстоятельства, въ которыхъ оно отдано вашему мужу? — О. Прошу васъ о снисхожденіи. Я поѣхала на другой день свадьбы; я разсталась съ своимъ семействомъ, чувствовала, что оспалась одна въ свѣтѣ. Въ Орлеанѣ у меня съ мужемъ была весьма непріятная сцена . . . . .; потомъ во всю дорогу я была грустна. По прибытіи въ Гландье, я, вмѣсто красиваго сельскаго дома, которымъ меня манили, нашла ветхій, развалившійся домъ. Я увидѣла себя одну, заключенную въ большую комнату, которая

навсегда должна была быть моею. — Видите ли, я потеряла разсудокъ ..... Я имѣла въ мысляхъ путешествіе на Востокъ... Я думала обо всемъ этомъ.... противоположность .... воображеніе мое разгорячилось. Я чувствовала себя такъ несчастною, что отдала бы всё на свѣтѣ, чтобы только выйти изъ этого положенія.

В. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого письма, которое вы написали въ день прибытія своего въ Гландье, и которое такъ сильно огорчило Лафаржа и опечалило всё семейство, вы поѣхали въ Юзершъ, и поѣхали, чтобы быть на празденствѣ, или по крайней мѣрѣ случайно вы были на празднествѣ. Не послѣ ли этого празднества, которое должно бы было васъ нѣсколько успокоить, имѣли вы сильную ссору съ вашимъ мужемъ? — О. Я вовсе была чужда ссоры въ Юзершѣ.

В. Между тѣмъ изъ показаній свидѣтелей, которые будутъ выслушаны, видно, что вы были главною причиною этой ссоры, происшедшей отъ сопротивленія, страннаго въ женщинѣ умной, жившей въ свѣтѣ. Вы очень знаете, къ чему это относилось, и чего желалъ вашъ мужъ. Онъ хотѣлъ спать въ той же комнатѣ, въ которой вы легли. Ссора эта была такъ сильна, что мужъ вашъ сказалъ нѣсколько словъ, ясно доказывающихъ это. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сказалъ: „Если она въ самомъ дѣлѣ хочетъ сдѣлать то, чѣмъ угрожала, то я буду преслѣдовать ее въ самомъ Египтѣ.“ Значитъ, что вы угрожали ему чѣмъ нибудь важнымъ, ужаснымъ? Помните ли вы, что произошло? — О. Я никогда не угрожала Лафаржу въ этомъ смыслѣ. Онъ

хотѣлъ войти въ мою комнату, у которой дверь была заперта. Онъ просился войти въ выраженіяхъ неимовѣрныхъ, неслыханныхъ. Когда отворили дверь, я удалилась въ ближнюю комнату. Съ нимъ сдѣлался жестокій первическій припадокъ, отъ чего я долго страдала. На другой день онъ мнѣ признался, что странные поступки его со мною были слѣдствіемъ шампанскаго, выпитаго имъ въ излишествѣ. (Эти слова дѣлаютъ на слушателей сильное впечатлѣніе.)

В. Итакъ эта ссора произошла отъ вашего сопротивленія желаніямъ супруга; отъ того произошли и угрозы, которыя отъ васъ были слышны? — О. Я такъ испугалась, что не могла произнести никакой угрозы.

В. Итакъ поведеніе ваше по прибытіи въ Гландье было слѣдствіемъ ошибки при взглядѣ на жилище, которое безъ сомнѣнія не соотвѣтствовало надеждамъ, вамъ поданнымъ? — О. Да.

В. И это первое впечатлѣніе продолжалось до Юзерша. Вы обнаружили сильное желаніе удалиться отъ Лафаржа, большое къ нему отвращеніе: объясните же, отъ чего произошла большая перемѣна, оказавшаяся послѣ того въ сношеніяхъ вашихъ съ нимъ, и въ особенности даже сближеніе съ нимъ, изъявленія привязанности за тѣмъ послѣдовавшія? Отъ разсказаннаго теперь вами положенія дѣлъ до чувствъ, обнаруженныхъ вами въ вашемъ письмѣ, разстояніе безмѣрное? — О. Г-нъ Лафаржъ осыпалъ меня доказательствами своей привязанности. Онъ ко мнѣ былъ по возможности добръ. Это меня тронуло; я не могла сдѣлать ничего, кромѣ (обвиняе-

мая нѣсколько минутъ прiискивала въ умѣ прилич-ное выраженiе) исполненiя моихъ обязанностей, что-бы сдѣлать жизнь г-на Лафаржа счастливою. По-томъ я занялась моимъ домомъ. Гландье занималъ малѣйшую часть въ моей жизни. Мало по малу я почувствовала привязанность, уваженiе къ г-ну Ла-фаржу, и желала его сдѣлать счастливымъ.

В. Въ это время, когда произошла такая удив-ительная перемѣна въ вашихъ отношенiяхъ, не изъяснялъ ли вамъ г-нъ Лафаржъ своихъ способовъ выдѣлки желѣза, посредствомъ которыхъ онъ на-дѣялся поправить и увеличить свое состоянiе? — О. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ онъ дѣйствительно сооб-щилъ мнѣ объ этомъ изобрѣтенiи и о своихъ на-мѣренiяхъ.

В. Вы такъ умны, что можете всё понять; вы должны были составить себѣ понятiе объ э-томъ проэктѣ по разсказамъ вашего мужа; вы за-нимались вычисленiями? — О. Я думала, что г-нъ Лафаржъ, съ своими особенными средствами, какъ владѣтель желѣзнаго завода, можетъ извлечь много пользы изъ своего открытiя. Я видѣла въ этомъ для насъ прiятную будущность, и надѣялась чрезъ это увидѣться съ своимъ семействомъ. Я не много останавливалась на цифрахъ.

В. Между тѣмъ кажется впослѣдствiи вы бо-лѣе на нихъ останавливались, потому что въ пись-махъ ко многимъ изъ вашихъ родственниковъ вы изъяснялись въ громкихъ выраженiяхъ объ этомъ открытiи, которое будто бы должно было принес-ти огромныя выгоды. Вы вѣроятно не слегка смо-

трѣли на цифры, вами выписанныя; безъ сомнѣнія, вы это сдѣлали послѣ зрѣлаго размышленія? — О. Мужъ мой хотѣлъ въ это время занять денегъ у моихъ родственниковъ. Онъ прислалъ мнѣ планъ писемъ, которыя мнѣ должно было написать объ этомъ предметѣ. Я ихъ списала и отослала.

В. Стало быть эти письма не были выраженіемъ вашей собственной мысли; стало быть ваши расчеты были не иными чѣмъ, какъ слѣдствіемъ расчетовъ и предположеній г-на Лафаржа, чтобы достать ему денегъ, въ которыхъ онъ имѣлъ нужду? — О. Въ отношеніи къ мысли изобрѣтенія и его выгодъ, этотъ способъ казался мнѣ хорошимъ. Но что касается до цифръ, то объясненія ихъ мнѣ были доставлены.

В. Кто изъ васъ обоихъ первый сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу другаго? — О. Не могу сказать навѣрное, кто первый изъ насъ обоихъ сдѣлалъ завѣщаніе.

В. Не вы ли внушили Лафаржу мысль сдѣлать завѣщаніе въ вашу пользу, употребивъ въ посредники другое лице? — О. Не думаю; мнѣ помнится, что я свое завѣщаніе списала съ завѣщанія г-на Лафаржа. Я въ этомъ не совсѣмъ увѣрена, но такъ думаю. Я не повиновалась ни чьему внушенію; оба наши завѣщанія написаны въ одинъ день.

В. Лафаржево завѣщаніе вы тотчасъ же отослали къ вашему нотаріусу Легри? — О. Я отослала его спустя долгое время.

В. Перейдемъ къ другому ряду событій. Что побудило васъ, въ то время, когда мужъ вашъ дол-

женъ былъ вскорѣ возвратиться изъ Парижа, послать къ нему вашъ портретъ и пироги, какъ вы показываете, хотя въ обвиненіи утверждается, что посланъ только одинъ пирогъ? Что побудило васъ соединять съ этой посылкой столь замѣчательныя обстоятельства? — О. Посылка портрета была между нами дѣломъ условленнымъ. Когда г-нъ Лафаржъ изъявилъ мнѣ желаніе имѣть его, я отыскала живописца, чтобъ его сдѣлать. Это продолжалось нѣсколько дней; а какъ онъ желалъ имѣть его въ Парижѣ, то я и отослала его. Что же касается до пироговъ и до того, что въ этомъ было романическаго, я не знаю, какимъ образомъ изъяснить это. Въ самомъ дѣлѣ, это довольно смѣшно; но Лафаржъ былъ такъ добръ ко мнѣ, онъ показывалъ ко мнѣ столько привязанности, что я надѣялась доставить ему удовольствіе, какъ онъ доставилъ мнѣ удовольствіе, выпивъ половину моей яичной похлебки; это было одно и то же.

В. Для чего сказали вы, что посланные вами пироги онъ долженъ раздѣлить съ вашею сестрою? Вашей сестры не было тогда въ Парижѣ. — О. Признаюсь, что обстоятельство довольно смѣшно; но я думала, что она должна быть тамъ.

В. Какъ согласите вы ту пылкую нѣжность, которую вы изъявили къ своему мужу, ту какъ будто мистическую любовь, съ письмомъ весьма жестокимъ для супруга, написаннымъ вами по прибытіи въ Гландье? Какъ согласите вы ее со сценой, случившейся 24 Августа въ Юзершѣ? Довольно трудно понять такое превращеніе. — О. Я не вижу

никакого отношенія между сценой въ Юзершѣ и письмомъ, о которомъ вы говорите. Не я была причиною этой сцены: она кончилась очень дурно, но не я была тому виной.

В. Вы мнѣ не дали отвѣта, и я буду настаивать на моемъ вопросѣ. Какъ согласите вы ненависть, которую вы обнаруживали къ вашему супругу, съ нѣжностію, видною изъ письма, извѣщающаго о посылкѣ пироговъ, и изъ другихъ писемъ, вами къ нему писанныхъ? Изъ перваго письма легко видѣть, что между вами и супругомъ, вами избраннымъ, нѣтъ ничего общаго, ни въ отношеніи къ уму, ни въ отношеніи къ привязанности. Въ другихъ же письмахъ, напротивъ того, видно сердечное расположеніе, видно, что отъ полноты души и даже съ восторгомъ вы говорите съ супругомъ, съ которымъ соединены. Такое непостоянство можно только объяснить въ людяхъ не съ такимъ умомъ, какъ вы; но въ отношеніи къ вамъ это понять трудно. — О. Я отвѣчала уже, что заботливостію своею обо мнѣ г-нъ Лафаржъ пріобрѣлъ мое расположеніе. Дѣйствительно, я его любила, но не любовью, а чувствовала къ нему расположеніе. Онъ писалъ ко мнѣ страстныя письма, и я считала обязанностію, чтобы сдѣлать его счастливымъ, употреблять тотъ же языкъ.

В. Итакъ, по вашимъ словамъ, въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, мѣсто антипатіи, которую чувствовали вы къ вашему супругу, и которая доходила до того, что вы хотѣли скрыться въ Смирну, заступили чувства признательности и преданности? — О. Да. Вы знаете, что когда получишь нѣ-

жное, доброе письмо, то весьма бываешь расположенъ сдѣлать удовольствіе тому, кто изъявляетъ къ вамъ расположеніе, въ особенности же, когда пишетъ къ вамъ мужъ, и когда этого мужа хотятъ сдѣлать счастливымъ.

В. Теперь объяснитесь объ отсылкѣ пироговъ или пирога, потому что въ обвиненіи утверждаютъ, что только былъ одинъ пирогъ, величиною съ небольшую тарелку. Конечно, это простое сравненіе; но чрезъ это форма его всѣмъ дѣлается понятною. — О. Что вы хотите, чтобъ я сказала? Я могу только подтвердить сказанное мною. Я очень увѣрена, что сказала истину, утверждая, что положила въ ящикъ три или четыре небольшихъ пирога называемыхъ *choux*; я въ этомъ совершенно увѣрена.

В. Совершенно увѣрены? — О. Совершенно увѣрена.

В. Итакъ вы думаете, что свидѣтель, утверждавшій противное, свидѣтель, относительно котораго судъ изъявлялъ безпокойство по самой важности его показанія, сдѣлалъ показаніе недобросовѣстное? — О. Нѣтъ; но я говорю истину.

В. Кто дѣлалъ эти пироги? — О. Моя свекровь, (спохватясь) мать г-на Лафаржа.

В. Сама ли г-жа Лафаржъ ихъ дѣлала? — О. Думаю, что такъ; потому что наканунѣ я сама ее просила объ этомъ.

В. Не просили ли вы, чтобъ она написала письмо въ удостовѣреніе, что пироги сдѣланы ею? — О. Не припомню.

В. Если бы вы отвѣчали мнѣ утвердительно, то я спросилъ бы васъ, почему вы заставили сдѣлать ихъ руками, которыя должны были казаться самыми невинными, и не имѣли ли вы къ этому побужденія, которое легко понять? — О. Я отвѣчала то, что считаю истиннымъ. Я говорю о происшествіяхъ, какъ онѣ были. Мать г-на Лафаржа умѣла дѣлать пирожное; она всегда его для меня дѣлала.

В. Развѣ г-нъ Лафаржъ предпочтительно ѣлъ пироги, сдѣланные его матерью? — О. Нѣтъ.

В. Въ такомъ случаѣ удивительно, почему вы настаивали, чтобы непремѣнно она ихъ сдѣлала. Только посылка пироговъ отъ васъ могла его тронуть. Какая была нужда въ томъ, кто бы ихъ не дѣлалъ? — О. Дѣйствительно, я и не полагала въ этомъ никакой важности.

В. Правда ли, что послѣ того, какъ Лафаржъ получилъ посланный отъ васъ пирогъ, вы изъявили безпокойство, которое вы выдали за предчувствіе? — О. Г-нъ Лафаржъ писалъ ко мнѣ, что онъ боленъ, что у него головная боль. Я знала, что головныя боли его очень жестоки, что онѣ даже сопровождались иногда первическими припадками, которые неоднократно очень пугали меня. Такъ не удивительно, что я изъявляла безпокойство.

В. Не говорили ли вы нѣсколько разъ, что опасаетесь получить письмо съ черной печатью? — О. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ; я этого не говорила.

В. Подумайте хорошенько объ отрицаніи вами такихъ происшествій, которыя будутъ доказаны

свидѣтелями. Чтобъ уничтожить доказательство, недостаточно только отвергать его. Отрицанія недостаточно для того, чтобъ исключить произшествіе изъ уголовнаго слѣдствія. — О. Не припомню; это такое маловажное обстоятельство, что, по прошествіи десяти мѣсяцевъ, я не могу его съ точностію припомнить.

В. Не правда ли, что когда прихаживалъ факторъ, вы неоднократно вставали изъ-за стола, чтобъ итти самимъ получить письма? — О. Когда приходилъ факторъ, первымъ моимъ движеніемъ было итти къ нему на встрѣчу. Я получала множество писемъ; я каждый день получала ихъ отъ моихъ родственниковъ; это было однимъ изъ главныхъ моихъ удовольствій въ Гландье. Не удивительно, что я обнаружила такую поспѣшность.

В. Изъясните мнѣ три слѣдующія обстоятельства: Паранъ, единственный свидѣтель, объявляетъ, что пирожки, сдѣланные г-жею Лафаржъ, вы замѣнили большимъ пирогомъ величиною съ тарелку. За этимъ событіемъ слѣдуетъ отсылка и полученіе этого пирога, и то обстоятельство, что г-нъ Лафаржъ, поѣвъ его, очень сильно занемогъ ночью, съ нимъ сдѣлалась жестокая рвота; вотъ второе обстоятельство. Что же касается до третьяго обстоятельства, то его составляютъ тѣ предчувствія и опасенія, которыя вы обнаруживали то относительно тяжкой болѣзни вашего мужа, то относительно возможности получить письмо съ черной печатью. — О. Не помню, чтобъ я говорила, что опасаюсь получить письмо съ чер-

ной печатью. Что же касается до опасенія, которое я чувствовала, когда онъ мнѣ написалъ о своей болѣзни, то оно было очень естественно. Но я совершенно увѣрена въ томъ, что въ ящикъ я положила три пирога при дѣвицѣ Бренъ, моей двоюродной внучкѣ, г-жѣ Лафаржъ и моей горничной.

В. Если безпокойство ваше было такого рода, если его причиною была только головная боль, то для чего же вы хотѣли обмануть, и говорили объ этой болѣзни, когда знали, что съ нимъ была рвота? — О. Въ его письмѣ только упоминалось о головной боли, а не было сказано ни слова о рвотѣ.

В. Ящикъ отправленъ въ Парижъ въ ночь съ 16 на 17 Декабря. Я спрошу васъ, до этой отсылки не посылали ли вы за мышьякомъ къ какому аптекарю? — О. Да, я посылала за мышьякомъ; но не припомню времени, въ которое за нимъ посылала. Однажды, желая одѣться въ платье для верховой ѣзды, я къ величайшему неудовольствію увидѣла, что оно все изѣдено мышами, и тогда-то я приказала купить мышьяку.

В. Какъ изъясните вы мелочныя подробности, въ которыя вы входили, чтобы выпросить мышьяку, если хотѣли сдѣлать невинное употребленіе изъ такой вредной вещи? — О. Меня заставили съѣздить къ г-ну Эссартье съ свадебнымъ визитомъ, а потому, относясь къ нему съ просьбою, я полагала, что къ нему должно написать учтивѣе, нежели къ обыкновенному купцу, котораго просятъ о присылкѣ товара.

В. Я замѣчаю изъ этого письма, что вамъ хотѣлось устранить то безпокойство, которое

обыкновенно возбуждаетъ такого рода просьба. Вы, кажется, опасались, чтобы не подумали, что вы хотите отравить весь Лимузенъ? — О. Я объ этомъ хорошо не помню, и какъ вспомнить о такомъ происшествіи чрезъ десять мѣсяцовъ.

Президентъ. Впрочемъ вотъ это письмо.

„Господину Эссартье.

„Меня съѣли мыши, Милостивый государь! Чтобъ освободиться отъ нихъ, я употребляла бѣлилы, цѣлибуху, но ничто не помогло. Не поможите ли вы мнѣ, довѣрив немного мышьяку. Вы можете положиться на мое благоразуміе; я хочу его положить въ комнатѣ, въ которой, кромѣ былья, ничего нѣтъ.

„Мнѣ хотѣлось бы также получить немного липоваго и померанцоваго цвѣта.

„Примите и проч.

„Марія Лафаржъ де-Гландье.

„Мнѣ хотѣлось бы еще четвертку сладкаго миндалю.“

„Марія Лафаржъ къ г-ну Эссартье.

„Мой слуга очень глупо составилъ отраву для истребленія мышей; онъ сдѣлалъ ее такъ ивердою, такъ негодною, что г-нъ Барду написалъ мнѣ небольшой рецептъ, который я посылаю къ Вамъ, Милостивый Государь! для успокоенія Вашей совѣсти, и для того, чтобы вы не подумали, что я хочу истребить по крайней мѣрѣ весь Лимузенъ. . . . Мнѣ хотѣлось бы имѣть нѣсколько унцій Аравійской камеди въ порошкѣ; потрудитесь также, Милостивый Государь! прислать итогъ моего маленькаго долга, который конечно значительно увеличился.

„Примите и проч.

„Нельзя ли также прислать мнѣ настоя изъ цвѣта проскурняка, нѣсколько корней проскурняка и бѣлаго бульона? Мужъ мой не много болѣнъ: у него начинается ангина; но г-нъ Барду увѣряетъ меня, что причиною этому усталость отъ дороги, и что ему будетъ лучше, какъ скоро онъ успокоится.

„Марія Лафаржъ.“

Президентъ. Что вы на это скажите? — *Обвиняемая.* Признаюсь, что ничего не можетъ быть глупѣе; но объяснить не могу.

В. Вы видите, что языкъ, которымъ вы изъясняетесь въ письмахъ, очень страненъ для хозяйки дома. Кажется, проще было бы просто просить мышьяку для истребленія мышей, не принимая такихъ предосторожностей. Аптекари имѣютъ обыкновеніе вѣрить добрымъ намѣреніямъ тѣхъ, кого знаютъ. Не 15 ли Генваря возвратился г-нъ Лафаржъ изъ Парижа? — О. Да, я думаю, что такъ.

В. Не былъ ли онъ очень болѣнъ, и не жаловался ли на то, что въ продолженіе дороги его рвало? — О. Да.

В. Не вышли ли вы къ нему съ поспѣшностію на встрѣчу, и чрезъ нѣсколько времени не дали ли вы ему съѣсть трюфелей, послѣ которыхъ снова началась рвота? — О. Онъ легъ въ постель въ ту же минуту, когда пріѣхалъ, и я приказала подать себѣ обѣдать возлѣ него. Я ѣла живность; очень возможно, что онъ взялъ трюфель; но то вѣрно, что я не совѣтовала ѣсть ихъ. Я знаю, что трюфели очень вредны при рвотѣ.

В. Не знаете ли вы, что послѣ прюфлей съ нимъ была сильная рвота? — О. Я знаю, что рвота продолжалась.

В. Вы упреждаете, что съ нѣкотораго времени съ нимъ бывала рвота? — О. Да.

В. На другой день, когда мать г на Лафаржа занималась приготовленіемъ для своего сына промывательнаго, не приготовили ли вы питья, которое онъ принялъ съ отвращеніемъ, и не замѣтили ли на днѣ ложки остатка, который вы потомъ тщательно выперли, чтобъ его не оставалось? — О. Я увѣрена, что ложка вытерша не мною: она въ продолженіе получаса оставалась на каминѣ. Если же былъ какой остатокъ на днѣ ложки, такъ это камедь. Г-нъ Барду можетъ сказать, что я обыкновенно клала ее вездѣ. Можетъ статься, что это показалось ему непріятнымъ; но въ воспаленіяхъ это средство очень полезно.

В. Кажется, свидѣтели подтвердятъ, что вы тщательно выперли эту ложку? — О. Нѣтъ.

В. Это сомнительно. — О. Я ее оставила на каминѣ.

В. Достовѣрно, что Лафаржъ обнаружилъ отвращеніе; не понятно, почему камедь могла возбудить отвращеніе? — О. Г-нъ Лафаржъ хотѣлъ выпить холодной воды; ему ее налили, а я положила въ нее порошокъ камеди; это показалось ему противнымъ, потому что было немного густо.

В. 5 Генваря, когда болѣзнь Лафаржа усилилась, не посылали ли вы въ другой разъ за мышьякомъ къ г-ну Эссартье? — О. Я не припомню времени.

В. Вы просили у него дважды: въ первый разъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, въ другой разъ въ Генварѣ, по рецепту г-на Барду. Я замѣчу вамъ, что видя въ опасности своего мужа, вы, повидимому, занимались мелочными, второстепенными дѣлами, посылая покупать мышьяку. — О. Мыши производили такой шумъ въ комнатѣ г-на Лафаржа, что не давали ему спать. Онъ самъ просилъ мышьяку у г-на Барлу.

В. 9 Генваря, когда болѣзнь его увеличивалась, не посылали ли вы Дени, одного изъ служителей при заводѣ, опять за мышьякомъ въ Люберзакъ? — О. Да, посылала.

В. Не приказывали ли вы, чтобъ онъ объ этомъ не сказывалъ никому, а въ особенности матери Лафаржа? — О. Я никогда этого не приказывала. Я спросила этотъ мышьякъ чрезъ мою горничную, безъ всякой таинственности, въ которой я не имѣла нужды.

В. Когда Дени не принесъ мышьяку изъ Люберзака, не посылали ли вы его на другой день въ Бривъ? Не настаивали ли вы, чтобъ онъ непремѣнно принесъ его? — О. Не припомню этого обстоятельства. Знаю, что онъ принесъ мнѣ пакетъ мышьяку; можетъ быть, что и такъ; но я не могу въ точности разсказать объ этомъ обстоятельствѣ.

В. Когда этотъ служитель, по возвращеніи изъ Брива, не отдалъ вамъ мышьяку, не посылали ли вы его за нимъ въ Тюлль? Не повторено ли было приказаніе вашею горничною, и не хотѣли ли вы сами увѣриться въ ея точности? Не приказывали ли вы для этой цѣли позвать его къ себѣ въ комнату? — О. Нѣтъ. Я приказала моей горнич-

ной спросить, исполнилъ ли онъ мое порученіе, и онъ принесъ мнѣ мышьякъ въ мою комнату.

В. 10 Генваря, вечеромъ, не говорилъ ли кому-нибудь Дени объ отвращеніи своемъ къ этому препорученію? — О. Я вовсе не помню этихъ обстоятельствъ. Я знаю, что онъ мнѣ его отдалъ; вотъ все, что я могу сказать вамъ.

В. Итакъ вы утверждаете, что вы не требовали настоятельно во время его проскрипныхъ путешествій въ Бривъ, Тюлль и Люберзакъ? — О. Настоятельно вовсе не требовала.

В. Вы утверждаете, что не приказывали Дени молчать объ этомъ препорученіи предъ матерью Лафаржа? — О. Я никогда этого не говорила.

(Обвиняемая, отвѣчавшая до сихъ поръ слабымъ голосомъ, но совершенно ясно и понятно, на всѣ вопросы, повидимому, утомилась и вдругъ остановилась.)

Президентъ. Если вамъ нужно отдохнуть, я могу пріостановить на нѣкоторое время вашъ допросъ.

Обвиняемая. Я буду вамъ очень благодарна за это, господинъ Президентъ!

(Г-жа Лафаржъ, которой подали въ стаканѣ обыкновенное ея питье, состоящее, повидимому, изъ отвара травъ, съ минуту отдыхаетъ и нюхаетъ соли.)

В. Вотъ четыре требованія мышьяку въ четыре разныя эпохи? — О. Дважды я не требовала мышьяку отъ Дени.

В. Зачѣмъ было посылать за мышьякомъ къ разнымъ аптекарямъ и въ разныя мѣста, вмѣсто

того, чтобы взять его у г-на Эссартье? Естественнѣе было бы просить его у благонадежнаго человѣка, который васъ зналъ лучше, нежели у человѣка незнакомаго? — О. Увѣряю васъ, что съ моей стороны не было никакого расчета при такомъ разнообразіи лицъ и мѣстъ.

В. Вы приказали въ то же время купить Аравійской камеди въ порошкѣ? — О. У меня былъ ужасный насморкъ, во время котораго я всегда употребляю камедь; у меня ея не было, а потому я за ней и послала. Съ моей стороны не было другаго намѣренія, кромѣ того, чтобы получить Аравійской камеди.

В. Какое вещество положили вы въ яичную похлебку 11 Генваря утромъ, на другой день послѣ того, когда Денн принесъ вамъ мышьяку изъ Брива? — О. Я положила въ него то же самое вещество, ту же камедь въ порошкѣ, какую клала въ яичную похлебку, мною самою выпитую.

В. Объясните, почему, когда спросили васъ, какое это вещество, вы дали отвѣтъ уклончивый? Для чего вы сказали: „Здѣсь положенъ померанцовый цвѣтъ?“ — О. Я ничего подобнаго не отвѣчала. Я не говорила ни о порошкѣ, ни о померанцовомъ цвѣтѣ; я не имѣла причины скрываться. Я очень увѣрена, что сказала въ отвѣтъ правду; но не помню моего отвѣта.

В. Въ вашей компанѣ была кровать, на которой спала дѣвица Бренъ; она видѣла, какъ вы положили порошокъ въ яичную похлебку. Васъ спросили, что вы въ нее положили, и вы отвѣчали: „Въ него положено, а не я положила, померанце-

вой цвѣтъ", на что эта особа сказала вамъ, настаивая: „Нѣтъ ничего общаго между померанцевымъ цвѣтомъ и бѣлымъ порошкомъ." Тогда вы ничего не отвѣчали? — О. Я всѣмъ говорила, что клала въ питье г-на Лафаржа камедь.

В. Вашъ отвѣтъ не точенъ. — О. Не помню этого обстоятельства; оно такъ маловажно. . . .

В. Это обстоятельство не маловажно; оно вовсе не чуждо для процесса. Видятъ, что вы дѣйствуете тайственно; видятъ бѣлой порошокъ на яичной похлебкѣ; васъ спрашиваютъ объ этомъ бѣломъ порошкѣ, и вмѣсто того, чтобы отвѣчать на обстоятельство, лично до васъ касавшееся, вы только сказали: „Въ нее положенъ померанцевый цвѣтъ." — О. Но я этого не отвѣчала.

В. Вамъ возразили, что померанцевый цвѣтъ не бываетъ въ порошкѣ; вы не нашлись, что отвѣчать. — О. Нечего было отвѣчать, и потому я не отвѣчала. Впрочемъ я не припомню, дѣйствительно ли я не отвѣчала.

В. Что вы подмѣшали въ сухарную воду, приготовленную вами 11 Генваря? — О. Ту же самую камедь въ порошкѣ.

В. Для чего, когда вамъ замѣтили, что въ сухарной водѣ остался бѣлый порошокъ, вы налили въ стаканъ много воды и выпили всё однимъ глотокомъ? — О. Когда я чувствовала себя нездоровою, то всегда пивала сухарную воду; что я влила много воды, въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; я была очень больна и не принимала уже болѣе лекарства.

В. Когда вы выпили эту воду, не было ли съ вами сильной рвоты? — О. Со мной безпрестанно дѣлалась рвота; не проходило дня, чтобъ у меня ея не было.

В. 11 Генваря какое вещество подмѣшали вы въ красноватую воду, которую вы дали больному? — О. Я никогда не давала больному красноватой воды: камедь не кладется въ воду съ виномъ.

В. Это обстоятельство, какъ вамъ извѣстно, подтверждается обвиненіемъ. Оно представитъ противъ васъ доказательства, изъ которыхъ будетъ видно, что вы говорите неправду. — О. Я говорю правду.

В. Одинъ свидѣтель видѣлъ, что вы взяли стаканъ, пошли къ проспѣнку между двухъ оконъ, въ которомъ стоялъ комодъ; открыли верхній ящикъ въ этомъ комодѣ, и что-то положили въ этотъ стаканъ. — О. Въ верхнемъ ящикѣ этого комода были только гребни, щетки и другія тоалетныя вещи. Я никогда не клала камеди съ этими тоалетными вещами.

В. Утверждаютъ, что вы дали выпить больному ложку этой красноватой воды, и что онъ тотчасъ же вскричалъ: „Марія! отъ этого у меня жжетъ въ горлѣ“ А вы, обратясь къ дѣвицѣ Бренъ, отвѣчали на это: „Очень вѣрю этому: у него воспаленіе въ горлѣ, а ему даютъ вино.“ — О. Въ самомъ дѣлѣ, очень странно было бы давать больному въ его положеніи вино. Однажды г-нъ Барду положилъ ему въ горло кусочекъ квасцовъ, и онъ сказалъ: „Отъ этого меня жжетъ; я думаю, что

меня отравили.“ Я сама дала замѣтить г-ну Барду дѣйствіе квасцовъ.

В. Помните ли вы, что 11 Генваря вы приготовили сухарную воду и поставили ее на ночной столикъ? — О. Я только одинъ разъ приготовляла сухарную воду для г-на Лафаржа.

В. Говорено о баночкѣ, содержавшей въ себѣ бѣлой порошокъ. Что это за порошокъ былъ въ этой баночкѣ? — О. Я никогда не видала у себя такой баночки.

В. На это возразятъ вамъ свидѣтели. — О. Я никогда не видала баночки въ томъ ящикѣ, на которой указываютъ.

В. Итакъ вы утверждаете, что въ этой баночкѣ не было бѣлаго порошка? — О. Не было ни баночки, ни бѣлаго порошка; были только вещи, употребляемыя при тоалетѣ.

В. Между тѣмъ дѣвица Брепъ ясно замѣтила слѣдъ отъ бѣлаго порошка. — О. Я не говорю, чтобы слѣда не было, но даю замѣтить, что я уже не жила въ этой комнатѣ; я не видала его, не замѣтила; не могу дать относительно этого предмета никакого объясненія.

В. Когда дѣвица Эмма Путье провела ночь вмѣстѣ съ вами при Лафаржѣ, не положили ли вы (это было въ ночь съ 11 на 12 Генваря) щепоть бѣлаго порошка въ питье, приготовленное для вашего мужа? — О. Дѣвица Эмма Путье только однажды ночевала со мною; всегда же съ Лафаржемъ была или мать, или сестра его, или тетка. Я никогда не проводила ночи при больномъ одна съ дѣвицею Эммою Путье.

В. Не въ эту ли самую ночь, вы сами три раза давали больному питье? Не клали ли вы въ это питье бѣлаго порошка? — О. Я давала ему пить, какъ и другіе, и тогда только, когда онъ просилъ. Я никогда не подмѣшивала бѣлаго порошка въ его питье. Однажды, при дѣвицѣ Эмме Путье, я положила бѣлый порошокъ, а въ другой разъ положила камеди, какъ клала въ яичную похлебку.

В. Итакъ вы различаете бѣлой порошокъ отъ камеди въ порошкѣ: объяснитесь. — О. Я повторила вашъ вопросъ, не обративъ на него вниманія.

В. Я замѣтилъ вамъ это для того, чтобы не оставалось никакого двусмыслія. — О. Я никогда не употребляла никакого другаго порошка, кромѣ порошка камеди.

В. Въ лоскушкѣ фланели, которымъ терли Лафаржа, когда стали ее выпрясать, оказались частицы какого-то порошка, шероховатаго на ощупь. — О. Я не помню даже, видѣла ли я фланель, и никогда не терла г-на Лафаржа.

В. Были ли вы въ ту минуту, когда г-жа Лафаржъ, начавъ выпрясать эту фланель, увидѣла, что изъ нея сыпется бѣлый порошокъ, котораго частицы на ощупь казались шероховатыми? — О. Не помню этого.

В. Этотъ бѣлой порошокъ подвергнутъ разсмотрѣнію, и оказалось, что въ немъ былъ мышьякъ: можете ли объяснить, какимъ образомъ частицы мышьяка могли соединиться съ этой пилюлью? — О. Я даже не видала фланели, и не могу теперь ничего отвѣчать.

В. Объясните теперь (если, какъ вы утверждаете, вы не сдѣлали преступнаго употребленія изъ значительнаго количества мышьяку, вамъ отданнаго), какое невинное употребленіе съ невинною цѣлію сдѣлали вы изъ этого мышьяка? — О. Его употребили на составъ для истребленія мышей.

В. Какъ же случилось, что въ этомъ составѣ для истребленія мышей, приготовленномъ, по вашему приказанію, вашими служителями, не оказалось мышьяку? — О. Я этого не знаю.

В. Вы видѣли, что въ составѣ для истребленія мышей не найдено мышьяку? — О. Я ничего не знаю объ этомъ.

В. Извѣстно, что въ бумажкѣ, зарытой въ землю будто бы съ мышьякомъ, оказался содовый порошокъ. — О. Я получила отъ Денн бумагу, въ которой, полагала, находится мышьякъ; я отдала ее моей служанкѣ, и когда узнала, что эта бумага зарыта, я поняла, что это обстоятельство самое опасное для меня въ процессѣ. Теперь я спрашиваю, что видятъ въ ней: это меня болѣе не безпокоитъ.

В. Оканчивая объ этомъ предметѣ, я напомню вамъ, что химическими опытами доказано присутствіе яда во всѣхъ почти питьяхъ, къ которымъ вы прикасались, особенно въ день 11 Генваря. Ядъ былъ въ яичной похлебкѣ, въ сухарной водѣ, въ баночкѣ, въ кускѣ фланели. Ядъ былъ въ желудкѣ и въ жидкостяхъ, содержавшихся въ этомъ органѣ, между тѣмъ какъ въ составѣ, приготовленномъ для мышей, не было ничего ядовитаго, а найденъ только содовый порошокъ. Изъясните эту удивительную противоположность. Мышьякъ находятъ имен-

по шамъ, гдѣ, по вашимъ словамъ, нѣтъ ничего, кромѣ невиннаго, спасительнаго; напротивъ того шамъ, гдѣ, по вашему показанію, во множествѣ былъ мышьякъ, не находятъ ничего, кромѣ невинныхъ средствъ. — О. Если бъ я могла изъяснить это, то была бы признана невинною; я узнала бы тогда причину этому; но я не могу этого изъяснить, а потому-то и нахожусь здѣсь.

В. Не изъявляли ли вы постоянно желанія ухаживать за г-номъ Лафаржемъ и оставаться при немъ одной? — О. Я никогда не обнаруживала такого исключительнаго желанія.

В. Не произошло ли у васъ по этому предмету какого несогласія съ матерью г-на Лафаржа? — О. Однажды, когда я была съ моею свояченицею, я изъявила желаніе, чтобы моя свекровь удалилась. Моя свекровь сказала, что она не хочетъ удалиться. При этомъ случаѣ мы обмѣнялись словами немного колкими. Просьба моя клонилась къ тому, что она устала, что ей нужно успокоиться. Она уже просидѣла сряду восемь ночей, и я хотѣла, чтобъ она днемъ соснула нѣсколько часовъ.

В. Въ послѣдніе два дня своей жизни, г-нъ Лафаржъ не обращалъ ли на васъ взоры, въ которыхъ изображалось негодованіе? Не обнаруживалось ли въ немъ, при видѣ васъ, чувство отвращенія? Не испускалъ ли онъ иногда неясные звуки, изображавшіе, повидимому, ужасъ? Не наблюдалъ ли онъ глубокаго молчанія, когда вы съ нимъ говорили? Не жаловались ли вы на это нѣкоторымъ лицамъ? — О. Правда, Лафаржъ оказывалъ ко мнѣ совершенное равнодушіе. Когда я брала его за руку, онъ не пожималъ уже

моей руки. Признаюсь, что это поразило меня горестію. Я не могла себѣ дать отчета въ этомъ... Но теперь я очень понимаю... Я это замѣтила: онъ уже не имѣлъ при мнѣ этаго довольнаго счастливаго лица. Я говорила объ этомъ г-ну Барду.

В. Помните ли вы, что, говоря о Денн, вы сказали, что ему лучше бы жжечь мышьякъ, нежели зарывать его? — О. Собственно я этого не говорила; но когда узнала, что мышьякъ зарытъ, то дѣйствительно пришла въ отчаяніе; я очень чувствовала, что это ужасное противъ меня доказательство, но дѣлать было нечего.

В. Какъ изъясните вы спокойствіе, безстрастіе, обнаруженныя вами въ то время, когда всё вокругъ васъ плакало? — О. Этого не было.

В. Какъ изъясните вы разговоръ свой, во время котораго вы сказали, что онъ это дѣлаетъ для возбужденія о себѣ сожалѣнія? — О. Неужели вы думаете, чтобъ я могла сдѣлать подобную глупость? Я никогда этого не говорила. Это было бы или безчестно, или нелѣпо.

В. Такъ вы утверждаете, что никогда этого не говорили, и считаете это безчестнымъ? — О. Да.

В. Не учили ли вы вашу служанку, какъ отвѣчать? Словомъ, не продиктовали ли вы ей ея показанія, когда она была потребована къ слѣдствію? — О. Я никогда не учила мою служанку, какъ отвѣчать. Всё, что можно счесть наученіемъ, состояло въ томъ, что дѣвица Эмма Путье просила ее разсказать нѣкоторыя подробности объ этомъ дѣлѣ.

В. Не изъявляли ли вы впослѣдствіи досады на ея безпамятность? Не говорили ли вы: „Я трижды

повторила ей ея показаніе, и не смотря на то, она показала совсѣмъ другое.“ — О. Нѣтъ; эти слова сказаны были мнѣ дѣвицею Пупье.

В. Для чего при первомъ слѣдствіи въ Гландье, вы поспѣшили взять изъ рукъ Пупье письма, писанныя вами въ Парижѣ къ Лафаржу? — О. Эти письма были совершенно домашнія, и я заботилась, чтобъ ихъ не всѣ могли видѣть.

В. Въ числѣ этихъ писемъ не было ли и того, въ которомъ увѣдомляли вы г-на Лафаржа о посылкѣ пироговъ? — О. — Не было; я очень старалась его опыскать, но не нашла.

В. А для чего вы его искали? — О. Я была увѣрена, что послала три или четыре пирога; я обрадовалась бы нашедши доказательство объ отсылкѣ нѣсколькихъ пироговъ, въ то время, когда утверждаютъ, что я послала только одинъ.

В. Изъ показаній многихъ свидѣтелей видно, что вы изъявляли большое безпокойство во время изслѣдованія трупа вашего мужа. Вы передъ многими лицами обнаруживали большое нетерпѣніе узнать, найденъ ли ядъ во внутренностяхъ: что было причиною такой нетерпѣливости? — О. Врачи говорили, что онъ умеръ отъ гастрическаго воспаленія въ желудкѣ. Когда меня обвиняли въ такомъ ужасномъ дѣлѣ, я надѣялась, что Провидѣніе докажетъ, что врачи не ошиблись. Потому-то, во время изслѣдованія трупа, я посылала болѣе пятидесяти разъ освѣдомляться.

В. Не имѣете ли вы причинъ жаловаться на поступки съ вами вашего мужа? — О. Я уже отвѣчала на этотъ вопросъ.

В. До сихъ поръ въ обвиненіи утверждаютъ, что смерть Лафаржа произошла отъ отравленія. Не имѣете ли вы причинъ предполагать самоубійства? — О. Нисколько, г-нъ Президентъ!

В. Не думаете ли обвинять въ этомъ кого другаго? — О. Я никогда не обвиню никого въ такомъ безчестномъ поступкѣ; я столько перепесла, что не рѣшусь быть до такой степени жестокою къ другому.

В. Знаете ли вы, что Лафаржъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу своей матери? — О. Нѣтъ, г-нъ Президентъ!

Допросъ объ обстоятельствахъ, относящихся къ отравленію, кончился. Этотъ продолжительный допросъ, выдержанный г-жею Лафаржъ съ такимъ присутствіемъ духа и такимъ хладнокровіемъ, совершенно, повидимому, истощилъ ея силы; въ послѣднія минуты этого жестокаго испытанія, у ней не однократно прерывался голосъ. Не одинъ разъ она въ безпамятствѣ упадала на спинку своихъ креселъ, употребляя потомъ надъ собою большія усилія, чтобъ отвѣчать на вопросы Президента. Холодный потъ орошалъ ея лице и дѣлалъ еще очевиднѣе слѣды продолжительныхъ тѣлесныхъ и нравственныхъ страданій, которыя, въ продолженіе десяти мѣсяцевъ, присоединялись къ мукамъ заключенія.

Засѣданіе кончилось въ шесть часовъ вечера, и отложено до восьми часовъ завтрашняго дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе статуты, *Профессора И. Даниловича*..... ..... 1.

II. О Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича, *Кандидата Правъ Н. Калачева* ..... 47.

III. О казенныхъ подрядахъ и поставкахъ въ Россіи, до перваго ихъ преобразованія, *Профессора П. Рѣдкина*..... 161.

IV. О состояніи вопроса о смертной казни въ наше время въ Европѣ и Америкѣ, *Профессора С. Баршева* ..... 188.

V. Вопросъ о литературной собственности, съ точки зрѣнія Народнаго Права, *Адъюнкта-Профессора В. Лешкова*..... 222.

VI. О теоріяхъ владѣнія, *Кандидата Правъ К. Кавелина*..... 234.

VII. О Гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ, *Профессора П. Рѣдкина*..... 277.

VIII. Процессъ г-жи Лафаржъ ..... 343.

Юридическія записки будутъ издаваться безсрочно, отдѣльными томами, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый. Цѣна за томъ два рубля серебромъ.

00070400
ЮФ СПбГУ